

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Рэй Брэдбери. Марсианские хроники

THE MARTIAN CHRONICLES	"Марсианские хроники".
by Ray Bradbury	Рэй Брэдбери.
For my wife MARGUERITE with all my love	МОЕЙ ЖЕНЕ МАРГАРЕТ С ИСКРЕННЕЙ ЛЮБОВЬЮ
"It is good to renew one's wonder," said the philosopher.	"Великое дело - способность удивляться, - сказал философ.
"Space travel has again made children of us all."	- Космические полеты снова сделали всех нас детьми".
January 1999: ROCKET SUMMER	Январь 1999 Ракетное лето
One minute it was Ohio winter, with doors closed, windows locked, the panes blind with frost, icicles fringing every roof, children skiing on slopes, housewives lumbering like great black bears in their furs along the icy streets.	Только что была огайская зима: двери заперты, окна закрыты, стекла незрячие от изморози, все крыши оторочены сосульками, дети мчатся с горок на лыжах, женщины в шубах черными медведицами бредут по гололедным улицам.
And then a long wave of warmth crossed the small town. A flooding sea of hot air; it seemed as if someone had left a bakery door open.	И вдруг могучая волна тепла прокатилась по городку, вал горячего воздуха захлестнул его, будто нечаянно оставили открытой дверь пекарни.
The heat pulsed among the cottages and bushes and children.	Зной омывал дома, кусты, детей.
The icicles dropped, shattering, to melt.	Сосульки срывались с крыш, разбивались и таяли.
The doors flew open.	Двери распахнулись.
The windows flew up.	Окна раскрылись.
The children worked off their wool clothes.	Дети скинули свитера.
The housewives shed their bear disguises.	Мамаши сбросили медвежье обличье.
The snow dissolved and showed last summer's ancient green lawns.	Снег испарился, и на газонах показалась прошлогодняя жухлая трава.
Rocket summer.	Ракетное лето.
The words passed among the people in the open, airing houses. Rocket summer.	Из уст в уста с ветром из дома в открытый дом -два слова: Ракетное лето.
The warm desert air changing the frost patterns on the windows, erasing the art work.	Жаркий, как дыхание пустыни, воздух переиначивал морозные узоры на окнах, слизывал хрупкие кружева.
The skis and sleds suddenly useless.	Лыжи и санки вдруг стали не нужны.
The snow, falling from the cold sky upon the town, turned to a hot rain before it touched the ground.	Снег, падавший на городок с холодного неба, превращался в горячий дождь, не долетев до земли.
Rocket summer.	Ракетное лето.
People leaned from their dripping porches and	Высунувшись с веранд под дробную капель,

watched the reddening sky.	люди смотрели вверх на алеющее небо.
The rocket lay on the launching field, blowing out pink clouds of fire and oven heat.	Ракета стояла на космодроме, испуская розовые клубы огня и пекного жара.
The rocket stood in the cold wintar morning, making summer with every breath of its mighty exhausts.	В стуже зимнего утра ракета творила лето каждым выдохом своих мощных дюз.
The rocket made climates, and summer lay for a brief moment upon the land...	Ракета делала погоду, и на короткий миг во всей округе воцарилось лето...
February 1999: YLLA	Февраль 1999 Илла
They had a house of crystal pillars on the planet Mars by the edge of an empty sea, and every morning you could see Mrs. K eating the golden fruits that grew from the crystal walls, or cleaning the house with handfuls of magnetic dust which, taking all dirt with it, blew away on the hot wind.	Они жили на планете Марс, в доме с хрустальными колоннами, на берегу высохшего моря, и по утрам можно было видеть, как миссис К ест золотые плоды, растущие из хрустальных стен, или наводит чистоту, рассыпая пригоршнями магнитную пыль, которую горячий ветер уносил вместе с сором.
Afternoons, when the fossil sea was warm and motionless, and the wine trees stood stiff in the yard, and the little distant Martian bone town was all enclosed, and no one drifted out their doors, you could see Mr. K himself in his room, reading from a metal book with raised hieroglyphs over which he brushed his hand, as one might play a harp.	Под вечер, когда древнее море было недвижно и зноино, и винные деревья во дворе стояли в оцепенении, и старинный марсианский городок вдали весь уходил в себя и никто не выходил на улицу, мистера К можно было видеть в его комнате, где он читал металлическую книгу, перебирая пальцами выпуклые иероглифы, точно струны арфы.
And from the book, as his fingers stroked, a voice sang, a soft ancient voice, which told tales of when the sea was red steam on the shore and ancient men had carried clouds of metal insects and electric spiders into battle.	И книга пела под его рукой, певучий голос древности повествовал о той поре, когда море алым туманом застипало берега и древние шли на битву, вооруженные роями металлических шершней и электрических пауков.
Mr. and Mrs. K had lived by the dead sea for twenty years, and their ancestors had lived in the same house, which turned and followed the sun, flower-like, for ten centuries.	Мистер и миссис К двадцать лет прожили на берегу мертвого моря, и их отцы и деды тоже жили в этом доме, который поворачивался, подобно цветку, вслед за солнцем, вот уже десять веков.
Mr. and Mrs. K were not old.	Мистер и миссис К были еще совсем не старые.
They had the fair, brownish skin of the true Martian, the yellow coin eyes, the soft musical voices.	У них была чистая, смуглая кожа настоящих марсиан, глаза желтые, как золотые монеты, тихие мелодичные голоса.
Once they had liked painting pictures with chemical fire, swimming in the canals in the seasons when the wine trees filled them with green liquors, and talking into the dawn together by the blue phosphorous portraits in the speaking room.	Прежде они любили писать картины химическим пламенем, любили плавать в каналах в то время года, когда винные деревья наполняли их зеленою влагой, а потом до рассвета разговаривать под голубыми светящимися портретами в комнате для бесед.
They were not happy now.	Теперь они уже не были счастливы.
This morning Mrs. K stood between the pillars,	В то утро миссис К, словно вылепленная из

listening to the desert sands heat, melt into yellow wax, and seemingly run on the horizon.	желтого воска, стояла между колоннами, прислушиваясь к зною бесплодных песков, устремленная куда-то вдаль.
Something was going to happen.	Что-то должно было произойти.
She waited.	Она ждала.

She watched the blue sky of Mars as if it might at any moment grip in on itself, contract, and expel a shining miracle down upon the sand.	Она смотрела на голубое марсианское небо так, словно оно могло вот-вот поднатужиться, сжаться и истогнуть на песок сверкающее чудо.
Nothing happened.	Но все оставалось по-прежнему.
Tired of waiting, she walked through the misting pillars.	Истомившись ожиданием, она стала бродить между туманными колоннами.
A gentle rain sprang from the fluted pillar tops, cooling the scorched air, falling gently on her.	Из желобков в капителях заструился тихий дождь, охлаждая раскаленный воздух, гладя ее кожу.
On hot days it was like walking in a creek.	В жаркие дни это было все равно что войти в ручей.
The floors of the house glittered with cool streams.	Прохладные струи посеребрили полы.
In the distance she heard her husband playing his book steadily, his fingers never tired of the old songs.	Слышно было, как муж без устали играет на своей книге; древние напевы не приедались его пальцам.
Quietly she wished he might one day again spend as much time holding and touching her like a little harp as he did his incredible books.	Она подумала без волнения: он бы мог когда-нибудь подарить ей, как бывало прежде, столько же времени, обнимая ее, прикасаясь к ней, словно к маленькой арфе, как он прикасается к своим невозможным книгам.
But no.	Увы.
She shook her head, an imperceptible, forgiving shrug.	Она покачала головой, отрешенно пожала плечами, чуть-чуть.
Her eyelids closed softly down upon her golden eyes.	Веки мягко прикрыли золотистые глаза.
Marriage made people old and familiar, while still young.	Брак даже молодых людей делает старыми, давно знакомыми...
She lay back in a chair that moved to take her shape even as she moved.	Она опустилась в кресло, которое тотчас само приняло форму ее фигуры.
She closed her eyes tightly and nervously.	Она крепко, нервно зажмурилась.
The dream occurred.	И сон явился.
Her brown fingers trembled, came up, grasped at the air.	Смуглые пальцы вздрогнули, метнувшись вверх, ловя воздух.
A moment later she sat up, startled, gasping.	Мгновение спустя она испуганно выпрямилась в кресле, прерывисто дыша.
She glanced about swiftly, as if expecting someone there before her.	Она быстро обвела комнату взглядом, точно надеясь кого-то увидеть.
She seemed disappointed; the space between the pillars was empty.	Разочарование: между колоннами было пусто.
Her husband appeared in a triangular door.	В треугольной двери показался ее супруг.
"Did you call?" he asked irritably.	- Ты звала меня? - раздраженно спросил он.
"No!" she cried.	- Нет! - почти крикнула она.

"I thought I heard you cry out."	- Мне почудилось, ты кричала.
"Did I?"	- В самом деле?

I was almost asleep and had a dream!"	Я задремала и видела сон!
"In the daytime?"	- Днем?
You don't often do that."	Это с тобой не часто бывает.
She sat as if struck in the face by the dream.	Глаза ее говорили о том, что она ошеломлена сновидением.
"How strange, how very strange," she murmured.	- Странно, очень-очень странно, - пробормотала она.
"The dream."	- Этот сон...
"Oh?"	- Ну?
He evidently wished to return to his book.	- Ему явно не терпелось вернуться к книге.
"I dreamed about a man."	- Мне снился мужчина.
"A man?"	- Мужчина?
"A tall man, six feet one inch tall."	- Высокий мужчина, шесть футов один дюйм.
"How absurd; a giant, a misshapen giant."	- Что за нелепость: это же великан, урод.
"Somehow" - she tried the words - "he looked all right."	- Почему-то, - она медленно подбирала слова, - он не казался уродом.
In spite of being tall.	Несмотря на высокий рост.
And he had - oh, I know you'll think it silly - he had blue eyes!"	И у него - ах, я знаю, тебе это покажется вздором, - у него были голубые глаза!
"Blue eyes! Gods!" cried Mr. K.	- Голубые глаза! - воскликнул мистер К. - О боги!
"What'll you dream next?"	Что тебе приснится в следующий раз?
I suppose he had black hair?"	Ты еще скажешь - черные волосы?
"How did you guess?" She was excited.	- Как ты угадал?! - воскликнула она.
"I picked the most unlikely color," he replied coldly.	- Просто назвал наименее правдоподобный цвет, -сухо ответил он.
"Well, black it was!" she cried.	- Да, черные волосы! - крикнула она.
"And he had a very white skin; oh, he was most unusual!"	- И очень белая кожа. Совершенно необычайный мужчина!
He was dressed in a strange uniform and he came down out of the sky and spoke pleasantly to me."	На нем была странная одежда, и он спустился с неба и ласково говорил со мной.
She smiled.	Она улыбалась.
"Out of the sky; what nonsense!"	- С неба - какая чушь!
"He came in a metal thing that glittered in the sun," she remembered.	- Он прилетел в металлической машине, которая сверкала на солнце, - вспоминала миссис К.
She closed her eyes to shape it again.	Она закрыла глаза, чтобы воссоздать видение.
"I dreamed there was the sky and something sparkled like a coin thrown into the air, and suddenly it grew large and fell down softly to land, a long silver craft, round and alien.	- Мне снилось небо, и что-то блеснуло, будто подброшенная в воздух монета, потом стало больше, больше и плавно опустилось на землю, -это был длинный серебристый корабль, круглый, чужой корабль.

And a door opened in the side of the silver object and this tall man stepped out."	Потом сбоку отворилась дверь и вышел этот высокий мужчина.
"If you worked harder you wouldn't have these	- Работала бы побольше, тебе не снились бы

silly dreams."	такие дурацкие сны.
"I rather enjoyed it," she replied, lying back.	- А мне он понравился, - ответила она, откидываясь в кресле.
"I never suspected myself of such an imagination.	- Никогда не подозревала, что у меня такое воображение.
Black hair, blue eyes, and white skin!	Черные волосы, голубые глаза, белая кожа!
What a strange man, and yet - quite handsome."	Какой странный мужчина - и, однако, очень красивый.
"Wishful thinking."	- Самовнушение.
"You're unkind.	- Ты недобрый.
I didn't think him up on purpose; he just came in my mind while I drowsed.	Я вовсе не придумала его намеренно, он сам явился мне, когда я задремала.
It wasn't like a dream.	Даже не похоже на сон.
It was so unexpected and different. He looked at me and he said,	Так неожиданно, необычно... Он посмотрел на меня и сказал:
"I've come from the third planet in my ship.	"Я прилетел на этом корабле с третьей планеты.
My name is Nathaniel York - ""	Меня зовут Натаниэл Йорк..."
"A stupid name; it's no name at all," objected the husband.	- Нелепое имя, - возразил супруг. - Таких вообще не бывает.
"Of course it's stupid, because it's a dream," she explained softly.	- Конечно, нелепое, ведь это был сон, - покорно согласилась она.
"And he said,	- Еще он сказал:
"This is the first trip across space.	"Это первый полет через космос.
There are only two of us in our ship, myself and my friend Bert.""	Нас всего двое в корабле - я и мой друг Берт".
"Another stupid name."	- Еще одно нелепое имя.
"And he said, "We're from a city on Earth; that's the name of our planet,"" continued Mrs. K.	- Он сказал: "Мы из города на Земле, так называется наша планета", - продолжала миссис К.
"That's what he said.	- Это его слова.
"Earth" was the name he spoke.	Так и сказал - Земля.
And he used another language.	И говорил он не на нашем языке.
Somehow I understood him.	Но я каким-то образом понимала его.
With my mind.	В уме.
Telepathy, I suppose."	Телепатия, очевидно.
Mr. K turned away.	Мистер К отвернулся.
She stopped him with a word.	Ее голос остановил его.

"Yll?" she called quietly.	- Илл! - тихо позвала она.
"Do you ever wonder if - well, if there are people living on the third planet?"	- Ты никогда не задумывался... ну... есть ли люди на третьей планете?
"The third planet is incapable of supporting life," stated the husband patiently.	- На третьей планете жизнь невозможна, - терпеливо разъяснил супруг.
"Our scientists have said there's far too much oxygen in their atmosphere."	- Наши ученыe установили, что в тамошней атмосфере слишком много кислорода.
"But wouldn't it be fascinating if there were people?"	- А как было бы чудесно, если бы там жили люди!
And they traveled through space in some sort of ship?"	И умели путешествовать через космос на каких-нибудь особенных кораблях.
"Really, Ylla, you know how I hate this	- Вот что, Илла, ты отлично знаешь, я

emotional wailing.	ненавижу эту сентиментальную болтовню.
Let's get on with our work."	Займемся лучше делом.
It was late in the day when she began singing the song as she moved among the whispering pillars of rain.	Близился вечер, когда она, ступая между колоннами, источающими дождь, запела.
She sang it over and over again.	Один и тот же мотив, снова и снова.
"What's that song?" snapped her husband at last, walking in to sit at the fire table.	- Что это за песня? - рявкнул в конце концов супруг, проходя к огненному столу.
"I don't know."	- Не знаю.
She looked up, surprised at herself.	Она подняла на него глаза, удивляясь сама себе.
She put her hand to her mouth, unbelieving.	Озадаченно поднесла ко рту руку.
The sun was setting. The house was closing itself in, like a giant flower, with the passing of light.	Солнце садилось, и по мере того, как дневной свет угасал, дом закрывался, будто огромный цветок.
A wind blew among the pillars; the fire table bubbled its fierce pool of silver lava.	Между колоннами подул ветерок, на огненном столе жарко бурлило озерко серебристой лавы.
The wind stirred her russet hair, crooning softly in her ears.	Ветер перебирал кирпичные волосы миссис К, тихонько шепча ей на ухо.
She stood silently looking out into the great sallow distances of sea bottom, as if recalling something, her yellow eyes soft and moist,	Она молча стояла, устремив затуманившийся взор золотистых глаз вдаль, на бледно-желтую гладь морского дна, словно вспоминая что-то.
"Drink to me only with thine eyes, and I will pledge with mine," she sang, softly, quietly, slowly.	Г лазами тост произнеси, И я отвечу взглядом, -запела она тихо, медленно, нежно.
"Or leave a kiss within the cup, and I'll not ask for wine."	Иль край бокала поцелуй - И мне вина не надо. [1]
She hummed now, moving her hands in the wind ever so lightly, her eyes shut.	Миссис К повторила мелодию, уже без слов, закрыв глаза, и руки ее словно порхали по ветру.
She finished the song.	Наконец она умолкла.
It was very beautiful.	Мелодия была прекрасна.
"Never heard that song before.	- Впервые слышу эту песню.
Did you compose it?" he inquired, his eyes sharp.	Ты сама ее сочинила? - строго спросил он, испытующе глядя на нее.

"No, Yes.	- Нет. Да.
No, I don't know, really!"	Право, не знаю!
She hesitated wildly.	- Она была в смятении.
"I don't even know what the words are; they're another language!"	- Я даже не понимаю слов, это другой язык!
"What language?"	- Какой язык?
She dropped portions of meat numbly into the simmering lava.	Она машинально бросала куски мяса в кипящую лаву.
"I don't know."	- Не знаю.
She drew the meat forth a moment later, cooked, served on a plate for him.	- Через мгновение мясо было готово, она извлекла его из огня и подала мужу на тарелке.
"It's just a crazy thing I made up, I guess.	- Ах, наверно, я просто придумала весь этот

	вздор, только и всего.
I don't know why."	Сама не понимаю почему.
He said nothing.	Он ничего не сказал.
He watched her drown meats in the hissing fire pool.	Смотрел, как она погружает мясо в шипящую огненную лужицу.
The sun was gone.	Солнце скрылось.
Slowly, slowly the night came in to fill the room, swallowing the pillars and both of them, like a dark wine poured to the ceiling.	Медленно-медленно вошла в комнату ночь, темным вином заполнила ее до потолка, поглотив колонны и их двоих.
Only the silver lava's glow lit their faces.	Лишь отблески серебристой лавы озаряли лица.
She hummed the strange song again.	Она снова стала напевать странную песню.
Instantly he leaped from his chair and stalked angrily from the room.	Он вскочил со стула и гневно прошествовал к двери.
Later, in isolation, he finished supper.	Позднее он доел ужин один.
When he arose he stretched, glanced at her, and suggested, yawning,	Встав из-за стола, потянулся, поглядел на нее и, зевая, предложил:
"Let's take the flame birds to town tonight to see an entertainment."	- Съездим на огненных птицах в город, развлечемся?
"You don't mean it?" she said.	- Ты серьезно? - спросила она.
"Are you feeling well?"	- Ты не заболел?
"What's so strange about that?"	- А что тут странного?
"But we haven't gone for an entertainment in six months!"	- Но мы уже полгода нигде не были!
"I think it's a good idea."	- По-моему, неплохая мысль.
"Suddenly you're so solicitous," she said.	- С чего это вдруг ты так заботлив?
"Don't talk that way," he replied peevishly.	- Ну, хватит, - брюзгливо бросил он.
"Do you or do you not want to go?"	- Поедешь или нет?

She looked out at the pale desert.	Она посмотрела на седую пустыню.
The twin white moons were rising.	Две белые луны вышли из-за горизонта.
Cool water ran softly about her toes.	Прохладная вода гладила пальцы ног.
She began to tremble just the least bit.	Легкая дрожь пробежала по ее телу.
She wanted very much to sit quietly here, soundless, not moving until this thing occurred, this thing expected all day, this thing that could not occur but might. A drift of song brushed through her mind.	Больше всего ей хотелось остаться здесь, сидеть тихо, беззвучно, неподвижно, пока не свершится то, чего она ждала весь день, то, что не должно было произойти и все же могло, могло случиться... Душа встрепенулась от нежного прикосновения песни.
"I - - "	- Я...
"Do you good," he urged.	- Для тебя же лучше, - настаивал он.
"Come along now."	- Поехали.
"I'm tired," she said.	- Я устала, - ответила она.
"Some other night."	- Как-нибудь в другой раз.
"Here's your scarf."	- Вот твой шарф.
He handed her a phial.	- Он подал ей флакон.
"We haven't gone anywhere in months."	- Мы уже который месяц никуда не выезжали.
"Except you, twice a week to Xi City."	- Если не считать твоих поездок в Кси-Сити два раза в неделю.

She wouldn't look at him.	- Она избегала глядеть на него.
"Business," he said.	- Дела, - сказал он.
"Oh?" She whispered to herself.	- Дела? - прошептала она.
From the phial a liquid poured, turned to blue mist, settled about her neck, quivering.	Из флакона брызнула жидкость, превратилась в голубую мглу и, трепеща, обвилась вокруг ее шеи.
The flame birds waited, like a bed of coals, glowing on the cool smooth sands.	На ровном прохладном песке, светясь, словно раскаленные угли, ожидали огненные птицы.
The white canopy ballooned on the night wind, flapping softly, tied by a thousand green ribbons to the birds.	Надуваемый ночным ветром, в воздухе плескался белый балдахин, множеством зеленых лент привязанный к птицам.
Ylla laid herself back in the canopy and, at a word from her husband, the birds leaped, burning, toward the dark sky, The ribbons tautened, the canopy lifted.	Илла легла под балдахин, и по приказу ее мужа пылающие птицы взметнулись к темному небу. Ленты натянулись, балдахин взмыл в воздух.
The sand slid whining under; the blue hills drifted by, drifted by, leaving their home behind, the raining pillars, the caged flowers, the singing books, the whispering floor creeks.	Взвизгнув, ушли вниз пески; мимо, мимо потянулись голубые холмы, оттеснив назад их дом, колонны, источающие дождь, цветы в клетках, поющие книги, тихие ручейки на полу.
She did not look at her husband.	Она не глядела на мужа.

She heard him crying out to the birds as they rose higher, like ten thousand hot sparkles, so many red-yellow fireworks in the heavens, tugging the canopy like a flower petal, burning through the wind.	Ей было слышно, как он покрикивал на птиц, а те взвивались все выше, летя, словно тысячи каленых искр, словно багрово-желтый фейерверк, все дальше в небо, увлекая за собой сквозь ветер балдахин - трепещущий белый лепесток.
She didn't watch the dead, ancient bone-chess cities slide under, or the old canals filled with emptiness and dreams.	Она не смотрела на мелькающие внизу древние мертвые города, на дома - словно вырезанные из кости шахматы, не смотрела на древние каналы, наполненные пустотой и грезами.
Past dry rivers and dry lakes they flew, like a shadow of the moon, like a torch burning.	Над высохшими реками и сухими озерами пролетали они, будто лунный блик, будто горящий факел.
She watched only the sky.	Она глядела только на небо.
The husband spoke.	Муж что-то сказал.
She watched the sky.	Она глядела на небо.
"Did you hear what I said?"	- Ты слышала, что я сказал?
"What?"	- Что?
He exhaled.	Он шумно выдохнул.
"You might pay attention."	- Могла бы быть повнимательнее.
"I was thinking."	- Я задумалась.
"I never thought you were a nature lover, but you're certainly interested in the sky tonight," he said.	- Никогда не знал, что ты такая любительница природы. Сегодня ты просто не отрываешь глаз от неба, - сказал он.
"It's very beautiful."	- Оно очень красиво.
"I was figuring," said the husband slowly.	- Я вот о чем подумал, - медленно продолжал супруг.

"I thought I'd call Hulle tonight.	- Не позвонить ли сегодня Халлу?
I'd like to talk to him about us spending some time, oh, only a week or so, in the Blue Mountains.	Договориться, что мы приедем - на недельку, не больше! - к ним в Голубые горы.
It's just an idea - "	Чем не идея?..
"The Blue Mountains!"	- Голубые горы!
She held to the canopy rim with one hand, turning swiftly toward him.	- Она схватилась одной рукой за край балдахина и резко повернулась к нему.
"Oh, it's just a suggestion."	- Я ведь только предлагаю.
"When do you want to go?" she asked, trembling.	- И когда ты думаешь ехать? - нервно спросила она.
"I thought we might leave tomorrow morning.	- Да можно отправиться хоть завтра утром, - подчеркнуто небрежно бросил он.
You know, an early start and all that," he said very casually.	- Сама знаешь: раньше начнешь, скорее...
"But we never go this early in the year!"	- Но мы еще никогда не уезжали так рано!

"Just this once, I thought - " He smiled.	- Ну, в этом году в виде исключения... - Он улыбнулся.
"Do us good to get away.	- Нам полезно переменить обстановку.
Some peace and quiet.	Пожить в тиши, в покое.
You know.	Словом, сама понимаешь.
You haven't anything else planned?	У тебя ведь нет других планов?
We'll go, won't we?"	Поедем, решено?
She took a breath, waited, and then replied,	Она вздохнула, помедлила, потом ответила:
"No."	- Нет.
"What?"	- Что?
His cry startled the birds.	- Его возглас испугал птиц.
The canopy jerked.	Балдахин дернулся.
"No," she said firmly.	- Нет, - твердо сказала она.
"It's settled. I won't go."	- Я не поеду.
He looked at her.	Он посмотрел на нее.
They did not speak after that.	Разговор был окончен.
She turned away.	Она отвернулась.
The birds flew on, ten thousand firebrands down the wind.	Птицы летели дальше - десять тысяч гонимых ветром угольков.
In the dawn the sun, through the crystal pillars, melted the fog that supported Ylla as she slept.	На рассвете солнце, пронизав лучами хрустальные колонны, растворило туман, на котором покоялась спящая Илла.
All night she had hung above the floor, buoyed by the soft carpeting of mist that poured from the walls when she lay down to rest.	Всю ночь она парила над полом, как бы плавая на мягкому ложе из тумана, который пролился из стен, едва Илла прилегла.
All night she had slept on this silent river, like a boat upon a soundless tide.	Всю ночь она проспала на этой неподвижной реке, точно член среди немого потока.
Now the fog burned away, the mist level lowered until she was deposited upon the shore of wakening.	Теперь туман улетучивался, и наконец река спала, оставив Иллу на берегу пробуждения.
She opened her eyes.	Она открыла глаза.
Her husband stood over her.	Над ней стоял муж.
He looked as if he had stood there for hours, watching.	Было похоже, что он стоит тут, наблюдая, уже не один час.

She did not know why, but she could not look him in the face.	Почему-то Илла не могла смотреть ему в глаза.
"You've been dreaming again!" he said.	- Тебе опять снился этот сон! - сказал он.
"You spoke out and kept me awake.	- Ты разговаривала, не давала мне уснуть.
I really think you should see a doctor."	Тебе непременно надо показаться врачу.
"I'll be all right."	- Ничего со мной не случится.

"You talked a lot in your sleep!"	- Ты много говорила во сне!
"Did I?"	- Да?
She started up.	- Она поспешила сесть.
Dawn was cold in the room.	В комнате было холодно.
A gray light filled her as she lay there.	Серый утренний свет проявил черты Иллы.
"What was your dream?"	- Что тебе снилось?
She had to think a moment to remember.	Она молчала, вспоминая.
"The ship.	- Корабль.
It came from the sky again, landed, and the tall man stepped out and talked to me, telling me little jokes, laughing, and it was pleasant."	Он снова спустился с неба, и из него вышел высокий человек и заговорил со мной. Он шутил, смеялся, и мне было хорошо.
Mr. K touched a pillar.	Мистер К коснулся рукой колонны.
Founts of warm water leaped up, steaming; the chill vanished from the room.	Окутанные паром струйки теплой воды вытеснили холодок из комнаты.
Mr. K's face was impassive.	Лицо мистера К было бесстрастно.
"And then," she said, "this man, who said his strange name was Nathaniel York, told me I was beautiful and - and kissed me."	- А потом, - продолжала она, - этот мужчина, у которого такое странное имя - Натаниел Йорк, сказал что я прекрасна, и... и поцеловал меня.
"Ha!" cried the husband, turning violently away, his jaw working.	- Ха! - крикнул муж и отвернулся, играя желваками.
"It's only a dream."	- Но это всего лишь сон.
She was amused.	- Ей стало весело.
"Keep your silly, feminine dreams to yourself!"	- Ну и помалкивай про свои нелепые женские сны.
"You're acting like a child."	- Ты ведешь себя, как ребенок.
She lapsed back upon the few remaining remnants of chemical mist.	Она откинулась на последние ключья химического тумана.
After a moment she laughed softly.	Мгновение спустя тихо рассмеялась.
"I thought of some more of the dream," she confessed.	- Я еще что-то вспомнила, - призналась она.
"Well, what is it, what is it?" he shouted.	- Ну, что, говори, что! - вскричал муж.
"Yll, you're so bad-tempered."	- Илл, ты такой раздражительный!
"Tell me!" he demanded.	- Говори! - потребовал он.
"You can't keep secrets from me!"	- У тебя не должно быть секретов от меня!
His face was dark and rigid as he stood over her.	На нее смотрело сверху его мрачное, суровое лицо.
"I've never seen you this way," she replied, half shocked, half entertained.	- Я никогда не видела тебя таким, - ответила Илла, ей было и страшно и забавно.

"All that happened was this Nathaniel York person told me - well, he told me that he'd take me away into his ship, into the sky with him, and take me back to his planet with him.	- Ничего такого не было, просто этот Натаниел Йорк сказал... словом, он сказал мне, что увезет меня на своем корабле, увезет на небеса, возьмет меня с собой на свою
--	--

	планету.
It's really quite ridiculous."	Конечно, чепуха...
"Ridiculous, is it!" he almost screamed.	- Вот именно, чепуха! - Он едва не сорвал голос.
"You should have heard yourself, fawning on him, talking to him, singing with him, oh gods, all night; you should have heard yourself!"	- Ты бы послушала себя со стороны: заигрывать с ним разговаривать с ним, петь с ним, и так всю ночь напролет, о боги! Послушала бы себя!
"Yll!"	- Илл!
"When's he landing?	- Когда он сядет?
Where's he coming down with his damned ship?"	Где он опустится на своем проклятом корабле?
"Yll, lower your voice."	- Илл, не повышай голос.
"Voice be damned!" He bent stiffly over her.	- К черту мой голос! - он в гневе наклонился на неё.
"And in this dream" - he seized her wrist - "didn't the ship land over in Green Valley, didn't it?"	- В этом твоем сне... - он стиснул ее запястье, -корабль сел в Зеленой долине, да?
Answer me!"	Отвечай!
"Why, yes - "	- Ну, в долине...
"And it landed this afternoon, didn't it?" he kept at her.	- Сел сегодня, под вечер, да? - не унимался он.
"Yes, yes, I think so, yes, but only in a dream!"	- Да, да, кажется, так. Но это же только сон!
"Well" - he flung her hand away stiffly - "it's good you're truthful!"	- Ладно. - Он сердито отбросил ее руку. -Хорошо, что ты не лжешь!
I heard every word you said in your sleep.	Я слышал все, что ты говорила во сне, каждое слово.
You mentioned the valley and the time."	Ты сама назвала и долину, и время.
Breathing hard, he walked between the pillars like a man blinded by a lightning bolt.	Тяжело дыша, он побредел между колоннами, будто ослепленный молнией.
Slowly his breath returned.	Постепенно его дыхание успокоилось.
She watched him as if he were quite insane.	Она не отрывала от него глаз - уж не сошел ли он с ума!..
She arose finally and went to him.	Наконец встала и подошла к нему.
"Yll," she whispered.	- Илл, - прошептала она.
"I'm all right."	- Ничего, ничего...
"You're sick."	- Ты болен.
"No."	- Нет.
He forced a tired smile.	- Он устало, через силу улыбнулся.
"Just childish."	- Ребячество, только и всего.
Forgive me, darling."	Прости меня, дорогая.

He gave her a rough pat.	- Он грубо погладил ее.
"Too much work lately.	- Заработался.
I'm sorry.	Извини.
I think I'll lie down awhile - "	Я, пожалуй, пойду, прилягу...
"You were so excited."	- Ты так вспылил.
"I'm all right now.	- Теперь все прошло.
Fine."	Прошло.
He exhaled.	- Он перевел дух.
"Let's forget it.	- Забудем об этом.

Say, I heard a joke about Uel yesterday, I meant to tell you.	Да, я вчера слышал анекдот про Уэла, хотел тебе рассказать.
What do you say you fix breakfast, I'll tell the joke, and let's not talk about all this."	Ты приготовишь завтрак, я расскажу анекдот, а об этом больше не будем говорить, ладно?
"It was only a dream."	- Это был только сон.
"Of course," He kissed her cheek mechanically.	- Разумеется. - Он машинально поцеловал ее в щеку.
"Only a dream."	- Только сон.
At noon the sun was high and hot and the hills shimmered in the light.	В полдень солнце палило, и очертания гор струились в его лучах.
"Aren't you going to town?" asked Ylla.	- Ты не поедешь в город? - спросила Илла.
"Town?" he raised his brows faintly.	- В город? - Его брови чуть поднялись.
"This is the day you always go."	- Ты всегда уезжаешь в этот день.
She adjusted a flower cage on its pedestal.	- Она поправила цветочную клетку на подставке.
The flowers stirred, opening their hungry yellow mouths.	Цветы зашевелились и раскрыли голодные желтые рты.
He closed his book.	Он захлопнул книгу.
"No."	- Нет.
It's too hot, and it's late."	Слишком жарко. И поздно.
"Oh."	- Вот как.
She finished her task and moved toward the door.	- Она закончила свое дело и пошла к двери.
"Well, I'll be back soon."	- Я скоро вернусь.
"Wait a minute!"	- Постой!
Where are you going?"	Ты куда?
She was in the door swiftly.	Она была уже в дверях.
"Over to Pao's.	- К Пао.
She invited me!"	Она пригласила меня!
"Today?"	- Сегодня?

"I haven't seen her in a long time.	- Я ее сто лет не видела.
It's only a little way."	Это же недалеко.
"Over in Green Valley, isn't it?"	- В Зеленой долине, если не ошибаюсь?
"Yes, just a walk, not far, I thought I'd - " She hurried.	- Ну да, тут рукой подать, и я решила... - Она очень торопилась.
"I'm sorry, really sorry," he said, running to fetch her back, looking very concerned about his forgetfulness.	- Извини меня, - сказал он, догоняя ее с видом крайней озабоченности.
"It slipped my mind. I invited Dr. Nlle out this afternoon."	- Я совершенно забыл: я же пригласил к нам сегодня доктора Ниле!
"Dr. Nile!"	- Доктора Ниле!
She edged toward the door.	- Она подалась к двери.
He caught her elbow and drew her steadily in.	Он поймал ее за локоть и решительно втащил в комнату.
"Yes."	- Да
"But Pao - "	- А как же Пао...
"Pan can wait, Ylla.	- Пао подождет, Илла.
We must entertain Nile."	Мы должны принять Ниле.
"Just for a few minutes - "	- Я на несколько минут...
"No, Ylla."	- Нет, Илла.

"No?"	- Нет?
He shook his head.	Он отрицательно качнул головой.
"No."	- Нет.
Besides, it's a terribly long walk to Pao's.	К тому же до них очень далеко идти.
All the way over through Green Valley and then past the big canal and down, isn't it? And it'll be very, very hot, and Dr. Nile would be delighted to see you.	Через всю Зеленую долину, за большой канал, потом вниз... И сегодня очень, очень жарко, и доктору Ниле будет приятно увидеть тебя.
Well?"	Хорошо?
She did not answer.	Она не ответила.
She wanted to break and run.	Ей хотелось вырваться и убежать.
She wanted to cry out.	Хотелось кричать.
But she only sat in the chair, turning her fingers over slowly, staring at them expressionlessly, trapped.	Но она только сидела в кресле, словно пойманная в западню, и с окаменевшим лицом разглядывала свои пальцы, медленно шевеля ими.
"Ylla?" he murmured. "You will be here, won't you?"	- Илла, - буркнул он, - ты останешься дома, ясно?
"Yes," she said after a long time.	- Да, - сказала она после долгого молчания.
"I'll be here."	- Останусь.
"All afternoon?"	- Весь день?
Her voice was dull.	Ее голос звучал глухо:

"All afternoon."	- Весь день.
Late in the day Dr. Nile had not put in an appearance.	Шли часы, а доктор Ниле все не появлялся.
Ylla's husband did not seem overly surprised.	Казалось, муж Иллы не очень-то удивлен этим.
When it was quite late he murmured something, went to a closet, and drew forth an evil weapon, a long yellowish tube ending in a bellows and a trigger.	Уже под вечер он, пробормотав что-то, подошел к стенному шкафу и достал зловещее оружие - длинную желтоватую трубку с гармошкой мехов и спусковым крючком на конце.
He turned, and upon his face was a mask, hammered from silver metal, expressionless, the mask that he always wore when he wished to hide his feelings, the mask which curved and hollowed so exquisitely to his thin cheeks and chin and brow.	Он обернулся - на его лице была лишенная всякого выражения маска, вычененная из серебристого металла, маска, которую он всегда надевал, когда хотел скрыть свои чувства; маска, выпуклости и впадины которой в точности отвечали его худым щекам, подбородку, лбу.
The mask glinted, and he held the evil weapon in his hands, considering it.	Поблескивая маской, он держал в руках свое грозное оружие и разглядывал его.
It hummed constantly, an insect hum. From it hordes of golden bees could be flung out with a high shriek.	Оно непрерывно жужжало - оружие, способное с визгом извергнуть полчища золотых пчел.
Golden, horrid bees that stung, poisoned, and fell lifeless, like seeds on the sand.	Страшных золотых пчел, которые жалят, убивают своим ядом и падают замертво, будто семена на песок.
"Where are you going?" she asked.	- Куда ты собрался? - спросила она.
"What?"	- Что?
He listened to the bellows, to the evil hum.	- Он прислушивался к мехам, к зловещему

	жужжанию.
"If Dr. Nile is late, I'll be damned if I'll wait.	- Раз доктор Ниле запаздывает, черта с два стану я его ждать.
I'm going out to hunt a bit.	Пойду, поохочусь.
I'll be back.	Скоро вернусь.
You be sure to stay right here now, won't you?"	А ты останешься здесь, и никуда отсюда, ясно?
The silver mask glimmered.	- Серебристая маска сверкнула.
"Yes."	- Да-
"And tell Dr. Nile I'll return.	- И скажи доктору Ниле, что я приду.
Just hunting."	Только поохочусь.
The triangular door closed.	Треугольная дверь затворилась.
His footsteps faded down the hill.	Его шаги удалились вниз по откосу.
She watched him walking through the sunlight until he was gone.	Она смотрела, как муж уходит в солнечную даль, пока он не исчез.
Then she resumed her tasks with the magnetic dusts and the new fruits to be plucked from the crystal walls.	Потом вернулась к своим делам: наводить чистоту магнитной пылью, собирать свежие плоды с хрустальных стен.

She worked with energy and dispatch, but on occasion a numbness took hold of her and she caught herself singing that odd and memorable song and looking out beyond the crystal pillars at the sky.	Она работала усердно и расторопно, но порой ею овладевала какая-то истома, и она ловила себя на том, что напевает эту странную, не идущую из ума песню и поглядывает на небо из-за хрустальных колонн.
She held her breath and stood very still, waiting.	Она затаила дыхание и замерла в ожидании.
It was coming nearer.	Приближается...
At any moment it might happen.	Вот-вот это произойдет.
It was like those days when you heard a thunderstorm coming and there was the waiting silence and then the faintest pressure of the atmosphere as the climate blew over the land in shifts and shadows and vapors.	Бывают такие дни, когда слышишь приближение грозы, а кругом напряженная тишина, и вдруг едва ощутимо меняется давление - это дыхание непогоды, летящей над планетой, ее тень, порыв, марево.
And the change pressed at your ears and you were suspended in the waiting time of the coming storm.	Воздух давит на уши, и ты натянут как струна в ожидании надвигающейся бури.
You began to tremble.	Тебя охватывает дрожь.
The sky was stained and coloured; the clouds were thickened; the mountains took on an iron taint.	Небо в пятнах, небо цветное, тучи сгущаются, горы отливают металлом.
The caged flowers blew with faint sighs of warning.	Цветы в клетках тихонько вздыхают, предупреждая.
You felt your hair stir softly.	Волосы чуть шевелятся на голове.
Somewhere in the house the voice-clock sang,	Где-то в доме поют часы:
"Time, time, time, time..." ever so gently, no more than water tapping on velvet.	"Время, время, время, время..." Тихо так, нежно, будто капающая на бархат вода.
And then the storm.	И вдруг - гроза!
The electric illumination, the engulfments of dark wash and sounding black fell down, shutting in, forever.	Электрическая вспышка, и сверху непроницаемым заслоном рушатся всепоглощающие волны черного прибоя и громовой черноты.

That's how it was.	Так было и теперь.
A storm gathered, yet the sky was clear.	Близилась буря, хотя небо было ясным.
Lightning was expected, yet there was no cloud.	Назревала молния, хотя не было туч.
Ylla moved through the breathless summer house.	Илла бродила по комнатам притихшего летнего дома.
Lightning would strike from the sky any instant; there would be a thunderclap, a boil of smoke, a silence, footsteps on the path, a rap on the crystalline door, and her running to answer...	В любой миг с неба может падать молния, и будет раскат грома, клуб дыма, безмолвие, шаги на дорожке, стук в хрустальную дверь - и она стрелой метнется навстречу...
Crazy Ylla! she scoffed.	"Сумасшедшая Илла! - мысленно усмехнулась она.
Why think these wild things with your idle mind?	- Что за мысли будоражат твой праздный ум?"
And then it happened.	И тут - свершилось.

There was a warmth as of a great fire passing in the air.	Порыв жаркого воздуха, точно мимо пронеслось могучее пламя.
A whirling, rushing sound.	Вихревой стремительный звук.
A gleam in the sky, of metal.	В небе блеск, сверкание металла.
Ylla cried out.	У Иллы вырвался крик.
Running through the pillars, she flung wide a door.	Она побежала между колоннами, распахнула дверь.
She faced the hills.	Она уставилась на горы.
But by this time there was nothing.	Но там уже ничего...
She was about to race down the hill when she stopped herself, She was supposed to stay here, go nowhere, The doctor was coming to visit, and her husband would be angry if she ran off.	Хотела ринуться вниз по откосу, но спохватилась. Она обязана быть здесь, никуда не уходить. Доктор должен прийти с минуты на минуту, и муж рассердится, если она убежит.
She waited in the door, breathing rapidly, her hand out.	Она остановилась в дверях, часто дыша, протянув вперед одну руку.
She strained to see over toward Green Valley, but saw nothing.	Попыталась рассмотреть что-нибудь там, где простерлась Зеленая долина, но ничего не увидела.
Silly woman.	"Сумасшедшая!
She went inside.	- Она вернулась в комнату.
You and your imagination, she thought.	- Это все твоя фантазия.
That was nothing but a bird, a leaf, the wind, or a fish in the canal.	Ничего не было. Просто птица, листок, ветер или рыба в канале.
Sit down.	Сядь.
Rest.	Приди в себя".
She sat down.	Она села.
A shot sounded.	Выстрел.
Very clearly, sharply, the sound of the evil insect weapon.	Ясный, отчетливый, зловещий звук.
Her body jerked with it.	Она содрогнулась.
It came from a long way off, One shot.	Выстрел донесся издалека. Один.
The swift humming distant bees.	Далекое журчание быстрых пчел.
One shot.	Один выстрел.
And then a second shot, precise and cold, and far away.	А за ним второй, четкий, холодный, отдаленный.

Her body winced again and for some reason she started up, screaming, and screaming, and never wanting to stop screaming.	Она опять вздрогнула и почему-то вскочила на ноги, крича, крича и не желая оборвать этот крик.
She ran violently through the house and once more threw wide the door.	Стремительно пробежала по комнатам к двери и снова распахнула ее.

The echoes were dying away, away.	Эхо стихало, уходя вдаль, вдаль...
Gone.	Смолкло.
She waited in the yard, her face pale, for five minutes.	Несколько минут она простояла во дворе, бледная.
Finally, with slow steps, her head down, she wandered about the pillared rooms, laying her hand to things, her lips quivering, until finally she sat alone in the darkening wine room, waiting.	Наконец, медленно ступая, опустив голову, она побрела сквозь обрамленные колоннами покой, из одного в другой, руки ее машинально трогали вещи, губы дрожали; в сгущающемся мраке винной комнаты ей захотелось посидеть одной. Она ждала.
She began to wipe an amber glass with the hem of her scarf.	Потом взяла янтарный бокал и стала тереть его уголком шарфа.
And then, from far off, the sound of footsteps crunching on the thin, small rocks.	И вот издалека послышались шаги, хруст мелких камешков под ногами.
She rose up to stand in the center of the quiet room.	Она поднялась, стала в центре тихой комнаты.
The glass fell from her fingers, smashing to bits.	Бокал выпал из рук, разбился вдребезги.
The footsteps hesitated outside the door.	Шаги нерешительно замедлились перед домом.
Should she speak?	Заговорить?
Should she cry out,	Воскликнуть:
"Come in, oh, come in"?	"Входи, входи же!"?
She went forward a few paces.	Она подалась вперед.
The footsteps walked up the ramp.	Вот шаги уже на крыльце.
A hand twisted the door latch.	Рука повернула щеколду.
She smiled at the door.	Она улыбнулась двери.
The door opened.	Дверь отворилась.
She stopped smiling.	Улыбка сбежала с ее лица.
It was her husband.	Это был ее муж.
His silver mask glowed dully.	Серебристая маска тускло поблескивала.
He entered the room and looked at her for only a moment.	Он вошел и лишь на мгновение задержал на ней взгляд.
Then he snapped the weapon bellows open, cracked out two dead bees, heard them spat on the floor as they fell, stepped on them, and placed the empty bellows gun in the corner of the room as Ylla bent down and tried, over and over, with no success, to pick up the pieces of the shattered glass.	Резким движением открыл мехи своего оружия, вытряхнул две мертвые пчелы, услышал, как они шлепнулись о пол, раздавил их ногой и поставил разряженное оружие в угол комнаты, а Илла, наклонившись, безуспешно пыталась собрать осколки разбитого бокала.
"What were you doing?" she asked.	- Что ты делал? - спросила она.
"Nothing," he said with his back turned.	- Ничего, - ответил он, стоя спиной к ней.
He removed the mask.	Он снял маску.
"But the gun - I heard you fire it.	- Ружье... я слышала, как ты стрелял.

Twice."	Два раза.
---------	-----------

"Just hunting.	- Охотился, только и всего.
Once in a while you like to hunt. Did Dr. Nile arrive?"	Потянет иногда на охоту... Доктор Ниле пришел?
"No."	- Нет.
"Wait a minute."	- Постой-ка.
He snapped his fingers disgustedly.	- Он противно щелкнул пальцами.
"Why, I remember now.	- Ну, конечно, теперь я вспомнил.
He was supposed to visit us tomorrow afternoon.	Мы же условились с ним на завтра.
How stupid of me."	Я все перепутал.
They sat down to eat.	Они сели за стол.
She looked at her food and did not move her hands.	Она глядела на свою тарелку, но руки ее не прикасались к еде.
"What's wrong?" he asked, not looking up from dipping his meat in the bubbling lava.	- В чем дело? - спросил он, не поднимая глаз, бросая куски мяса в бурлящую лаву.
"I don't know.	- Не знаю.
I'm not hungry," she said.	Не хочется есть, - сказала она.
"Why not?"	- Почему?
"I don't know; I'm just not."	- Не знаю, просто не хочется.
The wind was rising across the sky; the sun was going down.	В небе родился ветер; солнце садилось.
The room was small and suddenly cold.	Комната вдруг стала маленькой и холодной.
"I've been trying to remember," she said in the silent room, across from her cold, erect, golden-eyed husband.	- Я пытаюсь вспомнить, - произнесла она в тиши комнаты, глянув в золотые глаза своего холодного, безупречно подтянутого мужа.
"Remember what?"	- Что вспомнить?
He sipped his wine.	- Он потягивал вино.
"That song.	- Песню.
That fine and beautiful song."	Эту красивую, чудесную песню.
She closed her eyes and hummed, but it was not the song.	- Она закрыла глаза и стала напевать, но песня не получилась.
"I've forgotten it.	- Забыла.
And, somehow, I don't want to forget it.	А мне почему-то не хочется ее забывать.
It's something I want always to remember."	Хочется помнить ее всегда.
She moved her hands as if the rhythm might help her to remember all of it.	- Она плавно повела руками, точно ритм движений мог ей помочь.
Then she lay back in her chair.	Потом откинулась в кресле.
"I can't remember."	- Не могу вспомнить.

She began to cry.	Она заплакала.
"Why are you crying?" he asked.	- Почему ты плачешь? - спросил он.
"I don't know, I don't know, but I can't help it.	- Не знаю, не знаю, я ничего не могу с собой поделать.
I'm sad and I don't know why, I cry and I don't know why, but I'm crying."	Мне грустно, и я не знаю почему, плачу - не знаю почему, но плачу.
Her head was in her hands; her shoulders moved again and again.	Ее ладони стиснули виски, плечи вздрагивали.
"You'll be all right tomorrow," he said.	- До завтра все пройдет, - сказал он.
She did not look up at him; she looked only at the empty desert and the very bright stars coming out now on the black sky, and far away there was a sound of wind rising and canal	Она не глядела на него, глядела только на нагую пустыню и на яркие-яркие звезды, которые высypали на черном небе, а издали доносился крепнущий голос ветра и

waters stirring cold in the long canals.	холодный плеск воды в длинных каналах.
She shut her eyes, trembling.	Она закрыла глаза, дрожа всем телом.
"Yes," she said. "I'll be all right tomorrow."	- Да, - повторила она, - до завтра все пройдет.
August 1999: THE SUMMER NIGHT	Август 1999 Летняя ночь
In the stone galleries the people were gathered in clusters and groups filtering up into shadows among the blue hills.	Люди стояли кучками в каменных галереях, растворяясь в тени между голубыми холмами.
A soft evening light shone over them from the stars and the luminous double moons of Mars.	Звезды и лучезарные марсианские луны струили на них мягкий вечерний свет.
Beyond the marble amphitheater, in darkness and distances, lay little towns and villas; pools of silver water stood motionless and canals glittered from horizon to horizon.	Позади мраморного амфитеатра, скрытые мраком и далью, раскинулись городки и виллы, серебром отливали недвижные пруды, от горизонта до горизонта блестели каналы.
It was an evening in summer upon the placid and temperate planet Mars.	Летний вечер на Марсе, планете безмятежности и умеренности.
Up and down green wine canals, boats as delicate as bronze flowers drifted.	По зеленой влаге каналов скользили лодки, изящные, как бронзовые цветки.
In the long and endless dwellings that curved like tranquil snakes across the hills, lovers lay idly whispering in cool night beds.	В нескончаемо длинных рядах жилищ, извивающихся по склонам, подобно оцепеневшим змеям, в прохладных ночных постелях лениво перешептывались возлюбленные.
The last children ran in torchlit alleys, gold spiders in their hands throwing out films of web.	Под факелами на аллеях, держа в руках извергающих тончайшую паутину золотых пауков, еще бегали заигравшиеся дети.
Here or there a late supper was prepared in tables where lava bubbled silvery and hushed.	Тут и там на столах, булькающих серебристой лавой, готовился поздний ужин.
In the amphitheaters of a hundred towns on the night side of Mars the brown Martian people with gold coin eyes were leisurely met to fix their attention upon stages where musicians made a serene music flow up like blossom scent on the still air.	В амфитеатрах сотен городов наочной стороне Марса смуглые марсиане с глазами цвета червонного золота собирались на досуге вокруг эстрад, откуда покорные музыкантам тихие мелодии, подобно аромату цветов, плыли в притихшем воздухе.

Upon one stage a woman sang.	На одной эстраде пела женщина.
The audience stirred.	По рядам слушателей пробежал шелест.
She stopped singing.	Пение оборвалось.
She put her hand to her throat.	Певица поднесла руку к горлу.
She nodded to the musicians and they began again.	Потом кивнула музыкантам, они начали сначала.
The musicians played and she sang, and this time the audience sighed and sat forward, a few of the men stood up in surprise, and a winter chill moved through the amphitheater.	Музыканты заиграли, она снова запела; на этот раз публика ахнула, подалась вперед, кто-то вскочил на ноги - на амфитеатр словно пахнуло зимней стужей.
For it was an odd and a frightening and a strange song this woman sang.	Потому что песня, которую пела женщина, была странная, страшная, необычная.
She tried to stop the words from coming out of her lips, but the words were these:	Она пыталась остановить слова, срывающиеся с ее губ, но они продолжали звучать:
"She walks in beauty, like the night Of cloudless climes and starry skies;	Идет, блестая красотой Тысячезвездной ясной ночи

And all that's best of dark and bright	В соревнованы света с тьмой
Meet in her aspect and her eyes..."	Изваяны чело и очи.
The singer dasped her hands to her mouth.	Руки певицы метнулись ко рту.
She stood, bewildered.	Она оцепенела, растерянная.
"What words are those?" asked the musicians.	- Что это за слова? - недоумевали музыканты.
"What song is that?"	- Что за песня?
"What language is that!"	- Чей язык?
And when they blew again upon their golden horns the strange music came forth and passed slowly over the audience, which now talked aloud and stood up.	Когда же они опять принялись дуть в свои золотые трубы, снова родилась эта странная музыка и медленно поплыла над публикой, которая теперь громко разговаривала, поднимаясь со своих мест.
"What's wrong with you?" the musicians asked each other.	- Что с тобой? - спрашивали друг друга музыканты.
"What tune is that you played?"	- Что за мелодию ты играл?
"What tune did you play?"	- А ты сам что играл?
The woman wept and ran from the stage, And the audience moved out of the amphitheater.	Женщина расплакалась и убежала с эстрады. Публика покинула амфитеатр.
And all around the nervous towns of Mars a similar thing had happened.	Повсюду, во всех смятенных марсианских городах, происходило одно и то же.
A coldness had come, like white snow falling on the air.	Холод обьял их, точно с неба пал белый снег.
In the black alleys, under the torches, the children sang:	В темных аллеях под факелами дети пели:
" - and when she got there, the cupboard was bare,	...Пришла, а шкаф уже пустой,

And so her poor dog had none!"	Остался песик с носом!
"Children!" voices cried.	- Дети! - раздавались голоса.
"What was that rhyme?	- Что это за песенка?
Where did you learn it?"	Где вы ее выучили?
"We just thought of it, all of a sudden.	- Она просто пришла нам в голову, ни с того ни с сего.
It's just words we don't understand."	Какие-то непонятные слова!
Doors slammed.	Захлопали двери.
The streets were deserted.	Улицы опустели.
Above the blue hills a green star rose.	Над голубыми холмами взошла зеленая звезда.
All over the night side of Mars lovers awoke to listen to their loved ones who lay humming in the darkness.	На всейочной стороне Марса мужчины просыпались от того, что лежавшие рядом возлюбленные напевали во мраке.
"What is that tune?"	- Что это за мелодия?
And in a thousand villas, in the middle of the night, women awoke, screaming. They had to be soothed while the tears ran down their faces,	В тысячах жилищ среди ночи женщины просыпались, обливаясь слезами, и приходилось их утешать:
"There, there.	- Ну, успокойся, успокойся же.
Sleep.	Спи.
What's wrong?	- Ну, что случилось?
A dream?"	Дурной сон?
"Something terrible will happen in the morning."	- Завтра произойдет что-то ужасное.
"Nothing can happen, all is well with us."	- Ничего не может произойти, у нас все в

	порядке.
A hysterical sobbing.	Судорожное всхлипывание.
"It is coming nearer and nearer and nearer!"	- Я чувствую, это надвигается все ближе, ближе, ближе!..
"Nothing can happen to us.	- С нами ничего не может случиться.
What could?	Полно!
Sleep now.	Спи.
Sleep."	Спи...
It was quiet in the deep morning of Mars, as quiet as a cool and black well, with stars shining in the canal waters, and, breathing in every room, the children curled with their spiders in closed hands, the lovers arm in arm, the moons gone, the torches cold, the stone amphitheaters deserted.	Тихо на предутреннем Марсе, тихо, как в черном студеном колодце, и свет звезд на воде каналов, и в каждой комнате дыхание свернувшихся калачиком детей с зажатыми в кулаках золотыми пауками, и возлюбленные спят рука в руке, луны закатились, погашены факелы, и безлюдны каменные амфитеатры.
The only sound, just before dawn, was a night watchman, far away down a lonely street, walking along in the darkness, humming a very strange song...	И лишь один-единственный звук, перед самым рассветом: где-то в дальнем конце пустынной улицы одиноко шагал во тьме ночной сторож, напевая странную, незнакомую песенку...

August 1999: THE EARTH MEN	Август 1999 Земляне
Whoever was knocking at the door didn't want to stop.	Вот привязались, стучат и стучат!
Mrs. Ttt threw the door open.	Миссис Ттт сердито распахнула дверь.
"Well?"	- Ну, в чем дело?
"You speak English!"	- Вы говорите по-английски?
The man standing there was astounded.	- Человек, стоявший у входа, опешил.
"I speak what I speak," she said.	- Говорю, как умею, - ответила она.
"It's wonderful English!"	- Чистейший английский язык!
The man was in uniform.	Человек был одет в какую-то форму.
There were three men with him, in a great hurry, all smiling, all dirty.	За ним стояли еще трое; все они были заметно взъярены - сияющие, измазанные с головы до ног.
"What do you want?" demanded Mrs. Ttt.	- Что вам угодно? - резко спросила миссис Ттт.
"You are a Martian!"	- Вы - марсианка!
The man smiled.	- Человек улыбался.
"The word is not familiar to you, certainly.	- Это слово вам, конечно, незнакомо.
It's an Earth expression."	Так говорят у нас, на Земле.
He nodded at his then.	- Он кивнул на своих спутников.
"We are from Earth.	- Мы с Земли.
I'm Captain Williams.	Я - капитан Уильямс.
We've landed on Mars within the hour.	Мы всего час назад сели на Марсе.
Here we are, the Second Expedition!	Вот прибыли. Вторая экспедиция!
There was a First Expedition, but we don't know what happened to it.	До нас была Первая экспедиция, но ее судьба нам не известна.
But here we are, anyway.	Так или иначе, мы прилетели.
And you are the first Martian we've met!"	И вы - первый житель Марса, которого мы встретили!

"Martian?"	- Марсианка?
Her eyebrows went up.	- Брови ее взметнулись.
"What I mean to say is, you live on the fourth planet from the sun.	- Я хочу сказать, что вы живете на четвертой от Солнца планете.
Correct?"	Точно?
"Elementary," she snapped, eyeing them.	- Элементарная истина, - фыркнула она, меряя их взглядом.
"And we" - he pressed his chubby pink hand to his chest - "we are from Earth."	- А мы, - он прижал к груди свою пухлую розовую руку, - мы с Земли.
Right, men?"	Верно, ребята?

"Right, sir!" A chorus.	- Так точно, капитан! - откликнулся хор.
"This is the planet Tyrr," she said, "if you want to use the proper name."	- Это планета Тирр, - сказала она, - если вам угодно знать ее настоящее имя.
"Tyrr, Tyrr."	- Тирр, Тирр.
The captain laughed exhaustedly.	- Капитан устало рассмеялся.
"What a fine name!"	- Чудесное название!
But, my good woman, how is it you speak such perfect English?"	Но скажите же, добрая женщина, как объяснить, что вы так великолепно говорите по-английски?
"I'm not speaking, I'm thinking," she said.	- Я не говорю, - ответила она, - я думаю.
"Telepathy!"	Телепатия.
Good day!"	Всего хорошего!
And she slammed the door.	И она хлопнула дверью.
A moment later there was that dreadful man knocking again.	Мгновение спустя этот ужасный человек уже снова стучал.
She whipped the door open.	Она распахнула дверь.
"What now?" she wondered.	- Ну, что еще? - спросила она.
The man was still there, trying to smile, looking bewildered.	Он стоял на том же месте и силился улыбнуться, но уже без прежней уверенности.
He put out his hands.	Он протянул к ней руки.
"I don't think you understand - "	- Мне кажется, вы не совсем поняли...
"What?" she snapped.	- Чего? - отрезала она.
The man gazed at her in surprise.	Его глаза округлились от изумления.
"We're from Earth!"	- Мы прилетели с Земли!
"I haven't time," she said.	- Мне некогда, - сказала она.
"I've a lot of cooking today and there's cleaning and sewing and all. You evidently wish to see Mr. Ttt; he's upstairs in his study."	- У меня сегодня куча дел - обед, уборка, шитье, всякая всячина... Вам, вероятно, нужен мистер Ттт, так он наверху, в своем кабинете.
"Yes," said the Earth Man confusedly, blinking.	- Да, да, - озадаченно произнес человек с Земли, моргая.
"By all means, let us see Mr. Ttt."	- Ради бога, позовите мистера Ттт.
"He's busy."	- Он занят.
She slammed the door again.	- И она снова захлопнула дверь.
This time the knock on the door was most impertinently loud.	На сей раз стук был уж совсем неприличным.
"See here!" cried the man when the door was thrust open again.	- Знаете что! - вскричал человек, едва дверь распахнулась.
He jumped in as if to surprise her.	Он ворвался в прихожую, словно решил

	взять неожиданностью.
"This is no way to treat visitors!"	- Так не принимают гостей!
"All over my clean floor!" she cried.	- Мой чистый пол! - возмутилась она.
"Mud!"	- Грязь!
Get out!	Убирайтесь прочь!
If you come in my house, wash your boots first."	Если хотите войти в мой дом, сперва почистите обувь.
The man looked in dismay at his muddy boots,	Человек испуганно посмотрел на свои грязные башмаки.
"This," he said, "is no time for trivialities.	- Сейчас не время придиরаться к пустякам, - решительно заявил он.
I think," he said, "we should be celebrating."	- Такое событие! Его нужно отпраздновать!
He looked at her for a long time, as if looking might make her understand.	Он упорно глядел на нее, словно это могло заставить ее понять, чего они хотят.
"If you've made my crystal buns fall in the oven," she exclaimed, "I'll hit you with a piece of wood!"	- Если мои хрустальные булочки перестояли в духовке, - закричала она, - то я вас поленом!..
She peered into a little hot oven.	И она поспешила к маленькой, пышущей жаром печке.
She came back, red, steamy-faced.	Потом вернулась - раскрасневшаяся, потная.
Her eyes were sharp yellow, her skin was soft brown, she was thin and quick as an insect. Her voice was metallic and sharp.	Ярко-желтые глаза, смуглая кожа, худенькая и юркая, как насекомое... Резкий, металлический голос.
"Wait here.	- Обождите здесь.
I'll see if I can let you have a moment with Mr. Ttt.	Я пойду посмотрю, может быть, и позволю вам на минутку зайти к мистеру Ттт.
What was your business?"	Какое там у вас дело к нему?
The man swore luridly, as if she'd hit his hand with a hammer.	Человек выругался так, словно она ударила его молотком по пальцу.
"Tell him we're from Earth and it's never been done before!"	- Скажите ему, что мы прилетели с Земли, что это впервые!
"What hasn't?"	- Что впервые?
She put her brown hand up.	- Она подняла вверх смуглую руку.
"Never mind.	- Ладно, это неважно.
I'll be back."	Я сейчас.
The sound of her feet fluttered through the stone house.	Звуки ее шагов прошелестели по переходам каменного дома.
Outside, the immense blue Martian sky was hot and still as a warm deep sea water.	А снаружи было невероятно синее, жаркое марсиансское небо - недвижное, будто глубокое теплое море.
The Martian desert lay broiling like a prehistoric mud pot, waves of heat rising and shimmering.	Над марсианской пустыней, словно над огромным кипящим котлом, струилось марево.
There was a small rocket ship reclining upon a hilltop nearby.	На вершине пригорка неподалеку стоял, покосившись, небольшой космический корабль.

Large footprints came from the rocket to the door of this stone house.	От него к двери каменного дома протянулась цепочка крупных следов.
Now there was a sound of quarreling voices	Сверху, со второго этажа, донеслись

upstairs.	возбужденные голоса.
The men within the door stared at one another, shifting on their boots, twiddling their fingers, and holding onto their hip belts.	Люди у двери поглядывали друг на друга, переминались с ноги на ногу, поправляли пояса.
A man's voice shouted upstairs.	Наверху что-то прорычал мужской голос.
The woman's voice replied.	Женский голос ответил.
After fifteen minutes the Earth men began walking in and out the kitchen door, with nothing to do.	Через четверть часа земляне от нечего делать стали слоняться взад-вперед по кухне.
"Cigarette?" said one of the men.	- Закурим? - сказал один из них.
Somebody got out a pack and they lit up.	Другой достал сигареты, они закурили.
They puffed slow streams of pale white smoke.	Они выдыхали неторопливые бледные струйки дыма.
They adjusted their uniforms, fixed their collars.	Разгладили складки курток, поправили воротнички.
The voices upstairs continued to mutter and chant.	Голоса наверху продолжали гудеть и журчать.
The leader of the men looked at his watch.	Командир глянул на свои часы.
"Twenty-five minutes," he said.	- Двадцать пять минут, - заметил он.
"I wonder what they're up to up there."	- Что у них там происходит?
He went to a window and looked out.	Он подошел к окну иглянулся наружу.
"Hot day," said one of the men.	- Жаркий денек, - сказал один из космонавтов.
"Yeah," said someone else in the slow warm time of early afternoon.	- Да уж, - лениво протянул другой, разморенный полуденным зноем.
The voices had faded to a murmur and were now silent.	Гул голосов наверху сменился глухим бормотанием, потом и вовсе стих.
There was not a sound in the house.	Во всем доме - ни звука.
All the men could hear was their own breathing.	Только собственное дыхание слышно.
An hour of silence passed.	Целый час прошел в безмолвии.
"I hope we didn't cause any trouble," said the captain.	- Уж не случилось ли из-за нас какой беды? - произнес командир, подходя к двери гостиной и заглядывая туда.
He went and peered into the living room. Mrs. Ttt was there, watering some flowers that grew in the center of the room.	Мисс Ттт стояла посреди комнаты, поливая цветы.
"I knew I had forgotten something," she said when she saw the captain.	- А я все думаю, что я такое забыла... - сказала она, заметив капитана.
She walked out to the kitchen.	Она вышла на кухню.
"I'm sorry."	- Извините.

She handed him a slip of paper.	- Она протянула ему ключок бумаги.
"Mr. Ttt is much too busy."	- Мистер Ттт слишком занят.
She turned to her cooking.	- Она повернулась к своим кастрюлям.
"Anyway, it's not Mr. Ttt you want to see; it's Mr. Aaa."	- Да и все равно вам нужен не он, а мистер Ааа.
Take that paper over to the next farm, by the blue canal, and Mr. Aaa'll advise you about whatever it is you want to know."	Пойдите с этой запиской на соседнюю усадьбу возле голубого канала, там мистер Ааа расскажет вам все, что вы хотите знать.
"We don't want to know anything," objected the captain, pouting out his thick lips.	- Нам ничего не надо узнавать, - возразил командир, надув толстые губы.

"We already know it."	- Мы и так уже знаем.
"You have the paper, what more do you want?" - she asked him straight off.	- Вы получили записку, что еще вам надо? - резко спросила она.
And she would say no more.	Больше они ничего не могли от нее добиться.
"Well," said the captain, reluctant to go.	- Ладно, - сказал командир.
He stood as if waiting for something.	Ему все еще не хотелось уходить.
He looked like a child staring at an empty Christmas tree.	Он стоял с таким видом, будто чего-то ждал. Точно ребенок, глядящий на голую рождественскую елку.
"Well," he said again.	- Ладно, - повторил он.
"Come on, men."	- Пошли, ребята.
The four men stepped out into the hot silent day.	И все четверо вышли из дома в душное безмолвие летнего дня.
Half an hour later, Mr. Aaa, seated in his library sipping a bit of electric fire from a metal cup, heard the voices outside in the stone causeway.	Полчаса спустя мистер Ааа, который восседал в своей библиотеке, прихлебывая электрическое пламя из металлической чаши, услышал голоса снаружи, на мощеной дорожке.
He leaned over the window sill and gazed at the four uniformed men who squinted up at him.	Он высунулся из окна и уставился на четверку одетых в одинаковую форму людей, которые, щурясь, глядели на него.
"Are you Mr. Aaa?" they called.	- Вы мистер Ааа? - справились они.
"I am."	- Я.
"Mr. Ttt sent us to see you!" shouted the captain.	- Нас послал к вам мистер Ттт! - крикнул командир.
"Why did he do that?" asked Mr. Aaa.	- Что за причина? - спросил мистер Ааа.
"He was busy!"	- Он был занят!
"Well, that's a shame," said Mr. Ass sarcastically.	- Ну, знаете, это... - презрительно произнес мистер Ааа.
"Does he think I have nothing else to do but entertain people he's too busy to bother with?"	- Уж не думает ли он, что мне больше нечего делать, как развлекать людей, которыми ему некогда заниматься?

"That's not the important thing, sir," shouted the captain.	- Сейчас это несущественно, сэр! - крикнул командир.
"Well, it is to me.	- Для меня - существенно.
I have much reading to do.	У меня накопилась куча книг, их нужно прочесть.
Mr. Ttt is inconsiderate.	Мистер Ттт совсем не считается с другими.
This is not the first time he has been this thoughtless of me.	Он не впервые ведет себя так бесцеремонно по отношению ко мне.
Stop waving your hands, sir, until I finish.	И прошу не размахивать руками, сударь, дайте мне кончить.
And pay attention.	Вам следует быть повнимательнее.
People usually listen to me when I talk.	Я привык к тому, что люди слушают, когда я говорю.
And you'll listen courteously or I won't talk at all."	И потрудитесь выслушать меня с должным почтением, иначе я вообще не стану с вами разговаривать.
Uneasily the four men in the court shifted and opened their mouths, and once the captain, the	Четверо людей внизу растерянно топтались, разинув рты. У капитана на лбу вздулись

veins on his face bulging, showed a few little tears in his eyes.	жилы и даже блеснули слезы на глазах.
"Now," lectured Mr. Aaa, "do you think it fair of Mr. Ttt to be so ill-mannered?"	- Ну, так вот, - продолжал поучать мистер Ааа, - как, по-вашему, хорошо ли со стороны мистера Ттт вести себя так неучтиво?
The four men gazed up through the heat.	Четверка недоуменно смотрела на него сквозь дымку знойного дня.
The captain said,	Капитан не стерпел:
"We're from Earth!"	- Мы прилетели с Земли!
"I think it very ungentlemanly of him," brooded Mr. Aaa.	- По-моему, он ведет себя просто не по-джентельменски, - брюзжал мистер Ааа.
"A rocket ship.	- Космический корабль.
We came in it.	Мы прилетели на ракете.
Over there!"	Вот она!
"Not the first time Ttt's been unreasonable, you know."	- И ведь он не в первый раз позволяет себе такое безобразие.
"All the way from Earth."	- Понимаете - с Земли!
"Why, for half a mind, I'd call him up and tell him off."	- Он у меня дождется, я позвоню и отчитаю его, да-да.
"Just the four of us; myself and these three men, my crew."	- Мы четверо - я и вот эти трое - экипаж моего корабля.
"I'll call him up, yes, that's what I'll do!"	- Вот возьму и позвоню сейчас же!
"Earth.	- Земля.
Rocket.	Ракета.
Men.	Люди.

Trip.	Полет.
Space."	Космос.
"Call him and give him a good lashing!" cried Mr. Aaa. He vanished like a puppet from a stage.	- Позвоню и всыплю ему как следует! - крикнул мистер Ааа и пропал из окна, точно кукла в театре.
For a minute there were angry voices back and forth over some weird mechanism or other.	Было слышно, как по какому-то неведомому аппарату завязалась перебранка.
Below, the captain and his crew glanced longingly back at their pretty rocket ship lying on the hillside, so sweet and lovely and fine.	Капитан и его команда стояли во дворе, тоскливо поглядывая на свою красавицу ракету - такую изящную, стройную и родную.
Mr. Aaa jerked up in the window, wildly triumphant	Мистер Ааа вынырнул в окошке, торжествуя:
"Challenged him to a duel, by the gods!	- Я его на дуэль вызвал, клянусь честью!
A duel!"	Слышите - дуэль!
"Mr. Aaa - " the captain started all over again, quietly.	- Мистер Ааа, - терпеливо начал капитан.
"I'll shoot him dead, do you hear!"	- Застрелю его насмерть, так и знайте!
"Mr. Aaa, I'd like to tell you.	- Мистер Ааа, прошу вас, выслушайте меня.
We came sixty million miles."	Мы пролетели шестьдесят миллионов миль.
Mr. Aaa regarded the captain for the first time.	Мистер Ааа впервые обратил внимание на капитана.
"Where'd you say you were from?"	- Постойте, как вы сказали - откуда вы?
The captain flashed a white smile.	Лицо капитана осветилось белозубой улыбкой.

Aside to his men he withpered,	Он шепнул своим:
"Now we're getting someplace!"	- Наконец-то, теперь все в порядке!
To Mr. Aaa he called, "We traveled sixty million miles. From Earth!"	- И громко мистеру Ааа: - Шестьдесят миллионов миль - с планеты Земля!
Mr. Aaa yawned.	Мистер Ааа зевнул.
"That's only fifty million miles this time of year."	- В это время года - от силы пятьдесят миллионов, не больше.
He picked up a frightful-looking weapon.	- Он взял в руки какое-то угрожающего вида оружие.
"Well, I have to go now.	- Ну мне пора.
Just take that silly note, though I don't know what good it'll do you, and go over that hill into the little town of Iopr and tell Mr. Iii all about it.	Заберите свою дурацкую записку, хотя я не понимаю, какой вам от нее прок, и ступайте через вон тот бугор в городок, он называется Иопр, там изложите все мистеру Иии.
He's the man you want to see.	Он именно тот человек, который вам нужен.
Not Mr. Ttt, he's an idiot; I'm going to kill him.	А не мистер Ттт, этот кретин, - уж я позабочусь о том, чтобы его прикончить.
Not me, because you're not in my line of work."	И не я - это не по моей линии.
"Line of work, line of work!" bleated the captain.	- Линии, линии! - передразнил его командир.

"Do you have to be in a certain line of work to welcome Earth men!"	- При чем тут линия, когда надо принять людей с Земли?
"Don't be silly, everyone knows that!"	- Не говорите глупостей, это всем известно!
Mr. Aaa rushed downstairs.	- Мистер Ааа сбежал по лестнице.
"Good-by!"	- Всего хорошего!
And down the causeway he raced, like a pair of wild calipers.	И он помчался по дорожке, точно взбесившийся кронциркуль.
The four travelers stood shocked.	Космонавты были совершенно ошарашены.
Finally the captain said,	Наконец капитан сказал:
"We'll find someone yet who'll listen to us."	- Нет, мы все-таки найдем кого-нибудь, кто нас выслушает.
"Maybe we could go out and come in again," said one of the men in a dreary voice.	- Что, если уйти, а потом вернуться, - уныло произнес один из его товарищей.
"Maybe we should take off and land again.	- Взлететь и снова сесть.
Give them time to organize a party."	Чтобы дать им время очухаться и подготовить встречу.
"That might be a good idea," murmured the tired captain.	- Может быть, так и сделаем, - буркнул измученный капитан.
The little town was full of people drifting in and out of doors, saying hello to one another, wearing golden masks and blue masks and crimson masks for pleasant variety, masks with silver lips and bronze eyebrows, masks that smiled or masks that frowned, according to the owners' dispositions.	Городок бурлил. Марсиане входили и выходили из домов, они приветствовали друг друга, на них были маски - золотые, голубые, розовые, ради приятного разнообразия, маски с серебряными губами и бронзовыми бровями, маски улыбающиеся и маски хмурящиеся, сообразно нраву владельца.
The four men, wet from their long walk, paused and asked a little girl where Mr. Iii's house was.	Земляне, все в испарине после долгого перехода, остановились и спросили маленьющую девочку, где живет мистер Иии.
"There." The child nodded her head.	- Вон там, - кивком указала девочка.
The captain got eagerly, carefully down on one	Капитан нетерпеливо, осторожно опустился

knee, looking into her sweet young face.	на одно колено и заглянул в ее милое детское лицо.
"Little girl, I want to talk to you."	- Послушай, девочка, что я тебе расскажу.
He seated her on his knee and folded her small brown hands neatly in his own big ones, as if ready for a bed-time story which he was shaping in his mind slowly and with a great patient happiness in details.	Он посадил ее себе на колено и ласково сжал своими широкими ладонями ее смуглые ручонки, словно приготовился рассказать ей сказку на ночь, сказку, которую складывают в уме не торопясь, с множеством обстоятельных и счастливых подробностей.
"Well, here's how it is, little girl. Six months ago another rocket came to Mars.	- Понимаешь, малютка, с полгода тому назад на Марс прилетела другая ракета.
There was a man named York in it, and his assistant.	В ней был человек по имени Йорк со своим помощником.
Whatever happened to them, we don't know.	Мы не знаем, что с ними случилось.

Maybe they crashed.	Быть может, они разбились.
They came in a rocket.	Они прилетели на ракете.
So did we.	И мы, мы тоже прилетели на ракете.
You should see it!	Вот бы ты на нее посмотрела!
A big rocket!	Большая-пребольшая ракета!
So we're the Second Expedition, following up the First!	Так что мы - Вторая экспедиция, а перед нами была Первая.
And we came all the way from Earth..."	Мы долго летели, с самой Земли...
The little girl disengaged one hand without thinking about it, and clapped an expressionless golden mask over her face, Then she pulled forth a golden spider toy and dropped it to the ground while the captain talked on.	Девочка бездумно высвободила одну руку и опустила на лицо золотую маску, выражавшую безразличие. Потом достала игрушечного золотого паука и уронила его на землю, а капитан все твердил свое.
The toy spider climbed back up to her knee obediently, while she speculated upon it coolly through the slits of her emotionless mask and the captain shook her gently and urged his story upon her.	Игрушечный паук послушно вскарабкался ей на колени, она же безучастно наблюдала за ним сквозь щелочки равнодушной маски: капитан ласково встряхнул ее и продолжал втолковывать ей свою историю.
"We're Earth Men," he said.	- Мы - земляне, - говорил он.
"Do you believe me?"	- Ты мне веришь?
"Yes."	- Да
The little girl peeped at the way she was wiggling her toes in the dust.	- Девчурка искоса глядела, что чертят в пыли пальчики ее ног.
"Fine."	- Ну вот и умница.
The captain pinched her arm, a little bit with joviality, a little bit with meanness to get her to look at him.	- Командир наполовину добродушно, наполовину злобно ущипнул ее за руку, чтобы заставить девочку глядеть на него.
"We built our own rocket ship.	- Мы построили себе ракету.
Do you believe that?"	Ты веришь?
The little girl dug in her nose with a finger.	Девочка сунула в нос палец.
"Yes."	- Ага.
"And - take your finger out of your nose, little girl - I am the captain, and - "	- И... нет-нет, дружок, вынь пальчик из носа... и я, командир космического корабля, и...
"Never before in history has anybody come across space in a big rocket ship," recited the little creature, eyes shut.	- Еще никогда в истории никто не выходил в космос на такой большой ракете, -продекламировала крошка, зажмурив

	глазки.
"Wonderful!	- Восхитительно!
How did you know?"	Как ты угадала?
"Oh, telepathy."	- Телепатия.
She wiped a casual finger on her knee.	- Она небрежно вытерла пальчик о колечку.

"Well, aren't you just ever so excited?" cried the captain.	- Ну? Неужели это тебе ничуть не интересно? - вскричал командир.
"Aren't you glad?"	- Разве ты не рада?
"You just better go see Mr. Iii right away."	- Вы бы лучше пошли поскорее к мистеру Иии.
She dropped her toy to the ground.	- Она уронила игрушку на землю.
"Mr. Iii will like talking to you."	- Он охотно поговорит с вами.
She ran off, with the toy spider scuttling obediently after her.	И она убежала, сопровождаемая по пятам игрушечным пауком.
The captain squatted there looking after her with his hand out.	Командир сидел на корточках, протянув руку к девочке и глядя ей вслед.
His eyes were watery in his head.	Он почувствовал, как на глаза навертываются слезы.
He looked at his empty hands.	Посмотрел на свои пустые руки, беспомощно открыв рот.
His mouth hung open: The other three men stood with their shadows under them.	Товарищи стояли рядом, глядя на собственные тени.
They spat on the stone street...	Они сплюнули на камни мостовой...
Mr. Iii answered his door.	Мистер Иии сам отворил дверь.
He was on his way to a lecture, but he had a minute, if they would hurry inside and tell him what they desired...	Он торопился на лекцию, но готов был уделить им минуту, если они побыстрее войдут и скажут, что им надо...
"A little attention," said the captain, red-eyed and tired.	- Немного внимания, - сказал капитан, устало поднимая опухшие веки.
"We're from Earth, we have a rocket, there are four of us, crew and captain, we're exhausted, we're hungry, we'd like a place to sleep.	- Мы - с Земли, у нас тут ракета, нас четверо - три космонавта и командир, мы совершенно вымотались, хотим есть, нам бы найти где поспать.
We'd like someone to give us the key to the city or something like that, and we'd like somebody to shake our hands and say "Hooray" and say	И пусть кто-нибудь вручит нам ключи от города или что-нибудь в этом роде, пусть нам пожмут руки, крикнут "ура", скажут:
"Congratulations, old man!"	"Поздравляем, старики!"
That about sums it up."	Вот, пожалуй, и все.
Mr. Iii was a tall, vaporous, thin man with thick blind blue crystals over his yellowish eyes.	Мистер Иии был долговязый ипохондрик, желтоватые глаза спрятаны за толстыми синими кристаллами очков.
He bent over his desk and brooded upon some papers, glancing now and again with extreme penetration at his guests.	Наклонившись над письменным столом, он задумчиво перелистывал какие-то бумаги, то и дело пронизывая своих гостей пытливым взглядом.
"Well, I haven't the forms with me here, I don't think."	- Боюсь, у меня нет здесь бланков.
He rummaged through the desk drawers.	- Он перерыл все ящики стола.
"Now, where did I put the forms?"	- Куда я их задевал?

He mused.	- Он нахмурился.
"Somewhere. Somewhere. Oh, here we are! Now!"	- Где-то... где-то здесь... А, вот они!
He handed the papers over crisply.	Прошу вас!
"You'll have to sign these papers, of course."	- Он решительно протянул капитану бумаги.
"Do we have to go through all this rigmarole?"	- Вам придется это подписать.
Mr. Iii gave him a thick glassy look.	Толстые стекла очков воззрились на капитана.
"You say you're from Earth, don't you?"	- Но вы ведь сами сказали, что вы с Земли?
Well, then there's nothing for it but you sign."	В таком случае вам остается только подписать.
The captain wrote his name.	Капитан поставил свою подпись.
"Do you want my crew to sign also?"	- Команда тоже должна подписатьсь?
Mr. Iii looked at the captain, looked at the three others, and burst into a shout of derision.	Мистер Иии поглядел на него, поглядел на трех остальных и разразился издевательским смехом.
"Them sign!"	- Им тоже подписаться?!
Ho!	Ха-ха-ха!
How marvelous!	Это великолепно!
Them, oh, them sign!" Tears sprang from his eyes.	Они... они... - У него катились слезы по щекам.
He slapped his knee and bent to let his laughter jerk out of his gaping mouth.	Он хлопнул себя рукой по колену и согнулся, давясь смехом, рвущимся из широко разинутого рта.
He held himself up with the desk.	Он уцепился за стол.
"Them sign!"	- Им - подписаться!..
The four men scowled.	Космонавты нахмурились.
"What's funny?"	- Что тут смешного?
"Them sign!" sighed Mr. Iii, weak with hilarity.	- Им подписаться! - выдохнул мистер Иии, обессиленный хохотом.
"So very funny."	- Еще бы не смешно!
I'll have to tell Mr. Xxx about this!"	Я обязательно расскажу об этом мистеру Ъыы!
He examined the filled-out form, still laughing.	- Он поглядел на подписанные бланки, продолжая смеяться.
"Everything seems to be in order."	- Как будто все в порядке.
He nodded.	- Он кивнул.
"Even the agreement for euthanasia if final decision on such a step is necessary."	- Даже согласие на эвтаназию, если в конечном счете это окажется необходимым.
He chuckled.	- Он рассыпался мелким смешком.
"Agreement for what?"	- Согласие на что?
"Don't talk.	- Ладно, хватит.

I have something for you.	У меня для вас кое-что есть.
Here.	Бот.
Take this key."	Возьмите этот ключ.
The captain flushed.	Капитан всыхнул.
"It's a great honor."	- О, это великая честь.
"Not the key to the city, you fool!" snapped Mr. Iii.	- Это не от города, болван! - рявкнул мистер Иии.
"Just a key to the House.	- Ключ от Дома.

Go down that corridor, unlock the big door, and go inside and shut the door tight.	Ступайте по коридору, отоприте большую дверь, войдите и хорошенько захлопните за собой.
You can spend the night there.	Можете там переночевать.
In the morning I'll send Mr. Xxx to see you."	А утром я пришлю к вам мистера ІІы.
Dubiously the captain took the key in hand.	Капитан нерешительно взял ключ.
He stood looking at the floor.	Он стоял понурившись.
His men did not move.	Его товарищи не двигались с места.
They seemed to be emptied of all their blood and their rocket fever.	Казалось, из них выкачали всю их кровь, всю ракетную лихорадку.
They were drained dry.	Они совершенно выдохлись.
"What is it?	- Ну, что еще?
What's wrong?" inquired Mr. III.	В чем дело? - спросил мистер Иии.
"What are you waiting for?	- Чего вы ждете?
What do you want?"	Чего хотите?
He came and peered up into the captain's face, stooping.	- Он подошел вплотную к капитану и, наклонив голову, снизу заглянул ему в лицо.
"Out with it, you!"	- Выкладывайте!
"I don't suppose you could even - " suggested the captain.	- Боюсь, вы даже не в состоянии... - начал капитан.
"I mean, that is, try to, or think about..." He hesitated.	- То есть я хочу сказать... попытаться, подумать о том... - Он замялся.
"We've worked hard, we've come a long way, and maybe you could just shake our hands and say	- Мы немало потрудились, такой путь проделали, может быть, стоит, ну, что ли, пожать нам руки и сказать... ну, хотя бы:
"Well done!" do you - think?" His voice faded.	"Молодцы?" - Он смолк.
Mr. III stuck out his hand stiffly.	Мистер Иии небрежно сунул ему руку.
"Congratulations!"	- Поздравляю!
He smiled a cold smile.	- Его губы растянулись в холодной улыбке.
"Congratulations."	- Поздравляю.
He turned away.	- Он отвернулся.
"I must go now.	- А теперь мне пора.

Use that key."	Не забудьте про ключ.
Without noticing them again, as if they had melted down through the floor, Mr. III moved about the room packing a little manuscript case with papers.	И, не обращая на них больше никакого внимания, словно они растворяли, мистер Иии заходил по комнате, набивая какими-то бумагами маленький портфель.
He was in the room another five minutes but never again addressed the solemn quartet that stood with heads down, their heavy legs sagging, the light dwindling from their eyes.	Это длилось не меньше пяти минут, и все это время он ни разу больше не обратился к четверке угрюмых людей, которые стояли на подкашающихся от усталости ногах, понурив головы, с потухшими глазами.
When Mr. III went out the door he was busy looking at his fingernails...	Выходя, мистер Иии сосредоточенно разглядывал свои ногти...
They straggled along the corridor in the dull, silent afternoon light.	В тусклом предвечернем свете они побрали по коридору.
They came to a large burnished silver door, and the silver key opened it.	Они оказались перед большой блестящей серебристой дверью и отперли ее серебряным ключом.
They entered, shut the door, and turned.	Вошли, захлопнули дверь и осмотрелись

	кругом.
They were in a vast sunlit hall.	Они были в просторном, залитом солнцем зале.
Men and woman sat at tables and stood in conversing groups.	Мужчины и женщины сидели за столами, стояли кучками разговаривали.
At the sound of the door they regarded the four uniformed men.	Щелчок замка заставил их обернуться, и все воззрились на четверых людей, одетых в форму.
One Martian stepped forward, bowing.	Один марсианин подошел к ним и поклонился.
"I am Mr. Uuu," he said.	- Я мистер Ууу, - представился он.
"And I am Captain Jonathan Williams, of New York City, on Earth," said the captain without emphasis.	- А я - капитан Джонатан Уильямс из Нью-Йорка, с Земли, - ответил капитан без всякого энтузиазма.
Immediately the hall exploded!	Мгновенно зал точно взорвался!
The rafters trembled with shouts and cries.	Потолок задрожал от криков и возгласов.
The people, rushing forward, waved and shrieked happily, knocking down tables, swarming, rollicking, seizing the four Earth Men, lifting them swiftly to their shoulders.	Марсиане, размахивая руками, восторженно крича, опрокидывая столы, толкая друг друга, со всех концов зала кинулись к землянам, стиснули их в объятиях, подняли всю четверку на руки.
They charged about the hall six times, six times making a full and wonderful circuit of the room, jumping, bounding, singing.	Шесть раз они пронесли их на плечах вокруг всего зала, шесть раз бегом совершили ликующий круг почета, прыгая, приплясывая, громко распевая.
The Earth Men were so stunned that they rode the toppling shoulders for a full minute before they began to laugh and shout at each other:	Земляне до того опешили, что целую минуту молча ехали верхом на качающихся плечах, прежде чем начали смеяться и кричать друг другу:
"Hey!"	- Вот это да!
This is more like it!"	Совсем другое дело!
"This is the life!"	- Здорово!

Boy!	Сразу бы так!
Yay!	Э-гей!
Yow!	Ух ты!
Whoopee!"	Э-э-э-эх!
They winked tremendously at each other. They flung up their hands to clap the air.	Они торжествующе подмигивали друг другу, они вскинули руки, хлопая в ладоши.
"Hey!"	- Э-гей!!!
"Hooray!" said the crowd.	- Ура! - вопила толпа.
They set the Earth Men on a table.	Марсиане поставили землян на стол.
The shouting died.	Крики смолкли.
The captain almost broke into tears.	Капитан чуть не разрыдался.
"Thank you.	- Спасибо вам, большое спасибо.
It's good, it's good."	Это замечательно...
"Tell us about yourselves," suggested Mr. Uuu.	- Расскажите о себе, - предложил мистер Ууу.
The captain cleared his throat.	Капитан откашлялся.
The audience ohed and ahed as the captain talked.	Слушатели восторженно охали и ахали.
He introduced his crew; each made a small	Капитан представил своих товарищей,

speech and was embarrassed by the thunderous applause.	каждый из них произнес коротеньку речь, смущенно принимая громовые овации.
Mr. Uuu dapped the captain's shoulder,	Мистер Ууу похлопал капитана по плечу.
"It's good to see another man from Earth."	- Приятно встретить здесь земляка!
I am from Earth also."	Я ведь тоже с Земли.
"How was that again?"	- То есть как это?
"There are many of us here from Earth."	- А вот так. Нас тут много с Земли.
"You?"	- Вы?
From Earth?"	С Земли?
The captain stared.	- Капитан вытаращил глаза.
"But is that possible?"	- Не может этого быть!
Did you come by rocket?	Вы что, тоже прилетели на ракете?
Has space travel been going on for centuries?"	В каком же веке начались космические полеты?
His voice was disappointed.	- В его голосе было разочарование.
"What - what country are you from?"	- Да вы откуда, из какой страны?
"Tuiereol."	- Туиэрэол.
I came by the spirit of my body, years ago."	Я перенесся сюда силой духа, много лет назад.
"Tuiereol."	- Туиэрэол... - медленно выговорил капитан.
The captain mouthed the word.	- Не знаю такой страны.

"I don't know that country.	И что это за сила духа...
What's this about spirit of body?"	- Вот мисс Ррр, она тоже с Земли.
"And Miss Rrr over here, she's from Earth, too, aren't you, Miss Rrr?"	Верно, мисс Ррр?
Miss Rrr nodded and laughed strangely.	Мисс Ррр кивнула и как-то странно усмехнулась.
"And so is Mr. Www and Mr. Qqq and Mr. Vvv!"	- И мистер Ююю, и мистер Щщщ, и мистер Ввв!
"I'm from Jupiter," declared one man, preening himself.	- А я с Юпитера, - представился один мужчина, приосанившись.
"I'm from Saturn," said another, eyes glinting slyly.	- А я с Сатурна, - ввернул другой, хитро поблескивая глазами.
"Jupiter, Saturn," murmured the captain, blinking.	- Юпитер, Сатурн... - бормотал капитан, моргая.
It was very quiet now; the people stood around and sat at the tables which were strangely empty for banquet tables.	Стало очень тихо. Марсиане толпились вокруг космонавтов, сидели за столами, но столы были пустые, банкетом тут и не пахло.
Their yellow eyes were glowing, and there were dark shadows under their cheekbones.	Желтые глаза горели, ниже скул залегли глубокие тени.
The captain noticed for the first time that there were no windows; the light seemed to permeate the walls.	Только тут капитан заметил, что в зале нет окон, свет словно проникал через стены.
There was only one door.	И только одна дверь.
The captain winced.	Капитан нахмурился.
"This is confusing.	- Чепуха какая-то.
Where on Earth is this Tuiereol?	Где находится Туиэрэол?
Is it near America?"	Далеко от Америки?
"What is America?"	- Что такое - Америка?
"You never heard of America!"	- Вы не слышали про Америку?!

You say you're from Earth and yet you don't know!"	Говорите, что сами с Земли, а не знаете Америки!
Mr. Uuu drew himself up angrily.	Мистер Ууу сердито вздернул голову.
"Earth is a place of seas and nothing but seas.	- Земля - сплошные моря, одни моря, больше ничего.
There is no land.	Там нет суши.
I am from Earth, and know."	Я сам оттуда, уж я-то знаю.
"Wait a minute." The captain sat back. "You look like a regular Martian.	- Постойте, - капитан отступил на шаг, - да вы же самый настоящий марсианин!
Yellow eyes.	Желтые глаза.
Brown skin."	Смуглая кожа...
"Earth is a place of all jungle," said Miss Rrr proudly.	- Земля сплошь покрыта джунглями, - гордо произнесла мисс Ррр.
"I'm from Orri, on Earth, a civilization built of silver!"	- Я из Орри, страны серебряной культуры!

Now the captain turned his head from and then to Mr. Uuu and then to Mr. Www and Mr. Zzz and Mr. Nnn and Mr. Hhh and Mr. Bbb.	Капитан переводил взгляд с одного лица на другое, с мистера Ууу на мистера Ююю, с мистера Ююю на мистера Ззз, с мистера Ззз на мистера Ннн, мистера Ххх, мистера Ббб.
He saw their yellow eyes waxing and waning in the light, focusing and unfocusing.	Он видел, как расширяются и сужаются зрачки их желтых глаз, как их взгляд становится то пристальным, то туманным.
He began to shiver.	Его охватила дрожь.
Finally he turned to his men and regarded them somberly.	Наконец он повернулся к своим подчиненным и мрачно сказал:
"Do you realize what this is?"	- Вы поняли, что это такое?
"What, sir?"	- Что, капитан?
"This is no celebration," replied the captain tiredly.	- Это вовсе не торжественная встреча, - устало произнес он.
"This is no banquet. These aren't government representatives. This is no surprise party.	- И не импровизированный прием. И не банкет. И мы здесь не почетные гости. А они не представители марсианских властей.
Look at their eyes.	Посмотрите на их глаза.
Listen to them!"	Прислушайтесь к их речам!
Nobody breathed.	Космонавты затаили дыхание.
There was only a soft white move of eyes in the close room.	Поблескивая белками, они медленно обозревали странный зал.
"Now I understand" - the captain's voice was far away - "why everyone gave us notes and passed us on, one from the other, until we met Mr. Iii, who sent us down a corridor with a key to open a door and shut a door.	- Теперь я понимаю, - голос капитана доносился словно издалека. - Понимаю, почему все давали нам новые адреса и отсылали к кому-нибудь другому, пока мы не встретили мистера Иии... Ну, а уж он дал точный адрес и даже ключ, чтобы мы отперли дверь и захлопнули ее.
And here we are..."	Вот мы и попали...
"Where are we, sir?"	- Куда мы попали, командир?
The captain exhaled.	Плечи капитана поникли.
"In an insane asylum."	- В сумасшедший дом.
It was night.	Наступила ночь.
The large hall lay quiet and dimly illuminated by	Тишина царила в просторном зале,

hidden light sources in the transparent walls.	озаренном тусклым сиянием светильников, скрытых в прозрачных стенах.
The four Earth Men sat around a wooden table, their bleak heads bent over their whispers.	Четверо землян сидели вокруг деревянного стола и перешептывались, сдвинув уныло поникшие головы.
On the floors, men and women lay huddled.	На полу вперемежку спали мужчины и женщины.
There were little stirs in the dark corners, solitary men or women gesturing their hands.	В темных углах что-то копошилось, одинокие фигуры странно взмахивали руками.

Every half-hour one of the captain's men would try the silver door and return to the table.	Каждые полчаса кто-нибудь из космонавтов подходил к серебристой двери и возвращался к столу.
"Nothing doing, sir.	- Бесполезно, капитан.
We're locked in proper."	Мы заперты надежно.
"They think we're really insane, sir?"	- Капитан, неужели нас приняли за сумасшедших?
"Quite.	- Конечно.
That's why there was no hullabaloo to welcome us.	Вот почему наше появление не вызвало бурных восторгов.
They merely tolerated what, to them, must be a constantly recurring psychotic condition."	Мы для них просто-напросто психически больные, каких здесь много.
He gestured at the dark sleeping shapes all about them.	- Он показал на фигуры спящих.
"Paranoids, every single one!"	- Это же параноики, все до одного!
What a welcome they gave us!	Но как они нас встретили!
For a moment there" - a little fire rose and died in his eyes - "I thought we were getting our true reception.	Мне даже на минуту показалось, - в его глазах вспыхнул огонек и тут же потух, - что наконец-то мы дождались торжественной встречи.
All the yelling and singing and speeches. Pretty nice, wasn't it - while it lasted?"	Эти возгласы, пение, речи... Ведь здорово было, а?..
"How long will they keep us here, sir?"	- Сколько нас продержат здесь, командир?
"Until we prove we're not psychotics."	- Пока мы не докажем, что мы не психи.
"That should be easy."	- Ну, это просто.
"I hope so."	- Надеюсь, что так...
"You don't sound very certain, sir."	- Вы, кажется, не очень в этом уверены, капитан?
"I'm not. Look in that corner."	- М-да... Поглядите вон в тот угол.
A man squatted alone in darkness.	Во мраке сидел на корточках мужчина.
Out of his mouth issued a blue flame which turned into the round shape of a small naked woman.	Из его рта вырвалось голубое пламя, которое приняло форму маленькой нагой женщины.
It flourished on the air softly in vapors of cobalt light, whispering and sighing.	Она плавно парила в воздухе, в дымке кобальтового света, что-то шепча и вздыхая.
The captain nodded at another corner.	Капитан мотнул головой в другую сторону.
A woman stood there, changing.	Там стояла женщина, с которой происходили удивительные превращения.
First she was embedded in a crystal pillar, then she melted into a golden statue, finally a staff of	Сперва она оказалась заключенной внутри хрустальной колонны, потом стала золотой

polished cedar, and back to a woman.	статуей, потом - кедровым посохом и наконец обрела свой первоначальный вид.
All through the midnight hall people were juggling thin violet flames, shifting, changing, for nighttime was the time of change and affliction.	Повсюду в полуночном зале мужчины и женщины манипулировали тонкими языками фиолетового пламени, непрерывно превращаясь и изменяясь, ибо ночь - пора тоски и метаморфоз.

"Magicians, sorcerers," whispered one of the Earth Men.	- Колдовство, черная магия, - прошептал один из землян.
"No, hallucination.	- Нет, галлюцинации.
They pass their insanity over into us so that we see their hallucinations too.	Они передают нам свой бред, так что мы видим их галлюцинации.
Telepathy.	Телепатия.
Autosuggestion and telepathy."	Самовнушение и телепатия.
"Is that what worries you, sir?"	- Это вас и тревожит, капитан?
"Yes.	- Да
If hallucinations can appear this "real" to us, to anyone, if hallucinations are catching and almost believable, it's no wonder they mistook us for psychotics.	Если галлюцинации кажутся нам - и не только нам всем - такими реальными, если галлюцинации так убедительны и правдоподобны, неудивительно, что нас приняли за психопатов.
If that man can produce little blue fire women and that woman there melt into a pillar, how natural if normal Martians think we produce our rocket ship with our minds."	Тот мужчина может делать маленьких женщин из голубого пламени, а вон эта женщина способна превращаться в статую; вполне естественно для нормального марсианина решить, что ракетный корабль - плод нашей большой фантазии.
"Oh," said his men in the shadows.	Из темноты донесся вздох отчаяния.
Around them, in the vast hall, flames leaped blue, flared, evaporated.	Кругом, то вспыхивая, то исчезая, плясали голубые огоньки.
Little demons of red sand ran between the teeth of sleeping men.	Изо рта спящих мужчин вылетали чертики из красного песка.
Women became oily snakes.	Женщины превращались в лоснящихся змей.
There was a smell of reptiles and animals.	Пахло зверьем и рептилиями.
In the morning everyone stood around looking fresh, happy, and normal.	Когда настало утро, все казались нормальными, веселыми и здоровыми.
There were no flames or demons in the room.	Никаких бесов, никакого пламени.
The captain and his men waited by the silver door, hoping it would open.	Капитан со своей командой стоял у серебристой двери в надежде, что она откроется.
Mr. Xxx arrived after about four hours.	Мистер ІІыы появился часа через четыре.
They had a suspicion that he had waited outside the door, peering in at them for at least three hours before he stepped in, beckoned, and led them to his small office.	Они подозревали, что он не меньше трех часовостоял за дверью изучая их, прежде чем войти, подозвать их к себе и провести в свой маленький кабинет.
He was a jovial, smiling man, if one could believe the mask he wore, for upon it was painted not one smile, but three.	Это был добродушный улыбающийся мужчина, если верить его маске, на которой была изображена не одна, а три разные улыбки.
Behind it, his voice was the voice of a not so	Впрочем, голос, звучавший из-под маски,

smiling psychologist.	явно принадлежал не столь уж улыбчивому психиатру.
"What seems to be the trouble?"	- Ну, что вас беспокоит?
"You think we're insane, and we're not," said the captain.	- Вы считаете нас сумасшедшими, но это не так, -сказал капитан.

"Contrarily, I do not think all of you are insane."	- Напротив, я вовсе не считаю всех вас сумасшедшими.
The psychologist pointed a little wand at the captain.	- Психиатр направил на капитана маленькую указку.
"No. Just you, sir.	- Только вас,уважаемый.
The others are secondary hallucinations."	Все остальные - вторичные галлюцинации.
The captain slapped his knee,	Капитан хлопнул себя по колену.
"So that's it!	- Так вот в чем дело!
That's why Mr. Iii laughed when I suggested my men sign the papers too!"	Вот почему мистер Иии расхохотался, когда я спросил, надо ли моим товарищам тоже подписать бланки!
"Yes, Mr. Iii told me." The psychologist laughed out of the carved, smiling mouth.	- Да, мистер Иии рассказал мне об этом, -Психиатр хохотнул сквозь извилистую прорезь рта в маске.
"A good joke.	- Отличная шутка.
Where was I?	Так о чём я говорил?
Secondary hallucinations, yes.	Да, вторичные галлюцинации.
Women come to me with snakes crawling from their ears.	Ко мне приходят женщины, у которых из ушей лезут змеи.
When I cure them, the snakes vanish."	После моего лечения змеи исчезают.
"We'll be glad to be cured.	- Мы с радостью подвергнемся лечению.
Go right ahead."	Приступайте.
Mr. Xxx seemed surprised.	Мистер ІІы был озадачен.
"Unusual.	- Поразительно.
Not many people want to be cured.	Мало кто соглашается на лечение.
The cure is drastic, you know."	Дело в том, что оно весьма радикально.
"Cure ahead!	- Ничего, валяйте, лечите!
I'm confident you'll find we're all sane."	Вы сами убедитесь, что мы все здоровы.
"Let me check your papers to be sure they're in order for a "cure."" He checked a file.	- Разрешите сперва посмотреть ваши бумаги, все ли оформлено для лечения.
"Yes. You know, such cases as yours need special "curing."	- Он полистал папку - Так... Видите ли, случаи, подобные вашему, требуют особых методов.
The people in that hall are simpler forms. But once you've gone this far, I must point out, with primary, secondary, auditory, olfactory, and labial hallucinations, as well as tactile and optical fantasies, it is pretty bad business.	У тех, кого вы видели в Доме, более легкая форма... Но когда дело заходит так далеко, как у вас, - с первичными, вторичными, слуховыми, обонятельными и вкусовыми галлюцинациями в сочетании с мнимыми осязательными и оптическими восприятиями, - то, будем говорить начистоту, дело обстоит плохо.
We have to resort to euthanasia."	Мы вынуждены прибегнуть к эвтаназии.
The captain leaped up with a roar.	Капитан с ревом вскочил на ноги.

"Look here, we've stood quite enough!	- Ну, вот что, хватит нам голову морочить!
---------------------------------------	--

Test us, tap our knees, check our hearts, exercise us, ask questions!"	Начинайте - обследуйте нас, стучите молотком по колену, выслушайте сердце, заставьте приседать, задавайте вопросы!
"You are free to speak."	- Говорите на здоровье.
The captain raved for an hour.	Капитан говорил с жаром целый час.
The psychologist listened.	Психиатр слушал.
"Incredible," he mused.	- Невероятно, - задумчиво пробормотал он.
"Most detailed dream fantasy I've ever heard."	- В жизни не слыхал такого детализированного фантастического бреда.
"God damn it, we'll show you the rocket ship!" screamed the captain.	- Черт возьми, мы покажем вам наш космический корабль! - взревел капитан.
"I'd like to see it."	- С удовольствием посмотрю.
Can you manifest it in this room?"	Вы можете показать его здесь, в этой комнате?
"Oh, certainly.	- Конечно.
It's in that file of yours, under R."	Он - в вашей картотеке, на букву "К".
Mr. Xxx peered seriously into his file. He went "Tsk" and shut the file solemnly.	Мистер Ыыы внимательно посмотрел картотеку, разочарованно щелкнул языком и неторопливо закрыл ящик.
"Why did you tell me to look?"	- Зачем вам понадобилось сбивать меня с толку?
The rocket isn't there."	Тут нет никакого космического корабля.
"Of course not, you idiot!"	- Разумеется, нет, кретин!
I was joking.	Я пошутил.
Does an insane man joke?"	А теперь скажите: сумасшедшие острят?
"You find some odd senses of humor.	- Иногда встречаются довольно необычные проявления юмора.
Now, take me out to your rocket.	Ладно, ведите меня к своей ракете.
I wish to see it."	Я хочу посмотреть на нее.
It was noon. The day was very hot when they reached the rocket.	Был жаркий полдень, когда они пришли к ракете.
"So."	- Та-ак.
The psychologist walked up to the ship and tapped it.	- Психиатр подошел к кораблю и постучал по корпусу.
It gonged softly.	Звон был мягкий, густой.
"May I go inside?" he asked slyly.	- Можно войти внутрь? - спросил он с хитрецой.
"You may."	- Входите.
Mr. Xxx stepped in and was gone for a long time.	Мистер Ыыы вошел в корабль - и застрял там.
"Of all the silly, exasperating things." The captain chewed a cigar as he waited.	- Всякое бывало в моей гречной жизни, но такого... - Капитан ждал, жуя сигару.

"For two cents I'd go back home and tell people not to bother with Mars.	- Больше всего на свете мне хочется улететь домой и сказать там, чтобы больше не связывались с этим Марсом.
What a suspicious bunch of louts."	Более подозрительных пентюхов...
"I gather that a good number of their population are insane, sir.	- Сдается мне, командир, здесь вообще каждый второй - ненормальный.
That seems to be their main reason for doubting."	Немудрено, что они такие недоверчивые.

"Nevertheless, this is all so damned irritating."	- Все равно, мне это осталось!
The psychologist emerged from the ship after half an hour of prowling, tapping, listening, smelling, tasting.	Полчаса психиатр копался, щупал, выступал, слушал, нюхал, пробовал на вкус, наконец он вышел из корабля.
"Now do you believe!" shouted the captain, as if he were deaf.	- Ну, теперь-то вы убедились! - крикнул капитан, словно глухой.
The psychologist shut his eyes and scratched his nose.	Психиатр закрыл глаза и почесал нос.
"This is the most incredible example of sensual hallucination and hypnotic suggestion I've ever encountered."	- Это самый поразительный пример мнимого восприятия и гипнотического внушения, с каким я когда-либо сталкивался.
I went through your "rocket," as you call it."	Я осмотрел вашу так называемую "ракету".
He tapped the hull.	- Он постучал пальцем по корпусу.
"I hear it. Auditory fantasy."	- Я ее слышу - слуховая иллюзия.
He drew a breath.	- Он втянул носом воздух.
"I smell it."	- Я ее обоняю.
Olfactory hallucination, induced by sensual telepathy."	Обонятельная галлюцинация, наведенная телепатической передачей чувств.
He kissed the ship.	- Он поцеловал обшивку ракеты.
"I taste it. Labial fantasy!"	- Я ощущаю ее вкус: вкусовая иллюзия!
He shook the captain's hand.	Он пожал руку капитана.
"May I congratulate you?"	- Разрешите поздравить вас?
You are a psychotic genius!	Вы психопатический гений!
You have done a most complete job!	Это-это просто верх совершенства!
The task of projecting your psychotic image life into the mind of another via telepathy and keeping the hallucinations from becoming sensually weaker is almost impossible.	Ваша способность телепатическим путем проецировать свои психопатические фантазии на сознание других субъектов при полной сохранности силы восприятия поразительна, невероятна.
Those people in the House usually concentrate on visuals or, at the most, visuals and auditory fantasies combined.	Остальные наши пациенты обычно концентрируются на зрительных галлюцинациях, в лучшем случае в сочетании со слуховыми.
You have balanced the whole conglomeration!	Вы же справляетесь со всем комплексом!
Your insanity is beautifully complete!"	Ваше безумие совершенно до изумления!
"My insanity." The captain was pale.	- Мое безумие... - Капитан побледнел.

"Yes, yes, what a lovely insanity.	- Да, да, великолепное безумие!
Metal, rubber, gravitizers, foods, clothing, fuel, weapons, ladders, nuts, bolts, spoons. Ten thousand separate items I checked on your vessel.	Металл, резина, гравитаторы, пища, одежда, горючее, оружие, трапы, гайки, болты, ложки - я проверил множество предметов.
Never have I seen such a complexity.	В жизни не видел такой сложной картины.
There were even shadows under the bunks and under everything!	Даже тени под койками - подо всем!
Such concentration of will!	Такая концентрация воли!
And everything, no matter how or when tested, had a smell, a solidity, a taste, a sound!	И все - все, сколько я ни проверял, можно пощупать, понюхать, послушать, попробовать на вкус!
Let me embrace you!"	Позвольте мне вас обнять!
He stood back at last.	Наконец он оторвался от Капитана.

"I'll write this into my greatest monograph!	- Я напишу об этом монографию; она будет лучшей моей работой!
I'll speak of it at the Martian Academy next month!	В следующем месяце прочту доклад в Марсианской Академии наук!
Look at you!	Одна ваша внешность чего стоит!
Why, you've even changed your eye color from yellow to blue, your skin to pink from brown.	Вы ухитрились изменить даже цвет глаз - вместо желтого голубой, и кожа у вас не смуглая, а розовая!
And those clothes, and your hands having five fingers instead of six!	А этот костюм, и пять пальцев на руках вместо шести!
Biological metamorphosis through psychological imbalance!	Подумать только, полная биологическая метаморфоза под влиянием отклонений в психике!
And your three friends. - "	Да еще ваши три приятеля...
He took out a little gun.	Он достал маленький пистолет.
"Incurable, of course.	- Вы, конечно, неизлечимы.
You poor, wonderful man.	Несчастный вы, удивительный человек!
You will be happier dead.	Только смерть принесет вам избавление.
Have you any last words?"	Хотите сказать что-нибудь напоследок?
"Stop, for God's sake!	- Стойте, бога ради!
Don't shoot!"	Не стреляйте!
"You sad creature.	- Бедняга!
I shall put you out of this misery which has driven you to imagine this rocket and these three men.	Я исцелю вас от страданий, которые заставили вас вообразить эту ракету и этих троих людей.
It will be most engrossing to watch your friends and your rocket vanish once I have killed you.	Захватывающее будет зрелище: я убиваю вас, и мгновенно исчезают ваши друзья, и ваша ракета.

I will write a neat paper on the dissolution of neurotic images from what I perceive here today."	Aх, какую статеечку я напишу по сегодняшним наблюдениям - "Распад невротических иллюзий"!
"I'm from Earth!	- Я с Земли!
My name is Jonathan Williams, and these - "	Меня зовут Джонатан Уильямс, а эти...
"Yes, I know," soothed Mr. Xxx, and fired his gun.	- Знаю, знаю, - ласково сказал мистер Ыыы и выстрелил.
The captain fell with a bullet in his heart.	Капитан упал с пулей в сердце.
The other three men screamed.	Его товарищи закричали.
Mr. Xxx stared at them.	Мистер Ыыы вытаращил глаза.
"You continue to exist?	- Вы продолжаете существовать?
This is superb!	Это бесподобно!
Hallucinations with time and spatial persistence!"	Галлюцинации с персистенцией во времени и пространстве!
He pointed the gun at them.	- Он направил на них пистолет.
"Well, I'll scare you into dissolving."	- Ничего, я вас заставлю исчезнуть.
"No!" cried the three men,	- Нет! - крикнули космонавты.
"An auditory appeal, even with the patient dead," observed Mr. Xxx as he shot the three men down.	- Слуховая иллюзия даже после смерти больного,- деловито отметил мистер Ыыы, убивая одного за другим всех троих.
They lay on the sand, intact, not moving.	Они неподвижно лежали на песке, николько не изменившись.

He kicked them.	Он толкнул их ногой.
Then he rapped on the ship.	Потом постучал по корпусу ракеты.
"It persists!"	- Она не пропала!
They persist!"	Они не исчезли!
He fired his gun again and again at the bodies.	- Он снова и снова стрелял в безжизненные тела.
Then he stood back.	Потом отступил назад.
The smiling mask dropped from his face.	Маска с застывшей улыбкой упала ему под ноги.
Slowly the little psychologist's face changed.	Выражение лица психиатра медленно изменялось.
His jaw sagged.	Нижняя челюсть отвисла.
The gun dropped from his fingers.	Пистолет выпал из ослабевшей руки.
His eyes were dull and vacant He put his hands up and turned in a blind cirde.	Взгляд его стал пустым, отсутствующим. Он вскинул руки вверх и повернулся кругом, точно слепой.
He fumbled at the bodies, saliva filling his mouth.	Он щупал мертвые тела, то и дело сглатывая слюну.
"Hallucinations," he mumbled frantically.	- Галлюцинации, - лихорадочно бормотал он.
"Taste.	- Вкус.

Sight.	Зрительные образы.
Smell.	Запах.
Sound.	Звук.
Feeling."	Ощущение.
He waved his hands. His eyes bulged.	Он махал руками, выпучив глаза.
His mouth began to give off a faint froth.	На губах выступила пена.
"Go away!" he shouted at the bodies.	- Сгиньте! - завопил мистер Ыыы, обращаясь к убитым.
"Go away!" he screamed at the ship.	- Сгинь! - крикнул он ракете.
He examined his trembling hands.	Он посмотрел на свои дрожащие руки.
"Contaminated," he whispered wildly.	- Заразился, - прошептал он в отчаянии.
"Carried over into me.	- Перешло ко мне.
Telepathy.	Телепатия.
Hypnosis.	Гипноз.
Now I'm insane, Now I'm contaminated.	Теперь я безумен.
Hallucinations in all their sensual forms."	Все виды мнимых восприятий.
He stopped and searched around with his numb hands for the gun.	- На секунду он замер, потом стал непослушными пальцами искать пистолет.
"Only one cure.	- Осталось только одно средство.
Only one way to make them go away, vanish."	Единственный способ заставить их сгинуть, исчезнуть.
A shot rang out, Mr. Xxx fell.	Раздался выстрел Мистер Ыыы упал.
The four bodies lay in the sun.	Под лучами солнца лежали четыре тела.
Mr. Xxx lay where he fell.	Тут же рядом лежал мистер Ыыы.
The rocket reclined on the little sunny hill and didn't vanish.	Ракета стояла, покосившись, на залитом солнцем пригорке, никуда не исчезая.
When the town people found the rocket at sunset they wondered what it was.	Когда на закате горожане нашли ракету, они долго ломали себе голову, что это такое.
Nobody knew, so it was sold to a junkman and hauled off to be broken up for scrap metal.	Никто не отгадал. Ракету продали старьевщику, который увез ее и разобрал на

	утиль.
That night it rained all night.	Всю ночь напролет шел дождь.
The next day was fair and warm.	На следующий день было ясно и тепло.
March 2000: THE TAXPAYER	Март 2000 Налогоплательщик
He wanted to go to Mars on the rocket.	Он хотел улететь с ракетой на Марс.
He went down to the rocket field in the early morning and yelled in through the wire fence at the men in uniform that he wanted to go to Mars, He told them he was a taxpayer, his name was Pritchard, and he had a right to go to Mars.	Рано утром он пришел к космодрому и стал кричать через проволочное ограждение людям в мундирах, что хочет на Марс. Он исправно платит налоги, его фамилия Причард, и он имеет полное право лететь на Марс.

Wasn't he born right here in Ohio?	Разве он родился не здесь, не в Огайо?
Wasn't he a good citizen?	Разве он плохой гражданин?
Then why couldn't he go to Mars?	Так в чем же дело, почему ему нельзя лететь на Марс?
He shook his fists at them and told them that he wanted to get away from Earth; anybody with any sense wanted to get away from Earth.	Потрясая кулаками, он крикнул им, что не хочет оставаться на Земле: любой здравомыслящий человек мечтает унести ноги с Земли.
There was going to be a big atomic war on Earth in about two years, and he didn't want to be here when it happened.	Не позже чем через два года на Земле разразится атомная мировая война, и он вовсе не намерен дожидаться, когда это произойдет.
He and thousands of others like him, if they had any sense, would go to Mars.	Он и тысячи других, у кого есть голова на плечах, хотят на Марс.
See if they wouldn't!	Спросите их сами!
To get away from wars and censorship and statism and conscription and government control of this and that, of art and science!	Подальше от войн и цензуры, от бюрократии и воинской повинности, от правительства, которое не дает шагу шагнуть без разрешения, подмяло под себя и науку и искусство!
You could have Earth!	Можете оставаться на Земле, если хотите!
He was offering his good right hand, his heart, his head, for the opportunity to go to Mars!	Он готов отдать свою правую руку, сердце, голову, только бы улететь на Марс!
What did you have to do, what did you have to sign, whom did you have to know, to get on the rocket?	Что надо сделать, где расписаться, с кем знакомство завести, чтобы попасть на ракету?
They laughed out through the wire screen at him.	Они только смеялись в ответ из-за проволочного забора.
He didn't want to go to Mars, they said.	И вовсе ему не хочется на Марс, говорили они.
Didn't he know that the First and Second Expeditions had failed, had vanished; the men were probably dead?	Разве он не знает, что Первая и Вторая экспедиции пропали, канули в небытие, что их участники, вернее всего, погибли?
But they couldn't prove it, they didn't know for sure, he said, clinging to the wire fence.	Но это еще надо доказать, никто не знает этого точно, кричал он, вцепившись в проволоку.
Maybe it was a land of milk and honey up there, and Captain York and Captain Williams had just never bothered to come back.	А может быть, там молочные реки и кисельные берега, может быть, капитан Йорк и капитан Уильямс просто не желают

	возвращаться.
Now were they going to open the gate and let him in to board the Third Expeditionary Rocket, or was he going to have to kick it down?	Ну так как - откроют ему ворота, пустят в ракету Третьей экспедиции, или ему придется вламываться силой?
They told him to shut up.	Они посоветовали ему заткнуться.
He saw the men walking out to the rocket.	Он увидел, как космонавты идут к ракете.
Wait for me! he cried. Don't leave me here on this terrible world, I've got to get away; there's going to be an atom war!	- Подождите меня! - закричал он - Не оставляйте меня в этом ужасном мире, я хочу улететь отсюда, скоро начнется атомная война!
Don't leave me on Earth!	Не оставляйте меня на Земле!
They dragged him, struggling, away.	Они силой оттащили его от ограды.

They slammed the policewagon door and drove him off into the early morning, his face pressed to the rear window, and just before they sireden over a hill, he saw the red fire and heard the big sound and felt the huge tremor as the silver rocket shot up and left him behind on an ordinary Monday morning on the ordinary planet Earth.	Они захлопнули дверцу полицейской машины и увезли его в этот утренний час, а он прильнул к заднему окошку и за мгновение перед тем, как в облаке сиренового воя машина перемахнула через бугор, увидел багровое пламя, и услышал могучий гул, и ощутил мощное сотрясение - это серебристая ракета взмыла ввысь, оставив его на ничем не примечательной планете Земля в это ничем не примечательное утро заурядного понедельника.
April 2000: THE THIRD EXPEDITION	Апрель 2000 Третья экспедиция
The ship came down from space.	Корабль пришел из космоса.
It came from the stars and the black velocities, and the shining movements, and the silent gulfs of space.	Позади остались звезды, умопомрачительные скорости, сверкающее движение и немые космические бездны.
It was a new ship; it had fire in its body and men in its metal cells, and it moved with a clean silence, fiery and warm.	Корабль был новый; в нем жило пламя, в его металлических ячейках сидели люди; в строгом беззвучии летел он, дыша теплом, извергая огонь.
In it were seventeen men, including a captain.	Семнадцать человек было в его отсеках, включая командира.
The crowd at the Ohio field had shouted and waved their hands up into the sunlight, and the rocket had bloomed out great flowers of heat and color and run away into space on the third voyage to Mars!	Толпа на космодроме в Огайо кричала, махала руками, подняв их к солнцу, и ракета расцвела гигантскими лепестками многокрасочного пламени и устремилась в космос - началась Третья экспедиция на Марс!
Now it was decelerating with metal efficiency in the upper Martian atmospheres.	Теперь корабль с железной точностью тормозил в верхних слоях марсианской атмосферы.
It was still a thing of beauty and strength.	Он был по-прежнему воплощением красоты и мощи.
It had moved in the midnight waters of space like a pale sea leviathan; it had passed the ancient moon and thrown itself onward into one nothingness following another.	Сквозь черные пучины космоса он скользил, подобно призрачному морскому чудовищу; он промчался мимо старушки Луны и ринулся в пустоты, пронзая их одну за другой.
The men within it had been battered, thrown	Людей в его чреве бросало, швыряло,

about, sickened, made well again, each in his turn.	колотило, все они по очереди переболели.
One man had died, but now the remaining sixteen, with their eyes clear in their heads and their faces pressed to the thick glass ports, watched Mars swing up under them.	Один из них умер, зато теперь оставшиеся шестнадцать, прильнув к толстым стеклам иллюминаторов, расширенными глазами глядели, как внизу под ними стремительно вращается и вырастает Марс.
"Mars!" cried Navigator Lustig.	- Марс! - воскликнул штурман Люстиг.
"Good old Mars!" said Samuel Hinkston, archaeologist.	- Старина Марс! - сказал Сэмюэль Хинкстон, археолог.
"Well," said Captain John Black.	- Добро, - произнес капитан Джон Блэк.
The rocket landed on a lawn of green grass.	Ракета села на зеленой полянке.
Outside, upon this lawn, stood an iron deer.	Чуть поодаль на той же полянке стоял олень, отлитый из чугуна.

Further up on the green stood a tall brown Victorian house, quiet in the sunlight, all covered with scrolls and rococo, its windows made of blue and pink and yellow and green colored glass.	Еще дальше дремал на солнце высокий коричневый дом в викторианском стиле, с множеством всевозможных завитушек, с голубыми, розовыми, желтыми, зелеными стеклами в окнах.
Upon the porch were hairy geraniums and an old swing which was hooked into the porch ceiling and which now swung back and forth, back and forth, in a little breeze.	На террасе росла косматая герань и висели на крючках, покачиваясь взад-вперед, взад-вперед от легкого ветерка, старые качели.
At the summit of the house was a cupola with diamond leaded-glass windows and a dunce-cap roof!	Башенка с ромбическими хрустальными стеклами и конической крышей венчала дом.
Through the front window you could see a piece of music titled "Beautiful Ohio" sitting on the music rest.	Через широкое окно в первом этаже можно было разглядеть пюпитр с нотами под заглавием: "Прекрасный Огайо".
Around the rocket in four directions spread the little town, green and motionless in the Martian spring.	Вокруг ракеты на все стороны раскинулся городок, зеленый и недвижный в сиянии марсианской весны.
There were white houses and red brick ones, and tall elm trees blowing in the wind, and tall maples and horse chestnuts.	Стояли дома, белые и из красного кирпича, стояли, клонясь от ветра, высокие клены, и могучие вязы, и каштаны.
And church steeples with golden bells silent in them.	Стояли колокольни с безмолвными золотистыми колоколами.
The rocket men looked out and saw this.	Все это космонавты увидели в иллюминаторы.
Then they looked at one another and then they looked out again.	Потом они посмотрели друг на друга. И снова выглянули в иллюминаторы.
They held to each other's elbows, suddenly unable to breathe, it seemed, Their faces grew pale.	И каждый ухватился за локоть соседа с таким видом, точно им вдруг стало трудно дышать.
"I'll be damned," whispered Lustig, rubbing his face with his numb fingers.	Лица их побледнели. - Черт меня побери, - прошептал Люстиг, потирая лицо онемевшими пальцами.
"I'll be damned."	- Чтоб мне провалиться!
"It just can't be," said Samuel Hinkston.	- Этого просто не может быть, - сказал Сэмюэль Хинкстон.

"Lord," said Captain John Black.	- Господи, - произнес командир Джон Блэк.
There was a call from the chemist.	Химик доложил из своей рубки:
"Sir, the atmosphere is thin for breathing.	- Капитан, атмосфера разреженная.
But there's enough oxygen.	Но кислорода достаточно.
It's safe."	Опасности никакой.
"Then we'll go out," said Lustig.	- Значит, выходим? - спросил Люстиг.
"Hold on," said Captain John Black.	- Отставить, - сказал капитан Джон Блэк - Надо еще разобраться, что это такое.
"How do we know what this is?"	- Это?

"It's a small town with thin but breathable air in it, sir."	Маленький городок, капитан, воздух хоть и разреженный, но дышать можно.
"And it's a small town the like of Earth towns," said Hinkston, the archaeologist	- Маленький городок, похожий на земные города, - добавил археолог Хинкстон.
"Incredible."	- Невообразимо.
It can't be, but it is."	Этого просто не может быть, и все же вот он, перед нами...
Captain John Black looked at him idly.	Капитан Джон Блэк рассеянно глянул на него.
"Do you think that the civilizations of two planets can progress at the same rate and evolve in the same way, Hinkston?"	- Как по-вашему, Хинкстон, может цивилизация на двух различных планетах развиваться одинаковыми темпами и в одном направлении?
"I wouldn't have thought so, sir."	- По-моему, это маловероятно, капитан.
Captain Black stood by the port.	Капитан Блэк стоял возле иллюминатора.
"Look out there. The geraniums.	- Посмотрите вон на те герани.
A specialized plant.	Совершенно новый вид.
That specific variety has only been known on Earth for fifty years.	Он выведен на Земле всего лет пятьдесят тому назад.
Think of the thousands of years it takes to evolve plants.	А теперь вспомните, сколько тысячелетий требуется для эволюции того или иного растения.
Then tell me if it is logical that the Martians should have: one, leaded-glass windows; two, cupolas; three, porch swings; four, an instrument that looks like a piano and probably is a piano; and five, if you look closely through this telescopic lens here, is it logical that a Martian composer would have published a piece of music titled, strangely enough,	И заодно скажите мне, логично ли это, чтобы у марсиан были: во-первых, именно такие оконные рамы, во-вторых, башенки, в-третьих, качели на террасе, в-четвертых, инструмент, который похож на пианино и скорее всего и есть не что иное, как пианино, в-пятых, - поглядите-ка внимательно в телескоп, вот так, - логично ли, чтобы марсианский композитор назвал свое произведение не как-нибудь иначе, а именно
"Beautiful Ohio"?	"Прекрасный Огайо"?
All of which means that we have an Ohio River on Mars!"	Ведь это может означать только одно: на Марсе есть река Огайо!
"Captain Williams, of course!" cried Hinkston,	- Капитан Уильямс, ну конечно же! - вскричал Хинкстон.
"What?"	- Что?
"Captain Williams and his crew of three men!"	- Капитан Уильямс и его тройка!
Or Nathaniel York and his partner.	Или Натаниэл Йорк со своим напарником.
That would explain it!"	Это все объясняет!

"That would explain absolutely nothing.	- Это не объясняет ничего.
As far as we've been able to figure, the York expedition exploded the day it reached Mars, killing York and his partner.	Насколько нам удалось установить, ракета Йорка взорвалась, едва они сели на Марсе, и оба космонавта погибли.
As for Williams and his three men, their ship exploded the second day after their arrival.	Что до Уильямса и его тройки, то их корабль взорвался на второй день после прибытия.

At least the pulsations from their radios ceased at that time, so we figure that if the men were alive after that they'd have contacted us.	Во всяком случае, именно в это время прекратили работу передатчики. Будь они живы, они попытались бы связаться с нами.
And anyway, the York expedition was only a year ago, while Captain Williams and his men landed here some time during last August.	Не говоря уже о том, что со времени экспедиции Йорка прошел всего один год, а экипаж капитана Уильямса прилетел сюда в августе.
Theorizing that they are still alive, could they, even with the help of a brilliant Martian race, have built such a town as this and aged it in so short a time?	Допустим даже, что они живы, - возможно ли, хотя бы с помощью самых искусственных марсиан, за такое короткое время выстроить целый город, и чтобы он выглядел таким старым?
Look at that town out there; why, it's been standing here for the last seventy years.	Вы посмотрите как следует, ведь этому городу самое малое семьдесят лет.
Look at the wood on the porch newel; look at the trees, a century old, all of them!	Взгляните на перильные тумбы крыльца, взгляните на деревья - вековые клены!
No, this isn't York's work or Williams'.	Нет, ни Йорк, ни Уильямс тут ни при чем.
It's something else.	Тут что-то другое.
I don't like it.	Не по душе мне это.
And I'm not leaving the ship until I know what it is."	И, пока я не узнаю, в чем дело, не выйду из корабля.
"For that matter," said Lustig, nodding, "Williams and his men, as well as York, landed on the opposite side of Mars.	- Да к тому же, - добавил Люстиг, - Уильямс и его люди, и Йорк тоже садились на той стороне Марса.
We were very careful to land on this side."	Мы ведь сознательно выбрали эту сторону.
"An excellent point.	- Вот именно.
Just in case a hostile local tribe of Martians killed off York and Williams, we have instructions to land in a further region, to forestall a recurrence of such a disaster.	На тот случай, если Йорка и Уильямса убило враждебное марсианско племя, нам было приказано сесть в другом полушарии. Чтобы катастрофа не повторилась.
So here we are, as far as we know, in a land that Williams and York never saw."	Так что мы находимся в краю, которого, насколько нам известно, ни Уильямс, ни Йорк и в глаза не видали.
"Damn it," said Hinkston, "I want to get out into this town, sir, with your permission.	- Черт возьми, - сказал Хинкстон, - я все-таки пойду в этот город с вашего разрешения, капитан.
It may be there are similar thought patterns, civilization graphs on every planet in our sun system.	Ведь может оказаться, что на всех планетах нашей Солнечной системы мышление и цивилизация развивались сходными путями.
We may be on the threshold of the greatest psychological and metaphysical discovery of our age!"	Кто знает, возможно, мы стоим на пороге величайшего психологического и философского открытия нашей эпохи! [2]
"I'm willing to wait a moment," said Captain John Black.	- Я предпочел бы обождать немного, - сказал капитан Джон Блэк.

"It may be, sir, that we're looking upon a phenomenon that, for the first time, would absolutely prove the existence of God, sir."	- Командир, может быть, перед нами явление, которое впервые докажет существование бога!
--	---

"There are many people who are of good faith without such proof, Mr. Hinkston."	- Верующих достаточно и без таких доказательств, мистер Хинкстон...
"I'm one myself, sir.	- Да, и я отношусь к ним, капитан.
But certainly a town like this could not occur without divine intervention.	Но совершенно ясно - такой город просто не мог появиться без вмешательства божественного провидения.
The detail. It fills me with such feelings that I don't know whether to laugh or cry."	Все эти мелочи, детали... Во мне сейчас такая борьба чувств, не знаю, смеяться мне или плакать.
"Do neither, then, until we know what we're up against."	- Тогда воздержитесь и от того, и от другого, пока мы не выясним, с чем столкнулись.
"Up against?" Lustig broke in.	- С чем столкнулись? - вмешался Люстиг.
"Against nothing, Captain.	- Да ни с чем.
It's a good, quiet green town, a lot like the old-fashioned one I was born in.	Обыкновенный славный, тихий, зеленый городок, и очень похож на тот стародавний уголок, в котором я родился.
I like the looks of it."	Мне он просто нравится.
"When were you born, Lustig?"	- Когда вы родились, Люстиг?
"Nineteen-fifty, sir."	- В тысяча девятьсот пятидесятом, сэр.
"And you, Hinkston?"	- А вы, Хинкстон?
"Nineteen fifty-five, sir.	- В тысяча девятьсот пятьдесят пятом, капитан.
Grinnell, Iowa.	Гриннелл, штат Айова.
And this looks like home to me."	Вот гляжу сейчас, и кажется, будто я на родину вернулся.
"Hinkston, Lustig, I could be either of your fathers. I'm just eighty years old.	- Хинкстон, Люстиг, я мог бы быть вашим отцом, мне ровно восемьдесят.
Born in 1920 in Illinois, and through the grace of God and a science that, in the last fifty years, knows how to make some old men young again, here I am on Mars, not any more tired than the rest of you, but infinitely more suspicious.	Родился я в тысяча девятьсот двадцатом, в Иллинойсе, но благодаря божьей милости и науке, которая за последние пятьдесят лет научилась делать некоторых стариков молодыми, я прилетел с вами на Марс. Устал я не больше вас, а вот недоверчивости у меня во много раз больше.
This town out here looks very peaceful and cool, and so much like Green Bluff, Illinois, that it frightens me.	У этого городка такой мирный, такой приветливый вид - и он так похож на мой Грин-Блафф в Иллинойсе, что мне даже страшно.
It's too much like Green Bluff."	Он слишком похож на Грин-Блафф.
He turned to the radioman.	- Командир повернулся к радиостанции.
"Radio Earth.	- Свяжитесь с Землей.
Tell them we've landed.	Передайте, что мы сели.
That's all.	Больше ничего.
Tell them we'll radio a full report tomorrow."	Скажите, что полный доклад будет передан завтра.
"Yes, sir."	- Есть, капитан.

Captain Black looked out the rocket port with his face that should have been the face of a man eighty but seemed like the face of a man in his fortieth year.	Капитан Блэк выглянул в иллюминатор; глядя на его лицо, никто не дал бы ему восьмидесяти лет -от силы сорок.
"Tell you what we'll do, Lustig; you and I and Hinkston'll look the town over.	- Теперь слушайте, Люстиг. Вы, я и Хинкстон пойдем и осмотрим город.
The other men'll stay aboard.	Остальным ждать в ракете.
If anything happens they can get the hell out.	Если что случится, они успеют унести ноги.
A loss of three men's better than a whole ship.	Лучше потерять троих, чем погубить весь корабль.
If something bad happens, our crew can warn the next rocket.	В случае несчастья наш экипаж сумеет оповестить следующую ракету.
That's Captain Wilder's rocket, I think, due to be ready to take off next Christmas. if there's something hostile about Mars we certainly want the next rocket to be well armed."	Ее поведет капитан Уайлдер в конце декабря, если не ошибаюсь. Если на Марсе есть какие-то враждебные силы, новая экспедиция должна быть хорошо вооружена.
"So are we.	- Но ведь и мы вооружены.
We've got a regular arsenal with us."	Целый арсенал с собой.
"Tell the men to stand by the guns then.	- Ладно, передайте людям - привести оружие в готовность.
Come on, Lustig, Hinkston."	Пошли, Люстиг, пошли, Хинкстон.
The three men walked together down through the levels of the ship.	И три космонавта спустились через отсеки корабля вниз.
It was a beautiful spring day.	Был чудесный весенний день.
A robin sat on a blossoming apple tree and sang continuously.	На цветущей яблоне щебетала неутомимая малиновка.
Showers of petal snow sifted down when the wind touched the green branches, and the blossom scent drifted upon the air.	Облака белых лепестков сыпались вниз, когда ветер касался зеленых ветвей, далеко вокруг разносилось нежное благоухание.
Somewhere in the town someone was playing the piano and the music came and went, came and went, softly, drowsily.	Где-то в городке кто-то играл на пианино, и музыка плыла в воздухе - громче, тише, громче, тише, нежная, баюкающая.
The song was	Играли
"Beautiful Dreamer."	"Прекрасного мечтателя".
Somewhere else a phonograph, scratchy and faded, was hissing out a record of	А в другой стороне граммофон скрипело, невнятно гнусавил
"Roamin' in the Gloamin'," sung by Harry Lauder.	"Странствие в сумерках" в исполнении Гарри Лодера.
The three men stood outside the ship.	Трое космонавтов стояли подле ракеты.
They sucked and gasped at the thin, thin air and moved slowly so as not to tire themselves.	Они жадно хватали ртом сильно разреженный воздух, потом медленно пошли, сберегая силы.
Now the phonograph record being played was:	Теперь звучала другая пластинка.
"Oh, give me a June night	Мне бы июньскую ночь,

The moonlight and you..."	Лунную ночь - и тебя...
Lustig began to tremble. Samuel Hinkston did likewise.	У Люстига задрожали колени, у Сэмюэля Хинкстона тоже.
The sky was serene and quiet, and somewhere a stream of water ran through the cool caverns and tree shadings of a ravine.	Небо было прозрачное и спокойное, где-то на дне оврага, под прохладным навесом листвы, журчал ручей.

Somewhere a horse and wagon trotted and rolled by, bumping.	Цокали конские копыта, громыхала, подпрыгивая, телега.
"Sir," said Samuel Hinkston, "it must be, it has to be, that rocket travel to Mars began in the years before the first World War!"	- Капитан, - сказал Сэмюэль Хинкстон, - как хотите, но похоже - нет, иначе просто быть не может, - полеты на Марс начались еще до первой мировой войны!
"No."	- Нет.
"How else can you explain these houses, the iron deer, the pianos, the music?"	- Но как еще объясните вы эти дома, этого чугунного оленя, пианино, музыку?
Hinkston took the captain's elbow persuasively and looked into the captain's face.	- Хинкстон настойчиво стиснул локоть капитана, посмотрел ему в лицо.
"Say that there were people in the year 1905 who hated war and got together with some scientists in secret and built a rocket and came out here to Mars - "	- Представьте себе, что были, ну, скажем, в тысяча девятьсот пятом году люди, которые ненавидели войну, и они тайно сговорились с учеными, построили ракету и перебрались сюда, на Марс...
"No, no, Hinkston."	- Невозможно, Хинкстон.
"Why not?"	- Почему?
The world was a different world in 1905; they could have kept it a secret much more easily."	В тысяча девятьсот пятом году мир был совсем иной, тогда было гораздо легче сохранить это в секрете.
"But a complex thing like a rocket, no, you couldn't keep it secret."	- Только не такую сложную штуку, как ракета! Нет, нет...
"And they came up here to live, and naturally the houses they built were similar to Earth houses because they brought the culture with them."	- Они прилетели сюда насовсем и, естественно, построили такие же дома, как на Земле, ведь они привезли с собой земную культуру.
"And they've lived here all these years?" said the captain.	- И все эти годы жили здесь? - спросил командир.
"In peace and quiet, yes.	- Вот именно, тихо и мирно жили.
Maybe they made a few trips, enough to bring enough people here for one small town, and then stopped for fear of being discovered.	Возможно, они еще не раз слетали на Землю, привезли сюда людей, сколько нужно, скажем, чтобы заселить вот такой городок, а потом прекратили полеты, чтобы их не обнаружили.
That's why this town seems so old-fashioned.	Поэтому и город такой старомодный.
I don't see a thing, myself, older than the year 1927, do you?	Лично мне пока не попался на глаза ни один предмет, сделанный позже тысяча девятьсот двадцать седьмого года. А вам, капитан?

Or maybe, sir, rocket travel is older than we think.	Впрочем, может, космические путешествия вообще начались гораздо раньше, чем мы полагаем?
Perhaps it started in some part of the world centuries ago and was kept secret by the small number of men who came to Mars with only occasional visits to Earth over the centuries."	Еще сотни лет назад, в каком-нибудь отдаленном уголке Земли? Что, если люди давно уже прилетели на Марс, и никто об этом не знал? А сами они изредка наведывались на Землю.
"You make it sound almost reasonable."	- У вас это звучит почти правдоподобно.
"It has to be."	- Не почти, а вполне!
We've the proof here before us; all we have to	Доказательство перед нами. Остается только

do is find some people and verify it."	найти здесь людей, и наше предположение подтвердится.
Their boots were deadened of all sound in the thick green grass.	Густая зеленая трава поглощала звуки их шагов.
It smelled from a fresh mowing.	Пахло свежескошенным сеном.
In spite of himself, Captain John Black felt a great peace come over him.	Капитан Джон Блэк ощутил, как вопреки его воле им овладевает чувство блаженного покоя.
It had been thirty years since he had been in a small town, and the buzzing of spring bees on the air lulled and quieted him, and the fresh look of things was a balm to the soul.	Лет тридцать прошло с тех пор, как он последний раз побывал вот в таком маленьком городке; жужжение весенних пчел умиротворяло и убаюкивало его, а свежесть возрожденной природы исцеляла душу.
They set foot upon the porch. Hollow echoes sounded from under the boards as they walked to the screen door.	Они ступили на террасу, направляясь к затянутой сеткой двери, и глухое эхо отзывалось из-под половиц на каждый шаг.
Inside they could see a bead curtain hung across the hall entry, and a crystal chandelier and a Maxfield Parrish painting framed on one wall over a comfortable Morris chair.	Сквозь сетку они видели перегородившую коридор бисерную портьеру, хрустальную люстру и картину кисти Максфилда Парриша на стене над глубоким креслом.
The house smelled old, and of the attic, and infinitely comfortable.	В доме бесконечно уютно пахло стариной, чердаком, еще чем-то.
You could hear the tinkle of ice in a lemonade pitcher.	Слышно было, как тихо звякал лед в кувшине с лимонадом.
In a distant kitchen, because of the heat of the day, someone was preparing a cold lunch.	На кухне в другом конце дома по случаю жаркого дня кто-то готовил холодный ленч.
Someone was humming under her breath, high and sweet.	Высокий женский голос тихо и нежно напевал что-то.
Captain John Black rang the bell.	Капитан Джон Блэк потянул за ручку звонка.
Footsteps, dainty and thin, came along the hall, and a kind-faced lady of some forty years, dressed in a sort of dress you might expect in the year 1909, peered out at them.	Вдоль коридора прошелестели легкие шаги, и за сеткой появилась женщина лет сорока, с приветливым лицом, одетая так, как, наверно, одевались в году эдак тысяча девятьсот девятым.
"Can I help you?" she asked.	- Чем могу быть полезна? - спросила она.
"Beg your pardon," said Captain Black uncertainly.	- Прошу прощения, - нерешительно начал капитан Блэк, - но мы ищем... то есть, может, вы...

"But we're looking for - that is, could you help us - " He stopped.	Он запнулся.
She looked out at him with dark, wondering eyes.	Она глядела на него темными недоумевающими глазами.
"If you're selling something - " she began.	- Если вы что-нибудь продаете... - заговорила женщина.
"No, wait!" he cried.	- Нет, нет, постойте! - вскричал он.
"What town is this?"	- Какой это город?
She looked him up and down.	Она смерила его взглядом.
"What do you mean, what town is it?	- Что вы хотите этим сказать: какой город?
How could you be in a town and not know the	Как это можно быть в городе и не знать его

name?"	названия?
The captain looked as if he wanted to go sit under a shady apple tree.	У капитана было такое лицо, словно ему больше всего хотелось пойти и сесть под тенистой яблоней.
"We're strangers here.	- Мы не здешние.
We want to know how this town got here and how you got here."	Нам надо знать, как здесь очутился этот город и как вы сюда попали.
"Are you census takers?"	- Вы из бюро переписи населения?
"No."	- Нет.
"Everyone knows," she said, "this town was built in 1868.	- Каждому известно, - продолжала она, - что город построен в тысяча восемьсот шестьдесят восьмом году.
Is this a game?"	Постойте, может быть, вы меня разыгрываете?
"No, not a game!" cried the captain.	- Что вы, ничего подобного! - поспешил воскликнуть капитан.
"We're from Earth."	- Мы с Земли.
"Out of the ground, do you mean?" she wondered.	- Вы хотите сказать, из-под земли? - удивилась она.
"No, we came from the third planet, Earth, in a ship.	- Да нет же, мы вылетели с третьей планеты, Земли, на космическом корабле.
And we've landed here on the fourth planet, Mars - "	И прилетели сюда, на четвертую планету, на Марс...
"This," explained the woman, as if she were addressing a child, "is Green Bluff, Illinois, on the continent of America, surrounded by the Atlantic and Pacific oceans, on a place called the world, or, sometimes, the Earth.	- Вы находитесь, - объяснила женщина тоном, каким говорят с ребенком, - в Грин-Блафф, штат Иллинойс, на материке, который называется Америка и омывается двумя океанами, Атлантическим и Тихим, в мире, именуемом также Землей.
Go away now.	Теперь ступайте.
Goodby."	До свидания.

She trotted down the hall, running her fingers through the beaded curtains.	И она засеменила по коридору, на ходу раздвигая бисерную портьеру.
The three men looked at one another.	Три товарища переглянулись.
"Let's knock the screen door in," said Lustig.	- Высадим дверь, - предложил Люстиг.
"We can't do that.	- Нельзя.
This is private property.	Частная собственность.
Good God!"	О господи!
They went to sit down on the porch step.	Они спустились с крыльца и сели на нижней ступеньке.
"Did it ever strike you, Hinkston, that perhaps we got ourselves somehow, in some way, off track, and by accident came back and landed on Earth?"	- Вам не приходило в голову, Хинкстон, что мы каким-то образом сбились с пути и просто-напросто прилетели обратно, вернувшись на Землю?
"How could we have done that?"	- Это как же так?
"I don't know, I don't know.	- Не знаю, не знаю.
Oh God, let me think."	Господи, дайте собраться с мыслями.
Hinkston said, "But we checked every mile of the way.	- Ведь мы контролировали каждую милю пути, - продолжал Хинкстон.
Our chronometers said so many miles.	- Наши хронометры точно отсчитывали,

	сколько пройдено.
We went past the Moon and out into space, and here we are.	Мы миновали Луну, вышли в Большой космос и прилетели сюда.
I'm positive we're on Mars."	У меня нет ни малейшего сомнения, что мы на Марсе.
Lustig said,	Вмешался Люстиг.
"But suppose, by accident, in space, in time, we got lost in the dimensions and landed on an Earth that is thirty or forty years ago."	- А может быть, что-то случилось с пространством, с временем?
"Oh, go away, Lustig!"	Представьте себе, что мы заблудились в четырех измерениях и вернулись на Землю лет тридцать или сорок тому назад?
Lustig went to the door, rang the bell, and called into the cool dim rooms:	- Да бросьте вы, Люстиг!
"What year is this?"	Люстиг подошел к двери, дернул звонок и крикнул в сумрачную прохладу комнат:
"Nineteen twenty-six, of course," said the lady, sitting in a rocking chair, taking a sip of her lemonade.	- Какой сейчас год? - Тысяча девятьсот двадцать шестой, какой же еще, - ответила женщина, сидя в качалке и потягивая свой лимонад.
"Did you hear that?"	- Ну, слышали?
Lustig turned wildly to the others.	- Люстиг круто обернулся.
"Nineteen twenty-six!"	- Тысяча девятьсот двадцать шестой!

We have gone back in time!	Мы улетели в прошлое!
This is Earth!"	Это Земля!
Lustig sat down, and the three men let the wonder and terror of the thought afflict them.	Люстиг сел.
Their hands stirred fitfully on their knees.	Они уже не сопротивлялись ужасной, ошеломляющей мысли, которая пронизала их.
The captain said,	Лежащие на коленях руки судорожно дергались.
"I didn't ask for a thing like this.	- Разве я за этим летел? - заговорил капитан.
It scares the hell out of me.	- Мне страшно, понимаете, страшно!
How can a thing like this happen?	Неужели такое возможно в действительности?
I wish we'd brought Einstein with us."	Эйнштейна сюда бы сейчас...
"Will anyone in this town believe us?" said Hinkston.	- Кто в этом городе поверит нам? - отозвался Хинкстон.
"Are we playing with something dangerous?	- Ох, в опасную игру мы ввязались!..
Time, I mean.	Это же время, четвертое измерение.
Shouldn't we just take off and go home?"	Не лучше ли нам вернуться на ракету и лететь домой, а?
"No.	- Нет.
Not until we try another house."	Сначала заглянем хотя бы еще в один дом.
They walked three houses down to a little white cottage under an oak tree.	Они миновали три дома и остановились перед маленьким белым коттеджем, который приотился под могучим дубом.
"I like to be as logical as I can be," said the captain.	- Я привык во всем добираться до смысла, - сказал командир.

"And I don't believe we've put our finger on it yet.	- А пока что, сдается мне, мы еще не раскусили орешек.
Suppose, Hinkston, as you originally suggested, that rocket travel occurred years ago?	Допустим, Хинкстон, верно ваше предположение, что космические путешествия начались давным-давно.
And when the Earth people lived here a number of years they began to get homesick for Earth.	И через много лет прилетевшие сюда земляне стали тосковать по Земле.
First a mild neurosis about it, then a full-fledged psychosis. Then threatened insanity.	Сперва эта тоска не выходила за рамки легкого невроза, потом развился настоящий психоз, который грозил перейти в безумие.
What would you do as a psychiatrist if faced with such a problem?"	Что вы как психиатр предложили бы в таком случае?
Hinkston thought	Хинкстон подумал.
"Well, I think I'd rearrange the civilization on Mars so it resembled Earth more and more each day.	- Что ж, наверно, я бы стал понемногу перестраивать марсианскую цивилизацию так, чтобы она с каждым днем все больше напоминала земную.

If there was any way of reproducing every plant, every road, and every lake, and even an ocean, I'd do so.	Если бы существовал способ воссоздать земные растения, дороги, озера, даже океан, я бы это сделал.
Then by some vast crowd hypnosis I'd convince everyone in a town this size that this really was Earth, not Mars at all."	Затем средствами массового гипноза я внушил бы всему населению вот такого городка, будто здесь и в самом деле Земля, а никакой не Марс.
"Good enough, Hinkston.	- Отлично, Хинкстон.
I think we're on the right track now.	Мне кажется, мы напали на верный след.
That woman in that house back there just thinks she's living on Earth.	Женщина, которую мы видели в том доме, просто думает, что живет на Земле, вот и все.
It protects her sanity.	Это сохраняет ей рассудок.
She and all the others in this town are the patients of the greatest experiment in migration and hypnosis you will ever lay eyes on in your life."	Она и все прочие жители этого города - объекты величайшего миграционного и гипнотического эксперимента, какой вам когда-либо придется наблюдать.
"That's it, sir!" cried Lustig.	- В самую точку, капитан! - воскликнул Люстиг.
"Right!" said Hinkston.	- Без промаха! - добавил Хинкстон.
"Well."	- Добро.
The captain sighed.	- Капитан вздохнул.
"Now we've got somewhere. I feel better.	- Дело как будто прояснилось, и на душе легче.
It's all a bit more logical.	Хоть какая-то логика появилась.
That talk about time and going back and forth and traveling through time turns my stomach upside down.	А то от всей этой болтовни о путешествиях вперед и назад во времени меня только мутит.
But this way - " The captain smiled.	Если же мое предположение правильно... - Он улыбнулся.
"Well, well, it looks as if we'll be fairly popular here."	- Что же, тогда нас, похоже, ожидает немалая популярность среди местных жителей!
"Or will we?" said Lustig.	- Вы уверены? - сказал Люстиг.
"After all, like the Pilgrims, these people came	- Как-никак, эти люди своего рода

here to escape Earth.	пилигримы, они намеренно покинули Землю.
Maybe they won't be too happy to see us.	Может, они вовсе не будут нам рады.
Maybe they'll try to drive us out or kill us."	Может, даже попытаются изгнать нас, а то и убить.
"We have superior weapons.	- Наше оружие получше.
This next house now. Up we go."	Ну, пошли, зайдем в следующий дом.
But they had hardly crossed the lawn when Lustig stopped and looked off across the town, down the quiet, dreaming afternoon street.	Но не успели они пересечь газон, как Люстиг вдруг замер на месте, устремив взгляд в дальний конец тихой дремлющей улицы.
"Sir," he said.	- Капитан, - произнес он.
"What is it, Lustig?"	- В чем дело, Люстиг?

"Oh, sir, sir, what I see - " said Lustig, and he began to cry.	- Капитан... Нет, вы только... Что я вижу! По щекам Люстига катились слезы.
His fingers came up, twisting and shaking, and his face was all wonder and joy and incredulity.	Растопыренные пальцы поднятых рук дрожали, лицо выражало удивление, радость, сомнение.
He sounded as if at any moment he might go quite insane with happiness.	Казалось, еще немного, и он потеряет разум от счастья.
He looked down the street and began to run, stumbling awkwardly, falling, picking himself up, and running on.	Продолжая глядеть в ту же точку, он вдруг сорвался с места и побежал, споткнулся, упал, поднялся на ноги и опять побежал, крича:
"Look, look!"	- Эй, послушайте!
"Don't let him get away!"	- Остановите его!
The captain broke into a run.	- Капитан пустился вдогонку.
Now Lustig was running swiftly, shouting.	Люстиг бежал изо всех сил, крича на бегу.
He turned into a yard halfway down the shady street and leaped up upon the porch of a large green house with an iron rooster on the roof.	Достигнув середины тенистой улицы, он свернул во двор и одним прыжком очутился на террасе большого зеленого дома, крышу которого венчал железный петух.
He was beating at the door, hollering and crying, when Hinkston and the captain ran up behind him.	Когда Хинкстон и капитан догнали Люстига, он барабанил в дверь, продолжая громко кричать.
They were all gasping and wheezing, exhausted from their run in the thin air.	Все трое дышали тяжело, со свистом, обессиленные бешеной гонкой в разреженной марсианской атмосфере.
"Grandma! Grandpa!" cried Lustig.	- Бабушка, дедушка! - звал Люстиг.
Two old people stood in the doorway.	Двое стариков появились на пороге.
"David!" their voices piped, and they rushed out to embrace and pat him on the back and move around him.	- Дэвид! - ахнули старческие голоса. И они бросились к нему и засуетились вокруг него, обнимая, хлопая по спине.
"David, oh, David, it's been so many years!	- Дэвид, о, Дэвид, сколько лет прошло!..
How you've grown, boy; how big you are, boy.	Как же ты вырос, мальчуган, какой большой стал!
Oh, David boy, how are you?"	Дэвид, мальчик, как ты поживаешь?
"Grandma, Grandpa!" sobbed David Lustig.	- Бабушка, дедушка! - всхлипывал Дэвид Люстиг.
"You look fine, fine!"	- Вы чудесно, чудесно выглядите!
He held them, turned them, kissed them, hugged them, cried on them, held them out again,	Он разглядывал своих стариков, отодвинув от себя, вертел их кругом, целовал, обнимал,

blinking at the little old people.	плакал и снова разглядывал, смахивая слезы с глаз.
The sun was in the sky, the wind blew, the grass was green, the screen door stood wide.	Солнце сияло в небе, дул ветерок, зеленела трава, дверь была отворена настежь.
"Come in, boy, come in.	- Входи же, входи мальчуган.
There's iced tea for you, fresh, lots of it!"	Тебя ждет чай со льда, свежий, пей вволю!
"I've got friends here."	- Я с друзьями.
Lustig turned and waved at the captain and Hinkston frantically, laughing.	- Люстиг обернулся и, смеясь, нетерпеливым жестом подозвал капитана и Хинкстона.

"Captain, come on up."	- Капитан, идите же.
"Howdy," said the old people.	- Здравствуйте, - приветствовали их старики.
"Come in.	- Пожалуйста, входите.
Any friends of David's are our friends too.	Друзья Дэвида - наши друзья.
Don't stand there!"	Не стесняйтесь!
In the living room of the old house it was cool, and a grandfather clock ticked high and long and bronzed in one corner.	В гостиной старого дома было прохладно; в одном углу размеренно тикали, поблескивая бронзой, высокие дедовские часы.
There were soft pillows on large couches and walls filled with books and a rug cut in a thick rose pattern, and iced tea in the hand, sweating, and cool on the thirsty tongue.	Мягкие подушки на широких кушетках, книги вдоль стен, толстый ковер с пышным цветочным узором, а в руках - запотевшие стаканы ледяного чая, от которого такой приятный холодок на пересохшем языке.
"Here's to our health."	- Пейте на здоровье.
Grandma tipped her glass to her porcelain teeth.	- Бабушкин стакан звякнул о ее фарфоровые зубы.
"How long you been here, Grandma?" said Lustig.	- И давно вы здесь живете, бабушка? - спросил Люстиг.
"Ever since we died," she said tartly.	- С тех пор как умерли, - с ехидцей ответила она.
"Ever since you what?"	- С тех пор как... что?
Captain John Black set down his glass.	- Капитан Блэк поставил свой стакан.
"Oh yes." Lustig nodded.	- Ну да, - кивнул Люстиг.
"They've been dead thirty years."	- Они уже тридцать лет как умерли.
"And you sit there calmly!" shouted the captain.	- А вы сидите как ни в чем не бывало! - воскликнул капитан.
"Tush."	- Полно, сударь!
The old woman winked glitteringly.	- Старушка лукаво подмигнула.
"Who are you to question what happens?	- Кто вы такой, чтобы судить о таких делах?
Here we are.	Мы здесь, и все тут.
What's life, anyway?	Что такое жизнь, коли на то пошло?
Who does what for why and where?	Кому нужны эти "почему" и "зачем"?
All we know is here we are, alive again, and no questions asked.	Мы снова живы, вот и все, что нам известно, и никаких вопросов мы не задаем.
A second chance."	Если хотите, это вторая попытка.
She toddled over and held out her thin wrist.	- Она, ковыляя, подошла к капитану и протянула ему свою тонкую, сухую руку.
"Feel."	- Потрогайте.
The captain felt.	Капитан потрогал.
"Solid, ain't it?" she asked.	- Ну как, настоящая?
He nodded.	Он кивнул.

"Well, then," she said triumphantly, "why go around questioning?"	- Так чего же вам еще надо? - торжествующе произнесла она. - К чему вопросы?
"Well," said the captain, "it's simply that we never thought we'd find a thing like this on Mars."	- Понимаете, - ответил капитан, - мы просто не представляли себе, что обнаружим на Марсе такое.
"And now you've found it.	- А теперь обнаружили.
I dare say there's lots on every planet that'll show you God's infinite ways."	Смею думать, на каждой планете найдется немало такого, что покажет вам, сколь неисповедимы пути господни.
"Is this Heaven?" asked Hinkston.	- Так что же, здесь - царство небесное? - спросил Хинкстон.
"Nonsense, no.	- Вздор, ничего подобного.
It's a world and we get a second chance.	Здесь такой же мир, и нам предоставлена вторая попытка.
Nobody told us why.	Почему? Об этом нам никто не сказал.
But then nobody told us why we were on Earth, either.	Но ведь и на Земле никто не объяснил нам, почему мы там очутились.
That other Earth, I mean.	На той Земле.
The one you came from.	С которой прилетели вы.
How do we know there wasn't another before that one?"	И откуда нам знать, что до нее не было еще одной?
"A good question," said the captain.	- Хороший вопрос, - сказал капитан.
Lustig kept smiling at his grandparents.	С лица Люстига не сходила радостная улыбка.
"Gosh, it's good to see you. Gosh, it's good."	- Черт возьми, до чего же приятно вас видеть, я так рад!
The captain stood up and slapped his hand on his leg in a casual fashion.	Капитан поднялся со стула и небрежно хлопнул себя ладонью по бедру.
"We've got to be going.	- Ну, нам пора идти.
Thank you for the drinks."	Спасибо за угощение.
"You'll be back, of course," said the old people.	- Но вы ведь еще придетете? - всполошились старики.
"For supper tonight?"	- Мы ждем вас к ужину.
"We'll try to make it, thanks.	- Большое спасибо, постараемся прийти.
There's so much to be done.	У нас столько дел.
My men are waiting for me back at the rocket and - "	Мои люди ждут меня в ракете и...
He stopped. He looked toward the door, startled.	Он смолк, ошеломление глядя на открытую дверь.
Far away in the sunlight there was a sound of voices, a shouting and a great hello.	Откуда-то издали, из пронизанного солнцем простора, доносились голоса, крики, дружные приветственные возгласы.
"What's that?" asked Hinkston,	- Что это? - спросил Хинкстон.

"We'll soon find out."	- Сейчас узнаем.
And Captain John Black was out the front door abruptly, running across the green lawn into the street of the Martian town.	- И капитан Джон Блэк мигом выскочил за дверь и побежал через зеленый газон на улицу марсианского городка.
He stood looking at the rocket.	Он застыл, глядя на ракету.
The ports were open and his crew was streaming	Все люки были открыты, и экипаж торопливо

out, waving their hands.	спускался на землю, приветственно махая руками.
A crowd of people had gathered, and in and through and among these people the members of the crew were hurrying, talking, laughing, shaking hands.	Кругом собралась огромная толпа, и космонавты влились в нее, смешались с ней, проталкивались через нее, разговаривая, смеясь, пожимая руки.
People did little dances. People swarmed.	Толпа приплясывала от радости, возбужденно теснилась вокруг землян.
The rocket lay empty and abandoned.	Ракета стояла покинутая, пустая.
A brass band exploded in the sunlight, flinging off a gay tune from upraised tubas and trumpets.	В солнечных лучах взорвался блеском духовой оркестр, из высоко поднятых басов и труб брызнули ликующие звуки.
There was a bang of drums and a shrill of fifes.	Бухали барабаны, пронзительно свистели флейты.
Little girls with golden hair jumped up and down.	Золотоволосые девочки прыгали от восторга.
Little boys shouted,	Мальчуганы кричали:
"Hooray!"	"Ура!"
Fat men passed around ten-cent cigars.	Толстые мужчины угожали знакомых и незнакомых десятицентовыми сигарами.
The town mayor made a speech.	Мэр города произнес речь.
Then each member of the crew, with a mother on one arm, a father or sister on the other, was spirited off down the street into little cottages or big mansions.	А затем всех членов экипажа одного за другим подхватили под руки - мать с одной стороны, отец или сестра с другой - и увлекли вдоль по улице в маленькие коттеджи и в большие особняки.
"Stop!" cried Captain Black.	- Стой! - закричал капитан Блэк.
The doors slammed shut.	Одна за другое наглоухо захлопнулись двери.
The heat rose in the clear spring sky, and all was silent.	Зной струился вверх к прозрачному весеннему небу, тишина нависла над городком.
The brass band banged off around a corner, leaving the rocket to shine and dazzle alone in the sunlight	Трубы и барабаны исчезли за углом. Покинутая ракета одиноко сверкала и переливалась солнечными бликами.
"Abandoned!" said the captain.	- Дезертиры! - воскликнул командир.
"They abandoned the ship, they did!	- Они самовольно оставили корабль!
I'll have their skins, by God!	Клянусь, им это так не пройдет!
They had orders!"	У них был приказ!..
"Sir," said Lustig, "don't be too hard on them.	- Капитан, - сказал Люстиг, - не будьте излишне строги.
Those were all old relatives and friends."	Когда вас встречают родные и близкие...

"That's no excuse!"	- Это не оправдание!
"Think how they felt, Captain, seeing familiar faces outside the ship!"	- Но вы представьте себе их чувства, когда они увидели возле корабля знакомые лица!
"They had their orders, damn it!"	- У них был приказ, черт возьми!
"But how would you have felt, Captain?"	- А как бы вы поступили, капитан?
"I would have obeyed orders - " The captain's mouth remained open.	- Я бы выполнял приказ... - Он так и замер с открытым ртом.
Striding along the sidewalk under the Martian sun, tall, smiling, eyes amazingly clear and blue,	По тротуару в лучах марсианского солнца шел, приближаясь к ним, высокий,

came a young man of some twenty-six years.	улыбающийся молодой человек лет двадцати шести с удивительно яркими голубыми глазами.
"John!" the man called out, and broke into a trot.	- Джон! - крикнул он и бросился к ним.
"What?"	- Что?
Captain John Black swayed.	- Капитан Блэк попятился.
"John, you old son of a bitch!"	- Джон, старый плут!
The man ran up and gripped his hand and slapped him on the back.	Подбежав, мужчина стиснул руку капитана и хлопнул его по спине.
"It's you," said Captain Black.	- Ты?.. - пролепетал Блэк.
"Of course, who'd you think it was?"	- Конечно, я, кто же еще!
"Edward!"	- Эдвард!
The captain appealed now to Lustig and Hinkston, holding the stranger's hand.	- Капитан повернулся к Люстигу и Хинкстону, не выпуская руки незнакомца.
"This is my brother Edward.	- Это мой брат, Эдвард.
Ed, meet my men, Lustig, Hinkston!	Эд, познакомься с моими товарищами: Люстиг, Хинкстон!
My brother!"	Мой брат!
They tugged at each other's hands and arms and then finally embraced.	Они тянули, теребили друг друга за руки, потом обнялись.
"Ed!"	- Эд!
"John, you bum, you!"	- Джон, бездельник!
"You're looking fine, Ed, but, Ed, what is this?"	- Ты великолепно выглядишь, Эд! Но постой, как же так?
You haven't changed over the years.	Ты ничуть не изменился за все эти годы.
You died, I remember, when you were twenty-six and I was nineteen.	Ведь тебе... тебе же было двадцать шесть, когда ты умер, а мне девятнадцать.
Good God, so many years ago, and here you are and, Lord, what goes on?"	Бог ты мой, столько лет, столько лет - и вдруг ты здесь. Да что ж это такое?
"Mom's waiting," said Edward Black, grinning.	- Мама ждет, - сказал Эдвард Блэк, улыбаясь.
"Mom?"	- Мама?
"And Dad too."	- И отец тоже.

"Dad?"	- Отец?
The captain almost fell as if he had been hit by a mighty weapon. He walked stiffly and without coordination.	- Капитан пошатнулся, точно от сильного удара, и сделал шаг-другой негнувшимися, непослушными ногами.
"Mom and Dad alive?"	- Мать и отец живы?
Where?"	Где они?
"At the old house on Oak Knoll Avenue."	- В нашем старом доме, на Дубовой улице.
"The old house." The captain stared in delighted amaze.	- В старом доме... - Глаза капитана светились восторгом и изумлением.
"Did you hear that, Lustig, Hinkston?"	- Вы слышали, Люстиг, Хинкстон?
Hinkston was gone.	Но Хинкстона уже не было рядом с ними.
He had seen his own house down the street and was running for it.	Он заметил в дальнем конце улицы свой собственный дом и поспешил туда.
Lustig was laughing.	Люстиг рассмеялся.
"You see, Captain, what happened to everyone on the rocket?"	- Теперь вы поняли, капитан, что было с нашими людьми?
They couldn't help themselves."	Их никак нельзя винить.
"Yes. Yes." The captain shut his eyes.	- Да... Да... - Капитан зажмурился.

"When I open my eyes you'll be gone."	- Сейчас я открою глаза, и тебя не будет.
He blinked.	- Он моргнул.
"You're still there."	- Ты здесь!
God, Ed, but you look fine!"	Господи. Эд, ты великолепно выглядишь!
"Come on, lunch's waiting.	- Идем, ленч ждет.
I told Mom."	Я предупредил маму.
Lustig said, "Sir, I'll be with my grandfolks if you need me."	- Капитан, - сказал Люстиг, - если я понадоблюсь, я - у своих стариков.
"What?"	- Что?
Oh, fine, Lustig.	А, ну конечно, Люстиг.
Later, then."	Пока.
Edward seized his arm and marched him.	Эдвард потянул брата за руку, увлекая его за собой.
"There's the house.	- Вот и наш дом.
Remember it?"	Вспоминаешь?
"Hell!"	- Еще бы!
Bet I can beat you to the front porch!"	Спорим, я первый добегу до крыльца!
They ran.	Они побежали взапуски.
The trees roared over Captain Black's head; the earth roared under his feet.	Шумели деревья над головой капитана Блэка, гудела земля под его ногами.

He saw the golden figure of Edward Black pull ahead of him in the amazing dream of reality. He saw the house rush forward, the screen door swing wide.	В этом поразительном сне наяву он видел, как его обгоняет Эдвард Блэк, видел, как стремительно приближается его родной дом и широко распахивается дверь.
"Beat you!" cried Edward.	- Я - первый! - крикнул Эдвард.
"I'm an old man," panted the captain, "and you're still young.	- Еще бы, - еле выдохнул капитан, - я старик, а ты вон какой молодец.
But then, you always beat me, I remember!"	Да ты ведь меня всегда обгонял! Думаешь, я забыл?
In the doorway, Mom, pink, plump, and bright.	В дверях была мама - полная, розовая, сияющая.
Behind her, pepper-gray, Dad, his pipe in his hand.	За ней, с заметной проседью в волосах, стоял папа, держа в руке свою трубку.
"Mom, Dad!"	- Мама, отец!
He ran up the steps like a child to meet them.	Он ринулся к ним вверх по ступенькам, точно ребенок.
It was a fine long afternoon.	День был чудесный и долгий.
They finished a late lunch and they sat in the parlor and he told them all about his rocket and they nodded and smiled upon him and Mother was just the same and Dad bit the end off a cigar and lighted it thoughtfully in his old fashion.	После ленча они перешли в гостиную, и он рассказал им все про свою ракету, а они кивали и улыбались ему, и мама была совсем такая, как прежде, и отец откусывал кончик сигары и задумчиво прикуривал ее - совсем как в былые времена.
There was a big turkey dinner at night and time flowing on.	Вечером был обед, умопомрачительная индейка, и время летело незаметно.
When the drumsticks were sucked clean and lay brittle upon the plates, the captain leaned back and exhaled his deep satisfaction, Night was in all the trees and coloring the sky, and the lamps were halos of pink light in the gentle house.	И когда хрупкие косточки были начисто обсосаны и грудой лежали на тарелках, капитан откинулся на спинку стула и шумно выдохнул воздух в знак своего глубочайшего удовлетворения.

From all the other houses down the street came sounds of music, pianos playing, doors slammng.	Вечер упокоил листву деревьев и окрасил небо, и лампы в милом старом доме засветились ореолами розового света.
Mom put a record on the victrola, and she and Captain John Black had a dance.	Из других домов вдоль всей улицы доносились музика, звуки пианино, хлопанье дверей.
She was wearing the same perfume he remembered from the summer when she and Dad had been killed in the train accident.	Мама поставила пластинку на виктролу и закружилась в танце с капитаном Джоном Блэком.
She was very real in his arms as they danced lightly to the music.	От нее пахло теми же духами, он их запомнил еще с того лета, когда она и папа погибли при крушении поезда.
"It's not every day," she said, "you get a second chance to live."	Но сейчас они легко скользили в танце, и его руки обнимали реальную, живую маму...
"I'll wake in the morning," said the captain.	- Не каждый день человеку предоставляется вторая попытка, - сказала мама.

"And I'll be in my rocket, in space, and all this will be gone."	- Завтра утром проснусь, - сказал капитан, - и окажется, что я в своей ракете, в космосе, и ничего этого нет.
"No, don't think that," she cried softly.	- К чему такие мысли! - воскликнула она ласково.
"Don't question.	- Не допытывайся.
God's good to us.	Бог милостив к нам.
Let's be happy."	Будем же счастливы.
"Sorry, Mom."	- Прости, мама.
The record ended in a circular hissing.	Пластинка кончилась и вертелась, шипя.
"You're tired, Son."	- Ты устал, сынок.
Dad pointed with his pipe. "Your old bedroom's waiting for you, brass bed and all."	- Отец указал мундштуком трубки: - Твоя спальня ждет тебя, и старая кровать с латунными шарами -все как было.
"But I should report my men in."	- Но мне надо собрать моих людей.
"Why?"	- Зачем?
"Why?	- Зачем?
Well, I don't know.	Гм... не знаю.
No reason, I guess.	Пожалуй, и впрямь незачем.
No, none at all.	Конечно, незачем.
They're all eating or in bed.	Они ужинают либо уже спят.
A good night's sleep won't hurt them."	Пусть выспятся, отдых им не повредит.
"Good night, Son."	- Доброй ночи, сынок.
Mom kissed his cheek.	- Мама поцеловала его в щеку.
"It's good to have you home."	- Как славно, что ты дома опять.
"It's good to be home."	- Да, дома хорошо...
He left the land of cigar smoke and perfume and books and gentle light and ascended the stairs, talking, talking with Edward.	Покинув мир сигарного дыма, духов, книг, мягкого света, он поднялся по лестнице и все говорил, говорил с Эдвардом.
Edward pushed a door open, and there was the yellow brass bed and the old semaphore banners from college and a very musty raccoon coat which he stroked with muted affection.	Эдвард толкнул дверь, и Джон Блэк увидел свою желтую латунную кровать, знакомые вымпелы колледжа и сильно потертую енотовую шубу, которую погладил с затаенной нежностью.

"It's too much," said the captain.	- Слишком много сразу, - промолвил капитан.
"I'm numb and I'm tired.	- Я обессилен от усталости.
Too much has happened today.	Столько событий в один день!
I feel as if I'd been out in a pounding rain for forty-eight hours without an umbrella or a coat.	Как будто меня двое суток держали под ливнем без зонта и без плаща.
I'm soaked to the skin with emotion."	Я насекомый, до костей пропитан впечатлениями...

Edward slapped wide the snowy linens and flounced the pillows.	Широкими взмахами рук Эдвард расстелил большие белоснежные простыни и взбил подушки.
He slid the window up and let the night-blooming jasmine float in.	Потом растворил окно, впуская в комнату ночное благоухание жасмина.
There was moonlight and the sound of distant dancing and whispering.	Светила луна, издали доносились звуки танцевальной музыки и тихих голосов.
"So this is Mars," said the captain, undressing.	- Так вот он какой, Марс, - сказал капитан, раздеваясь.
"This is it."	- Да, вот такой.
Edward undressed in idle, leisurely moves, drawing his shirt off over his head, revealing golden shoulders and the good muscular neck.	- Эдвард раздевался медленно, не торопясь снянул через голову рубаху, обнажая золотистый загар плеч и крепкой, мускулистой шеи.
The lights were out; they were in bed, side by side, as in the days how many decades ago?	Свет погас, и вот они рядом в кровати, как бывало - сколько десятилетий тому назад?
The captain lolled and was flourished by the scent of jasmine pushing the lace curtains out upon the dark air of the room.	Капитан приподнялся на локте, вдыхая напоенный ароматом жасмина воздух, потоки которого раздували в темноте легкие тюлевые занавески.
Among the trees, upon a lawn, someone had cranked up a portable phonograph and now it was playing softly,	На газоне среди деревьев кто-то завел патефон - он тихо наигрывал
"Always."	"Всегда".
The thought of Marilyn came to his mind.	Блэку вспомнилась Мерилин.
"Is Marilyn here?"	- Мерилин тоже здесь?
His brother, lying straight out in the moonlight from the window, waited and then said,	Брат лежал на спине в квадрате лунного света из окна. Он ответил не сразу.
"Yes."	- Да.
She's out of town. But she'll be here in the morning."	- Помешкал и добавил: - Ее сейчас нет в городе, она будет завтра утром.
The captain shut his eyes.	Капитан закрыл глаза.
"I want to see Marilyn very much."	- Мне бы очень хотелось увидеть Мерилин.
The room was square and quiet except for their breathing.	В тишине просторной комнаты слышалось только их дыхание.
"Good night, Ed."	- Спокойной ночи, Эд.
A pause.	Пауза.
"Good night, John."	- Спокойной ночи, Джон.
He lay peacefully, letting his thoughts float.	Капитан блаженно вытянулся на постели, дав волю мыслям.
For the first time the stress of the day was moved aside; he could think logically now, It	Только теперь склынуло с него напряжение этого дня, и он наконец-то мог рассуждать

had all been emotion.	логично. Все - все были сплошные эмоции.
-----------------------	--

The bands playing, the familiar faces. But now...	Громогласный оркестр, знакомые лица родни... Зато теперь...
How? he wondered.	"Каким образом? - дивился он.
How was all this made?	- Как все это было сделано?
And why?	И зачем?
For what purpose?	Для чего?
Out of the goodness of some divine intervention?	Что это - неизреченная благостность божественного провидения?
Was God, then, really that thoughtful of his children?	Неужто бог и впрямь так печется о своих детях?
How and why and what for?	Как, почему, для чего?"
He considered the various theories advanced in the first heat of the afternoon by Hinkston and Lustig.	Он взвесил теории, которые предложили Хинкстон и Люстиг еще днем, под влиянием первых впечатлений.
He let all kinds of new theories drop in lazy pebbles down through his mind, turning, throwing out dull flashes of light.	Потом стал перебирать всякие новые предположения, лениво, как камешки в воду, роняя их в глубину своего разума, поворачивая их и так и сяк, и тусклыми проблесками вспыхивало в нем озарение.
Mom.	Мама.
Dad.	Отец.
Edward.	Эдвард.
Mars.	Марс.
Earth.	Земля.
Mars.	Марс.
Martians.	Марсиане.
Who had lived here a thousand years ago on Mars?	А тысячу лет назад кто жил на Марсе?
Martians?	Марсиане?
Or had this always been the way it was today?	Или всегда было, как сегодня?
Martians.	Марсиане.
He repeated the word idly, inwardly.	Он медленно повторял про себя это слово.
He laughed out loud almost.	И вдруг чуть не рассмеялся почти вслух.
He had the most ridiculous theory quite suddenly.	Внезапно пришла в голову совершенно нелепая теория.
It gave him a kind of chill.	По спине пробежал холодок.
It was really nothing to consider, of course.	Да нет, вздор, конечно.
Highly improbable.	Слишком невероятно.
Silly.	Ерунда.
Forget it.	Выкинуть из головы.

Ridiculous.	Смешно.
But, he thought, just suppose... Just suppose, now, that there were Martians living on Mars and they saw our ship coming and saw us inside our ship and hated us, Suppose, now, just for the hell of it, that they wanted to destroy us, as invaders, as unwanted ones, and they wanted to do it in a very clever way, so that we would be	И все-таки... Если предположить. Да, только предположить, что на Марсе живут именно марсиане, что они увидели, как приближается наш корабль, и увидели нас внутри этого корабля. И что они нас возненавидели. И еще допустим -просто так, курьеза ради, - что они решили нас

taken off guard.	уничтожить, как захватчиков, незваных гостей, и притом сделать это хитроумно, ловко, усыпив нашу бдительность.
Well, what would the best weapon be that a Martian could use against Earth Men with atomic weapons?	Так вот, какие же средства может марсианин пустить в ход против землян, оснащенных атомным оружием?
The answer was interesting.	Ответ получался любопытный.
Telepathy, hypnosis, memory, and imagination.	Телепатию, гипноз, воспоминания, воображение.
Suppose all of these houses aren't real at all, this bed not real, but only figments of my own imagination, given substance by telepathy and hypnosis through the Martians, thought Captain John Black.	Предположим, что эти дома вовсе не настоящие, кровать не настоящая, что все это продукты моего собственного воображения, материализованные с помощью марсианской телепатии и гипноза, размышлял капитан Джон Блэк.
Suppose these houses are really some other shape, a Martian shape, but, by playing on my desires and wants, these Martians have made this seem like my old home town, my old house, to lull me out of my suspicions.	На самом деле дома совсем иные, построенные на марсианский лад, но марсиане, подлаживаясь под мои мечты и желания, ухитрились сделать так, что я как бы вижу свой родной город, свой дом.
What better way to fool a man, using his own mother and father as bait?	Если хочешь усыпить подозрения человека и заманить его в ловушку, можно ли придумать лучшую приманку, чем его родные отец и мать?
And this town, so old, from the year 1926, long before any of my men were born.	Этот городок, такой старый, все, как в тысяча девятьсот двадцать шестом году, когда никого из моего экипажа еще не было на свете!
From a year when I was six years old and there were records of Harry Lauder, and Maxfield Parrish paintings still hanging, and bead curtains, and	Когда мне было шесть лет, когда действительно были в моде пластинки с песенками Гарри Лодера и еще висели в домах картины Максфилда Парриша, когда были бисерные портьеры, и песенка
"Beautiful Ohio," and turn-of-the-century architecture.	"Прекрасный Огайо", и архитектура начала двадцатого века.
What if the Martians took the memories of a town exclusively from my mind?	А что, если марсиане извлекли все представления о городе только из моего сознания?
They say childhood memories are the clearest.	Ведь говорят же, что воспоминания детства самые яркие.
And after they built the town from my mind, they populated it with the most-loved people from all the minds of the people on the rocket!	И, создав город по моим воспоминаниям, они населили его родными и близкими, живущими в памяти всех членов экипажа ракеты!

Скачать Читать Отзывы And suppose those two people in the next room, asleep, are not my mother and father at all, But two Martians, incredibly brilliant, with the ability to keep me under this dreaming hypnosis all of the time.	И допустим, что двое спящих в соседней комнате вовсе не мои отец и мать, а марсиане с необычайно высокоразвитым интеллектом, которым ничего не стоит все время держать меня под гипнозом?..
And that brass band today?	А этот духовой оркестр?
What a startlingly wonderful plan it would be.	Какой потрясающий, изумительный план!

First, fool Lustig, then Hinkston, then gather a crowd; and all the men in the rocket, seeing mothers, aunts, uncles, sweethearts, dead ten, twenty wears ago, naturally, disregarding orders, rush out and abandon ship.	Сперва заморочить голову Люстигу, за ним Хинкстону, потом согнать толпу; а когда космонавты увидели матерей, отцов, теток, невест, умерших десять, двадцать лет назад, -разве удивительно, что они забыли обо всем на свете, забыли про приказ, выскочили из корабля и бросили его?
What more natural?	Что может быть естественнее?
What more unsuspecting?	Какие тут могут быть подозрения?
What more simple? A man doesn't ask too many questions when his mother is suddenly brought back to life; he's much too happy.	Проще некуда: кто станет допытываться, задавать вопросы, увидев перед собой воскресшую мать, -да тут от счастья вообще онемеешь.
And here we all are tonight, in various houses, in various beds, with no weapons to protect us, and the rocket lies in the moonlight, empty.	И вот вам результат: все мы разошлись по разным домам, лежим в кроватях, и нет у нас оружия, защищаться нечем, и ракета стоит в лунном свете, покинутая.
And wouldn't it be horrible and terrifying to discover that all of this was part of some great clever plan by the Martians to divide and conquer us, and kill us?	Как ужасающее страшно будет, если окажется, что все это попросту часть дьявольски хитроумного плана, который марсиане задумали, чтобы разделить нас и одолеть, перебить всех до одного.
Sometime during the night, perhaps, my brother here on this bed will change form, melt, shift, and become another thing, a terrible thing, a Martian.	Может быть, среди ночи мой брат, что лежит тут, рядом со мной, вдруг преобразится, изменит свой облик, свое существо и станет чем-то другим, жутким, враждебным, -станет марсианином?
It would be very simple for him just to turn over in bed and put a knife into my heart.	Ему ничего не стоит повернуться в постели и вонзить мне нож в сердце.
And in all those other houses down the street, a dozen other brothers or fathers suddenly melting away and taking knives and doing things to the unsuspecting, sleeping men of Earth...	И во всех остальных домах еще полтора десятка братьев или отцов вдруг преобразятся, схватят ножи и проделают то же с ни чего не подозревающими спящими землянами...
His hands were shaking under the covers.	Руки Джона Блэка затряслись под одеялом.
His body was cold.	Он похолодел.
Suddenly it was not a theory.	Внезапно это перестало быть теорией.
Suddenly he was very afraid.	Внезапно им овладел неодолимый страх.
He lifted himself in bed and listened.	Он сел и прислушался.
The night was very quiet The music had stopped.	Ночь была беззвучна. Музыка смолкла.
The wind had died.	Ветер стих.
His brother lay sleeping beside him.	Брат лежал рядом с ним, погруженный в сон.

Carefully he lifted the covers, rolled them back. He slipped from bed and was walking softly across the room when his brother's voice said,	Он осторожно откинул одеяло, соскользнул на пол и уже тихонько шел к двери, когда раздался голос брата:
"Where are you going?"	- Ты куда?
"What?"	- Что?
His brother's voice was quite cold.	Голос брата стал ледяным.
"I said, where do you think you're going?"	- Я спрашиваю, далеко ли ты собрался?

"For a drink of water."	- За водой.
"But you're not thirsty."	- Ты не хочешь пить.
"Yes, yes, I am."	- Хочу, правда же хочу.
"No, you're not."	- Нет, не хочешь.
Captain John Black broke and ran across the room.	Капитан Джон Блэк рванулся и побежал.
He screamed.	Он вскрикнул.
He screamed twice.	Он вскрикнул дважды.
He never reached the door.	Он не добежал до двери.
In the morning the brass band played a mournful dirge.	Наутро духовой оркестр играл заунывный траурный марш.
From every house in the street came little solemn processions bearing long boxes, and along the sun-filled street, weeping, came the grandmas and mothers and sisters and brothers and uncles and fathers, walking to the churchyard, where there were new holes freshly dug and new tombstones installed.	По всей улице из каждого дома выходили, неся длинные ящики, маленькие скорбные процесии; по залитой солнцем мостовой выступали, утирая слезы, бабки, матери, сестры, братья, дядья, отцы. Они направлялись на кладбище, где уже ждали свежевырытые могилы и новенькие надгробные плиты.
Sixteen holes in all, and sixteen tombstones.	Шестнадцать могил, шестнадцать надгробных плит.
The mayor made a little sad speech, his face sometimes looking like the mayor, sometimes looking like something else.	Мэр произнес краткую заупокойную речь, и лицо его менялось, не понять - то ли мэр, то ли кто-то другой.
Mother and Father Black were there, with Brother Edward, and they cried, their faces melting now from a familiar face into something else.	Мать и отец Джона Блэка пришли на кладбище, и брат Эдвард пришел. Они плакали, убивались, а лица их постепенно преображались, теряя знакомые черты.
Grandpa and Grandma Lustig were there, weeping, their faces shifting like wax, shimmering as all things shimmer on a hot day.	Дедушка и бабушка Люстига тоже были тут и рыдали, и лица их таяли, точно воск, расплывались, как все расплывается в жаркий день.
The coffins were lowered.	Гробы опустили в могилы.
Someone murmured about "the unexpected and sudden deaths of sixteen fine men during the night - "	Кто-то пробормотал насчет "внезапной и безвременной кончины шестнадцати отличных людей, которых смерть унесла в одну ночь..."
Earth pounded down on the coffin lids.	Комья земли застучали по гробовым крышкам.
The brass band, playing	Духовой оркестр, играя

"Columbia, the Gem of the Ocean," marched and slammed back into town, and everyone took the day off.	"Колумбия, жемчужина океана", прошагал в тант громыхающей меди в город, и в этот день все отдыхали.
June 2001: - AND THE MOON BE STILL AS BRIGHT It was so cold when they first came from the rocket into the night that Spender began to gather the dry Martian wood and build a small fire.	Июнь 2001 И по-прежнему лучами серебрит простор луна... Когда они вышли из ракеты в ночной мрак, было так холодно, что Спендер сразу принялся собирать марсианский хворост для костра.
He didn't say anything about a celebration; he merely gathered the wood, set fire to it, and	Насчет того, чтобы отпраздновать прилет на Марс, он и слова не сказал, просто набрал

watched it burn.	хвосту, подпалил его и стал смотреть, как он горит.
In the flare that lighted the thin air of this dried-up sea of Mars he looked over his shoulder and saw the rocket that had brought them all, Captain Wilder and Cherokee and Hathaway and Sam Parkhill and himself, across a silent black space of stars to land upon a dead, dreaming world.	Потом в зареве, окрасившем разреженный воздух над высохшим марсианским морем, оглянулся через плечо на ракету, которая пронесла их всех -капитана Уайлдера, Чероки, Хетэуэя, Сэма Паркхилла, его самого - через немые черные звездные просторы и доставила в безжизненный, грезящий мир.
Jeff Spender waited for the noise.	Джефф Спендер ждал, когда начнется содом.
He watched the other men and waited for them to jump around and shout. It would happen as soon as the numbness of being the "first" men to Mars wore off.	Он глядел на своих товарищей и ждал: сейчас запрыгают, закричат... Вот только пройдет оцепенение от потрясающей мысли, что они "первые" люди на Марсе.
None of them said anything, but many of them were hoping, perhaps, that the other expeditions had failed and that this, the Fourth, would be the one.	Никто об этом вслух не говорил, но в глубине души многие, видимо, надеялись, что их предшественники не долетели и пальма первенства будет принадлежать этой, Четвертой экспедиции.
They meant nothing evil by it. But they stood thinking it, nevertheless, thinking of the honor and fame, while their lungs became accustomed to the thinness of the atmosphere, which almost made you drunk if you moved too quiddy.	Нет, они никому не желали зла, просто им очень хотелось быть первыми и они мечтали о славе и почете, пока их легкие привыкали к разреженной атмосфере Марса, из-за которой голова становилась словно хмельная, если двигаться слишком быстро.
Gibbs walked over to the freshly ignited fire and said,	Гиббс подошел к разгорающемуся костру и спросил:
"Why don't we use the ship chemical fire instead of that wood?"	- Зачем хвост, ведь в ракете есть химическое горючее?
"Never mind," said Spender, not looking up.	- Неважно, - ответил Спендер, не поднимая головы.
It wouldn't be right, the first night on Mars, to make a loud noise, to introduce a strange, silly bright thing like a stove.	Немыслимо, просто непристойно в первую же ночь на Марсе устраивать шум и гам и тащить из ракеты неуместную здесь штуковину - печку, сверкающую идиотским блеском.
It would be a kind of imported blasphemy.	Это же будет надругательство какое-то.

There'd be time for that later; time to throw condensed-milk cans in the proud Martian canals; time for copies of the New York Times to blow and caper and rustle across the lone gray Martian sea bottoms; time for banana peels and picnic papers in the fluted, delicate ruins of the old Martian valley towns.	Еще успеется, еще будет время швырять банки из-под сгущенного молока в гордые марсианские каналы, еще поползут, лениво закувыркаются по седому пустынному дну марсианских морей шуршащие листы "Нью-Йорк таймс", придет время банановой кожуре и замасленной бумаге валяться среди изящно очерченных развалин древних марсианских городов.
Plenty of time for that.	Все впереди, все будет.
And he gave a small inward shiver at the thought.	Его даже передернуло от этой мысли.
He fed the fire by hand, and it was like an offering to a dead giant, They had landed on an	Спендер подкармливал пламя из рук с таким чувством, словно приносил жертву мертвому

immense tomb.	исполину. Планета, на которую они сели, -гигантская гробница.
Here a civilization had died.	Здесь погибла целая цивилизация.
It was only simple courtesy that the first night be spent quietly.	Элементарная вежливость требует хотя бы в первую ночь вести себя здесь пристойно.
"This isn't my idea of a celebration."	- Нет, так не пойдет! Посадку надо отпраздновать!
Gibbs turned to Captain Wilder.	- Гиббс повернулся к капитану Уайлдеру.
"Sir, I thought we might break out rations of gin and meat and whoop it up a bit."	- Начальник, а неплохо бы вскрыть несколько банок с джином и мясом и малость кутнуть.
Captain Wilder looked off toward a dead city a mile away.	Капитан Уайлдер смотрел на мертвый город, который раскинулся в милю от них.
"We're all tired," he said remotely, as if his whole attention was on the city and his men forgotten.	- Мы все устали, - произнес он рассеянно, точно целиком ушел в созерцание города и забыл про своих людей.
"Tomorrow night, perhaps.	- Лучше завтра вечером.
Tonight we should be glad we got across all that space without getting a meteor in our bulkhead or having one man of us die."	Сегодня хватит с нас того, что мы добрались сюда через эту чертову пустоту, и все живы, и в оболочке нет дыры от метеорита.
The men shifted around.	Космонавты топтались вокруг костра.
There were twenty of them, holding to each other's shoulders or adjusting their belts.	Их было двадцать, кто положил руку на плечо товарища, кто поправлял пояс.
Spender watched them.	Спендер пристально разглядывал их.
They were not satisfied.	Они были недовольны.
They had risked their lives to do a big thing.	Они рисковали жизнью ради великого дела.
Now they wanted to be shouting drunk, firing off guns to show how wonderful they were to have kicked a hole in space and ridden a rocket all the way to Mars.	Теперь им хотелось напиться до чертиков, горланиТЬ песни, поднять такую пальбу, чтобы сразу было видно, какие они лихие парни -пробуравили космос и пригнали ракету на Марс. На Марс!
But nobody was yelling.	Но пока все помалкивали.
The captain gave a quiet order.	Капитан негромко отдал приказ.

One of the men ran into the ship and brought forth food tins which were opened and dished out without much noise.	Один из космонавтов сбежал в ракету и принес консервы, которые открыли и раздали без особого шума.
The men were beginning to talk now.	Мало-помалу люди разговорились.
The captain sat down and recounted the trip to them.	Капитан сел и сделал краткий обзор полета.
They already knew it all, but it was good to hear about it, as something over and done and safely put away.	Они все знали сами, но было приятно слушать и сознавать, что все это уже позади, дело благополучно завершено.
They would not talk about the return trip.	Про обратный путь говорить не хотелось.
Someone brought that up, but they told him to keep quiet.	Кто-то было заинтриговано об этом, но его заставили замолчать.
The spoons moved in the double moonlight; the food tasted good and the wine was even better.	В двойном лунном свете быстро мелькали ложки; еда казалась очень вкусной, вино - еще вкуснее.
There was a touch of fire across the sky, and an instant later the auxiliary rocket landed beyond	В небе чиркнуло пламя, и мгновение спустя за их стоянкой села вспомогательная ракета.

the camp.	
Spender watched as the small port opened and Hathaway, the physician-geologist - they were all men of twofold ability, to conserve space on the trip -stepped out.	Спендер смотрел, как открылся маленький люк и оттуда вышел Хетэуэй, врач и геолог, - у каждого участника экспедиции были две специальности, для экономии места в ракете.
He walked slowly over to the captain.	Хетэуэй, не торопясь, подошел к капитану.
"Well?" said Captain Wilder.	- Ну, что там? - спросил капитан Уайлдер.
Hathaway gazed out at the distant cities twinkling in the starlight.	Хетэуэй глядел на далекие города, мерцающие в звездном свете.
After swallowing and focusing his eyes he said,	Потом проглотил ком в горле и перевел взгляд на Уайлдера:
"That city there, Captain, is dead and has been dead a good many thousand years.	- Вон тот город мертв, капитан, мертв уж много тысяч лет.
That applies to those three cities in the hills also.	Как и три города в горах.
But that fifth city, two hundred miles over, sir - "	Но пятый город, в двухстах милях отсюда...
"What about it?"	- Ну?
"People were living in it last week, sir."	- Еще на прошлой неделе там жили.
Spender got to his feet.	Спендер встал.
"Martians," said Hathaway.	- Марсиане, - добавил Хетэуэй.
"Where are they now?"	- А где они теперь?
"Dead," said Hathaway.	- Умерли, - сказал Хетэуэй.
"I went into a house on one street. I thought that it, like the other towns and houses, had been dead for centuries.	- Я зашел в один дом, думал, что он, как и другие дома в остальных городах, заброшен много веков назад.
My God, there were bodies there.	Силы небесные, сколько там трупов!
It was like walking in a pile of autumn leaves.	Словно груды осенних листьев!

Like sticks and pieces of burnt newspaper, that's all.	Будто сухие стебли и клочки горелой бумаги - все, что от них осталось.
And fresh. They'd been dead ten days at the outside."	Причем умерли совсем недавно, самое большое дней десять назад.
"Did you check other towns?"	- А в других городах?
Did you see anything alive?"	Хоть что-нибудь живое вы видели?
"Nothing whatever."	- Ничего.
So I went out to check the other towns.	Я потом еще не один проверил.
Four out of five have been empty for thousands of years.	Из пяти городов четыре заброшены много тысяч лет.
What happened to the original inhabitants I haven't the faintest idea.	Совершенно не представляю себе, куда подевались их обитатели.
But the fifth city always contained the same thing.	Зато в каждом пятом городе - одно и то же.
Bodies.	Тела.
Thousands of bodies."	Тысячи тел.
"What did they die of?"	- От чего они умерли?
Spender moved forward.	- Спендер подошел ближе.
"You won't believe it."	- Вы не поверите.
"What killed them?"	- Что их убило?
Hathaway said simply, "Chicken pox."	- Ветрянка, - коротко ответил Хетэуэй.
"My God, no!"	- Не может быть!
"Yes.	- Точно.
I made tests.	Я сделал анализы.

Chicken pox.	Ветряная оспа.
It did things to the Martians it never did to Earth Men.	Ее действие на марсиан совсем не такое, как на землян.
Their metabolism reacted differently, I suppose.	Видимо, все дело в обмене веществ.
Burnt them black and dried them out to brittle flakes.	Они покернели, как головешки, и высохли, превратились в ломкие хлопья.
But it's chicken pox, nevertheless.	Но это ветрянка, никакого сомнения.
So York and Captain Williams and Captain Black must have got through to Mars, all three expeditions.	Выходит, что и Йорк, и капитан Уильямс, и капитан Блэк - все три экспедиции добрались до Марса.
God knows what happened to them.	Что с ними стало потом, одному богу известно.
But we at least know what they unintentionally did to the Martians."	Но мы совершенно точно знаем, что они, сами того не ведая, сделали с марсианами.
"You saw no other life?"	- И нигде никаких признаков жизни?
"Chances are a few of the Martians, if they were smart, escaped to the mountains.	- Возможно, конечно, что несколько марсиан вовремя сообразили и ушли в горы.

But there aren't enough, I'll lay you money, to be a native problem.	Но, даже если так, бьюсь об заклад, что проблемы туземцев здесь нет, их слишком мало.
This planet is through."	Песенка марсиан спета.
Spender turned and went to sit at the fire, looking into it.	Спендер повернулся и снова сел у костра, уставившись в огонь.
Chicken pox, God, chicken pox, think of it!	Ветрянка, господи, подумать только, ветрянка!
A race builds itself for a million years, refines itself, erects cities like those out there, does everything it can to give itself respect and beauty, and then it dies.	Население планеты миллионы лет развивается, совершенствует свою культуру, строит вот такие города, всячески старается утвердить свои идеалы и представления о красоте и - погибает.
Part of it dies slowly, in its own time, before our age, with dignity.	Часть умерла еще до нашей эры - пришел их срок, и они скончались тихо, с достоинством встретили смерть.
But the rest!	Но остальные!
Does the rest of Mars die of a disease with a fine name or a terrifying name or a majestic name?	Может быть, остальные марсиане погибли от болезни с изысканным, или грозным, или возвышенным названием?
No, in the name of all that's holy, it has to be chicken pox, a child's disease, a disease that doesn't even kill children on Earth!	Ничего подобного, черт возьми, их доконала ветрянка, детская болезнь, болезнь, которая на Земле не убивает даже детей!
It's not right and it's not fair.	Это неправильно, несправедливо.
It's like saying the Greeks died of mumps, or the proud Romans died on their beautiful hills of athlete's foot!	Это все равно что сказать про древних греков, что они погибли от свинки, а гордых римлян на их прекрасных холмах скосил грибок!
If only we'd given the Martians time to arrange their death robes, lie down, look fit, and think up some other excuse for dying.	Хоть бы дали мы марсианам время приготовить свой погребальный убор, принять надлежащую позу и измыслить какую-нибудь иную причину смерти.
It can't be a dirty, silly thing like chicken pox.	Так нет же - какая-то паршивая, дурацкая

	ветрянка!
It doesn't fit the architecture; it doesn't fit this entire world!	Нет, не может быть, это несовместимо с величием их архитектуры, со всем их миром!
"All right, Hathaway, get yourself some food."	- Ладно, Хетэуэй, теперь перекусите.
"Thank you, Captain."	- Спасибо, капитан.
And as quickly as that it was forgotten.	И все! Уже забыто.
The men talked among themselves.	Уже говорят совсем о другом.
Spender did not take his eyes off them.	Спендер, не отрываясь, следил за своими спутниками.
He left his food on his plate under his hands.	Он не прикоснулся к своей порции, лежавшей в тарелке у него на коленях.
He felt the land getting colder.	Стало еще холоднее.
The stars drew closer, very clear.	Звезды приблизились ближе, вспыхнули ярче.

When anyone talked too loudly the captain would reply in a low voice that made them talk quietly from imitation.	Если кто-нибудь начинал говорить чересчур громко, капитан отвечал вполголоса, и они невольно понижали голос, стараясь подражать ему.
The air smelled clean and new.	Какой здесь чистый, необычный воздух!
Spender sat for a long time just enjoying the way it was made.	Спендер долго сидел и просто дышал, наслаждаясь его ароматом.
It had a lot of things in it he couldn't identify: flowers, chemistries, dusts, winds.	В нем слилась бездна запахов, он не мог угадать каких: цветы, химические вещества, пыль, ветер...
"Then there was that time in New York when I got that blonde, what's her name? - Ginnie!" cried Biggs.	- Или взять хоть тот раз в Нью-Йорке, когда я подцепил эту блондинкуку, - черт, забыл, как ее звали... Гинни! - орал Биггс.
"That was it!"	- Девчонка была что надо!
Spender tightened in.	Спендер весь сжался.
His hand began to quiver.	У него задрожали руки.
His eyes moved behind the thin, sparse lids.	Глаза беспокойно дергались под тонкими, прозрачными веками.
"And Ginnie said to me - " cried Biggs.	- Вот Гинни и говорит мне... - продолжал Биггс.
The men roared.	Раздался дружный хохот.
"So I smacked her!" shouted Biggs with a bottle in his hand.	- Ну, я ей и вмазал! - выкрикнул Биггс, не выпуская из рук бутылки.
Spender set down his plate.	Спендер отставил свою тарелку в сторону.
He listened to the wind over his ears, cool and whispering.	Прислушался к шепоту прохладного ветерка.
He looked at the cool ice of the white Martian buildings over there on the empty sea lands.	Полюбовался белыми марсианскими зданиями - точно холодные льдины на дне высохшего моря...
"What a woman, what a woman!"	- Какая девчонка, блеск!
Biggs emptied his bottle in his wide mouth.	- Биггс опрокинул бутылку в свою широкую пасть.
"Of all the women I ever knew!"	- Сколько их было - такой не попадалось!
The smell of Biggs's sweating body was on the air.	В воздухе стоял резкий запах потного тела Биггса.
Spender let the fire die.	Спендер дал костру потухнуть.

"Hey, kick her up there, Spender!" said Biggs, glancing at him for a moment, then back to his bottle.	- Эй, Спендер, уснул, что ли, подкинь дров! - крикнул Биггс и снова присосался к бутылке.
"Well, one night Ginnie and me - "	- Ну, так вот, однажды ночью мы с Гинни...
A man named Schoenke got out his accordion and did a kicking dance, the dust springing up around him.	Один из космонавтов, по фамилии Шенке, принес свой аккордеон и стал отбивать чечетку, так что пыль столбом поднялась.
"Ahoo - I'm alive!" he shouted.	- Э-эх! - вопил он. - Живем!
"Yay!" roared the men. They threw down their empty plates.	- Ого-го! - горланили остальные, отбросив пустые тарелки.

Three of them lined up and kicked like chorus maidens, joking loudly.	Трое стали в ряд и задрыгали ногами, наподобие девиц из бурлеска, выкрикивая соленые шуточки.
The others, clapping hands, yelled for something to happen.	Другие хлопали в ладоши, требуя отколоть что-нибудь еще.
Cheroke pulled off his shirt and showed his naked chest, sweating as he whirled about.	Чероки сбросил рубаху и закружился, сверкая потным торсом.
The moonlight shone on his crewcut hair and his young, clean-shaven cheeks.	Лунное сияние серебрило его ежик и гладко выбритые молодые щеки.
In the sea bottom the wind stirred along faint vapors, and from the mountains great stone visages looked upon the silvery rocket and the small fire.	Ветер гнал легкий туман над дном пересохшего моря, огромные каменные изваяния глядели с гор на серебристую ракету и крохотный костер.
The noise got louder, more men jumped up, someone sucked on a mouth organ, someone else blew on a tissue-papered comb.	Шум и гомон становились сильнее, число танцоров росло, кто-то сосал губную гармонику, другой дул в гребешок, обернутый папиросной бумагой.
Twenty more bottles were opened and drunk.	Еще два десятка бутылок откупорено и выпито.
Biggs staggered about, wagging his arms to direct the dancing men.	Биггс пьяно топтался вокруг и пытался дирижировать пляской, размахивая руками.
"Come on, sir!" cried Cheroke to the captain, wailing a song.	- Командир, присоединяйтесь! - крикнул Чероки капитану и затянул песню.
The captain had to join the dance.	Пришлось и капитану плясать.
He didn't want to.	Он делал это без всякой охоты.
His face was solemn.	Лицо его было сумрачно.
Spender watched, thinking: You poor man, what a night this is!	Спендер смотрел на него и думал: "Бедняга! Что за ночь!"
They don't know what they're doing.	Не ведают они, что творят.
They should have had an orientation program before they came to Mars to tell them how to look and how to walk around and be good for a few days.	Им перед вылетом надо бы инструктаж устроить, объяснить, что надо вести себя на Марсе прилично, хотя бы первые дни".
"That does it."	- Хватит.
The captain begged off and sat down, saying he was exhausted.	- Капитан вышел из круга и сел, сославшись на усталость.
Spender looked at the captain's chest.	Спендер взглянул на грудь капитана.
It wasn't moving up and down very fast.	Не сказать, чтобы она вздыхала чаще обычного.
His face wasn't sweaty, either.	И лицо ничуть не вспотело.

Accordion, harmonica, wine, shout, dance, wail, roundabout, dash of pan, laughter.	Аккордеон, гармоника, вино, крики, пляска, вопли, возня, лязг посуды, хохот.
Biggs weaved to the rim of the Martian canal.	Биггс, шатаясь, побрел на берег марсианского канала.
He carried six empty bottles and dropped them one by one into the deep blue canal waters.	Он захватил с собой шесть пустых бутылок и одну за другой стал бросать их в глубокую голубую воду.

They made empty, hollow, drowning sounds as they sank.	Погружаясь, они издавали гулкий, задыхающийся звук.
"I christen thee, I christen thee, I christen thee - " said Biggs thickly.	- Я нарекаю тебя, нарекаю тебя, нарекаю тебя... -заплетающимся языком бормотал Биггс.
"I christen thee Biggs, Biggs, Biggs Canal - "	- Нарекаю тебя именем Биггс, Биггс, канал Биггса...
Spender was on his feet, over the fire, and alongside Biggs before anyone moved.	Прежде чем кто-нибудь успел шевельнуться, Спендер вскочил на ноги, прыгнул через костер и подбежал к Биггсу.
He hit Biggs once in the teeth and once in the ear.	Он ударил Биггса сперва по зубам, потом в ухо.
Biggs toppled and fell down into the canal water.	Биггс покачнулся и упал прямо в воду.
After the splash Spender waited silently for Biggs to climb back up onto the stone bank.	Всплеск. Спендер молча ждал, когда Биггс выкарабкается обратно.
By that time the men were holding Spender.	Но к этому времени остальные уже схватили Спендера за руки.
"Hey, what's eating you, Spender?	- Эй, Спендер, что это на тебя нашло?
Hey?" they asked.	Ты что? - допытывались они.
Biggs climbed up and stood dripping.	Биггс выбрался на берег и встал на ноги, вода струилась с него на каменные плиты.
He saw the men holding Spender.	Он сразу приметил, что Спендера держат.
"Well," he said, and started forward.	- Так, - сказал он и шагнул вперед.
"That's enough," snapped Captain Wilder.	- Прекратить! - рявкнул капитан Уайлдер.
The men broke away from Spender.	Спендера выпустили.
Biggs stopped and glanced at the captain.	Биггс замер, глядя на капитана.
"All right, Biggs, get some dry clothes.	- Ладно, Биггс, переоденьтесь.
You men, carry on your party!	Вы, ребята, можете продолжать веселиться!
Spender, come with me!"	Спендер, пойдемте со мной!
The men took up the party.	Веселье возобновилось.
Wilder moved off some distance and confronted Spender.	Уайлдер отошел в сторону и обернулся к Спендера.
"Suppose you explain what just happened," he said.	- Может быть, вы объясните, в чем дело? - сказал он.
Spender looked at the canal.	Спендер смотрел на канал.
"I don't know, I was ashamed.	- Не знаю. Мне стало стыдно.
Of Biggs and us and the noise.	За Биггса, за всех нас, за этот содом.
Christ, what a spectade."	Господи, какое безобразие!
"It's been a long trip.	- Путешествие было долгое.
They've got to have their fling."	Надо же им отвести душу.
"Where's their respect, sir?	- Но где их уважение, командир?

Where's their sense of the right thing?"	Где чувство пристойности?
"You're tired, and you've a different way of seeing things, Spender.	- Вы устали, Спендер, и смотрите на вещи иначе, чем они.
That's a fifty-dollar fine for you."	Уплатите штраф пятьдесят долларов.
"Yes, sir.	- Слушаюсь, командир.
It was just the idea of Them watching us make fools of ourselves."	Но уж очень неприятно, когда подумаешь, что Они видят, как мы дураков корчим.
"Them?"	- Они?
"The Martians, whether they're dead or not."	- Марсиане, будь то живые или мертвые, все равно.
"Most certainly dead," said the captain.	- Безусловно, мертвые, - ответил капитан.
"Do you think They know we're here?"	- Вы думаете, они знают, что мы здесь?
"Doesn't an old thing always know when a new thing comes?"	- Разве старое не знает всегда о появлении нового?
"I suppose so.	- Пожалуй.
You sound as if you believe in spirits."	Можно подумать, что вы верите в духов.
"I believe in the things that were done, and there are evidences of many things done on Mars.	- Я верю в вещи, сделанные трудом, а все вокруг показывает, сколько здесь сделано.
There are streets and houses, and there are books, I imagine, and big canals and docks and places for stabling, if not horses, well, then some domestic animal, perhaps with twelve legs, who knows?	Здесь есть улицы, и дома, и книги, наверно, есть, и широкие каналы, башни с часами, стойла - ну, пусть не для лошадей, но все-таки для каких-то домашних животных, скажем, даже с двенадцатью ногами, почем мы можем знать?
Everywhere I look I see things that were used.	Куда ни глянешь, всюду вещи и сооружения, которыми пользовались.
They were touched and handled for centuries.	К ним прикасались, их употребляли много столетий.
Ask me, then, if I believe in the spirit of the things as they were used, and I'll say yes.	Спросите меня, верю ли я в душу вещей, вложенную в них теми, кто ими пользовался, - я скажу да.
They're all here. All the things which had uses.	А они здесь, вокруг нас, - вещи, у которых было свое назначение.
All the mountains which had names.	Горы, у которых были свои имена.
And we'll never be able to use them without feeling uncomfortable.	Пользуясь этими вещами, мы всегда, неизбежно будем чувствовать себя неловко.
And somehow the mountains will never sound right to us; we'll give them new names, but the old names are there, somewhere in time, and the mountains were shaped and seen under those names.	И названия гор будут звучать для нас как-то не так - мы их окрестим, а старые-то названия никуда не делись, существуют где-то во времени, для кого-то здешние горы, представления о них были связаны именно с теми названиями.
The names we'll give to the canals and mountains and cities will fall like so much water on the back of a mallard.	Названия, которые мы дадим каналам, городам, вершинам, скатятся с них как с гуся вода.

No matter how we touch Mars, we'll never touch it.	Мы можем сколько угодно соприкасаться с Марсом - настоящего общения никогда не будет.
And then we'll get mad at it, and you know what we'll do?	В конце концов это доведет нас до бешенства и знаете, что мы сделаем с Марсом?

We'll rip it up, rip the skin off, and change it to fit ourselves."	Мы его распотрошим, снимем с него шкуру и перекроим ее по своему вкусу.
"We won't ruin Mars," said the captain.	- Мы не разрушим Марс, - сказал капитан.
"It's too big and too good."	- Он слишком велик и великолепен.
"You think not?"	- Вы уверены?
We Earth Men have a talent for ruining big, beautiful things.	У нас, землян, есть дар разрушать великое и прекрасное.
The only reason we didn't set up hot-dog stands in the midst of the Egyptian temple of Karnak is because it was out of the way and served no large commercial purpose.	Если мы не открыли сосисочную в Египте среди развалин Карнакского храма, то лишь потому, что они лежат на отшибе и там не развернешь коммерции.
And Egypt is a small part of Earth.	Но Египет всего лишь ключок нашей планеты.
But here, this whole thing is ancient and different, and we have to set down somewhere and start fouling it up.	А здесь - здесь все древность, все непохожее, и мы где-нибудь тут обоснуемся и начнем опоганивать этот мир.
We'll call the canal the Rockefeller Canal and the mountain King George Mountain and the sea the Dupont sea, and there'll be Roosevelt and Lincoln and Coolidge cities and it won't ever be right, when there are the proper names for these places."	Вот этот канал назовем в честь Рокфеллера, эту гору назовем горой короля Георга, и море будет морем Дюпона, там вон будут города Рузвельт, Линкольн и Кулидж, но это все будет неправильно, потому что у каждого места уже есть свое, собственное имя.
"That'll be your job, as archaeologists, to find out the old names, and we'll use them."	- Это уж ваше дело, археологов, раскапывать старые названия, а мы что ж, мы согласны ими пользоваться.
"A few men like us against all the commercial interests."	- Кучка людей вроде нас - против всех дельцов и трестов?
Spender looked at the iron mountains.	- Спендер поглядел на отливающие металлом горы.
"They know we're here tonight, to spit in their wine, and I imagine they hate us."	- Они знают, что мы сегодня появились здесь, будем пакостить им; они должны нас ненавидеть.
The captain shook his head.	Капитан покачал головой.
"There's no hatred here."	- Здесь нет ненависти.
He listened to the wind.	- Он прислушался к ветру.
"From the look of their cities they were a graceful, beautiful, and philosophical people."	- Судя по их городам, это были добрые, красивые, мудрые люди.
They accepted what came to them.	Они принимали свою судьбу как должное.
They acceded to racial death, that much we know, and without a last-moment war of frustration to tumble down their cities.	Очевидно, смирились с тем, что им вымирать, и не затеяли с отчаяния никакой опустошительной войны напоследок, не стали уничтожать своих городов.

Every town we've seen so far has been flawlessly intact.	Все города, которые мы до сих пор видели, сохранились в полной неприкосновенности.
They probably don't mind us being here any more than they'd mind children playing on the lawn, knowing and understanding children for what they are.	Сдается мне, мы им мешаем не больше, чем помешали бы дети, играющие на газоне, - велик ли спрос с ребенка?
And, anyway, perhaps all this will change us for the better".	И кто знает, быть может, в конечном счете все это изменит нас к лучшему.

"Did you notice the peculiar quiet of the men, Spender, until Biggs forced them to get happy?"	Вы обратили внимание, Спендер, на необычно тихое поведение наших людей, пока Биггс не навязал им это веселье?
They looked pretty humble and frightened.	Как смирно, даже робко они держались!
Looking at all this, we know we're not so hot; we're kids in rompers, shouting with our play rockets and atoms, loud and alive.	Еще бы, лицом к лицу со всем этим сразу сообразишь, что мы не так уж сильны. Мы просто дети в коротких штанишках, шумные и непоседливые дети, которые носятся со своими ракетными и атомными игрушками.
But one day Earth will be as Mars is today.	Но ведь когда-нибудь Земля станет такой, каков Марс теперь.
This will sober us.	Так что Марс нас отрезвит.
It's an object lesson in civilizations.	Наглядное пособие по истории цивилизации.
We'll learn from Mars.	Полезный урок.
Now suck in your chin.	А теперь - выше голову!
Let's go back and play happy.	Пойдем играть в веселье.
That fifty-dollar fine still goes."	Да, штраф остается в силе.
The party was not going too well.	Но веселье не ладилось.
The wind kept coming in off the dead sea.	С мертвого моря упорно дул ветер.
It moved around the men and it moved around the captain and Jeff Spender as they returned to the group.	Он вился вокруг космонавтов, вокруг капитана и Джеффа Спендера, когда те шли обратно к остальным.
The wind pulled at the dust and the shining rocket and pulled at the accordion, and the dust got into the vamped harmonica. The dust got in their eyes and the wind made a high singing sound in the air.	Ветер ворошил пыль и обтекал сверкающую ракету, теребил аккордеон, и пыль покрыла исцелованную губную гармонику. Она засоряла им глаза, и от ветра в воздухе звучала высокая певучая нота.
As suddenly as it had come the wind died.	Вдруг он стих, так же неожиданно, как начался.
But the party had died too.	Но и веселье тоже стихло.
The men stood upright against the dark cold sky.	Люди застыли неподвижно под равнодушным черным небом.
"Come on, gents, come on!"	- А ну, ребята, давай!
Biggs bounded from the ship in a fresh uniform, not looking at Spender even once.	- Биггс, в чистой сухой одежде, выскочил из ракеты, стараясь не глядеть на Спендера.
His voice was like someone in an empty auditorium.	Звук его голоса погас, будто в пустом зале.

It was alone. "Come on!"	Будто никого вокруг нет - Давайте все сюда!
Nobody moved.	Никто не тронулся с места.
"Come on, Whitie, your harmonica!"	- Эй, Уайти, что же твоя гармоника?
Whitie blew a chord.	Уайти выдул какую-то трель.
It sounded funny and wrong.	Она прозвучала фальшиво и нелепо.
Whitie knocked the moisture from his harmonica and put it away.	Уайти вытряхнул из инструмента влагу и убрал его в карман.
"What kinda party is this?" Biggs wanted to know.	- Вы что, на поминках, что ли? - не унимался Биггс.
Someone hugged the accordion.	Кто-то сжал в объятиях аккордеон.
It gave a sound like a dying animal.	Он издал звук, похожий на предсмертный стон животного.
That was all.	И все.

"Okay, me and my bottle will go have our own party."	- Ладно, тогда мы с бутылочкой повеселимся вдвоем.
Biggs squatted against the rocket, drinking from a flask.	- Биггс уселся, прислонившись к ракете, и поднес ко рту карманную фляжку.
Spender watched him.	Спендер не сводил с него глаз.
Spender did not move for a long time.	Долго стоял неподвижно.
Then his fingers crawled up along his trembling leg to his holstered pistol, very quietly, and stroked and tapped the leather sheath.	Потом его пальцы тихонько, медленно поползли вверх по дрожащему бедру, нашупали пистолет и стали поглаживать кожаную кобуру.
"All those who want to can come into the city with me," announced the captain.	- Кто хочет, может пойти со мной в город, - объявил капитан.
"We'll post a guard here at the rocket and go armed, just in case."	- Поставим охрану у ракеты и захватим с собой оружие - на всякий случай.
The men counted off.	Желающие построились и рассчитались по порядку.
Fourteen of them wanted to go, including Biggs, who laughingly counted himself in, waving his bottle.	Их оказалось четырнадцать, включая Биггса, который стал в строй, гогота и размахивая бутылкой.
Six others stayed behind.	Шесть человек решили остаться.
"Here we go!" Biggs shouted.	- Ну, потопали! - заорал Биггс.
The party moved out into the moonlight, silently.	Отряд молча зашагал по долине, залитой лунным светом.
They made their way to the outer rim of the dreaming dead city in the light of the racing twin moons.	Они пришли на окраину дремлющего мертвого города, озаренного светом двух догоняющих друг друга лун.
Their shadows, under them, were double shadows.	Тени, протянувшиеся от их ног, были двойными.
They did not breathe, or seemed not to, perhaps, for several minutes.	Несколько минут космонавты стояли, затаив дыхание.

They were waiting for something to stir in the dead city, some gray form to rise, some ancient, ancestral shape to come galloping across the vacant sea bottom on an ancient, armored steel of impossible lineage, of unbelievable derivation.	Ждали: вот сейчас что-нибудь шевельнется в этом безжизненном городе, возникнет какой-нибудь туманный силуэт, промчится галопом по бесплодному морскому дну этакий призрак седой старины верхом на закованном в латы древнем коне немыслимых кровей с невиданной родословной.
Spender filled the streets with his eyes and his mind.	Воображение Спендера оживляло пустынные городские улицы.
People moved like blue vapor lights on the cobbled avenues, and there were faint murmurs of sound, and odd animals scurrying across the gray-red sands.	Голубыми светящимися призраками шли люди по проспектам, замощенным камнем, слышалось невнятное бормотание, странные животные стремительно бежали по серовато-красному песку.
Each window was given a person who leaned from it and waved slowly, as if under a timeless water, at some moving form in the fathoms of space below the moon-silvered towers.	В каждом окне кто-то стоял и, перегнувшись через подоконник, медленно поводил руками, точно утонувший в водах вечности, махая каким-то силуэтам, движущимся в бездонном пространстве у подножия посеребренных луной башен.

Music was played on some inner ear, and Spender imagined the shape of such instruments to evoke such music. The land was haunted.	Внутренний слух улавливал музыку, - и Спендер попытался представить себе, как могут выглядеть инструменты, которые так звучат... Город был полон видениями.
"Hey!" shouted Biggs, standing tall, his hands around his open mouth.	- Э-гей! - крикнул Биггс, выпрямившись и сложив ладони рупором.
"Hey, you people in the city there, you!"	- Эй, кто тут есть в городе, отзовись!
"Biggs!" said the captain.	- Биггс! - сказал капитан.
Biggs quieted.	Биггс умолк.
They walked forward on a tiled avenue.	Они ступили на улицу, вымощенную плитами.
They were all whispering now, for it was like entering a vast open library or a mausoleum in which the wind lived and over which the stars shone.	Теперь они говорили только шепотом, потому что у них было такое чувство, будто они вошли в огромный читальный зал под открытым небом или в усыпальницу, где только ветер да яркие звезды над головой.
The captain spoke quietly.	Капитан заговорил вполголоса.
He wondered where the people had gone, and what they had been, and who their kings were, and how they had died.	Ему хотелось знать, куда девались жители города, что за люди они были, какие короли ими правили, отчего они умерли.
And he wondered, quietly aloud, how they had built this city to last the ages through, and had they ever come to Earth?	Он тихо вопрошал: как сумели они построить такой долговечный город? Побывали ли они на Земле?
Were they ancestors of Earth Men ten thousand years removed?	Не они ли десятки тысяч лет назад положили начало роду землян?
And had they loved and hated similar loves and hates, and done similar silly things when silly things were done?	Так же ли любили они и ненавидели, как мы? И были ли их безрассудства такими же, когда они совершали их?

Nobody moved.	Они замерли.
The moons held and froze them; the wind beat slowly around them.	Луны точно околдовали, заморозили их; тихий ветер овевал их.
"Lord Byron," said Jeff Spender.	- Лорд Байрон, - сказал Джейф Спендер.
"Lord who?"	- Какой лорд?
The captain turned and regarded him.	- Капитан повернулся к нему.
"Lord Byron, a nineteenth-century poet.	- Лорд Байрон, поэт, жил в девятнадцатом веке.
He wrote a poem a long time ago that fits this city and how the Martians must feel, if there's anything left of them to feel. It might have been written by the last Martian poet."	Давным-давно он написал стихотворение. Оно удивительно подходит к этому городу и выражает чувства, которые должны были бы испытывать марсиане. Если только здесь осталось кому чувствовать. Такие стихи мог бы написать последний марсианский поэт.
The men stood motionless, their shadows under them.	Люди стояли неподвижно, и тени их замерли.
The captain said, "How does the poem go, Spender?"	- Что же это за стихотворение? - спросил капитан.
Spender shifted, put out his hand to remember, squinted silently a moment; then, remembering, his slow quiet voice repeated the words and the men listened to everything he said:	Спендер переступил с ноги на ногу, поднял руку, вспоминая, на мгновение зажмурился, затем его тихий голос стал неторопливо произносить слова стихотворения, и все

	слушали его, не отрываясь:
"So we'll go no more a-roving So late into the night,	Не бродить уж нам ночами,
Though the heart be still as loving, And the moon be still as bright."	Хоть душа любви полна, И по-прежнему лучами Серебрит простор луна.
The city was gray and high and motionless.	Город был пепельно-серый, высокий, безмолвный.
The men's faces were turned in the light.	Лица людей обратились к лунам.
"For the sword outwears its sheath, And the soul wears out the breast, And the heart must pause to breathe, And love itself must rest.	Меч сотрет железо ножен, И душа истощит грудь, Вечный пламень невозможен, Сердцу нужно отдохнуть.
Though the night was made for loving, And the day returns too soon, Yet we'll go no more a-roving By the light of the moon."	Пусть влюбленными лучами Месяц тянется к земле, Не бродить уж нам ночами В серебристой лунной мгле.
Without a word the Earth Men stood in the center of the city.	Земляне молча стояли в центре города.
It was a clear night.	Ночь была ясна и безоблачна.
There was not a sound except the wind.	Кроме свиста ветра - ни звука кругом.
At their feet lay a tile court worked into the shapes of ancient animals and peoples.	Перед ними расстилалась площадь, и плиточная мозаика изображала древних животных и людей.
They looked down upon it.	Они стояли и смотрели.

Biggs made a sick noise in his throat.	Биггс издал рыгающий звук.
His eyes were dull.	Глаза его помутнели.
His hands went to his mouth; he choked, shut his eyes, bent, and a thick rush of fluid filled his mouth, spilled out, fell to splash on the tiles, covering the designs.	Руки метнулись ко рту, он судорожно глотнул, зажмурился, согнулся пополам. Густая струя наполнила рот и вырвалась, хлынула с плеском прямо на плиты, заливая изображения.
Biggs did this twice, A sharp winy stench filled the cool air.	Так повторилось дважды. В прохладном воздухе разнесся кислый винный запах.
No one moved to help Biggs.	Никто не шевельнулся помочь Биггсу.
He went on being sick.	Его продолжало тошнить.
Spender stared for a moment, then turned and walked off into the avenues of the city, alone in the moonlight. Never once did he pause to look back at the gathered men there.	Мгновение Спендер смотрел на него, затем повернулся и пошел прочь. В полном одиночестве он шел по озаренным луной улицам города и ни разу не остановился, чтобы оглянуться на своих товарищев.
They turned in at four in the morning.	Они легли спать около четырех утра.
They lay upon blankets and shut their eyes and breathed the quiet air.	Вытянувшись на одеялах, закрыли глаза и вдыхали неподвижный воздух.
Captain Wilder sat feeding little sticks into the fire.	Капитан Уайлдер сидел возле костра, подбрасывая в него сучья.
McClure opened his eyes two hours later.	Два часа спустя Мак-Клюр открыл глаза.
"Aren't you sleeping, sir?"	- Вы не спите, командир?
"I'm waiting for Spender."	- Жду Спендера.
The captain smiled faintly.	- Капитан слабо улыбнулся.

McClure thought it over.	Мак-Клюр подумал.
"You know, sir, I don't think he'll ever come back.	- Знаете, командир, мне кажется, он не придет.
I don't know how I know, but that's the way I feel about him, sir; he'll never come back."	Сам не знаю почему, но у меня такое чувство. Не придет он.
McClure rolled over into sleep.	Мак-Клюр повернулся на другой бок.
The fire cradded and died.	Огонь рассыпался трескучими искрами и потух.
Spender did not return in the following week.	Прошла целая неделя, а Спендер не появлялся.
The captain sent searching parties, but they came back saying they didn't know where Spender could have gone.	Капитан разослал на поиски его несколько отрядов, но они вернулись и доложили, что не понимают, куда он мог деться.
He would be back when he got good and ready.	Ничего, надоест шляться - сам придет.
He was a sorehead, they said.	И вообще он нытик и брюзга.
To the devil with him!	Ушел, и черт с ним!
The captain said nothing but wrote it down in his log...	Капитан промолчал, но записал все в корабельный журнал...

It was a morning that might have been a Monday or a Tuesday or any day on Mars. Biggs was on the canal rim; his feet hung down into the cool water, soaking, while he took the sun on his face.	Однажды утром - это мог быть понедельник, или вторник, или любой иной марсианский день - Биггс сидел на краю канала, подставив лицо солнечным лучам и болтая ногами в прохладной воде.
A man walked along the bank of the canal.	Вдоль канала шел человек.
The man threw a shadow down upon Biggs.	Его тень упала на Биггса.
Biggs glanced up.	Биггс открыл глаза.
"Well, I'll be damned!" said Biggs.	- Будь я проклят! - воскликнул Биггс.
"I'm the last Martian," said the man, taking out a gun.	- Я последний марсианин, - сказал человек, доставая пистолет.
"What did you say?" asked Biggs.	- Что ты сказал? - спросил Биггс.
"I'm going to kill you."	- Я убью тебя.
"Cut it.	- Брось.
What kind of joke's that, Spender?"	Что за глупые шутки, Спендер?
"Stand up and take it in the stomach."	- Встань, умри, как мужчина.
"For Christ's sake, put that gun away."	- Бога ради, убери пистолет.
Spender pulled the trigger only once.	Спендер нажал курок только один раз.
Biggs sat on the edge of the canal for a moment before he leaned forward and fell into the water.	Мгновение Биггс еще сидел на краю канала, потом наклонился вперед и упал в воду.
The gun had made only a whispering hum.	Выстрел был очень тихим - как шелест, как слабое жужжание.
The body drifted with slow unconcern under the slow canal tides. It made a hollow bubbling sound that ceased after a moment.	Тело медленно, отрешенно погрузилось в неторопливые струи канала, издавая глухой булькающий звук, который вскоре прекратился.
Spender shoved his gun into its holster and walked soundlessly away.	Спендер убрал пистолет в кобуру и неслышными шагами пошел дальше.
The sun was shining down upon Mars. He felt it burn his hands and slide over the sides of his tight face.	Солнце светило сверху на Марс, его лучи припекали кожу рук, жарко гладили непроницаемое лицо Спендера.
He did not run; he walked as if nothing were	Он не стал бежать, шел так, будто с

new except the daylight.	прошлого раза ничего не изменилось, если не считать, что теперь был день.
He walked down to the rocket, and some of the men were eating a freshly cooked breakfast under a shelter built by Cookie.	Он подошел к ракете, несколько человек уписывали только что приготовленный завтрак под навесом, который оставил кок.
"Here comes The Lonely One," someone said.	- А вот и наш Одинокий Волк идет, - сказал кто-то.
"Hello, Spender!"	- Пришел, Спендер!
Long time no see!"	Давненько не виделись!
The four men at the table regarded the silent man who stood looking back at them.	Четверо за столом пристально смотрели на человека, который молча глядел на них.

"You and them goddamn ruins," laughed Cookie, stirring a black substance in a crock.	- Дались тебе эти проклятые развалины, -усмехнулся кок, помешивая какое-то черное варево в миске.
"You're like a dog in a bone yard."	- Ну, чисто голодный пес, который до костей дорвался.
"Maybe," said Spender,	- Возможно, - ответил Спендер.
"I've been finding out things."	- Мне надо было кое-что выяснить.
What would you say if I said I'd found a Martian prowling around?"	Что вы скажете, если я вам сообщу, что видел здесь по соседству марсианина?
The four men laid down their forks.	Четверо космонавтов отложили свои вилки.
"Did you?"	- Марсианина?
Where?"	Где?
"Never mind."	- Это не важно.
Let me ask you a question.	Позвольте мне задать вам один вопрос.
How would you feel if you were a Martian and people came to your land and started tearing it up?"	Как бы вы себя чувствовали на месте марсиан, если бы в вашу страну явились люди и стали бы все громить?
"I know exactly how I'd feel," said Cherokee.	- Я-то знаю, что бы я чувствовал, - сказал Чероки.
"I've got some Cherokee blood in me."	- В моих жилах есть кровь племени чероков.
My grandfather told me lots of things about Oklahoma Territory.	Мой дед немало мне порассказал из истории Оклахомы.
If there's a Martian around, I'm all for him."	Так что, если тут остались марсиане, я их понимаю.
"What about you other men?" asked Spender carefully.	- А вы? - осторожно спросил Спендер остальных.
Nobody answered; their silence was talk enough.	Никто не ответил, молчание было достаточно красноречиво.
Catch as catch can, finder's keepers, if the other fellow turns his cheek slap it hard, etc...	Дескать, грабастай, сколько захватишь, что нашел - все твое, если ближний подставил щеку - вдарь покрепче, и так далее в том же духе.
"Well," said Spender,	- Ну, так вот, - сказал Спендер.
"I've found a Martian."	- Я встретил марсианина.
The men squinted at him.	Они недоверчиво смотрели на него.
"Up in a dead town."	- Там, в одном из мертвых поселений.
I didn't think I'd find him.	Я и не подозревал, что встречу его.
I didn't intend looking him up.	Даже не собирался искать.
I don't know what he was doing there.	Не знаю, что он там делал.

I've been living in a little valley town for about a week, learning how to read the ancient books and looking at their old art forms.	Эту неделю я прожил в маленьком городке, пытался разобрать древние письмена, изучал их старинное искусство.
---	---

And one day I saw this Martian. He stood there for a moment and then he was gone. He didn't come back for another day. I sat around, learning how to read the old writing, and the Martian came back, each time a little nearer, until on the day I learned how to decipher the Martian language - it's amazingly simple and there are picturegraphs to help you - the Martian appeared before me and said,	И вот однажды увидел марсианина. Он только на миг появился и тут же пропал. Потом дня два не показывался. Я сидел над письменами, когда он снова пришел. И так несколько раз, с каждым разом все ближе и ближе. В тот день, когда я наконец освоил марсианский язык, - это удивительно просто, и очень помогают пиктограммы - марсианин появился передо мной и сказал:
"Give me your boots."	"Дайте мне ваши башмаки".
And I gave him my boots and he said,	Я отдал ему башмаки, а он говорит:
"Give me your uniform and all the rest of your apparel."	"Дайте мне ваше обмундирование и все, что на вас надето".
And I gave him all of that, and then he said,	Я все отдал, он опять:
"Give me your gun," and I gave him my gun.	"Дайте пистолет". Подаю пистолет.
Then he said,	Тогда он говорит:
"Now come along and watch what happens."	"А теперь пойдемте со мной и смотрите, что будет".
And the Martian walked down into camp and he's here now."	И марсианин пошел в лагерь, и вот он здесь.
"I don't see any Martian," said Cheroke.	- Не вижу никакого марсианина, - возразил Чероки.
"I'm sorry."	- Очень жаль.
Spender took out his gun.	Спендер выхватил из кобуры пистолет.
It hummed softly.	Посыпалось слабое жужжание.
The first bullet got the man on the left; the second and third bullets took the men on the right and the center of the table.	Первая пуля поразила крайнего слева, вторая и третья - крайнего справа и того, что сидел посередине.
Cookie turned in horror from the fire to receive the fourth bullet.	Кок испуганно обернулся от костра и был сражен четвертой пулей.
He fell back into the fire and lay there while his clothes caught fire.	Он упал плашмя в огонь и остался лежать, его одежда загорелась.
The rocket lay in the sun.	Ракета стояла, залитая солнцем.
Three men sat at breakfast, their hands on the table, not moving, their food getting cold in front of them.	Три человека сидели за столом, и руки их неподвижно лежали возле тарелок, на которых остывал завтрак.
Cheroke, untouched, sat alone, staring in numb disbelief at Spender.	Один Чероки, невредимый, с тупым недоумением глядел на Спендера.
"You can come with me," said Spender.	- Можешь пойти со мной, - сказал Спендер.
Cheroke said nothing.	Чероки не ответил.
"You can be with me on this."	- Слышишь, я принимаю тебя в свою компанию.

Spender waited.	- Спендер ждал.
Finally Cheroke was able to speak.	Наконец к Чероки вернулся дар речи.

"You killed them," he said, daring to look at the men around him.	- Ты их убил, - произнес он и заставил себя взглянуть на сидящих напротив.
"They deserved it."	- Они это заслужили.
"You're crazy!"	- Ты сошел с ума!
"Maybe I am."	- Возможно.
But you can come with me."	Но ты можешь пойти со мной.
"Come with you, for what?" cried Cheroke, the color gone from his face, his eyes watering.	- Пойти с тобой - зачем? - вскричал Чероки, мертвенно бледный, со слезами на глазах.
"Go on, get out!"	- Уходи, убрайся прочь!
Spender's face hardened.	Лицо Спендера окаменело.
"Of all of them, I thought you would understand."	- Я-то думал, хоть ты меня поймешь.
"Get out!"	- Убрайся!
Cheroke reached for his gun.	- Рука Чероки потянулась за пистолетом.
Spender fired one last time.	Спендер выстрелил в последний раз.
Cheroke stopped moving.	Больше Чероки не двигался.
Now Spender swayed.	Зато покачнулся Спендер.
He put his hand to his sweating face.	Он провел ладонью по потному лицу.
He glanced at the rocket and suddenly began to shake all over.	Он поглядел на ракету, и вдруг его начала бить дрожь.
He almost fell, the physical reaction was so overwhelming.	Он едва не упал, настолько сильна была реакция.
His face held an expression of one awakening from hypnosis, from a dream.	Его лицо было лицом человека, который приходит в себя после гипноза, после сновидения.
He sat down for a moment and told the shaking to go away.	Он сел, чтобы справиться с дрожью.
"Stop it, stop it!" he commanded of his body.	- Перестать! Сейчас же! - приказал он своему телу.
Every fiber of him was quivering and shaking.	Каждая клеточка судорожно дрожала.
"Stop it!"	- Перестань!
He crushed his body with his mind until all the shaking was squeezed out of it.	Он сжал тело в тисках воли, пока не выдавил из него всю дрожь, до последнего остатка.
His hands lay calmly now upon his silent knees.	Теперь руки лежали спокойно на усмиренных коленях.
He arose and strapped a portable storage locker on his back with quiet efficiency.	Он встал и с неторопливой тщательностью закрепил на спине ранец с продуктами.
His hand began to tremble again, just for a breath of an instant, but he said,	На какую-то крохотную долю секунды его руки опять задрожали, но Спендер очень решительно скомандовал:

"No!" very firmly, and the trembling passed.	"Нет!", и дрожь прошла.
Then, walking stiffly, he moved out between the hot red hills of the land, alone.	И он побрел прочь на негнущихся ногах и затерялся среди раскаленных красных гор. Один.
The sun burned farther up the sky.	Полыхающее солнце поднялось выше в небе.
An hour later the captain climbed down out of the rocket to get some ham and eggs.	Час спустя капитан вылез из ракеты позавтракать.
He was just saying hello to the four men sitting there when he stopped and noticed a faint smell of gun fumes on the air.	Он уже было открыл рот, чтобы поздороваться с космонавтами, сидящими за столом, но осекся, словив в воздухе легкий

	запах пистолетного дыма.
He saw the cook lying on the ground, with the campfire under him.	Он увидел, что кок лежит на земле, накрыв своим телом костер.
The four men sat before food that was now cold.	Четверо сидели перед остывшим завтраком.
A moment later Parkhill and two others climbed down.	По трапу спустились Паркхилл и еще двое.
The captain stood in their way, fascinated by the silent men and the way they sat at their breakfast.	Капитан стоял, загородив им путь, не в силах отвести глаз от молчаливых людей за столом, от их странных поз.
"Call the men, all of them," said the captain.	- Собрать всех людей! - приказал капитан.
Parkhill hurried off down the canal rim.	Паркхилл побежал вдоль канала.
The captain touched Cheroke.	Капитан тронул рукой Чероки.
Cheroke twisted quietly and fell from his chair.	Чероки медленно согнулся и упал со стула.
Sunlight burned in his bristled short hair and on his high cheekbones.	Солнечные лучи осветили его жесткий ежик и скуластое лицо.
The men came in.	Экипаж собрался.
"Who's missing?"	- Кого недостает?
"It's still Spender, sir.	- Все того же Спендера.
We found Biggs floating in the canal."	Биггса мы нашли в канале.
"Spender!"	- Спендер!
The captain saw the hills rising in the daylight, The sun showed his teeth in a grimace.	Капитан посмотрел на устремленные в дневное небо горы. Солнце высветило его зубы, обнаженные гримасой.
"Damn him," he said tiredly.	- Черт бы его побрал, - устало произнес капитан.
"Why didn't he come and talk to me?"	- Почему он не пришел ко мне, я бы поговорил с ним.
"He should've talked to me," cried Parkhill, eyes blazing.	- Нет, вот я бы с ним поговорил! - крикнул Паркхилл, яростно сверкнув глазами.
"I'd have shot his bloody brains out, that's what I'd have done, by God!"	- Я бы раскроил ему башку и выпустил мозги наружу!
Captain Wilder nodded at two of his men.	Капитан Уайлдер кивком подозвал двоих.
"Get shovels," he said.	- Возьмите лопаты, - сказал он.

It was hot digging the graves.	Копать было жарко.
A warm wind came from over the vacant sea and blew the dust into their faces as the captain turned the Bible pages.	С высохшего моря летел теплый ветер, он швырял им пыль в лицо, а капитан листал библию.
When the captain closed the book someone began shoveling slow streams of sand down upon the wrapped figures.	Но вот он закрыл книгу, и с лопат на завернутые в ткань тела потекли медленные струи песка.
They walked back to the rocket, clicked the mechanisms of their rifles, put thick grenade packets on their backs, and checked the free play of pistols in their holsters.	Они вернулись к ракете, щелкнули затворами своих винтовок, подвесили к поясу сзади связки гранат, проверили, легко ли вынимаются из кобуры пистолеты.
They were each assigned part of the hills.	Каждому был отведен определенный участок гор.
The captain directed them without raising his voice or moving his hands where they hung at his sides.	Капитан говорил, куда кому идти, не повышая голоса, руки его вяло висели, он ни разу не шевельнулся.
"Let's go," he said.	- Пошли, - сказал он.

Spender saw the thin dust rising in several places in the valley and he knew the pursuit was organized and ready.	Спендер увидел, как в разных концах долины поднимаются облачка пыли, и понял, что преследование началось по всем правилам.
He put down the thin silver book that he had been reading as he sat easily on a flat boulder.	Он опустил плоскую серебряную книгу, которую читал, удобно примостившись на большом камне.
The book's pages were tissue-thin, pure silver, hand-painted in black and gold.	Страницы книги были из чистейшего тонкого, как папиросная бумага, листового серебра, разрисованные от руки чернью и золотом.
It was a book of philosophy at least ten thousand years old he had found in one of the villas of a Martian valley town.	Это был философский трактат десятитысячелетней давности, найденный им в одной из вилл небольшого марсианского селения.
He was reluctant to lay it aside.	Спендеру не хотелось отрываться от книги.
For a time he had thought, What's the use?	Он даже подумал сперва: "А стоит ли?
I'll sit here reading until they come along and shoot me.	Буду сидеть и читать, пока не придут и не убьют меня".
The first reaction to his killing the six men this morning had caused a period of stunned blankness, then sickness, and now, a strange peace.	Утром, после того как он застрелил шесть человек, Спендер ощутил тупую опустошенность, потом его тошило, и наконец им овладел странный покой.
But the peace was passing, too, for he saw the dust billowing from the trails of the hunting men, and he experienced the return of resentment.	Но и это чувство было преходящим, потому что при виде пыли, которая обозначала путь преследователей, он снова ощущал ожесточение.
He took a drink of cool water from his hip canteen.	Он глотнул холодной воды из походной фляги.
Then he stood up, stretched, yawned, and listened to the peaceful wonder of the valley around him.	Потом встал, потянулся, зевнул и прислушался к упоительной тишине окружающей его долины.
How very fine if he and a few others he knew on Earth could be here, live out their lives here, without a sound or a worry.	Эх, если бы он и еще несколько людей оттуда, с Земли, могли вместе поселиться здесь и дожить свою жизнь без шума, без тревог...

He carried the book with him in one hand, the pistol ready in his other.	Спендер взял в одну руку книгу, а в другую -пистолет.
There was a little swift-running stream filled with white pebbles and rocks where he undressed and waded in for a brief washing.	Рядом протекала быстрая речка с дном из белой гальки и большими камнями на берегах. Он разделся на камнях и вошел в воду ополоснуться.
He took all the time he wanted before dressing and picking up his gun again.	Он не спешил и, лишь поплескавшись вволю, оделся и снова взял пистолет.
The firing began about three in the afternoon.	Первые выстрелы раздались около трех часов дня.
By then Spender was high in the hills.	К этому времени Спендер ушел высоко в горы.
They followed him through three small Martian hill towns.	Погоня шла следом. Миновали три горных марсианских городка.
Above the towns, scattered like pebbles, were single villas where ancient families had found a	Над ними были разбросаны виллы марсиан. Облюбовав себе зеленый лужок и быстрый

brook, a green spot, and laid out a tile pool, a library, and a court with a pulsing fountain.	ручей, древние марсианские семьи выложили из плиток бассейны, построили библиотеки, разбили сады с журчащими фонтанами.
Spender took half an hour, swimming in one of the pools which was filled with the seasonal rain, waiting for the pursuers to catch up with him.	Спендер позволил себе поплавать с полчаса в наполненном дождевой водой бассейне, ожидая, когда приблизится погоня.
Shots rang out as he was leaving the little villa.	Покидая виллу, он услышал выстрелы.
Tile chipped up some twenty feet behind him, exploded.	Позади него, в каких-нибудь пяти метрах, взорвался осколками кирпич.
He broke into a trot, moved behind a series of small bluffs, turned, and with his first shot dropped one of the men dead in his tracks.	Спендер побежал, укрываясь за скальными выступами, обернулся и первым же выстрелом уложил наповал одного из преследователей.
They would form a net, a circle; Spender knew that.	Спендер знал, что его возьмут в кольцо и он окажется в ловушке.
They would go around and close in and they would get him.	Окружат со всех сторон, и станут сходиться, и прикончат его.
It was a strange thing that the grenades were not used.	Странно даже, что они еще не пустили в ход гранаты.
Captain Wilder could easily order the grenades tossed.	Капитану Уайлдеру достаточно слово сказать...
But I'm much too nice to be blown to bits, thought Spender.	"Я слишком тонкое изделие, чтобы превращать меня в крошево, - подумал Спендер.
That's what the captain thinks.	- Вот что сдерживает капитана.
He wants me with only one hole in me.	Ему хочется, чтобы дело ограничилось одной аккуратной дырочкой.
Isn't that odd? He wants my death to be clean.	Чудно... Хочется, чтобы я умер благопристойно.
Nothing messy.	Никаких луж крови.
Why?	Почему?
Because he understands me.	Да потому, что он меня понимает.

And because he understands, he's willing to risk good men to give me a clean shot in the head.	Вот почему он готов рисковать своими лихими ребятами, лишь бы уложить меня точным выстрелом в голову.
Isn't that it?	Разве не так?"
Nine, ten shots broke out in a rattle. Rocks around him jumped up.	Девять-десять выстрелов прогремели один за другим, подбрасывая камни вокруг Спендера.
Spender fired steadily, sometimes while glancing at the silver book he carried in his hand.	Он методично отстреливался, иногда даже не отрываясь от серебряной книги, которую не выпускал из рук.
The captain ran in the hot sunlight with a rifle in his hands.	Капитан выскоцил из-за укрытия под жаркие лучи солнца с винтовкой в руках.
Spender followed him in his pistol sights but did not fire.	Спендер проводил его мушкой пистолета, но стрелять не стал.
Instead he shifted and blew the top off a rock where Whitie lay, and heard an angry shout.	Вместо этого он выбрал другую цель и сбил пулей верхушку камня, за которым лежал Уайти.

Suddenly the captain stood up.	Оттуда донесся злобный крик.
He had a white handkerchief in his hands.	Вдруг капитан выпрямился во весь рост, держа белый платок в поднятой руке.
He said something to his men and came walking up the mountain after putting aside his rifle.	Он что-то сказал своим людям и, отложив винтовку в сторону, пошел вверх по склону.
Spender lay there, then got to his feet, his pistol ready.	Спендер немного выждал, потом и он поднялся на ноги, с пистолетом наготове.
The captain came up and sat down on a warm boulder, not looking at Spender for a moment.	Капитан подошел и сел на горячий камень, избегая смотреть на Спендера.
The captain reached into his blouse pocket.	Рука капитана потянулась к карману куртки.
Spender's fingers tightened on the pistol.	Спендер крепче сжал пистолет.
The captain said, "Cigarette?"	- Сигарету? - предложил капитан.
"Thanks."	- Спасибо.
Spender took one.	- Спендер взял одну.
"Light?"	- Огоньку?
"Got my own."	- Свои есть.
They took one or two puffs in silence.	Они затянулись раз-другой в полной тишине.
"Warm," said the captain.	- Жарко, - сказал капитан.
"It is."	- Очень.
"You comfortable up here?"	- Как вы тут, хорошо устроились?
"Quite."	- Отлично.
"How long do you think you can hold out?"	- И сколько думаете продержаться?
"About twelve men's worth."	- Столько, сколько нужно, чтобы уложить дюжину человек.

"Why didn't you kill all of us this morning when you had the chance?"	- Почему вы не убили всех нас утром, когда была возможность?
You could have, you know."	Вы вполне могли это сделать.
"I know."	- Знаю.
I got sick.	Духу не хватило.
When you want to do a thing badly enough you lie to yourself.	Когда тебе что-нибудь втемяшится в голову, начинаешь лгать самому себе.
You say the other people are all wrong.	Говоришь, что все остальные неправы, а ты прав.
Well, soon after I started killing people I realized they were just fools and I shouldn't be killing them.	Но едва я начал убивать этих людей, как сообразил, что они просто глупцы и зря я на них поднял руку.
But it was too late.	Поздно сообразил.
I couldn't go on with it then, so I came up here where I could lie to myself some more and get angry, to build it all up again."	Тогда я не мог заставить себя продолжать, вот и ушел сюда, чтобы еще раз солгать себе и разозлиться, восстановить нужное настроение.
"Is it built up?"	- Восстановили?
"Not very high."	- Не совсем.
Enough."	Но вполне достаточно.
The captain considered his cigarette.	Капитан разглядывал свою сигарету.
"Why did you do it?"	- Почему вы так поступили?
Spender quietly laid his pistol at his feet.	Спендер спокойно положил пистолет у своих ног.
"Because I've seen that what these Martians had was just as good as anything we'll ever hope to	- Потому что нам можно только мечтать обо всем том, что я увидел у марсиан.

have.	
They stopped where we should have stopped a hundred years ago.	Они остановились там, где нам надо было остановиться сто лет назад.
I've walked in their cities and I know these people and I'd be glad to call them my ancestors."	Я походил по их городам, узнал этот народ и был бы счастлив назвать их своими предками.
"They have a beautiful city there."	- Да, там у них чудесный город.
The captain nodded at one of several places.	- Капитан кивком головы указал на один из городов.
"It's not that alone.	- Не только в этом дело.
Yes, their cities are good.	Конечно, их города хороши.
They knew how to blend art into their living.	Марсиане сумели слить искусство со своим бытом.
It's always been a thing apart for Americans. Art was something you kept in the crazy son's room upstairs.	У американцев искусство всегда особая статья, его место - в комнате чудаковатого сына наверху.
Art was something you took in Sunday doses, mixed with religion, perhaps.	Остальные принимают его, так сказать, воскресными дозами, кое-кто в смеси с религией.
Well, these Martians have art and religion and everything."	У марсиан есть все - и искусство, и религия, и другое...

"You think they knew what it was all about, do you?"	- Думаете, они дознались, что к чему?
"For my money."	- Уверен.
"And for that reason you started shooting people."	- И по этой причине вы стали убивать людей.
"When I was a kid my folks took me to visit Mexico City.	- Когда я был маленьким, родители взяли меня с собой в Мехико-сити.
I'll always remember the way my father acted - loud and big.	Никогда не забуду, как отец там держался -крикливо, чванно.
And my mother didn't like the people because they were dark and didn't wash enough.	Что до матери, то ей тамошние люди не понравились тем, что они-де редко умываются и кожа у них темная.
And my sister wouldn't talk to most of them.	Сестра - та вообще избегала с ними разговаривать.
I was the only one really liked it.	Одному мне они пришли по душе.
And I can see my mother and father coming to Mars and acting the same way here."	И я отлично представляю себе, что, попади отец и мать на Марс, они повели бы себя здесь точно так же.
"Anything that's strange is no good to the average American.	Средний американец от всего необычного нос воротит.
If it doesn't have Chicago plumbing, it's nonsense.	Если нет чикагского клейма, значит, никуда не годится.
The thought of that!	Подумать только!
Oh God, the thought of that!	Боже мой, только подумать!
And then - the war.	А война!
You heard the congressional speeches before we left.	Вы ведь слышали речи в конгрессе перед нашим вылетом!
If things work out they hope to establish three atomic research and atom bomb depots on Mars.	Мол, если экспедиция удастся, на Марсе разместят три атомные лаборатории и склады

	атомных бомб.
That means Mars is finished; all this wonderful stuff gone.	Выходит, Марсу конец; все эти чудеса погибнут.
How would you feel if a Martian vomited stale liquor on the White House floor?"	Ну, скажите, что вы почувствовали бы, если бы марсианин облевал полы Белого дома?
The captain said nothing but listened.	Капитан молчал и слушал.
Spender continued:	Спендер продолжал:
"And then the other power interests coming up.	- А все прочие воротили?
The mineral men and the travel men. Do you remember what happened to Mexico when Cortez and his very fine good friends arrived from Spain?	Боссы горной промышленности, бюро путешествий... Помните, что было с Мексикой, когда туда из Испании явился Кортес со своей милой компанией?
A whole civilization destroyed by greedy, righteous bigots.	Какую культуру уничтожили эти алчные праведники-изуверы!
History will never forgive Cortez."	История не простит Кортеса.

"You haven't acted ethically yourself today," observed the captain.	- Нельзя сказать, что вы сами сегодня вели себя нравственно, - заметил капитан.
"What could I do?"	- А что мне оставалось делать?
Argue with you?	Спорить с вами?
It's simply me against the whole crooked grinding greedy setup on Earth.	Ведь я один - один против всей этой подлой, ненасытной шайки там, на Земле.
They'll be flopping their filthy atoms bombs up here, fighting for bases to have wars.	Они же сразу примутся сбрасывать здесь свои мерзкие атомные бомбы, драясь за базы для новых войн.
Isn't it enough they've ruined one planet, without ruining another; do they have to foul someone else's manger?	Мало того, что одну планету разорили, надо и другим все изгадить?
The simple-minded windbags.	Тупые болтуны.
When I got up here I felt I was not only free of their so-called culture, I felt I was free of their ethics and their customs.	Когда я попал сюда, мне показалось, что я избавлен не только от этой их так называемой культуры, но и от их этики, от их обычаев.
I'm out of their frame of reference, I thought.	Решил, что здесь их правила и устои меня больше не касаются.
All I have to do is kill you all off and live my own life."	Оставалось только убить всех вас и зажить на свой лад.
"But it didn't work out," said the captain.	- Но вышло иначе.
"No."	- Да
After the fifth killing at breakfast, I discovered I wasn't all new, all Martian, after all.	Когда я убил пятого там, у ракеты, я понял, что не сумел обновиться полностью, не стал настоящим марсианином.
I couldn't throw away everything I had learned on Earth so easily.	Не так-то легко оказалось избавиться от всего того, что к тебе прилипло на Земле.
But now I'm feeling steady again.	Но теперь мои колебания прошли.
I'll kill you all off.	Я убью вас, всех до одного.
That'll delay the next trip in a rocket for a good five years.	Это задержит отправку следующей экспедиции самое малое лет на пять.
There's no other rocket in existence today, save this one.	Наша ракета единственная, других таких сейчас нет.
The people on Earth will wait a year, two years,	На Земле будут ждать вестей от нас год, а то

and when they hear nothing from us, they'll be very afraid to build a new rocket.	и два, и, так как они о нас ничего не узнают, им будет страшно снаряжать новую экспедицию.
They'll take twice as long and make a hundred extra experimental models to insure themselves against another failure."	Ракету будут строить вдвое дольше, сделают лишнюю сотню опытных конструкций, чтобы застраховаться от новых неудач.
"You're correct."	- Расчет верный.
"A good report from you, on the other hand, if you returned, would hasten the whole invasion of Mars.	- Если же вы возвратитесь с хорошими новостями, это ускорит массовое вторжение на Марс.

If I'm lucky I'll live to be sixty years old. Every expedition that lands on Mars will be met by me.	А так, даст бог, доживу до шестидесяти и буду встречать каждую новую экспедицию.
There won't be more than one ship at a time coming up, one every year or so, and never more than twenty men in the crew.	За один раз больше одной ракеты не пошлют - и не чаще чем раз в год, - и экипаж не может превышать двадцать человек.
After I've made friends with them and explained that our rocket exploded one day - I intend to blow it up after I finish my job this week - I'll kill them off, every one of them.	Я, конечно, подружусь с ними, расскажу, что наша ракета неожиданно взорвалась, - я взорву ее на этой же неделе, как только управлюсь с вами, -а потом всех их прикончу.
Mars will be untouched for the next half century. After a while, perhaps the Earth people will give up trying.	На полвека-то удастся отстоять Марс; земляне, вероятно, скоро прекратят попытки.
Remember how they grew leery of the idea of building Zeppelins that were always going down in flames?"	Помните, как люди остали к строительству цеппелинов, которые все время загорались и падали?
"You've got it all planned," admitted the captain.	- Вы все продумали, - признал капитан.
"I have."	- Вот именно.
"Yet you're outnumbered.	- Кроме одного: нас слишком много.
In an hour we'll have you surrounded.	Через час кольцо сомкнется.
In an hour you'll be dead."	Через час вы будете мертвые.
"I've found some underground passages and a place to live you'll never find.	- Я обнаружил подземные ходы и надежные убежища, которых вам ни за что не найти.
I'll withdraw there to live for a few weeks.	Уйду туда, отсижусь несколько недель.
Until you're off guard.	Ваша бдительность ослабнет.
I'll come out then to pick you off, one by one."	Тогда я выйду и снова ухлопаю вас одного за другим.
The captain nodded.	Капитан кивнул.
"Tell me about your civilization here," he said, waving his hand at the mountain towns.	- Расскажите мне про эту вашу здешнюю цивилизацию, - сказал он, показав рукой в сторону горных селений.
"They knew how to live with nature and get along with nature.	- Они умели жить с природой в согласии, в ладу.
They didn't try too hard to be all men and no animal.	Не лезли из кожи вон, чтобы провести грань между человеком и животным.
That's the mistake we made when Darwin showed up.	Эту ошибку допустили мы, когда появился Дарвин.
We embraced him and Huxley and Freud, all smiles.	Ведь что было у нас: сперва обрадовались, поспешили заключить в свои объятия и его, и Гексли, и Фрейда.

And then we discovered that Darwin and our religions didn't mix.	Потом вдруг обнаружили, что Дарвин никак не согласуется с нашей религией.
Or at least we didn't think they did, We were fools.	Во всяком случае, нам так показалось. Но ведь это глупо!

We tried to budge Darwin and Huxley and Freud.	Захотели немного потеснить Дарвина, Гексли, Фрейда.
They wouldn't move very well.	Они не очень-то поддавались.
So, like idiots, we tried knocking down religion."	Тогда мы принялись сокрушать религию.
"We succeeded pretty well.	И отлично преуспели.
We lost our faith and went around wondering what life was for.	Лишились веры и стали ломать себе голову над смыслом жизни.
If art was no more than a frustrated outflinging of desire, if religion was no more than self-delusion, what good was life?	Если искусство - всего лишь выражение неудовлетворенных страстей, если религия -самообман, то для чего мы живем?
Faith had always given us answers to all things.	Вера на все находила ответ.
But it all went down the drain with Freud and Darwin.	Но с приходом Дарвина и Фрейда она вылетела в трубу.
We were and still are a lost people."	Как был род человеческий заблудшим, так и остался.
"And these Martians are a found people?" inquired the captain.	- А марсиане, выходит, нашли верный путь? -осведомился капитан.
"Yes.	- Да.
They knew how to combine science and religion so the two worked side by side, neither denying the other, each enriching the other."	Они сумели сочетать науку и веру так, что те не отрицали одна другую, а взаимно помогали, обогащали.
"That sounds ideal."	- Прямо идеал какой-то!
"It was.	- Так оно и было.
I'd like to show you how the Martians did it."	Мне очень хочется показать вам, как это выглядело на деле.
"My men are waiting."	- Мои люди ждут меня.
"We'll be gone half an hour.	- Каких-нибудь полчаса.
Tell them that, sir."	Предупредите их, сэр.
The captain hesitated, then rose and called an order down the hill.	Капитан помедлил, потом встал и крикнул своему отряду, который залег внизу, чтобы они не двигались с места.
Spender led him over into a little Martian village built all of cool perfect marble.	Спендер повел его в небольшое марсианское селение, сооруженное из безупречного прохладного мрамора.
There were great friezes of beautiful animals, white-limbed cat things and yellow-limbed sun symbols, and statues of bull-like creatures and statues of men and women and huge fine-featured dogs.	Они увидели большие фризы с изображением великолепных животных, каких-то кошек с белыми лапами и желтые круги - символы солнца, увидели изваяния животных, напоминавших быков, скульптуры мужчин, женщин и огромных собак с благородными мордами.
"There's your answer, Captain."	- Вот вам ответ, капитан.
"I don't see."	- Не вижу.

"The Martians discovered the secret of life	- Марсиане узнали тайну жизни у животных.
---	---

among animals.	
The animal does not question life.	Животное не допытывается, в чем смысл бытия.
It lives.	Оно живет.
Its very reason for living is life; it enjoys and relishes life.	Живет ради жизни. Для него ответ заключен в самой жизни, в ней и радость, и наслаждение.
You see - the statuary, the animal symbols, again and again."	Вы посмотрите на эти скульптуры: всюду символические изображения животных.
"It looks pagan."	- Язычество какое-то.
"On the contrary, those are God symbols, symbols of life.	- Напротив, это символы бога, символы жизни.
Man had become too much man and not enough animal on Mars too.	На Марсе тоже была пора, когда в Человеке стало слишком много от человека и слишком мало от животного.
And the men of Mars realized that in order to survive they would have to forgo asking that one question any longer: Why live?	Но люди Марса поняли: чтобы выжить, надо перестать допытываться, в чем смысл жизни.
Life was its own answer.	Жизнь сама по себе есть ответ.
Life was the propagation of more life and the living of as good a life is possible.	Цель жизни в том, чтобы воспроизводить жизнь и возможно лучше ее устроить.
The Martians realized that they asked the question	Марсиане заметили, что вопрос:
"Why live at all?" at the height of some period of war and despair, when there was no answer.	"Для чего жить?" - родился у них в разгар периода войн и бедствий, когда ответа не могло быть.
But once the civilization calmed, quieted, and wars ceased, the question became senseless in a new way.	Но стоило цивилизации обрести равновесие, устойчивость, стоило прекратиться войнам, как этот вопрос опять оказался бессмысленным, уже совсем по-другому.
Life was now good and needed no arguments."	Когда жизнь хороша, спорить о ней незачем.
"It sounds as if the Martians were quite naive."	- Послушать вас, так марсиане были довольно наивными.
"Only when it paid to be naive.	- Только там, где наивность себя оправдывала.
They quit trying too hard to destroy everything, to humble everything.	Они излечились от стремления все разрушать, все развенчивать.
They blended religion and art and science because, at base, science is no more than an investigation of a miracle we can never explain, and art is an interpretation of that miracle.	Они слили вместе религию, искусство и науку: ведь наука в конечном счете - исследование чуда, коего мы не в силах объяснить, а искусство - tolkovanie этого чуда.
They never let science crush the aesthetic and the beautiful.	Они не позволяли науке сокрушать эстетическое, прекрасное.
It's all simply a matter of degree.	Это же все вопрос меры.
An Earth Man thinks:	Землянин рассуждает:
"In that picture, color does not exist, really.	"В этой картине цвета как такового нет.

A scientist can prove that color is only the way the cells are placed in a certain material to reflect light.	Наука может доказать, что цвет - это всего-навсего определенное расположение частиц вещества, особым образом
---	--

	отражающих свет.
Therefore, color is not really an actual part of things I happen to see."	Следовательно, цвет не является действительной принадлежностью предметов, которые попали в поле моего зрения".
A Martian, far cleverer, would say:	Марсианин, как более умный, сказал бы так:
"This is a fine picture.	"Это чудесная картина.
It came from the hand and the mind of a man inspired.	Она создана рукой и мозгом вдохновенного человека.
Its idea and its color are from life.	Ее идея и краски даны жизнью.
This thing is good."	Отличная вещь".
There was a pause.	Они помолчали.
Sitting in the afternoon sun, the captain looked curiously around at the little silent cool town.	Сидя в лучах предвечернего солнца, капитан с любопытством разглядывал безмолвный мраморный городок.
"I'd like to live here," he said.	- Я бы с удовольствием здесь поселился, - сказал он.
"You may if you want."	- Вам стоит только захотеть.
"You ask me that?"	- Вы предлагаете это мне?
"Will any of those men under you ever really understand all this?"	- Кто из ваших людей способен по-настоящему понять все это?
They're professional cynics, and it's too late for them.	Они же профессиональные циники, их уже не исправишь.
Why do you want to go back with them?	Ну зачем вам возвращаться на Землю вместе с ними?
So you can keep up with the Joneses?	Чтобы тянуться за Джонсами?
To buy a gyro just like Smith has?	Чтобы купить себе точно такой вертолет, как у Смита?
To listen to music with your pocketbook instead of your glands?	Чтобы слушать музыку не душой, а бумажником?
There's a little patio down here with a reel of Martian music in it at least fifty thousand years old.	Здесь, в одном дворике, я нашел запись марсианской музыки, ей не менее пятидесяти тысяч лет.
It still plays.	Она все еще звучит.
Music you'll never hear in your life.	Такой музыки вы в жизни больше нигде не услышите.
You could hear it.	Оставайтесь и будете слушать.
There are books.	Здесь есть книги.
I've gotten on well in reading them already.	Я уже довольно свободно их читаю.
You could sit and read."	И вы могли бы.

"It all sounds quite wonderful, Spender."	- Это все довольно заманчиво.
"But you won't stay?"	- И все же вы не останетесь?
"No."	- Нет.
Thanks, anyway."	Но за предложение все-таки спасибо.
"And you certainly won't let me stay without trouble.	- И вы, разумеется, не согласны оставить меня в покое.
I'll have to kill you all."	Мне придется всех вас убить.
"You're optimistic."	- Вы оптимист.
"I have something to fight for and live for; that makes me a better killer.	- Мне есть за что сражаться и ради чего жить, поэтому я лучше вас преуспею в убийстве.

I've got what amounts to a religion, now. It's learning how to breathe all over again. And how to lie in the sun getting a tan, letting the sun work into you. And how to hear music and how to read a book.	У меня теперь появилась, так сказать, своя религия: я заново учусь дышать, лежать на солнышке, загорать, впитывая солнечные лучи, слушать музыку и читать книги.
What does your civilization offer?"	А что мне может предложить ваша цивилизация?
The captain shifted his feet. He shook his head.	Капитан переступил с ноги на ногу и покачал головой.
"I'm sorry this is happening.	- Мне очень жаль, что так получается.
I'm sorry about it all."	Обидно за все это...
"I am too.	- Мне тоже.
I guess I'd better take you back now so you can start the attack."	А теперь, пожалуй, пора отвести вас обратно, чтобы вы могли начать вашу атаку.
"I guess so."	- Пожалуй.
"Captain, I won't kill you.	- Капитан, вас я убивать не стану.
When it's all over, you'll still be alive."	Когда все будет кончено, вы останетесь живы.
"What?"	- Что?
"I decided when I started that you'd be untouched."	- Я с самого начала решил пощадить вас.
"Well..."	- Вот как...
"I'll save you out from the rest.	- Я спасу вас от тех, остальных.
When they're dead, perhaps you'll change your mind."	Когда они будут убиты, вы, может быть, передумаете.
"No," said the captain.	- Нет, - сказал капитан.
"There's too much Earth blood in me.	- В моих жилах слишком много земной крови.
I'll have to keep after you."	Я не смогу дать вам уйти.
"Even when you have a chance to stay here?"	- Даже если у вас будет возможность остаться здесь?
"It's funny, but yes, even with that.	- Да, как ни странно, даже тогда.
I don't know why.	Не знаю почему.

I've never asked myself.	Никогда не задавался таким вопросом.
Well, here we are."	Ну, вот и пришли.
They had returned to their meeting place now.	Они вернулись на прежнее место.
"Will you come quietly, Spender?	- Пойдете со мной добровольно, Спендер?
This is my last offer."	Предлагаю в последний раз.
"Thanks, no."	- Благодарю. Не пойду.
Spender put out his hand.	- Спендер вытянул вперед одну руку.
"One last thing.	- И еще одно, напоследок.
If you win, do me a favor.	Если вы победите, сделайте мне услугу.
See what can be done to restrict tearing this planet apart, at least for fifty years, until the archaeologists have had a decent chance, will you?"	Постарайтесь, насколько это в ваших силах, отянуть растерзание этой планеты хотя бы лет на пятьдесят, пусть сперва археологи потрудятся как следует. Обещаете?
"Right."	- Обещаю.
"And last - if it helps any, just think of me as a very crazy fellow who went berserk one summer day and never was right again.	- И еще, если от этого кому-нибудь будет легче, считайте меня безнадежным психопатом, который летним днем

	окончательно свихнулся, да так и не пришел в себя.
It'll be a little easier on you that way."	Может, вам легче будет...
"I'll think it over.	- Я подумаю.
So long, Spender.	Прощайте, Спендер.
Good luck."	Счастливо.
"You're an odd one," said Spender as the captain walked back down the trail in the warm-blowing wind.	- Вы странный человек, - сказал Спендер, когда капитан зашагал вниз по тропе, навстречу теплому ветру.
The captain returned like something lost to his dusty men.	Капитан наконец вернулся к своим запыленным людям, которые уже не чаяли его дождаться.
He kept squinting at the sun and breathing hard.	Он щурился на солнце и тяжело дышал.
"Is there a drink?" he said.	- Выпить есть у кого? - спросил капитан.
He felt a bottle put cool into his hand.	Он почувствовал, как ему сунули в руку прохладную флягу.
"Thanks."	- Спасибо.
He drank.	Он глотнул.
He wiped his mouth.	Вытер рот.
"All right," he said.	- Ну, так, - сказал капитан.
"Be careful.	- Будьте осторожны.
We have all the time we want.	Спешить некуда, времени у нас достаточно.
I don't want any more lost.	С нашей стороны больше жертв быть не должно.
You'll have to kill him.	Вам придется убить его.

He won't come down.	Он отказался пойти со мной добровольно.
Make it a clean shot if you can.	Постарайтесь уложить его одним выстрелом.
Don't mess him.	Не превращайте в решето.
Get it over with."	Надо кончать.
"I'll blow his damned brains out," said Sam Parkhill.	- Я раскрою ему его проклятую башку, - буркнул Сэм Паркхилл.
"No, through the chest," said the captain.	- Нет, только в сердце, - сказал капитан.
He could see Spender's strong, clearly determined face.	Он отчетливо видел перед собой суровое, полное решимости лицо Спендера.
"His bloody brains," said Parkhill.	- Его проклятую башку, - повторил Паркхилл.
The captain handed him the bottle jerkingly.	Капитан швырнул ему флягу.
"You heard what I said.	- Вы слышали мой приказ?
Through the chest"	Только в сердце.
Parkhill muttered to himself.	Паркхилл что-то буркнул себе под нос.
"Now," said the captain.	- Пошли, - сказал капитан.
They spread again, walking and then running, and then walking on the hot hillside places where there would be sudden cool grottoes that smelled of moss, and sudden open blasting places that smelled of sun on stone.	Они снова рассыпались, перешли с шага на бег, затем опять на шаг, поднимаясь по жарким склонам, то ныряя в холодные, пахнущие мхом пещеры, то выскакивая на ярко освещенные открытые площадки, где пахло раскаленным камнем.
I hate being clever, thought the captain, when you don't really feel clever and don't want to be clever.	"Как противно быть ловким и расторопным, - думал капитан, - когда в глубине души не чувствуешь себя ловким и не хочешь им

	быть.
To sneak around and make plans and feel big about making them.	Подбираться тайком, замышлять всякие хитрости и гордиться своим коварством.
I hate this feeling of thinking I'm doing right when I'm not really certain I am.	Ненавижу это чувство правоты, когда в глубине души я не уверен, что прав.
Who are we, anyway?	Кто мы, если разобраться?
The majority?	Большинство?..
Is that the answer? The majority is always holy, is it not?	Чем не ответ: ведь большинство всегда непогрешимо, разве нет?
Always, always; just never wrong for one little insignificant tiny moment, is it?	Всегда - и не может даже на миг ошибиться, разве не так?
Never ever wrong in ten million years?	Не ошибается даже раз в десять миллионов лет?..."
He thought: What is this majority and who are in it?	Он думал: "Что представляет собой это большинство и кто в него входит?
And what do they think and how did they get that way and will they ever change and how the devil did I get caught in this rotten majority?	О чем они думают, и почему они стали именно такими, и неужели никогда не изменятся, и еще - какого черта меня занесло в это треклятое большинство?
I don't feel comfortable.	Мне не по себе.

Is it claustrophobia, fear of crowds, or common sense?	В чем тут причина: клаустрофобия, боязнь толпы или просто здравый смысл?
Can one man be right, while all the world thinks they are right?	И может ли один человек быть правым, когда весь мир уверен в своей правоте?
Let's not think about it.	Не будем об этом думать.
Let's crawl around and act exciting and pull the trigger.	Будем ползать на брюхе, подкрадываться, спускать курок!
There, and there!	Вот так! И так!"
The men ran and ducked and ran and squatted in shadows and showed their teeth, gasping, for the air was thin, not meant for running; the air was thin and they had to sit for five minutes at a time, wheezing and seeing black lights in their eyes, eating at the thin air and wanting more, tightening their eyes, and at last getting up, lifting their guns to tear holes in that thin summer air, holes of sound and heat.	Его люди перебегали, падали, снова перебегали, приседая в тени, и скалили зубы, хватая ртом воздух, потому что атмосфера была разреженная, бегать в ней тяжело; атмосфера была разреженная, и им приходилось по пяти минут отсиживаться, тяжело дыша, - и черные искры перед глазами, - глотать бедный кислородом воздух, которым никак не насытишься, наконец, стиснув зубы, опять вставать на ноги и поднимать винтовки, чтобы раздирать этот разреженный летний воздух огнем и громом.
Spender remained where he was, firing only on occasion.	Спендер лежал там, где его оставил капитан, изредка стреляя по преследователям.
"Damned brains all over!" Parkhill yelled, running uphill.	- Размажу по камням его проклятые мозги! - завопил Паркхилл и побежал вверх по склону.
The captain aimed his gun at Sam Parkhill.	Капитан прицелился в Сэма Паркхилла.
He put it down and stared at it in horror.	И отложил пистолет, с ужасом глядя на него.
"What were you doing?" he asked of his limp hand and the gun.	- Что вы затеяли? - спросил он обессилевшую руку и пистолет.

He had almost shot Parkhill in the back.	Он едва не выстрелил в спину Паркхиллу.
"God help me."	- Господи, что это я!
He saw Parkhill still running, then falling to lie safe.	Он увидел, как Паркхилл закончил перебежку и упал, найдя укрытие.
Spender was being gathered in by a loose, running net of men.	Вокруг Спендера медленно стягивалась редкая движущаяся цепочка людей.
At the hilltop, behind two rocks, Spender lay, grinning with exhaustion from the thin atmosphere, great islands of sweat under each arm.	Он лежал на вершине, за двумя большими камнями, устало кривя рот от нехватки воздуха, под мышками темными пятнами проступил пот.
The captain saw the two rocks.	Капитан отчетливо видел эти камни.
There was an interval between them of some four inches, giving free access to Spender's chest.	Их разделял просвет сантиметров около десяти, оставляя незащищенной грудь Спендера.
"Hey, you!" cried Parkhill.	- Эй, ты! - крикнул Паркхилл.
"Here's a slug for your head!"	- У меня тут пуля припасена для твоего черепа!
Captain Wilder waited.	Капитан Уайлдер ждал.
Go on, Spender, he thought.	"Ну, Спендер, давай же, - думал он.

Get out, like you said you would.	- Уходи, как у тебя было задумано.
You've only a few minutes to escape.	Через несколько минут будет поздно.
Get out and come back later.	Уходи, потом опять выйдешь.
Go on.	Ну!
You said you would.	Ты же сказал, что уйдешь.
Go down in the tunnels you said you found, and lie there and live for months and years, reading your fine books and bathing in your temple pools.	Уйди в эти катакомбы, которые ты разыскал, залаяг там и живи месяц, год, много лет, читай свои замечательные книги, купайся в своих храмовых бассейнах.
Go on, now, man, before it's too late.	Давай же, человече, ну, пока не поздно".
Spender did not move from his position.	Спендер не двигался с места.
"What's wrong with him?" the captain asked himself.	"Да что это с ним?" - спросил себя капитан.
The captain picked up his gun.	Он взял свой пистолет.
He watched the running, hiding men.	Понаблюдал, как перебегают от укрытия к укрытию его люди.
He looked at the towers of the little clean Martian village, like sharply carved chess pieces lying in the afternoon.	Поглядел на башни маленьского чистенького марсианского селения - будто резные шахматные фигуры с освещенным солнцем гранями.
He saw the rocks and the interval between where Spender's chest was revealed.	Перевел взгляд на камни и промежуток между ними, открывавший грудь Спендера.
Parkhill was charging up, screaming in fury.	Паркхилл ринулся вперед, рыча от ярости.
"No, Parkhill," said the captain.	- Нет, Паркхилл, - сказал капитан.
"I can't let you do it.	- Я не могу допустить, чтобы это сделали вы.
Nor the others.	Или кто-либо еще.
No, none of you.	Нет, никто из вас.
Only me."	Я сам.
He raised the gun and sighted it.	Он поднял пистолет и прицелился.
Will I be clean after this? he thought.	"Будет ли у меня после этого чистая совесть? -спросил себя капитан.

Is it right that it's me who does it?	- Верно ли я поступаю, что беру это на себя?
Yes, it is.	Да, верно.
I know what I'm doing for what reason and it's right, because I think I'm the right person.	Я знаю, что и почему делаю, и все правильно, ведь я уверен, что это надлежит сделать мне.
I hope and pray I can live up to this.	Я надеюсь и верю, что всей жизнью оправдаю свое решение".
He nodded his head at Spender.	Он кивнул головой Спендеру.
"Go on," he called in a loud whisper which no one heard.	- Уходи! - крикнул он шепотом, которого никто, кроме него, не слышал.
"I'll give you thirty seconds more to get away.	- Даю тебе еще тридцать секунд.

Thirty seconds!"	Тридцать секунд!
The watch ticked on his wrist, The captain watched it tick.	Часы тикали на его запястье. Капитан смотрел, как бежит стрелка.
The men were running.	Его люди бегом продвигались вперед.
Spender did not move.	Спендер не двигался с места.
The watch ticked for a long time, very loudly in the captain's ears.	Часы тикали очень долго и очень громко, прямо в ухо капитану.
"Go on, Spender, go on, get away!"	- Уходи, Спендер, уходи живей!
The thirty seconds were up.	Тридцать секунд истекли.
The gun was sighted.	Пистолет был наведен на цель.
The captain drew a deep breath.	Капитан глубоко вздохнул.
"Spender," he said, exhaling.	- Спендер, - сказал он, выдыхая.
He pulled the trigger.	Он спустил курок.
All that happened was that a faint powdering of rock went up in the sunlight.	Крохотное облачко каменной пыли заклубилось в солнечных лучах - вот и все, что произошло.
The echoes of the report faded.	Раскатилось и заглохло эхо выстрела.
The captain arose and called to his men:	Капитан встал и крикнул своим людям:
"He's dead."	- Он мертв.
The other men did not believe it.	Они не поверили.
Their angles had prevented their seeing that particular fissure in the rocks.	С их позиций не было видно просвета между камнями.
They saw their captain run up the hill, alone, and thought him either very brave or insane.	Они увидели, как капитан один взбегает вверх по склону, и решили, что он либо очень храбрый, либо сумасшедший.
The men came after him a few minutes later.	Прошло несколько минут, прежде чем они последовали за ним.
They gathered around the body and someone said,	Они собрались вокруг тела, и кто-то спросил:
"In the chest?"	- В грудь?
The captain looked down.	Капитан опустил взгляд.
"In the chest," he said, He saw how the rocks had changed color under Spender.	- В грудь, - сказал он. Он заметил, как изменился цвет камней под телом Спендера.
"I wonder why he waited.	- Хотел бы я знать, почему он ждал.
I wonder why he didn't escape as he planned.	Хотел бы я знать, почему он не ушел, как задумал.
I wonder why he stayed on and got himself killed."	Хотел бы я знать, почему он дождался, пока его убьют.
"Who knows?" someone said.	- Кто ведает? - произнес кто-то.

Spender lay there, his hands clasped, one around the gun, the other around the silver book that glittered in the sun.	А Спендер лежал перед ними, и одна его рука сжимала пистолет, а другая - серебряную книгу, которая ярко блестела на солнце.
---	---

Was it because of me? thought the captain.	"Может, все это из-за меня? - думал капитан.
Was it because I refused to give in myself?	- Потому что я отказался присоединиться к нему?
Did Spender hate the idea of killing me?	Может быть, у Спендера не поднялась рука убить меня?
Am I any different from these others here?	Возможно, я чем-нибудь отличаюсь от них?
Is that what did it?	Может, в этом все дело?
Did he figure he could trust me?	Он, наверно, считал, что на меня можно положиться.
What other answer is there?	Или есть другой ответ?"
None.	Другого ответа не было.
He squatted by the silent body.	Он присел на корточки возле безжизненного тела.
I've got to live up to this, he thought. I can't let him down now.	"Я должен оправдать это своей жизнью, - думал он, - Теперь я не могу его обмануть.
If he figured there was something in me that was like himself and couldn't kill me because of it, then what a job I have ahead of me!	Если он считал, что я в чем-то схож с ним и потому не убил меня, то я обязан многое свершить!
That's it, yes, that's it.	Да-да, конечно, так и есть.
I'm Spender all over again, but I think before I shoot.	Я - тот же Спендер, он остался жить во мне, только я думаю, прежде чем стрелять.
I don't shoot at all, I don't kill.	Я вообще не стреляю, не убиваю.
I do things with people.	Я направляю людей.
And he couldn't kill me because I was himself under a slightly different condition.	Он потому не мог меня убить, что видел во мне самого себя, только в иных условиях".
The captain felt the sunlight on the back of his neck.	Капитан почувствовал, как солнце припекает его затылок.
He heard himself talking:	Он услышал собственный голос:
"If only he had come to me and talked it over before he shot anybody, we could have worked it out somehow."	- Эх, если бы он поговорил со мной, прежде чем стрелять, - мы бы что-нибудь придумали.
"Worked what out?" said Parkhill.	- Что придумали? - буркнул Паркхилл.
"What could we have worked out with his likes?"	- Что общего у нас с такими, как он?
There was a singing of heat in the land, off the rocks and off the blue sky.	Равнина, скалы, голубое небо дышало зноем, от которого звенело в ушах.
"I guess you're right," said the captain.	- Пожалуй, вы правы, - сказал капитан.
"We could never have got together.	- Мы никогда не смогли бы поладить.
Spender and myself, perhaps.	Спендер и я - еще куда ни шло.
But Spender and you and the others, no, never, He's better off now.	Но Спендер и вы и вам подобные - нет, никогда. Для него лучше так, как вышло.
Let me have a drink from that canteen."	Дайте-ка глотнуть из фляги.

It was the captain who suggested the empty sarcophagus for Spender.	Предложение склонить Спендера в пустом саркофаге исходило от капитана.
They had found an ancient Martian tomb yard.	Саркофаг был на древнем марсианском

	кладбище, которое они обнаружили.
They put Spender into a silver case with waxes and wines which were ten thousand years old, his hands folded on his chest.	И Спендера положили в серебряную гробницу, скрестив ему руки на груди, и туда же положили свечи и вина, изготовленные десять тысяч лет назад.
The last they saw of him was his peaceful face.	И последним, что они увидели, закрывая саркофаг, было его умиротворенное лицо.
They stood for a moment in the ancient vault.	Они постояли в древнем склепе.
"I think it would be a good idea for you to think of Spender from time to time," said the captain.	- Думаю, вам полезно будет время от времени вспоминать Спендера, - сказал капитан.
They walked from the vault and shut the marble door.	Они вышли из склепа и плотно затворили мраморную дверь.
The next afternoon Parkhill did some target practice in one of the dead cities, shooting out the crystal windows and blowing the tops off the fragile towers.	На следующий день Паркхилл затеял стрельбу по мишеням в одном из мертвых городов - он стрелял по хрустальным окнам и сшибал мацушки изящных башен.
The captain caught Parkhiil and knocked his teeth out.	Капитан поймал Паркхилла и выбил ему зубы.
August 2001: THE SETTLERS	Август 2001 Поселенцы
The men of Earth came to Mars.	Земляне прилетали на Марс.
They came because they were afraid or unafraid, because they were happy or unhappy, because they felt like Pilgrims or did not feel like Pilgrims.	Прилетали, потому что чего-то боялись и ничего не боялись, потому что были счастливы и несчастливы, чувствовали себя паломниками и не чувствовали себя паломниками.
There was a reason for each man.	У каждого была своя причина.
They were leaving bad wives or bad jobs or bad towns; they were coming to find something or leave something or get something, to dig up something or bury something or leave something alone.	Оставляли опостылевших жен, или опостылевшую работу, или опостылевшие города; прилетали, чтобы найти что-то, или избавиться от чего-то, или добыть что-то, откопать что-то или зарыть что-то, или предать что-то забвению.
They were coming with small dreams or large dreams or none at all.	Прилетали с большими ожиданиями, с маленькими ожиданиями, совсем без ожиданий.
But a government finger pointed from four-color posters in many towns: THERE'S WORK FOR YOU IN THE SKY: SEE MARS! and the men shuffled forward, only a few at first, a double-score, for most men felt the great illness in them even before the rocket fired into space.	Но во множестве городов на четырехцветных плакатах повелительно указывал начальственный палец: ДЛЯ ТЕБЯ ЕСТЬ РАБОТА НА НЕБЕ -ПОБЫВАЙ НА МАРСЕ! И люди собирались в путь; правда, сперва их было немного, какие-нибудь десятки - большинству еще до того, как ракета выстреливала в космос, становилось худо.

And this disease was called The Loneliness, because when you saw your home town dwindle the size of your fist and then lemon-size and then pin-size and vanish in the fire-wake, you felt you had never been born, there was no town, you were nowhere, with space all around,	Болезнь называлась Одиночество. Потому что стоило только представить себе, как твой родной город уменьшается там, внизу - сначала он с кулак размером, затем - с лимон, с булавочную головку, наконец, вовсе пропал в пламенной реактивной струе - и у тебя
--	---

nothing familiar, only other strange men.	такое чувство, словно ты никогда не рождался на свет, и города никакого нет, и ты нигде, лишь космос кругом, ничего знакомого, только чужие люди.
And when the state of Illinois, Iowa, Missouri, or Montana vanished into cloud seas, and, doubly, when the United States shrank to a misted island and the entire planet Earth became a muddy baseball tossed away, then you were alone, wandering in the meadows of space, on your way to a place you couldn't imagine.	А когда твой штат - Иллинойс или Айова, Миссури или Монтана - тонул в пелене облаков, да что там, все Соединенные Штаты сжимались в мглистый островок, вся планета Земля превращалась в грязновато-серый мячик, летящий куда-то прочь, - тогда уж ты оказывался совсем один, одинокий скиталец в просторах космоса, и невозможно представить себе, что тебя ждет.
So it was not unusual that the first men were few.	Ничего удивительного, что первых было совсем немного.
The number grew steadily in proportion to the census of Earth Men already on Mars. There was comfort in numbers.	Число переселенцев росло пропорционально количеству землян, которые уже перебрались на Марс: одному страшно, а на людях - не так.
But the first Lonely Ones had to stand by themselves.	Но первым, Одиноким, приходилось полагаться только на себя...
December 2001: THE GREEN MORNING	Декабрь 2001 Зеленое утро
When the sun set he crouched by the path and cooked a small supper and listened to the fire crack while he put the food in his mouth and chewed thoughtfully.	Когда солнце зашло, он присел возле тропы и приготовил нехитрый ужин; потом, отправляя в рот кусок за куском и задумчиво жуя, слушал, как потрескивает огонь.
It had been a day not unlike thirty others, with many neat holes dug in the dawn hours, seeds dropped in, and water brought from the bright canals.	Миновал еще день, похожий на тридцать других: с утра пораньше вырыть много аккуратных ямок, потом посадить в них семена, натаскать воды из прозрачных каналов.
Now, with an iron weariness in his slight body, he lay and watched the sky color from one darkness to another.	Сейчас, скованный свинцовой усталостью, он лежал, глядя на небо, в котором один оттенок темноты сменялся другим.
His name was Benjamin Driscoll, and he was thirty-one years old.	Его звали Бенджамен Дрисколл, ему был тридцать один год.
And the thing that he wanted was Mars grown green and tall with trees and foliage, producing air, more air, growing larger with each season; trees to cool the towns in the boiling summer, trees to hold back the winter winds.	Он хотел одного - чтобы весь Марс зазеленел, покрылся высокими деревьями с густой листвой, рождающей воздух, больше воздуха; пусть растут во все времена года, освежают города в душное лето, не пускают зимние ветры.
There were so many things a tree could do: add color, provide shade, drop fruit, or become a children's playground, a whole sky universe to climb and hang from; an architecture of food and pleasure, that was a tree.	Дерево, чего-чего только оно не может... Оно дарит краски природе, простирает тень, усыпает землю плодами. Или становится царством детских игр - целый поднебесный мир, где можно лазить, играть, висеть на руках... Великолепное сооружение, несущее пищу и радость, - вот что такое дерево.

But most of all the trees would distill an icy air for the lungs, and a gentle rustling for the ear	Но прежде всего деревья - это источник живительного прохладного воздуха для
---	---

when you lay nights in your snowy bed and were gentled to sleep by the sound.	легких и ласкового шелеста, который нежит твои слух и убаюкивает тебя ночью, когда ты лежишь в снежно-белой постели.
He lay listening to the dark earth gather itself, waiting for the sun, for the rains that hadn't come yet. His ear to the ground, he could hear the feet of the years ahead moving at a distance, and he imagined the seeds he had placed today sprouting up with green and taking hold on the sky, pushing out branch after branch, until Mars was an afternoon forest, Mars was a shining orchard.	Он лежал и слушал, как темная почва собирается с силами, ожидая солнца, ожидая дождей, которых все нет и нет... Приложив ухо к земле, он слышал поступь грядущих годов и видел - видел, как посаженные сегодня семена прорываются зелеными побегами и тянутся ввысь, к небу, раскидывая ветку за веткой, и весь Марс превращается в солнечный лес, светлый сад.
In the early morning, with the small sun lifting faintly among the folded hills, he would be up and finished with a smoky breakfast in a few minutes and, trodding out the fire ashes, be on his way with knapsacks, testing, digging, placing seed or sprout, tamping lightly, watering, going on, whistling, looking at the clear sky brightening toward a warm noon.	Рано утром, едва маленько бледное солнце всплынет над складками холмов, он встанет, живо проглотит завтрак с дымком, затопчет головешки, нагрузит на себя рюкзак - и снова выбирать места, копать, сажать семена или саженцы, осторожно уминать землю, поливать и шагать дальше, настынивая и поглядывая в ясное небо, а оно к полудню все ярче и жарче...
"You need the air," he told his night fire.	- Тебе нужен воздух, - сказал он своему костру.
The fire was a ruddy, lively companion that snapped back at you, that slept close by with drowsy pink eyes warm through the chilly night. "We all need the air."	Костер - живой румяный товарищ, который шутливо кусает тебе пальцы, а в прохладные ночи, теплый, дремлет рядом, щуря сонные розовые глаза... - Нам всем нужен воздух.
It's a thin air here on Mars.	Здесь, на Марсе, воздух разреженный.
You get tired so soon.	Чуть что, и устал.
It's like living in the Andes, in South America, high.	Все равно, что в Андах, в Южной Америке.
You inhale and don't get anything.	Вдохнул и не чувствуешь.
It doesn't satisfy."	Никак не надышишься.
He felt his rib cage.	Он тронул грудную клетку.
In thirty days, how it had grown.	Как она расширилась за тридцать дней!
To take in more air, they would all have to build their lungs.	Да, здесь им нужно развивать легкие, чтобы вдохнуть побольше воздуха.
Or plant more trees.	Или сажать побольше деревьев.
"That's what I'm here for," he said.	- Понял, зачем я здесь? - сказал он.
The fire popped.	Огонь стрельнул.
"In school they told a story about Johnny Appleseed walking across America planting apple trees.	- В школе нам рассказывали про Джонни Яблочное Семечко. Как он шел по Америке и сажал яблони.
Well, I'm doing more.	А мое дело поважнее.
I'm planting oaks, elms, and maples, every kind of tree, aspens and deodars and chestnuts.	Я сажаю дубы, вязы, и клены, и всякие другие деревья - осины, каштаны и кедры.

Instead of making just fruit for the stomach, I'm making air for the lungs.	Я делаю не просто плоды для желудка, а воздух для легких.
When those trees grow up some year, think of the oxygen they'll make!"	Только подумать: когда все эти деревья наконец вырастут, сколько от них будет

	кислорода!
He remembered his arrival on Mars.	Вспомнился день прилета на Марс.
Like a thousand others, he had gazed out upon a still morning and thought, How do I fit here?	Подобно тысяче других, он всматривался тогда в тихое марсианское утро и думал: "Как-то я здесь освоюсь?"
What will I do?	Что буду делать?
Is there a job for me?	Найдется ли работа по мне?"
Then he had fainted.	И потерял сознание.
Someone pushed a vial of ammonia to his nose and, coughing, he came around.	Кто-то сунул ему под нос пузырек с нашатырным спиртом, он закашлялся и пришел в себя.
"You'll be all right," said the doctor.	- Ничего, оправитесь, - сказал врач.
"What happened?"	- А что со мной было?
"The air's pretty thin."	- Здесь очень разреженная атмосфера.
Some can't take it.	Некоторые ее не переносят.
I think you'll have to go back to Earth."	Вам, вероятно, придется возвратиться на Землю.
"No!"	- Нет!
He sat up and almost immediately felt his eyes darken and Mars revolve twice around under him.	- Он сел, но в тот же миг в глазах у него потемнело, и Марс сделал под ним не меньше двух оборотов.
His nostrils dilated and he forced his lungs to drink in deep nothingness.	Ноздри расширились, он принудил легкие жадно пить ничто.
"I'll be all right.	- Я свыкнусь.
I've got to stay here!"	Я останусь здесь!
They let him lie gasping in horrid fishlike motions. And he thought, Air, air, air.	Его оставили в покое: он лежал, дыша, словно рыба на песке, и думал: "Воздух, воздух, воздух.
They're sending me back because of air.	Они хотят меня отправить отсюда из-за воздуха".
And he turned his head to look across the Martian fields and hills.	И он повернул голову, чтобы поглядеть на холмы и равнины Марса.
He brought them to focus, and the first thing he noticed was that there were no trees, no trees at all, as far as you could look in any direction.	Присмотрелся и первое, что увидел: куда ни глянь, сколько ни смотри - ни одного дерева, ни единого.
The land was down upon itself, a land of black loam, but nothing on it, not even grass.	Этот край словно сам себя покарал, черный перегной стлался во все стороны, а на нем -ничего, ни одной травинки.
Air, he thought, the thin stuff whistling in his nostrils.	"Воздух, - думал он, шумно вдыхая бесцветное нечто.
Air, air. And on top of hills, or in their shadows, or even by little creeks, not a tree and not a single green blade of grass.	- Воздух, воздух..." И на верхушках холмов, на тенистых склонах, даже возле ручья - тоже ни деревца, ни травинки.

Of course!	Ну конечно!
He felt the answer came not from his mind, but his lungs and his throat.	Ответ родился не в сознании, а в горле, в легких.
And the thought was like a sudden gust of pure oxygen, raising him up.	И эта мысль, словно глоток чистого кислорода, сразу взбодрила.
Trees and grass.	Деревья и трава.
He looked down at his hands and turned them	Он поглядел на свои руки и повернул их

over.	ладонями вверх.
He would plant trees and grass.	Он будет сажать траву и деревья.
That would be his job, to fight against the very thing that might prevent his staying here.	Вот его работа: бороться против того самого, что может ему помешать остаться здесь.
He would have a private horticultural war with Mars.	Он объявит Марсу войну - особую, агробиологическую войну.
There lay the old soil, and the plants of it so ancient they had worn themselves out.	Древняя марсианская почва... Ее собственные растения прожили столько миллионов тысячелетий, что вконец одряхлели и выродились.
But what if new forms were introduced?	А если посадить новые виды?
Earth trees, great mimosas and weeping willows and magnolias and magnificent eucalyptus.	Земные деревья - ветвистые мимозы, плакучие ивы, магнолии, величественные эвкалипты.
What then?	Что тогда?
There was no guessing what mineral wealth hid in the soil, untapped because the old ferns, flowers, bushes, and trees had tired themselves to death.	Можно только гадать, какие минеральные богатства таятся в здешней почве - нетронутые, потому что древние папоротники, цветы, кусты, деревья погибли от изнеможения.
"Let me up!" he shouted.	- Я должен встать! - крикнул он.
"I've got to see the Co-ordinator!"	- Мне надо видеть Координатора!
He and the Co-ordinator had talked an entire morning about things that grew and were green.	Полдня он и Координатор проговорили о том, что растет в зеленом убore.
It would be months, if not years, before organized planting began.	Пройдут месяцы, если не годы, прежде чем можно будет начать планомерные посадки.
So far, frosted food was brought from Earth in flying icicles; a few community gardens were greening up in hydroponic plants.	Пока что продовольствие доставляют с Земли замороженным, в летающих сосульках; лишь несколько любителей вырастили сады гидропонным способом.
"Meanwhile," said the Co-ordinator, "it's your job.	- Так что пока, - сказал Координатор, - действуйте сами.
We'll get what seed we can for you, a little equipment.	Добудем семян сколько можно, кое-какое снаряжение.
Space on the rockets is mighty precious now.	Сейчас в ракетах мало места.
I'm afraid, since these first towns are mining communities, there won't be much sympathy for your tree planting - "	Боюсь, поскольку первые поселения связаны с рудниками, ваш проект зеленых посадок не будет пользоваться успехом...
"But you'll let me do it?"	- Но вы мне разрешите?

They let him do it.	Ему разрешили.
Provided with a single motorcycle, its bin full of rich seeds and sprouts, he had parked his vehicle in the valley wilderness and struck out on foot over the land.	Выдали мотоцикл, он наполнил багажник семенами и саженцами, выезжал в пустынные долины, оставлял машину и шел пешком, работая.
That had been thirty days ago, and he had never glanced back.	Это началось тридцать дней назад, и с той поры он ни разу не оглянулся.
For looking back would have been sickening to the heart.	Оглянуться - значит пасть духом: стояла необычайно сухая погода, и вряд ли хоть одно семечко проросло.
The weather was excessively dry; it was	Может быть, битва проиграна?

doubtful if any seeds had sprouted yet.	
Perhaps his entire campaign, his four weeks of bending and scooping were lost.	Четыре недели труда - впустую?
He kept his eyes only ahead of him, going on down this wide shallow valley under the sun, away from First Town, waiting for the rains to come.	И он смотрел только вперед, шел вперед по широкой солнечной долине, все дальше от Первого Города, и ждал - ждал, когда же пойдет дождь.
Clouds were gathering over the dry mountains now as he drew his blanket over his shoulders.	...Он натянул одеяло на плечи; над сухими холмами пухли тучи.
Mars was a place as unpredictable as time.	Марс непостоянен, как время.
He felt the baked hills simmering down into frosty night, and he thought of the rich, inky soil, a soil so black and shiny it almost crawled and stirred in your fist, a rank soil from which might sprout gigantic beanstalks from which, with bone-shaking concussion, might drop screaming giants.	Пропеченные солнцем холмы прихватывал ночной заморозок, а он думал о богатой черной почве - такой черной и блестящей, что она чуть ли не шевелилась в горсти, о жирной почве, из которой могли бы расти могучие, исполинские стебли фасоли, и спелые стручки роняли бы огромные, невообразимые зерна, сотрясающие землю.
The fire fluttered into sleepy ash.	Сонный костер подернулся пеплом.
The air tremored to the distant roll of a cartwheel.	Воздух дрогнул: вдали прокатилась телега.
Thunder.	Гром.
A sudden odor of water.	Неожиданный запах влаги.
Tonight, he thought, and put his hand out to feel for rain.	"Сегодня ночью, - подумал он и вытянул руку проверить, идет ли дождь. - Сегодня ночью".
Tonight.	
He awoke to a tap on his brow.	Что-то тронуло его бровь, и он проснулся.
Water ran down his nose into his lips.	По носу на губу скатилась влага.
Another drop hit his eye, blurring it, Another splashed his chin.	Вторая капля ударила в глаз и на миг его затуманила. Третья разбилась о щеку.
The rain.	Дождь.

Raw, gentle, and easy, it mizzled out of the high air, a special elixir, tasting of spells and stars and air, carrying a peppery dust in it, and moving like a rare light sherry on his tongue.	Прохладный, ласковый, легкий, он моросил с высокого неба - волшебный эликсир, пахнущий чарами, звездами, воздухом; он нес с собой черную, как перец, пыль, оставляя на языке то же ощущение, что выдержаный старый херес.
Rain.	Дождь.
He sat up.	Он сел.
He let the blanket fall and his blue denim shirt spot, while the rain took on more solid drops.	Одеяло съехало, и по голубой рубашке забегали темные пятна; капли становились крупнее и крупнее.
The fire looked as though an invisible animal were dancing on it, crushing it, until it was angry smoke.	Костер выглядел так, будто по нему, топча огонь, плясал невидимый зверь; и вот остался только сердитый дым.
The rain fell.	Пошел дождь.
The great black lid of sky cracked in six powdery blue chips, like a marvelous crackled glaze, and rushed down.	Огромный черный небосвод вдруг раскололся на шесть аспидно-голубых осколков и обрушился вниз.
He saw ten billion rain crystals, hesitating long	Он увидел десятки миллиардов дождевых

enough to be photographed by the electrical display.	кристаллов, они замерли в своем падении ровно на столько времени, сколько нужно было, чтобы их запечатлел электрический фотограф.
Then darkness and water.	И снова мрак и вода, вода...
He was drenched to the skin, but he held his face up and let the water hit his eyelids, laughing.	Он промок до костей, но сидел и смеялся, подняв лицо, и капли стучали по векам.
He clapped his hands together and stepped up and walked around his little camp, and it was one o'clock in the morning.	Он хлопнул в ладости, вскочил на ноги и прошелся вокруг своего маленького лагеря; был час ночи.
It rained steadily for two hours and then stopped.	Дождь лил непрерывно два часа, потом прекратился.
The stars came out, freshly washed and clearer than ever.	Высыпали чисто вымытые звезды, яркие, как никогда.
Changing into dry clothes from his cellophane pack, Mr. Benjamin Driscoll lay down and went happily to sleep.	Бенджамен Дрисколл достал из пластиковой сумки сухую одежду, переоделся, лег и, счастливый, уснул.
The sun rose slowly among the hills.	Солнце медленно взошло между холмами.
It broke out upon the land quietly and wakened Mr. Driscoll where he lay.	Лучи вырвались из-за препятствия, тихо скользнули по земле и разбудили Дрисколла.
He waited a moment before arising.	Он чуть помешкал, прежде чем встать.
He had worked and waited a long hot month, and now, standing up, he turned at last and faced the direction from which he had come.	Целый месяц, долгий жаркий месяц он работал, работал и ждал... Но сегодня, поднявшись, он впервые повернулся в ту сторону, откуда пришел.
It was a green morning.	Утро было зеленое.
As far as he could see the trees were standing up against the sky.	Насколько хватало глаз, к небу поднимались деревья.

Not one tree, not two, not a dozen, but the thousands he had planted in seed and sprout.	Не одно, не два, не десяток, а все те тысячи, что он посадил, семенами или саженцами.
And not little trees, no, not saplings, not little tender shoots, but great trees, huge trees, trees as tall as ten men, green and green and huge and round and full, trees shimmering their metallic leaves, trees whispering, trees in a line over hills, lemon trees, lime trees, redwoods and mimosas and oaks and elms and aspens, cherry, maple, ash, apple, orange, eucalyptus, stung by a tumultuous rain, nourished by alien and magical soil and, even as he watched, throwing out new branches, popping open new buds.	И не мелочь какая-нибудь, нет, не поросль, не хрупкие деревца, а мощные стволы, могучие деревья высотой с дом, зеленые-зеленые, огромные, округлые, пышные деревья с отливающей серебром листвой, шелестящие на ветру, длинные ряды деревьев на склонах холмов, лимонные деревья и липы, секвойи и мимозы, дубы и вязы, осины, вишни, клены, ясени, яблони, апельсиновые деревья, эвкалипты - подстегнутые буйным дождем, вскормленные чужой волшебной почвой. На его глазах продолжали тянуться вверх новые ветви, лопались новые почки.
"Impossible!" cried Mr. Benjamin Driscoll.	- Невероятно! - воскликнул Бенджамен Дрисколл.
But the valley and the morning were green.	Но долина и утро были зеленые.
And the air!	А воздух!
All about, like a moving current, a mountain river, came the new air, the oxygen blowing from the green trees.	Отовсюду, словно живой поток, словно горная река, струился свежий воздух, кислород, источаемый зелеными деревьями.

You could see it shimmer high in crystal billows.	Присмотрись и увидишь, как он переливается в небе хрустальными волнами.
Oxygen, fresh, pure, green, cold oxygen turning the valley into a river delta.	Кислород - свежий, чистый, зеленый, прохладный кислород превратил долину в дельту реки.
In a moment the town doors would flip wide, people would run out through the new miracle of oxygen, sniffing, gusting in lungfuls of it, cheeks pinking with it, noses frozen with it, lungs revivified, hearts leaping, and worn bodies lifted into a dance.	Еще мгновение, и в городе распахнутся двери, люди выбегут навстречу чуду, будут его глотать, вдыхать полной грудью, щеки порозовеют, носы озябнут, легкие заново оживут, сердце забьется чаще, и усталые тела полетят в танце.
Mr. Benjamin Driscoll took one long deep drink of green water air and fainted.	Бенджамен Дрисколл глубоко-глубоко вдохнул влажный зеленый воздух и потерял сознание.
Before he woke again five thousand new trees had climbed up into the yellow sun.	Прежде чем он очнулся, навстречу желтому солнцу поднялось еще пять тысяч деревьев.
February 2002: THE LOCUSTS	Февраль 2002 Саранча
The rockets set the bony meadows afire, turned rock to lava, turned wood to charcoal, transmitted water to steam, made sand and silica into green glass which lay like shattered mirrors reflecting the invasion, all about.	Ракеты жгли сухие луга, обращали камень в лаву, дерево - в уголь, воду - в пар, сплавляли песок и кварц в зеленое стекло; оно лежало везде, словно разбитые зеркала, отражающие в себе ракетное нашествие.
The rockets came like drums, beating in the night.	Ракеты, ракеты, ракеты, как барабанная дробь в ночи.
The rockets came like locusts, swarming and settling in blooms of rosy smoke.	Ракеты роями саранчи садились в клубах розового дыма.

And from the rockets ran men with hammers in their hands to beat the strange world into a shape that was familiar to the eye, to bludgeon away all the strangeness, their mouths fringed with nails so they resembled steel-toothed carnivores, spitting them into their swift hands as they hammered up frame cottages and scuttled over roofs with shingles to blot out the eerie stars, and fit green shades to pull against the night.	Из ракет высыпали люди с молотками: перековать на привычный лад чужой мир, стесать все необычное, рот ощетинен гвоздями, словно стальнозубая пасть хищника, сплевывает гвозди в мелькающие руки, и те сколачивают каркасные дома, кроют крыши дранкой - чтобы спрятаться от чужих, пугающих звезд, вешают зеленые шторы - чтобы укрыться от ночи.
And when the carpenters had hurried on, the women came in with flowerpots and chintz and pans and set up a kitchen clamor to cover the silence that Mars made waiting outside the door and the shaded window.	Затем плотники спешили дальше, и являлись женщины с цветочными горшками, пестрыми ситцами, кастрюлями и поднимали кухонный шум, чтобы заглушить тишину Марса, притаившуюся у дверей, у занавешенных окон.
In six months a dozen small towns had been laid down upon the naked planet, filled with sizzling neon tubes and yellow electric bulbs.	За шесть месяцев на голой планете был заложен десяток городков с великим числом трескучих неоновых трубок и желтых электрических лампочек.
In all, some ninety thousand people came to Mars, and more, on Earth, were packing their grips...	Девяносто с лишним тысяч человек прибыло на Марс, а на Земле уже укладывали чемоданы другие...
August 2002: NIGHT MEETING	Август 2002 Ночная встреча
Before going up into the blue hills, Tomas Gomez stopped for gasoline at the lonely station.	Прежде чем ехать дальше в голубые горы, Томас Гомес остановился возле уединенной

	бензоколонки.
"Kind of alone out here, aren't you, Pop?" said Tomas.	- Не одиноко тебе здесь, папаша? - спросил Томас.
The old man wiped off the windshield of the small truck.	Старик протер тряпкой ветровое стекло небольшого грузовика.
"Not bad."	- Ничего.
"How do you like Mars, Pop?"	- А как тебе Марс нравится, старина?
"Fine."	- Здорово.
Always something new.	Всегда что-нибудь новое.
I made up my mind when I came here last year I wouldn't expect nothing, nor ask nothing, nor be surprised at nothing.	Когда я в прошлом году попал сюда, то первым делом сказал себе: вперед не заглядывай, ничего не требуй, ничему не удивляйся.
We've got to forget Earth and how things were.	Землю нам надо забыть, все, что было, забыть.
We've got to look at what we're in here, and how different it is.	Теперь следует приглядеться, освоиться и понять, что здесь все не так, все по-другому.
I get a hell of a lot of fun out of just the weather here.	Да тут одна только погода - это же настоящий цирк.
It's Martian weather.	Это марсианская погода.
Hot as hell daytimes, cold as hell nights.	Днем жарища адская, ночью адский холод.
I get a big kick out of the different flowers and different rain.	А необычные цветы, необычный дождь -неожиданности на каждом шагу!

I came to Mars to retire and I wanted to retire in a place where everything is different.	Я сюда приехал на покой, задумал дожить жизнь в таком месте, где все иначе.
An old man needs to have things different.	Это очень важно старому человеку - переменить обстановку.
Young people don't want to talk to him, other old people bore hell out of him.	Молодежи с ним говорить недосуг, другие старики ему осточертели.
So I thought the best thing for me is a place so different that all you got to do is open your eyes and you're entertained.	Вот я и смекнул, что самое подходящее для меня -найти такое необычное местечко, что только не ленись смотреть, кругом развлечения.
I got this gas station.	Вот, подрядился на эту бензоколонку.
If business picks up too much, I'll move on back to some other old highway that's not so busy, where I can earn just enough to live on and still have time to feel the different things here."	Станет чересчур хлопотно, снимусь отсюда и переберусь на какое-нибудь старое шоссе, не такое оживленное; мне бы только заработать на пропитание, да чтобы еще оставалось время примечать, до чего же здесь все не так.
"You got the right idea, Pop," said Tomas, his brown hands idly on the wheel.	- Неплохо ты сообразил, папаша, - сказал Томас; его смуглые руки лежали, отдыхая, на баранке.
He was feeling good.	У него было отличное настроение.
He had been working in one of the new colonies for ten days straight and now he had two days off and was on his way to a party.	Десять дней кряду он работал в одном из новых поселений, теперь получил два выходных и ехал на праздник.
"I'm not surprised at anything any more," said the old man.	- Уж я больше ничему не удивляюсь, - продолжал старик.
"I'm just looking.	- Гляжу, и только.
I'm just experiencing.	Можно сказать, набираюсь впечатлений.

If you can't take Mars for what she is, you might as well go back to Earth.	Если тебе Марс, каков он есть, не по вкусу, отправляйся лучше обратно на Землю.
Everything's crazy up here, the soil, the air, the canals, the natives (I never saw any yet, but I hear they're around), the clocks.	Здесь все шиворот-навыворот: почва, воздух, каналы, туземцы (правда, я еще ни одного не видел, но, говорят, они тут где-то бродят), часы.
Even my clock acts funny.	Мои часы - и те чудят.
Even time is crazy up here.	Здесь даже время шиворот-навыворот.
Sometimes I feel I'm here all by myself, no one else on the whole damn planet.	Иной раз мне сдается, что я один-одинешенек, на всей этой проклятой планете больше ни души.
I'd take bets on it.	Пусто.
Sometimes I feel about eight years old, my body squeezed up and everything else tall.	А иногда покажется, что я - восьмилетний мальчишка, сам махонький, а все кругом здоровенное!
Jesus, it's just the place for an old man.	Видит бог, тут самое подходящее место для старого человека.
Keeps me alert and keeps me happy.	Тут не задремлешь, я просто счастливый стал.
You know what Mars is?	Знаешь, что такое Марс?

It's like a thing I got for Christmas seventy years ago -don't know if you ever had one - they called them kaleidoscopes, bits of crystal and cloth and beads and pretty junk. You held it up to the sunlight and looked in through at it, and it took your breath away.	Он смахивает на вещицу, которую мне подарили на рождество семьдесят лет назад - не знаю, держал ли ты в руках такую штуку: их калейдоскопами называют, внутри осколки хрусталя, лоскутки, бусинки, всякая мишуря... А поглядишь сквозь нее на солнце - дух захватывает!
All the patterns!	Сколько узоров!
Well, that's Mars.	Так вот, это и есть Марс.
Enjoy it. Don't ask it to be nothing else but what it is.	Наслаждайся им и не требуй от него, чтобы он был другим.
Jesus, you know that highway right there, built by the Martians, is over sixteen centuries old and still in good condition?	Господи, да знаешь ли ты, что вот это самое шоссе проложено марсианами шестнадцать веков назад, а в полном порядке!
That's one dollar and fifty cents, thanks and good night."	Г они доллар и пятьдесят центов, спасибо и спокойной ночи.
Tomas drove off down the ancient highway, laughing quietly.	Томас покатил по древнему шоссе, тихонько посмеиваясь.
It was a long road going into darkness and hills and he held to the wheel, now and again reaching into his lunch bucket and taking out a piece of candy.	Это был долгий путь через горы, сквозь тьму, и он держал руль, иногда опуская руку в корзинку с едой и доставая оттуда леденец.
He had been driving steadily for an hour, with no other car on the road, no light, just the road going under, the hum, the roar, and Mars out there, so quiet.	Прошло уже больше часа непрерывной езды, и ни одной встречной машины, ни одного огонька, только лента дороги, гул и рокот мотора, и Марс кругом, тихий, безмолвный.
Mars was always quiet, but quieter tonight than any other.	Марс - всегда тихий, в эту ночь был тише, чем когда-либо.
The deserts and empty seas swung by him, and the mountains against the stars.	Мимо Томаса скользили пустыни, и высохшие моря, и вершины среди звезд.

There was a smell of Time in the air tonight.	Нынче ночью в воздухе пахло Временем.
He smiled and turned the fancy in his mind.	Он улыбнулся, мысленно оценивая свою выдумку.
There was a thought.	Неплохая мысль.
What did Time smell like?	А в самом деле: чем пахнет Время?
Like dust and clocks and people.	Пылью, часами, человеком.
And if you wondered what Time sounded like it sounded like water running in a dark cave and voices crying and dirt dropping down upon hollow box lids, and rain.	А если задуматься, какое оно - Время то есть - на слух? Оно вроде воды, струящейся в темной пещере, вроде зовущих голосов, вроде шороха земли, что сыпется на крышку пустого ящика, вроде дождя.
And, going further, what did Time look like?	Пойдем еще дальше, спросим, как выглядит Время?

Time looked like snow dropping silently into a black room or it looked like a silent film in an ancient theater, one hundred billion faces falling like those New Year balloons, down and down into nothing.	Оно точно снег, бесшумно летящий в черный колодец, или старинный немой фильм, в котором сто миллиардов лиц, как новогодние шары, падают вниз, падают в ничто.
That was how Time smelled and looked and sounded.	Вот чем пахнет Время и вот какое оно на вид и на слух.
And tonight - Tomas shoved a hand into the wind outside the truck - tonight you could almost touch Time.	А нынче ночью - Томас высунул руку в боковое окошко, - нынче так и кажется, что его можно даже пощупать.
He drove the truck between hills of Time.	Он вел грузовик в горах Времени.
His neck prickled and he sat up, watching ahead.	Что-то кольнуло шею, и Томас выпрямился, внимательно глядя вперед.
He pulled into a little dead Martian town, stopped the engine, and let the silence come in around him.	Он въехал в маленький мертвый марсианский городок, выключил мотор и окунулся в окружающее его безмолвие.
He sat, not breathing, looking out at the white buildings in the moonlight. Uninhabited for centuries.	Затаив дыхание, он смотрел из кабины на залитые луной белые здания, в которых уже много веков никто не жил.
Perfect, faultless, in ruins, yes, but perfect, nevertheless.	Великолепные, безупречные здания, пусть разрушенные, но все равно великолепные.
He started the engine and drove on another mile or more before stopping again, climbing out, carrying his lunch bucket, and walking to a little promontory where he could look back at that dusty city.	Включив мотор, Томас проехал еще милю-другую, потом снова остановился, вылез, захватив свою корзинку, и прошел на бугор, откуда можно было окинуть взглядом занесенный пылью город.
He opened his thermos and poured himself a cup of coffee.	Открыл термос и налил себе чашку кофе.
A night bird flew by.	Мимо пролетела ночная птица.
He felt very good, very much at peace.	На душе у него было удивительно хорошо, спокойно.
Perhaps five minutes later there was a sound.	Минут пять спустя Томас услышал какой-то звук.
Off in the hills, where the ancient highway curved, there was a motion, a dim light, and then a murmur.	Вверху, там, где древнее шоссе терялось за поворотом, он заметил какое-то движение, тусклый свет, затем донесся слабый рокот.
Tomas turned slowly with the coffee cup in his	Томас повернулся, держа чашку в руке.

hand.	
And out of the hills came a strange thing. It was a machine like a jade-green insect, a praying mantis, delicately rushing through the cold air, indistinct, countless green diamonds winking over its body, and red jewels that glittered with multifaceted eyes.	С гор спускалось нечто необычайное. Это была машина, похожая на желто-зеленое насекомое, на богомола, она плавно рассекала холодный воздух, мерцая бесчисленными зелеными бриллиантами, сверкая фасеточными рубиновыми глазами.
Its six legs fell upon the ancient highway with the sounds of a sparse rain which dwindled away, and from the back of the machine a Martian with melted gold for eyes looked down at Tomas as if he were looking into a well.	Шесть ног машины ступали по древнему шоссе с легкостью моросящего дождя, а со спины машины на Томаса глазами цвета расплавленного золота глядел марсианин, глядел будто в колодец.

Tomas raised his hand and thought Hello! automatically but did not move his lips, for this was a Martian.	Томас поднял руку и мысленно уже крикнул: "Привет!", но губы его не шевельнулись. Потому что это был марсианин.
But Tomas had swum in blue rivers on Earth, with strangers passing on the road, and eaten in strange houses with strange people, and his weapon had always been his smile.	Но Томас плавал на Земле в голубых реках, вдоль которых шли незнакомые люди, вместе с чужими людьми ел в чужих домах, и всегда его лучшим оружием была улыбка.
He did not carry a gun.	Он не носил с собой пистолета.
And he did not feel the need of one now, even with the little fear that gathered about his heart at this moment	И сейчас Томас не чувствовал в нем нужды, хотя где-то под сердцем притаился страх.
The Martian's hands were empty too.	У марсианина тоже ничего не было в руках.
For a moment they looked across the cool air at each other.	Секунду они смотрели друг на друга сквозь прохладный воздух.
It was Tomis who moved first.	Первым решился Томас
"Hello!" he called.	- Привет! - сказал он
"Hello!" called the Martian in his own language.	- Привет! - сказал марсианин на своем языке.
They did not understand each other.	Они не поняли друг друга.
"Did you say hello?" they both asked.	- Вы сказали "здравствуйте"? - спросили оба одновременно.
"What did you say?" they said, each in a different tongue.	- Что вы сказали? - продолжали они, каждый на своем языке.
They scowled.	Оба нахмурились.
"Who are you?" said Tomas in English.	- Вы кто? - спросил Томас по-английски.
"What are you doing here?" In Martian; the stranger's lips moved.	- Что вы здесь делаете? - произнесли губы чужака по-марсиански.
"Where are you going?" they said, and looked bewildered.	- Куда вы едете? - спросили оба с озадаченным видом.
"I'm Tomas Gomez."	- Меня зовут Томас Гомес.
"I'm Muhe Ca."	- Меня зовут Мью Ка.
Neither understood, but they tapped their chests with the words and then it became clear.	Ни один из них не понял другого, но каждый постучал пальцем по своей груди, и смысл стал обоим ясен.
And then the Martian laughed.	Вдруг марсианин рассмеялся.
"Wait!"	- Подождите!
Tomas felt his head touched, but no hand had touched him.	Томас ощутил, как что-то коснулось его головы, хотя никто его не трогал.
"There!" said the Martian in English.	- Вот так! - сказал марсианин по-английски.

"That is better!"	- Теперь дело пойдет лучше!
"You learned my language, so quick!"	- Вы так быстро выучили мой язык?
"Nothing at all!"	- Ну что вы!

They looked, embarrassed with a new silence, at the steaming coffee he had in one hand.	Оба, не зная, что говорить, посмотрели на чашку с горячим кофе в руке Томаса.
"Something different?" said the Martian, eying him and the coffee, referring to them both, perhaps.	- Что-нибудь новое? - спросил марсианин, разглядывая его и чашку и подразумевая, по-видимому, и то и другое.
"May I offer you a drink?" said Tomas.	- Выпьете чашечку? - предложил Томас.
"Please."	- Большое спасибо.
The Martian slid down from his machine.	Марсианин скользнул со своей машины.
A second cup was produced and filled, steaming.	Вторая чашка наполнилась горячим кофе.
Tomas held it out.	Томас подал ее марсианину.
Their hands met and - like mist - fell through each other.	Их руки встретились и, точно сквозь туман, прошли одна сквозь другую.
"Jesus Christ!" cried Tomas, and dropped the cup.	- Господи Иисусе! - воскликнул Томас и выронил чашку.
"Name of the gods!" said the Martian in his own tongue.	- Силы небесные! - сказал марсианин на своем языке.
"Did you see what happened?" they both whispered.	- Видели, что произошло? - прошептали они.
They were very cold and terrified.	Оба похолодели от испуга.
The Martian bent to touch the cup but could not touch it.	Марсианин нагнулся за чашкой, но никак не мог ее взять.
"Jesus!" said Tomas.	- Господи! - ахнул Томас.
"Indeed."	- Ну и ну!
The Martian tried again and again to get hold of the cup, but could not.	- Марсианин пытался снова и снова ухватить чашку, ничего не получалось.
He stood up and thought for a moment, then took a knife from his belt.	Он выпрямился, подумал, затем отстегнул от пояса нож.
"Hey!" cried Tomas.	- Эй! - крикнул Томас.
"You misunderstand, catch!" said the Martian, and tossed it.	- Вы не поняли, ловите! - сказал марсианин и бросил нож.
Tomas cupped his hands.	Томас подставил сложенные вместе ладони.
The knife fell through his flesh. It hit the ground.	Нож упал сквозь руки на землю.
Tomas bent to pick it up but could not touch it, and he recoiled, shivering.	Томас хотел его поднять, но не мог ухватить и, вздрогнув, отпрянул.
Now he looked at the Martian against the sky.	Он глядел на марсианина, стоящего на фоне неба.
"The stars!" he said.	- Звезды! - сказал Томас.
"The stars!" said the Martian, looking, in turn, at Tomas.	- Звезды! - отозвался марсианин, глядя на Томаса.
The stars were white and sharp beyond the flesh of the Martian, and they were sewn into his flesh like scintillas swallowed into the thin, phosphorescent membrane of a gelatinous sea fish.	Сквозь тело марсианина, яркие, белые, светили звезды, его плоть была расшита ими словно тонкая, переливающаяся искрами оболочка студенистой медузы.

You could see stars flickering like violet eyes in the Martian's stomach and chest, and through	Звезды мерцали, точно фиолетовые глаза, в груди и в животе марсианина, блестали
---	---

his wrists, like jewelry.	драгоценностями на его запястьях.
"I can see through you!" said Tomas.	- Я вижу сквозь вас! - сказал Томас.
"And I through you!" said the Martian, stepping back.	- И я сквозь вас! - отвечал марсианин, отступая на шаг.
Tomas felt of his own body and, feeling the warmth, was reassured.	Томас пощупал себя, ощутил живое тепло собственного тела и успокоился.
I am real, he thought	"Все в порядке, - подумал он, - я существую".
The Martian touched his own nose and lips.	Марсианин коснулся рукой своего носа, губ.
"I have flesh," he said, half aloud.	- Я не бесплотный, - негромко сказал он.
"I am alive."	- Живой!
Tomas stared at the stranger.	Томас озадаченно глядел на него.
"And if I am real, then you must be dead."	- Но если я существую, значит, вы - мертвый.
"No, you!"	- Нет, вы!
"A ghost!"	- Привидение!
"A phantom!"	- Призрак!
They pointed at each other, with starlight burning in their limbs like daggers and icicles and fireflies, and then fell to judging their limbs again, each finding himself intact, hot, excited, stunned, awed, and the other, ah yes, that other over there, unreal, a ghostly prism flashing the accumulated light of distant worlds.	Они показывали пальцем друг на друга, и звездный свет в их конечностях сверкал и переливался, как острие кинжала, как ледяные сосульки, как светлячки. Они снова проверили свои ощущения, и каждый убедился, что он жив-здоров и охвачен волнением, трепетом, жаром, недоумением, а вот тот, другой - ну, конечно же, тот нереален, тот призрачная призма, ловящая и излучающая свет далеких миров...
I'm drunk, thought Tomas.	"Я пьян, - сказал себе Томас.
I won't tell anyone of this tomorrow, no, no.	- Завтра никому не расскажу про это, ни слова!"
They stood there on the ancient highway, neither of them moving.	Они стояли на древнем шоссе, и оба не шевелились.
"Where are you from?" asked the Martian at last.	- Откуда вы? - спросил наконец марсианин.
"Earth."	- С Земли.
"What is that?"	- Что это такое?
"There."	- Там.
Tomas nodded to the sky.	- Томас кивком указал на небо.
"When?"	- Давно?
"We landed over a year ago, remember?"	- Мы прилетели с год назад, вы разве не помните?
"No."	- Нет.
"And all of you were dead, all but a few."	- А вы все к тому времени вымерли, почти все.

You're rare, don't you know that?"	Вас очень мало осталось - разве вы этого не знаете?
"That's not true."	- Это неправда.
"Yes, dead."	- Я вам говорю, вымерли.
I saw the bodies.	Я сам видел трупы.
Black, in the rooms, in the houses, dead.	Почерневшие тела в комнатах, во всех домах, и все мертвые.
Thousands of them."	Тысячи тел.
"That's ridiculous. We're alive!"	- Что за вздор, мы живы!

"Mister, you're invaded, only you don't know it.	- Мистер, всех ваших скосила эпидемия.
You must have escaped."	Странно, что вам это неизвестно.
"I haven't escaped; there was nothing to escape.	Вы каким-то образом спаслись. - Я не спасся, не от чего мне было спасаться.
What do you mean?	О чем это вы говорите?
I'm on my way to a festival now at the canal, near the Eniall Mountains.	Я еду на праздник у канала возле Эниальских Гор.
I was there last night.	И прошлую ночь был там.
Don't you see the city there?"	Вы разве не видите город?
The Martian pointed.	- Марсианин вытянул руку, показывая.
Tomas looked and saw the ruins.	Томас посмотрел и увидел развалины.
"Why, that city's been dead thousands of years."	- Но ведь этот город мертв уже много тысяч лет!
The Martian laughed.	Марсианин рассмеялся.
"Dead.	- Мертв?
I slept there yesterday!"	Я ночевал там вчера!
"And I was in it a week ago and the week before that, and I just drove through it now, and it's a heap.	- А я его проезжал на той неделе, и на позапрошлой неделе, и вот только что, там одни развалины!
See the broken pillars?"	Видите разбитые колонны?
"Broken?	- Разбитые?
Why, I see them perfectly. The moonlight helps.	Я их отлично вижу в свете луны.
And the pillars are upright."	Прямые, стройные колонны.
"There's dust in the streets," said Tomas.	- На улицах ничего, кроме пыли, - сказал Томас.
"The streets are clean!"	- Улицы чистые!
"The canals are empty right there."	- Каналы давно высохли, они пусты.
"The canals are full of lavender wine!"	- Каналы полны лавандового вина!
"It's dead."	- Город мертв.
"It's alive!" protested the Martian, laughing more now.	- Город жив! - возразил марсианин, смеясь еще громче.

"Oh, you're quite wrong.	- Вы решительно ошибаетесь.
See all the carnival lights?	Видите, сколько там карнавальных огней?
There are beautiful boats as slim as women, beautiful women as slim as boats, women the color of sand, women with fire flowers in their hands.	Там прекрасные челны, изящные, как женщины, там прекрасные женщины, изящные, как челны, женщины с кожей песочного цвета, женщины с огненными цветками в руках.
I can see them, small, running in the streets there.	Я их вижу, вижу, как они бегают вон там, по улицам, такие маленькие отсюда.
That's where I'm going now, to the festival; we'll float on the waters all night long; we'll sing, we'll drink, we'll make love, Can't you see it?"	И я туда еду, на праздник, мы будем всю ночь кататься по каналу, будем петь, пить, любить. Неужели вы не видите?
"Mister, that city is dead as a dried lizard.	- Мистер, этот город мертв, как сущеная ящерица.
Ask any of our party.	Спросите любого из наших.
Me, I'm on my way to Green City tonight; that's the new colony we just raised over near Illinois Highway.	Что до меня, то я еду в Грин-Сити - новое поселение на Иллинойском шоссе, мы его совсем недавно заложили.
You're mixed up.	А вы что-то напутали.

We brought in a million board feet of Oregon lumber and a couple dozen tons of good steel nails and hammered together two of the nicest little villages you ever saw.	Мы доставили сюда миллион квадратных футов досок лучшего орегонского леса, несколько десятков тонн добрых стальных гвоздей и отгрохали два поселка - глаз не оторвешь.
Tonight we're warming one of them.	Как раз сегодня спрыскиваем один из них.
A couple rockets are coming in from Earth, bringing our wives and girl friends.	С Земли прилетают две ракеты с нашими женами и невестами.
There'll be barn dances and whisky - "	Будут народные танцы, виски...
The Martian was now disquieted.	Марсианин встрепенулся.
"You say it is over that way?"	- Вы говорите - в той стороне?
"There are the rockets."	- Да, там, где ракеты.
Tomas walked him to the edge of the hill and pointed down.	- Томас подвел его к краю бугра и показал вниз.
"See?"	- Видите?
"No."	- Нет.
"Damn it, there they are!"	- Да вон же, вон, черт возьми!
Those long silver things."	Такие длинные, серебристые штуки.
"No."	- Не вижу.
Now Tomas laughed.	Теперь рассмеялся Томас.
"You're blind!"	- Да вы ослепли!
"I see very well.	- У меня отличное зрение.
You are the one who does not see."	Это вы не видите.

"But you see the new town, don't you?"	- Ну хорошо, а новый поселок вы видите? Или тоже нет?
"I see nothing but an ocean, and water at low tide."	- Ничего не вижу, кроме океана - и как раз сейчас отлив.
"Mister, that water's been evaporated for forty centuries."	- Уважаемый, этот океан испарился сорок веков тому назад.
"Ah, now, now, that is enough."	- Ну, знаете, это уж чересчур.
"It's true, I tell you."	- Но это правда, уверяю вас!
The Martian grew very serious.	Лицо марсианина стало очень серьезным.
"Tell me again."	- Постойте.
You do not see the city the way I describe it?	Вы в самом деле не видите города, как я его вам описал?
The pillars very white, the boats very slender, the festival lights - oh, I see them clearly!	Белые-белые колонны, изящные лодки, праздничные огни - я их так отчетливо вижу!
And listen!	Вслушайтесь!
I can hear them singing.	Я даже слышу, как там поют.
It's no space away at all."	Не такое уж большое расстояние.
Tomas listened and shook his head.	Томас прислушался и покачал головой.
"No."	- Нет.
"And I, on the other hand," said the Martian, "cannot see what you describe.	- А я, - продолжал марсианин, - не вижу того, что описываете вы.
Well."	Как же так?..
Again they were cold. An ice was in their flesh.	Они снова зябко вздрогнули, точно их плоть пронизало ледяными иглами.
"Can it be... ?"	- А может быть?..
"What?"	- Что?
"You say "from the sky"?"	- Вы сказали "с неба"?

"Earth."	- С Земли.
"Earth, a name, nothing," said the Martian.	- Земля - название, пустой звук... - произнес марсианин.
"But... as I came up the pass an hour ago..." He touched the back of his neck.	- Но... час назад, когда я ехал через перевал... - Он коснулся своей шеи сзади.
"I felt..."	- Я ощущал.
"Cold?"	- Холод?
"Yes."	- Да
"And now?"	- И теперь тоже?
"Cold again.	- Да, снова холод.
Oddly. There was a thing to the light, to the hills, the road," said the Martian.	Что-то было со светом, с горами, с дорогой -что-то необычное.

"I felt the strangeness, the road, the light, and for a moment I felt as if I were the last man alive on this world..."	И свет, и дорога словно не те, и у меня на мгновение появилось такое чувство, будто я последний из живущих во вселенной...
"So did I!" said Tomas, and it was like talking to an old and dear friend, confiding, growing warm with the topic.	- И со мной так было! - воскликнул Томас взволнованно; он как будто беседовал с добрым старым другом, доверяя ему что-то сокровенное.
The Martian closed his eyes and opened them again.	Марсианин закрыл глаза и снова открыл их.
"This can only mean one thing.	- Тут может быть только одно объяснение.
It has to do with Time.	Все дело во Времени.
Yes.	Да-да.
You are a figment of the Past!"	Вы - создание Прошлого!
"No, you are from the Past," said the Earth Man, having had time to think of it now.	- Нет, это вы из Прошлого, - сказал землянин, поразмыслив.
"You are so certain.	- Как вы уверены!
How can you prove who is from the Past, who from the Future?	Вы можете доказать, кто из Прошлого, а кто из Будущего?
What year is it?"	Какой сейчас год?
"Two thousand and one!"	- Две тысячи второй!
"What does that mean to me?"	- Что это говорит мне?
Tomas considered and shrugged.	Томас подумал и пожал плечами.
"Nothing."	- Ничего.
"It is as if I told you that it is the year 4462853 S.E.C.	- Все равно, что я бы вам сказал, что сейчас 4 462 853 год по нашему летосчислению.
It is nothing and more than nothing!	Слова - ничто, меньше, чем ничто!
Where is the clock to show us how the stars stand?"	Где часы, по которым мы бы определили положение звезд?
"But the ruins prove it!	- Но развалины - доказательство!
They prove that I am the Future, I am alive, you are dead!"	Они доказывают, что я - Будущее. Я жив, а вы мертвые!
"Everything in me denies this.	- Все мое существо отвергает такую возможность.
My heart beats, my stomach hungers, my mouth thirsts.	Мое сердце бьется, желудок требует пищи, рот жаждет воды.
No, no, not dead, not alive, either of us.	Нет, никто из нас ни жив, ни мертв.
More alive than anything else.	Впрочем, скорее жив, чем мертв.
Caught between is more like it.	А еще вернее, мы как бы посередине.

Two strangers passing in the night, that is it.	Вот: два странника, которые встретились ночью в пути.
Two strangers passing.	Два незнакомца, у каждого своя дорога.
Ruins, you say?"	Вы говорите, развалины?

"Yes.	- Да.
You're afraid?"	Вам страшно?
"Who wants to see the Future, who ever does?	- Кому хочется увидеть Будущее? И кто его когда-либо увидит?
A man can face the Past, but to think - the pillars crumbled, you say?	Человек может лицезреть Прошлое, но чтобы... Вы говорите, колонны рухнули?
And the sea empty, and the canals dry, and the maidens dead, and the flowers withered?"	И море высохло, каналы пусты, девушки умерли, цветы завяли?
The Martian was silent, but then he looked on ahead.	- Марсианин смолк, но затем снова посмотрел на город.
"But there they are.	- Но вон же они!
I see them. Isn't that enough for me?	Я их вижу, и мне этого достаточно.
They wait for me now, no matter what you say."	Они ждут меня, что бы вы ни говорили.
And for Tomas the rockets, far away, waiting for him, and the town and the women from Earth.	Точно так же вдали ждали Томаса ракеты, и поселок, и женщины с Земли.
"We can never agree," he said.	- Мы никогда не согласимся друг с другом, - сказал он.
"Let us agree to disagree," said the Martian.	- Согласимся не соглашаться, - предложил марсианин.
"What does it matter who is Past or Future, if we are both alive, for what follows will follow, tomorrow or in ten thousand years.	- Прошлое, Будущее - не все ли равно, лишь бы мы оба жили, ведь то, что придет вслед за нами, все равно придет - завтра или через десять тысяч лет.
How do you know that those temples are not the temples of your own civilization one hundred centuries from now, tumbled and broken?	Откуда вы знаете, что эти храмы - не обломки вашей цивилизации через сто веков?
You do not know.	Не знаете.
Then don't ask.	Ну так и не спрашивайте.
But the night is very short.	Однако ночь коротка.
There go the festival fires in the sky, and the birds."	Вон рассыпался в небе праздничный фейерверк, взлетели птицы.
Tomas put out his hand.	Томас протянул руку.
The Martian did likewise in imitation.	Марсианин повторил его жест.
Their hands did not touch; they melted through each other.	Их руки не соприкоснулись - они растворились одна в другой.
"Will we meet again?"	- Мы еще встретимся?
"Who knows?	- Кто знает?
Perhaps some other night."	Возможно, когда-нибудь.
"I'd like to go with you to that festival."	- Хотелось бы мне побывать с вами на вашем празднике.

"And I wish I might come to your new town, to see this ship you speak of, to see these men, to hear all that has happened."	- А мне - попасть в ваш новый поселок, увидеть корабль, о котором вы говорили, увидеть людей, услышать обо всем, что случилось.
"Good-by," said Tomas.	- До свидания, - сказал Томас.

"Good night."	- Доброй ночи.
The Martian rode his green metal vehicle quietly away into the hills, The Earth Man turned his truck and drove it silently in the opposite direction.	Марсианин бесшумно укатил в горы на своем зеленом металлическом экипаже, землянин развернул свой грузовик и молча повел его в противоположную сторону.
"Good lord, what a dream that was," sighed Tomas, his hands on the wheel, thinking of the rockets, the women, the raw whisky, the Virginia reels, the party.	- Господи, что за сон, - вздохнул Томас, держа руки на баранке и думая о ракетах, о женщинах, о крепком виски, о вирджинских плясках, о предстоящем веселье.
How strange a vision was that, thought the Martian, rushing on, thinking of the festival, the canals, the boats, the women with golden eyes, and the songs.	"Какое странное видение", - мысленно произнес марсианин, прибавляя скорость и думая о празднике, каналах, лодках, золотоглазых женщинах, песнях...
The night was dark.	Ночь была темна.
The moons had gone down.	Луны зашли.
Starlight twinkled on the empty highway where now there was not a sound, no car, no person, nothing.	Лишь звезды мерцали над пустым шоссе. Ни звука, ни машины, ни единого живого существа, ничего.
And it remained that way all the rest of the cool dark night.	И так было до конца этой прохладной темной ночи.
October 2002: THE SHORE	Октябрь 2002 Берег
Mars was a distant shore, and the men spread upon it in waves.	Марс был словно дальний берег океана, люди волнами растекались по нему.
Each wave different, and each wave stronger.	Каждая волна непохожа на предыдущую, одна мощнее другой.
The first wave carried with it men accustomed to spaces and coldness and being alone, the coyote and cattlemen, with no fat on them, with faces the years had worn the flesh off, with eyes like nailheads, and hands like the material of old gloves, ready to touch anything.	Первая принесла людей, привычных к просторам, холодам, одиночеству, худых, сухощавых старателей и пастухов, лица у них иссушенны годами и непогодами, глаза, как шляпки гвоздей, руки задубевшие, как старые перчатки, готовы взяться за что угодно.
Mars could do nothing to them, for they were bred to plains and prairies as open as the Martian fields.	Марс был им нипочем, они выросли на равнинах и прериях, таких же безбрежных, как марсианские поля.
They came and made things a little less empty, so that others would find courage to follow.	Они обживали голое место, так что другим было уже легче решиться.
They put panes in hollow windows and lights behind the panes.	Остекляли пустые рамы, зажигали в домах огни.
They were the first men.	Они были первыми мужчинами на Марсе.
Everyone knew who the first women would be.	Каковы будут первые женщины - знали все.

The second men should have traveled from other countries with other accents and other ideas.	Со второй волной надо было бы доставить людей иных стран, со своей речью, своими идеями.
But the rockets were American and the men were American and it stayed that way, while Europe and Asia and South America and Australia and the islands watched the Roman candles leave them behind.	Но ракеты были американские, и прилетели на них американцы, а Европа и Азия, Южная Америка, Австралия и Океания только смотрели, как исчезают в выси римские свечи.
The rest of the world was buried in war or the	Мир был поглощен войной или мыслями о

thoughts of war.	войне.
So the second men were Americans also.	Так что вторыми тоже были американцы.
And they came from the cabbage tenements and subways, and they found much rest and vacation in the company of silent men from the tumbleweed states who knew how to use silences so they filled you up with peace after long years crushed in tubes, tins and boxes in New York.	Покинув мир многоярусных клетушек и вагонов подземки, они отдыхали душой и телом в обществе скучных на слова мужчин из степных штатов, знающих цену молчанию, которое помогало обрести душевный покой после долгих лет толкотни в каморках, коробках, туннелях Нью-Йорка.
And among the second men were men who looked, by their eyes, as if they were on their way to God...	И были среди вторых такие, которым, судя по их глазам, чудилось, будто они возносятся к господу богу.
February 2003: INTERIM	Февраль 2003 Интермедиа
They brought in fifteen thousand lumber feet of Oregon pine to build Tenth City, and seventy-nine thousand feet of California redwood and they hammered together a clean, neat little town by the edge of the stone canals.	Они привезли с собой пятнадцать тысяч погонных футов орегонской сосны для строительства Десятого города и семьдесят девять тысяч футов калифорнийской секвойи и отгрохали чистенький, аккуратный городок возле каменных каналов.
On Sunday nights you could see red, blue, and green stained-glass light in the churches and hear the voices singing the numbered hymns.	Воскресными вечерами красно-зелено-голубые матовые стекла церковных окон вспыхивали светом и слышались голоса, поющие нумерованные церковные гимны.
"We will now sing 79.	"А теперь споем 79.
We will now sing 94."	А теперь споем 94".
And in certain houses you heard the hard clatter of a typewriter, the novelist at work; or the scratch of a pen, the poet at work; or no sound at all, the former beachcomber at work.	В некоторых домах усердно стучали пишущие машинки - это работали писатели; или скрипели перья - там творили поэты; или царила тишина - там жили бывшие бродяги.
It was as if, in many ways, a great earthquake had shaken loose the roots and cellars of an Iowa town, and then, in an instant, a whirlwind twister of Oz-like proportions had carried the entire town off to Mars to set it down without a bump.	Все это и многое другое создавало впечатление, будто могучее землетрясение расшатало фундаменты и подвалы провинциального американского городка, а затем смерч сказочной мохи мгновенно перенес весь городок на Марс и осторожно поставил его здесь, даже не тряхнув...
April 2003: THE MUSICIANS	Апрель 2003 Музыканты
The boys would hike far out into the Martian country.	В какие только уголки Марса не забирались мальчишки.

They carried odorous paper bags into which from time to time upon the long walk they would insert their noses to inhale the rich smell of the ham and mayonnaised pickles, and to listen to the liquid gurgle of the orange soda in the warming bottles.	Они прихватывали с собой из дома вкусно пахнущие пакеты и по пути время от времени засовывали в них носы - вдохнуть сытый дух ветчины и пикулей с майонезом, прислушаться к влажному бульканью апельсиновой воды в теплых бутылках.
Swinging their grocery bags full of clean watery green onions and odorous liverwurst and red catsup and white bread, they would dare each other on past the limits set by their stern mothers.	Размахивая сумками с сочным, прозрачно-зеленым луком, пахучей ливерной колбасой, красным кетчупом и белым хлебом, они подбивали друг друга переступить запреты строгих родительниц.

They would run, yelling:	Они бегали взапуски:
"First one there gets to kick!"	- Кто первый добежит, дает остальным щелчка!
They biked in summer, autumn, or winter.	Они ходили в дальние прогулки летом, осенью, зимой.
Autumn was most fun, because then they imagined, like on Earth, they were scuttering through autumn leaves.	Осенью - лучше всего: можно вообразить, будто ты, как на Земле, бегаешь по опавшей листве.
They would come like a scatter of jackstones on the marble flats beside the canals, the candy-cheeked boys with blue-agate eyes, panting onion-tainted commands to each other.	Горстью звучных камешков высыпали мальчишки - кирпичные щеки, голубые бусины глаз - на мраморные набережные каналов и, запыхавшись, подбадривали друг друга возгласами, благоухающими луком.
For now that they had reached the dead, forbidden town it was no longer a matter of	Потому что здесь, у стен запретного мертвого города, никто уже не кричал:
"Last one there's a girl!" or	"Последний будет девчонкой!" или
"First one gets to play Musician!"	"Первый будет Музыкантом!"
Now the dead town's doors lay wide and they thought they could hear the faintest crackle, like autumn leaves, from inside.	Вот он, безжизненный город и все двери открыты... И кажется, будто что-то шуршит в домах, как осенние листья.
They would hush themselves forward, by each other's elbows, carrying sticks, remembering their parents had told them,	Они крадутся дальше, все вместе, плечом к плечу, и в руках стиснуты палки, а в голове -родительский наказ:
"Not there!"	"Только не туда!"
No, to none of the old towns!	В старые города ни в коем случае!
Watch where you hike. You'll get the beating of your life when you come home.	Если посмеешь - отец всыплет так, что век будешь помнить!..
We'll check your shoes!"	Мы по ботинкам узнаем!"
And there they stood in the dead city, a heap of boys, their hiking lunches half devoured, daring each other in shrieky whispers.	И вот они в мертвом городе, мальчишья стая, половина дорожной снеди уже проглочена, и они подзадоривают друг друга свистящим шепотом:
"Here goes nothing!"	- Ну давай!

And suddenly one of them took off, into the nearest stone house, through the door, across the living room, and into the bedroom where, without half looking, he would kick about, thrash his feet, and the black leaves would fly through the air, brittle, thin as tissue cut from midnight sky.	Внезапно один срывается с места, вбегает в ближайший дом, летит через столовую в спальню, и ну скакать без оглядки, приплясывать, и взлетают в воздух черные листья, тонкие, хрупкие, будто плоть полуночного неба.
Behind him would race six others, and the first boy there would be the Musician, playing the white xylophone bones beneath the outer covering of black flakes.	За первым вбегают еще двое, трое, все шестеро, но Музыкантом будет первый, только он будет играть на белом ксилофоне костей, обтянутых черными хлопьями.
A great skull would roll to view, like a snowball; they shouted!	Снежным комом выкатывается огромный череп, мальчишки кричат!
Ribs, like spider legs, plangent as a dull harp, and then the black flakes of mortality blowing all about them in their scuffling dance; the boys pushed and heaved and fell in the leaves, in the	Ребра - паучьи ноги, ребра - гулкие струны арфы, и черной выюгой кружатся смертные хлопья, а мальчишки затянули возню, прыгают, толкают друг друга, падают прямо

death that had turned the dead to flakes and dryness, into a game played by boys whose stomachs gurgled with orange p°p.	на эти листья, на чуму, обратившую мертвых в хлопья и прах, в игрушку для мальчишек, в животах которых булькала апельсиновая вода.
And then out of one house into another, into seventeen houses, mindful that each of the towns in its turn was being burned clean of its horrors by the Firemen, antiseptic warriors with shovels and bins, shoveling away at the ebony tatters and peppermint-stick bones, slowly but assuredly separating the terrible from the normal; so they must play very hard, these boys, the Firemen would soon be here!	Отсюда - в следующий дом и еще в семнадцать домов; надо спешить - ведь из города в город, начисто выжигая все ужасы, идут Пожарники, дезинфекторы с лопатами и корзинами, сгребают, выгребают эбеновые лохмотья и белые палочки-кости, медленно, но верно отделяя страшное от обыденного... Играйте, мальчишки, не мешайте, скоро придут Пожарные!
Then, luminous with sweat, they gnashed at their last sandwiches.	И вот, светясь капельками пота, впиваются зубами в последний бутерброд.
With a final kick, a final marimba concert, a final autumnal lunge through leaf stacks, they went home.	Затем - еще раз наподдать ногой напоследок, еще раз выбить дробь из маримбофона, по-осеннему нырнуть в кучу листьев и - в путь, домой.
Their mothers examined their shoes for black flakelets which, when discovered, resulted in scalding baths and fatherly beatings.	Матери проверяли ботинки, нет ли черных чешуек. Найдут - получай: обжигающую ванну и отеческое внушение ремнем.
By the year's end the Firemen had raked the autumn leaves and white xylophones away, and it was no more fun.	К концу года Пожарники выгребли все осенние листья и белые ксилофоны, потехе пришел конец.
June 2003: WAY IN THE MIDDLE OF THE AIR	Июнь 2003 ...Высоко в небеса
"Did you hear about it?"	- Слыхал?
"About what?"	- Что?
"The niggers, the niggers!"	- Негры-то, черномазые!
"What about 'em?"	- Что такое?
"Them leaving, pulling out, going away; did you hear?"	- Уезжают, сматываются, драпают - неужели не слыхал?
"What you mean, pulling out?"	- То есть, как это сматываются?

How can they do that?"	Да как они могут!
"They can, they will, they are."	- Могут. Уже...
"Just a couple?"	- Какая-нибудь парочка?
"Every single one here in the South!"	- Все до одного! Все негры южных штатов!
"No."	- Не-е...
"Yes!"	- Точно!
"I got to see that.	- Не поверю, пока сам не увижу.
I don't believe it.	И куда же они?
Where they going - Africa?"	В Африку?
A silence.	Пауза.
"Mars."	- На Марс.
"You mean the planet Mars?"	- То есть - на планету Марс?
"That's right."	- Именно.
The men stood up in the hot shade of the hardware porch.	Они стояли под раскаленным навесом на веранде скобяной лавки.
Someone quit lighting a pipe.	Один бросил раскуривать трубку.

Somebody else spat out into the hot dust of noon.	Другой сплюнул в горячую полуденную пыль.
"They can't leave, they can't do that."	- Не могут они уехать, ни в жизнь.
"They're doing it, anyways."	- А вот уже уезжают.
"Where'd you hear this?"	- Да откуда ты взял?
"It's everywhere, on the radio a minute ago, just come through."	- Везде говорят, и по радио только что передавали.
Like a series of dusty statues, the men came to life.	Они зашевелились - казалось, оживают запыленные статуи.
Samuel Teece, the hardware proprietor, laughed uneasily.	Сэмюэль Тис, хозяин скобяной лавки, натянуто рассмеялся.
"I wondered what happened to Silly."	- А я-то не возьму в толк, что стряслось с Силли.
I sent him on my bike an hour ago.	Час назад дал ему свой велосипед и послал к миссис Бордмен.
He ain't come back from Mrs. Bordman's yet.	До сих пор не вернулся.
You think that black fool just pedaled off to Mars?"	Уж не махнул ли прямиком на Марс, дурень черномазый?
The men snorted.	Мужчины фыркнули.
"All I say is, he better bring back my bike."	- А только пусть лучше вернет велосипед, вот что.
I don't take stealing from no one, by God."	Клянусь, воровства я не потерплю ни от кого.
"Listen!"	- Слушайте!
The men collided irritably with each other, turning.	Они повернулись, раздраженно толкая друг друга.

Far up the street the levee seemed to have broken.	В дальнем конце улицы словно прорвалась плотина.
The black warm waters descended and engulfed the town.	Жаркие черные струи хлынули, затопляя город.
Between the blazing white banks of the town stores, among the tree silences, a black tide flowed.	Между ослепительно белыми берегами городских лавок, среди безмолвных деревьев, нарастал черный прилив.
Like a kind of summer molasses, it poured turgidly forth upon the cinnamon-dusty road.	Будто черная патока ползла, набухая, по светло-коричневой пыли дороги.
It surged slow, slow, and it was men and women and horses and barking dogs, and it was little boys and girls.	Медленно, медленно нарастала лавина - мужчины и женщины, лошади и лающие псы, и дети, мальчики и девочки.
And from the mouths of the people partaking of this tide came the sound of a river. A summer-day river going somewhere, murmuring and irrevocable.	А речь людей - частиц могучего потока - звучала, как шум реки, которая летним днем куда-то несет свои воды, рокочущая, неотвратимая.
And in that slow, steady channel of darkness that cut across the white glare of day were touches of alert white, the eyes, the ivory eyes staring ahead, glancing aside, as the river, the long and endless river, took itself from old channels into a new one.	В этом медленном темном потоке, рассекшем ослепительное сияние дня, блестками живой белизны сверкали глаза. Они смотрели вперед, влево, вправо, а река, длинная, нескончаемая река, уже прокладывала себе новое русло.
From various and uncountable tributaries, in creeks and brooks of color and motion, the parts of this river had joined, become one mother	Бесчисленные притоки, речушки, ручейки, слились в единый материнский поток, объединили свое движение, свои краски и

current, and flowed on.	устремились дальше.
And brimming the swell were things carried by the river: grandfather clocks chiming, kitchen clocks ticking, caged hens screaming, babies wailing; and swimming among the thickened eddies were mules and cats, and sudden excursions of burst mattress springs floating by, insane hair stuffing sticking out, and boxes and crates and pictures of dark grandfathers in oak frames - the river flowing it on while the men sat like nervous hounds on the hardware porch, too late to mend the levee, their hands empty.	Окаймляя вздувшуюся стремнину, плыли голосистые дедовские будильники, гулко тикающие стенные часы, кудахчущие куры в клетках, плачущие малютки; беспорядочное течение увлекало за собой мулов, кошек, тут и там всплывали вдруг матрасные пружины, растрепанная волосяная набивка, коробки, корзинки, портреты темнокожих предков в дубовых рамках. Река катилась и катилась, а люди на террасе скобяной лавки сидели подобно ощетинившимся псам и не знали, что предпринять: чинить плотину было поздно.
Samuel Teece wouldn't believe it.	Сэмюэль Тис все еще не мог поверить.
"Why, hell, where'd they get the transportation?	- Да кто им даст транспорт, черт возьми?
How they goin' to get to Mars?"	Как они думают попасть на Марс?
"Rockets," said Grandpa Quartermain.	- Ракеты, - сказал дед Квортэрмэн.
"All the damn-fool things.	- У этих болванов и остолопов?
Where'd they get rockets?"	Откуда они их взяли, ракеты-то?
"Saved their money and built them."	- Скопили денег и построили.
"I never heard about it."	- Первый раз слышу.

"Seems these niggers kept it secret, worked on the rockets all themselves, don't know where - in Africa, maybe."	- Видно, черномазые держали все в секрете. Построили ракеты сами, а где - не знаю. Может, в Африке.
"Could they do that?" demanded Samuel Teece, pacing about the porch.	- Как же так? - не унимался Сэмюэль Тис, мечась по веранде.
"Ain't there a law?"	- А законы на что?
"It ain't as if they're declarin' war," said Grandpa quietly.	- Они как будто войны никому не объявляли, -мирно ответил дед.
"Where do they get off, God damn it, workin' in secret, plottin'?" shouted Teece.	- Откуда же они полетят, черт бы их побрал со всеми их секретами и заговорами? - крикнул Тис.
"Schedule is for all this town's niggers to gather out by Loon Lake.	- По расписанию все негры этого города собираются возле Лун-Лейк.
Rockets be there at one o'clock, pick 'em up, take 'em to Mars."	В час туда прилетят ракеты и заберут их на Марс.
"Telephone the governor, call out the militia," cried Teece.	- Надо звонить губернатору, вызвать полицию! -бесновался Тис.
"They should've given notice!"	- Они обязаны были предупредить заранее!
"Here comes your woman, Teece."	- Твоя благоверная идет, Тис.
The men turned again.	Мужчины повернулись.
As they watched, down the hot road in the windless light first one white woman and then another arrived, all of them with stunned faces, all of them rustling like ancient papers.	По раскаленной улице в слепящем безветрии шли белые женщины. Одна, вторая, еще и еще, и у всех ошеломленные лица, и все порывисто шуршат юбками.
Some of them were crying, some were stern. All came to find their husbands.	Одни плакали, другие хмурились Они шли за своими мужьями.
They pushed through barroom swing doors, vanishing.	Они исчезали за вращающимися дверьми баров.

They entered cool, quiet groceries.	Они входили в тихие бакалейные лавки.
They went in at drug shops and garages.	Заходили в аптеки и гаражи.
And one of them, Mrs. Clara Teece, came to stand in the dust by the hardware porch, blinking up at her stiff and angry husband as the black river flowed full behind her.	Одна из них, миссис Клара Тис, остановилась в пыли возле скобяной лавки, щурясь на своего разгневанного, надутого супруга, а за ее спиной набухал черный поток.
"It's Lucinda, Pa; you got to come home!"	- Отец, пошли домой, я никак не могу уломать Люсинду!
"I'm not comin' home for no damn darkie!"	- Чтобы я шел домой из-за какой-то черномазой дряни?!
"She's leaving.	- Она уходит.
What'll I do without her?"	Что я буду делать без нее?
"Fetch for yourself, maybe.	- Попробуй сама управляться.
I won't get down on my knees to stop her."	Я на коленях перед ней ползать не буду.

"But she's like a family member," Mrs. Teece moaned.	- Но она все равно что член семьи, - причитала миссис Тис.
"Don't shout!"	- Не вопи!
I won't have you blubberin' in public this way about no goddamn - "	Не хватало еще, чтобы ты у всех на глазах хныкала из-за всякой...
His wife's small sob stopped him.	Всхлипывания жены остановили его.
She dabbed at her eyes.	Она утирала глаза.
"I kept telling her,	- Я ей говорю:
"Lucinda," I said, "you stay on and I raise your pay, and you get two nights off a week, if you want," but she just looked set!	"Люсинда, останься, - говорю, - я прибавлю тебе жалованье, будешь свободна два вечера в неделю, если хочешь", - а она словно каменная.
I never seen her so set, and I said,	Никогда ее такой не видела.
"Don't you love me, Lucinda?" and she said yes, but she had to go because that's the way it was, is all.	"Неужто ты меня не любишь, - говорю, - Люсинда?" "Люблю, - говорит, - и все равно должна уйти, так уж получилось".
She cleaned the house and dusted it and put luncheon on the table and then she went to the parlor door and -and stood there with two bundles, one by each foot, and shook my hand and said,	Убрала всюду, навела порядок, поставила на стол завтрак и... и пошла. Дошла до дверей, а там уже два узла приготовлены. Стала, у каждой ноги по узлу, пожала мне руку и говорит:
"Good-by, Mrs. Teece."	"Прощайте, миссис Тис".
And she went out the door.	И ушла.
And there was her luncheon on the table, and all of us too upset to even eat it.	Завтрак на столе, а нам кусок в горло не лезет.
It's still there now, I know; last time I looked it was getting cold."	И сейчас там стоит, наверно, совсем остыл, как я уходила...
Teece almost struck her.	Тис едва не ударил ее.
"God damn it, Mrs. Teece, you get the hell home.	- К черту, слышишь, марш домой!
Standin' there makin' a sight of yourself!"	Нашла место представление устраивать!
"But, Pa..."	- Но, отец...
He strode away into the hot dimness of the store.	Сэмюэль исчез в душной тьме лавки.
He came back out a few seconds later with a silver pistol in his hand.	Несколько секунд спустя он появился снова, с серебряным пистолетом в руке.
His wife was gone.	Его жены уже не было.

The river flowed black between the buildings, with a rustle and a creak and a constant whispering shuffle.	Черная река текла между строениями, скрипя, шурша и шаркая.
It was a very quiet thing, with a great certainty to it; no laughter, no wildness, just a steady, decided, and ceaseless flow.	Поток был спокойный, полный великой решимости; ни смеха, ни бесчинств, только ровное, целеустремленное, нескончаемое течение.
Teece sat on the edge of his hardwood chair.	Тис сидел на самом краешке своего тяжелого дубового кресла.
"If one of 'em so much as laughs, by Christ, I'll kill 'em."	- Клянусь богом, если кто-нибудь из них хотя бы улыбнется, я его прикончу.

The men waited.	Мужчины ждали.
The river passed quietly in the dreamful noon.	Река мирно катила мимо сквозь дремотный полдень.
"Looks like you goin' to have to hoe your own turnips, Sam," Grandpa chuckled.	- Что, Сэм, - усмехнулся дед Квортэрмэйн, -видать, придется тебе самому черную работу делать.
"I'm not bad at shootin' white folks neither."	- Я и по белому не промахнусь.
Teece didn't look at Grandpa.	- Тис не глядел на деда.
Grandpa turned his head away and shut up his mouth.	Дед отвернулся и замолчал.
"Hold on there!"	- Эй, ты, постой-ка!
Samuel Teece leaped off the porch. He reached up and seized the reins of a horse ridden by a tall Negro man.	- Сэмюэль Тис спрыгнул с веранды, протиснулся и схватил под уздцы лошадь, на которой сидел высокий негр.
"You, Belter, come down off there!"	- Все, Белтер, слезай, приехали!
"Yes, sir."	- Да, сэр.
Belter slid down.	- Белтер соскользнул на землю.
Teece looked him over.	Тис смерил его взглядом.
"Now, just what you think you're doin'?"	- Ну, как же это называется?
"Well, Mr. Teece..."	- Понимаете, мистер Тис...
"I reckon you think you're goin', just like that song -what's the words?"	- В путь собрался, да? Как в той песне... сейчас вспомню...
"Way up in the middle of the air"; ain't that it?"	"Высоко в небеса" - так, что ли?
"Yes, sir."	- Да, сэр.
The Negro waited.	Негр ждал, что последует дальше.
"You recollect you owe me fifty dollars, Belter?"	- А ты не забыл, Белтер, что должен мне пятьдесят долларов?
"Yes, sir."	- Нет, сэр.
"You tryin' to sneak out?"	- И задумал с ними улизнуть?
By God, I'll horsewhip you!"	А хлыста отведать не хочешь?
"All the excitement, and it slipped my mind, sir."	- Сэр, тут такой переполох, я совсем запамятаю.
"It slipped his mind." Teece gave a vicious wink at his men on the hardware porch.	- Он запамятаю... - Тис злобно подмигнул своим зрителям на веранде.
"God damn, mister, you know what you're goin' to do?"	- Черт возьми, мистер, ты знаешь, что ты будешь делать?
"No, sir."	- Нет, сэр.
"You're stayin' here to work out that fifty bucks, or my name ain't Samuel W.	- Ты останешься здесь и отработаешь мне эти пятьдесят зелененьких, не будь я Сэмюэль В.

Teece."	Тис.
He turned again to smile confidently at the men in the shade.	Он повернулся и торжествующе улыбнулся мужчинам под навесом.
Belter looked at the river going along the street, that dark river flowing and flowing between the shops, the dark river on wheels and horses and in dusty shoes, the dark river from which he had been snatched on his journey.	Белтер смотрел на поток, до краев заполняющий улицу, на черный поток, неудержимо струящийся между лавками, черный поток на колесах, верхом, в пыльных башмаках, черный поток, из которого его так внезапно вырвали.
He began to shiver.	Он задрожал.
"Let me go, Mr. Teece.	- Отпустите меня, мистер Тис.
I'll send your money from up there, I promise!"	Я пришлю оттуда ваши деньги, честное слово!
"Listen, Belter."	- Послушай-ка, Белтер.
Teece grasped the man's suspenders like two harp strings, playing them now and again, contemptuously, snorting at the sky, pointing one bony finger straight at God.	- Тис ухватил негра за подтяжки, потягивая то одну, то другую, словно струны арфы, посмотрел на небо и, пренебрежительно фыркнув, прицелился костищным пальцем в самого господа бога.
"Belter, you know anything about what's up there?"	- А ты знаешь, Белтер, что тебя там ждет?
"What they tells me."	- Знаю то, что мне рассказывали.
"What they tells him!"	- Ему рассказывали!
Christ!	Иисусе Христе!
Hear that?	Нет, вы слышали?
What they tells him!"	Ему рассказывали!
He swung the man's weight by his suspenders, idly, ever so casual, flicking a finger in the black face.	- Он небрежно так, словно играя, мотал Белтера за подтяжки и тыкал пальцем ему в лицо.
"Belter, you fly up and up like a July Fourth rocket, and bang!"	- Помяни мое слово, Белтер, вы взлетите вверх, как штуиха в день четвертого июля, и - бам!
There you are, cinders, spread all over space.	Готово, один пепел от вас, да и тот разнесет по всему космосу.
Them crackpot scientists, they don't know nothin', they kill you all off!"	Эти болваны учёные не смыслят ни черта, они вас всех укошат!
"I don't care."	- Мне все равно.
"Glad to hear that."	- И очень хорошо!
Because you know what's up on that planet Mars?	Потому что там, на этом вашем Марсе, знаешь, что вас поджидает?
There's monsters with big raw eyes like mushrooms!	Чудовища кровожадные, глазища - во! Как мухоморы!
You seen them pictures on those future magazines you buy at the drugstore for a dime, ain't you?	Небось, видал картинки в журналах про будущее, в закусочной у нас продают по десяти центов штука?
Well! Them monsters jump up and suck marrow from your bones!"	Ну так вот, как налетят они на вас - весь мозг из костей высосут!
"I don't care, don't care at all, don't care."	- Мне все равно, все равно, все равно.

Belter watched the parade slide by, leaving - Белтер, не отрываясь, смотрел на

him.	скользящий мимо поток.
Sweat lay on his dark brow.	На темном лбу выступил пот.
He seemed about to collapse.	Казалось, он вот-вот потеряет сознание.
"And it's cold up there; no air, you fall down, jerk like a fish, gaspin', dyin', stranglin', stranglin' and dyin'.	- А холода там! И воздуха нет, упадешь там и задрыгаешься, как рыба. Разинешь пасть и помрешь. Покорчишься, задохнешься и помрешь!
You like that?"	Как это - по душе тебе?
"Lots of things I don't like, sir. Please, sir, let me go.	- Мало ли что мне не по душе, сэр... Пожалуйста, сэр, отпустите меня.
I'm late."	Я опоздаю.
"I'll let you go when I'm ready to let you go.	- Отпущу, когда захочу.
We'll just talk here polite until I say you can leave, and you know it damn well.	Мы будем мило толковать с тобой здесь, пока я не позволю тебе уйти, и ты это отлично знаешь.
You want to travel, do you?	Значит, путешествовать собрался?
Well, Mister Way up in the Middle of the Air, you get the hell home and work out that fifty bucks you owe me!	Ну, так вот что, мистер "Высоко в небеса", возвращайся домой, черт дери, и отрабатывай пятьдесят зелененьких!
Take you two months to do that!"	Срок тебе - два месяца.
"But if I work it out, I'll miss the rocket, sir!"	- Но, сэр, если я останусь отрабатывать, я опоздаю на ракету!
"Ain't that a shame now?"	- Ах, горе-то какое!
Teece tried to look sad.	- Тис попытался изобразить печаль.
"I give you my horse, sir."	- Возьмите мою лошадь, сэр.
"Horse ain't legal tender.	- Лошадь не может быть признана законным платежным средством.
You don't move until I get my money."	Ты не двинешься с места, пока я не получу своих денег.
Teece laughed inside.	Тис ликовал.
He felt very warm and good.	Настроение у него было чудесное.
A small crowd of dark people had gathered to hear all this.	У лавки собралась небольшая толпа темнокожих людей. Они стояли и слушали.
Now as Belter stood, head down, trembling, an old man stepped forward.	Белтер дрожал всем телом, понурив голову. Вдруг от толпы отделился старик.
"Mister?"	- Мистер?
Teece flashed him a quick look.	Тис глянул на него.
"Well?"	- Ну?
"How much this man owe you, mister?"	- Сколько должен вам этот человек, мистер?
"None of your damn business!"	- Не твое собачье дело!
The old man looked at Belter.	Старик повернулся к Белтеру.

"How much, son?"	- Сколько, сынок?
"Fifty dollars."	- Пятьдесят долларов.
The old man put out his black hands at the people around him,	Старик протянул черные руки к окружавшим его людям.
"There's twenty-five of you.	- Нас двадцать пять.
Each give two dollars; quick now, this no time for argument."	Каждый дает по два доллара, и быстрее, сейчас не время спорить.
"Here, now!" cried Teece, stiffening up, tall, tall.	- Это еще что такое? - крикнул Тис, величественно выпрямляясь во весь рост.

The money appeared.	Появились деньги.
The old man fingered it into his hat and gave the hat to Belter.	Старик собрал их в шляпу и подал ее Белтеру.
"Son," he said, "you ain't missin' no rocket."	- Сынок, - сказал он, - ты не опоздаешь на ракету.
Belter smiled into the hat.	Белтер взглянул в шляпу и улыбнулся.
"No, sir, I guess I ain't!"	- Не опаздаю, сэр, теперь не опаздаю!
Teece shouted:	Тис заорал:
"You give that money back to them!"	- Сейчас же верни им деньги!
Belter bowed respectfully, handing the money over, and when Teece would not touch it he set it down in the dust at Teece's feet.	Белтер почтительно поклонился и протянул ему долг, но Тис не взял денег; тогда негр положил их на пыльную землю у его ног.
"There's your money, sir," he said.	- Вот ваши деньги, сэр, - сказал он.
"Thank you kindly."	- Большое спасибо.
Smiling, he gained the saddle of his horse and whipped his horse along, thanking the old man, who rode with him now until they were out of sight and hearing.	Улыбаясь, Белтер вскочил в седло и хлестнул лошадь.
"Son of a bitch," whispered Teece, staring blind at the sun.	Он благодарили старика: они ехали рядом и вместе скрылись из виду.
"Son of a bitch."	- Сукин сын! - шептал Тис, глядя на солнце невидящими глазами. - Сукин сын...
"Pick up the money, Samuel," said someone from the porch.	- Подними деньги, Сэмюэль, - сказал кто-то с террасы.
It was happening all along the way.	То же самое происходило вдоль всего пути.
Little white boys, barefoot, dashed up with the news.	Примчались босоногие белые мальчишки и затараторили:
"Them that has helps them that hasn't!"	- У кого есть, помогают тем, у кого нет!
And that way they all get free!	И все получают свободу!
Seen a rich man give a poor man two hundred bucks to pay off some'un!	Один богач дал бедняку двести зелененьких, чтобы тот рассчитался!
Seen some'un else give some'un else ten bucks, five bucks, sixteen, lots of that, all over, everybody!"	Еще один дал другому десять зелененьких, пять, шестнадцать - и так повсюду, все так делают!

The white men sat with sour water in their mouths.	Белые сидели с кислыми минами.
Their eyes were almost puffed shut, as if they had been struck in their faces by wind and sand and heat.	Они щурились и жмурились, словно в лицо им хлестали обжигающий ветер и пыль.
The rage was in Samuel Teece.	Ярость душила Сэмюэля Тиса.
He climbed up on the porch and glared at the passing swarms.	Взбежав на террасу, он сверлил глазами катившие мимо толпы.
He waved his gun.	Он размахивал своим пистолетом.
And after a while when he had to do something, he began to shout at anyone, any Negro who looked up at him.	Его распирало, злоба искала выхода, и он стал орать, обращаясь ко всем, к любому негру, который оглядался на него.
"Bang!"	- Бам!
There's another rocket out in space!" he shouted so all could hear.	Еще ракета взлетела! - вопил он во всю глотку.
"Bang!"	- Бам!

By God!"	Боже мой!
The dark heads didn't flicker or pretend to hear, but their white eyes slid swiftly over and back.	Черные головы смотрели вперед, никто не показывал вида, что слушает, только белки скользнут по нему и снова спрячутся.
"Crash!	- Тр-р-рах!
All them rockets fallin'!	Все ракеты вдребезги!
Screamin', dyin'!	Крики, ужас, смерть!
Bang!	Бам!
God Almighty, I'm glad I'm right here on old terra firma.	Боже милосердный! Мне-то что, я остаюсь здесь, на матушке-земле.
As they says in that old joke, the more firma, the less terra!	Старушка не подведет!
Ha, ha!"	Ха-ха!
Horses clopped along, shuffling up dust.	Постукивали копыта, взбивая пыль.
Wagons bumbled on ruined springs.	Дребежали фургоны на разбитых рессорах.
"Bang!"	- Бам!
His voice was lonely in the heat, trying to terrify the dust and the blazing sun sky.	- Голос Тиса одиноко звучал в жарком воздухе, силясь нагнать страх на пыль и ослепительное небо.
"Wham!"	- Бах!
Niggers all over space!	Черномазых раскидало по всему космосу!
Jerked outa rockets like so many minnows hit by a meteor, by God!	Как даст метеором по ракете и разметало вас, точно малявок!
Space fulla meteors.	В космосе полно метеоров!
You know that?	А вы не знали?
Sure!	Точно!

Thick as buckshot; powie!	Как картечь, даже гуще!
Shoot down them tin-can rockets like so many ducks, so many clay pipes!	И посыпятся ваши жестяные ракеты, как рыбчики, как глиняные трубки!
Ole sardine cans full of black cod!	Ржавые банки, набитые черной треской!
Bangin' like a stringa ladyfingers, bang, bang, bang!	Пошли хлопать, как хлопушки: бам! бам! бам!
Ten thousand dead here, ten thousand there.	Десять тысяч убитых, еще десять тысяч.
FLOATIN' IN SPACE, AROUND AND AROUND EARTH, EVER AND EVER, COLD AND WAY OUT, LORD!	Летают вокруг земли в космосе, вечно летают, холодненькие, окоченевшие, высоко-высоко, владыка небесный!
You hear that, you there!"	Слышиште, эй, вы там! Слышиште?!
Silence.	Молчание.
The river was broad and continuous.	Широко, нескончаемо течет река.
Having entered all cotton shacks during the hour, having flooded all the valuables out, it was now carrying the clocks and the washboards, the silk bolts and curtain rods on down to some distant black sea. High tide passed.	Начисто вылизав все лачуги, смыв их содержимое, она несет часы и стиральные доски, шелковые отрезы и гардинные карнизы, несет куда-то в далекое черное море.
It was two o'clock.	Два часа дня.
Low tide came.	Прилив схлынул, поток мелеет.
Soon the river was dried up, the town silent, the dust settling in a film on the stores, the seated men, the tall hot trees.	А затем река и вовсе высохла, в городе воцарилась тишина, пыль мягким ковром легла на строения, на сидящих мужчин, на высокие, изнывающие от духоты деревья.

Silence.	Тишина.
The men on the porch listened.	Мужчины на веранде прислушались.
Hearing nothing, they extended their thoughts and their imaginations out and into the surrounding meadows.	Ничего. Тогда их воображение, их мысли полетели дальше, в окрестные луга.
In the early morning the land had been filled with its usual concoctions of sound.	Спозаранку весь край оглашало привычное сочетание звуков.
Here and there, with stubborn persistence to custom, there had been voices singing, the honey laughter under the mimosa branches, the pickaninnies rushing in clear water laughter at the creek, movements and bendings in the fields, jokes and shouts of amusement from the shingle shacks covered with fresh green vine.	Верные заведенному порядку, тут и там пели голоса; под мимозами смеялись влюбленные; где-то журчал смех негритят, плескавшихся в ручье; на полях мелькали спины и руки: из лачуг оплетенных зеленью плюща, доносились шутки и радостные возгласы.
Now it was as if a great wind had washed the land clean of sounds.	Сейчас над краем будто пронесся ураган и смел все звуки.
There was nothing.	Ничего. Гробовая тишина.
Skeleton doors hung open on leather hinges.	На кожаных петлях повисли грубо сколоченные двери.

Rubber-tire swings hung in the silent air, uninhibited.	В безмолвном воздухе застыли брошенные качели из старых покрышек.
The washing rocks at the river were empty, and the watermelon patches, if any, were left alone to heat their hidden liquors in the sun.	Опустели плоские камни на берегу - излюбленное место прачек. На заброшенных баухах одиноко дозревают арбузы, тая под толстой коркой освежающий сок.
Spiders started building new webs in abandoned huts; dust started to sift in from unpatched roofs in golden spicules.	Пауки плетут новую паутину в покинутых хижинах; сквозь дырявые крыши вместе с золотистыми лучами солнца проникает пыль.
Here and there a fire, forgotten in the last rush, lingered and in a sudden access of strength fed upon the dry bones of some littered shack.	Кое-где теплится забытый в спешке костер, и пламя, внезапно набравшись сил, принимается пожирать сухой остов соломенной лачуги.
The sound of a gentle feeding burn went up through the silenced air.	И тогда тишину нарушает довольноное урчание изголодавшегося огня.
The men sat on the hardware porch, not blinking or swallowing.	Мужчины, словно окаменев, сидели на веранде скобяной лавки.
"I can't figure why they left now.	- Не возьму в толк, с чего это им вдруг загорелось уезжать именно сейчас.
With things lookin' up.	Вроде, все шло на лад.
I mean, every day they got more rights.	Что ни день, новые права получали.
What they want, anyway?	Чего им еще надо?
Here's the poll tax gone, and more and more states passin' anti-lynchin' bills, and all kinds of equal rights.	Избирательный налог отменили, один штат за другим принимает законы, чтобы не линчевать, кругом равноправие!
What more they want?	Мало им этого?
They make almost as good money as a white man, but there they go."	Зарабатывают почти что не хуже любого белого - и вот тебе на, сорвались с места.
Far down the empty street a bicycle came.	В дальнем конце опустевшей улицы показался велосипедист.
"I'll be goddamned. Teece, here comes your	- Разрази меня гром, Тис, это твой Силли

Silly now."	едет.
The bicycle pulled up before the porch, a seventeen-year-old colored boy on it, all arms and feet and long legs and round watermelon head.	Велосипед остановился возле крыльца, на нем сидел цветной, парнишка лет семнадцати, угловатый, нескладный - длинные руки и ноги, круглая, как арбуз, голова.
He looked up at Samuel Teece and smiled.	Он взглянул на Сэмюэля Тиса и улыбнулся.
"So you got a guilty conscience and came back," said Teece.	- Что, совесть заговорила, вернулся, - сказал Тис.
"No, sir, I just brought the bicycle."	- Нет, хозяин, я просто привез велосипед.
"What's wrong, couldn't get it on the rocket?"	- Это почему же - в ракету не влезит?
"That wasn't it, sir."	- Да нет, хозяин, не в том дело...
"Don't tell me what it was!"	- Можешь не объяснять в чем дело!
Get off, you're not goin' to steal my property!"	Слазь, я не позволю тебе красть мое имущество!

He gave the boy a push.	- Он толкнул парня.
The bicycle fell.	Велосипед упал.
"Get inside and start cleaning the brass."	- Пошел в лавку, медяшки чистить.
"Beg pardon?"	- Что вы сказали, хозяин?
The boy's eyes widened.	- Глаза парня расширились.
"You heard what I said."	- То, что слышал!
There's guns need unpacking there, and a crate of nails just come from Natchez - "	Надо ружья распаковать и ящик вскрыть - гвозди пришли из Натчеза...
"Mr. Teece."	- Мистер Тис...
"And a box of hammers need fixin' - "	- Наладить ларь для молотков...
"Mr. Teece, sir?"	- Мистер Тис, хозяин!
"You still standin' there!"	- Ты еще стоишь здесь?!
Teece glared.	- Тис свирепо сверкнул глазами.
"Mr. Teece, you don't mind I take the day off," he said apologetically.	- Мистер Тис, можно я сегодня возьму выходной? - спросил парень извиняющимся голосом.
"And tomorrow and day after tomorrow and the day after the day after that," said Teece.	- И завтра тоже, и послезавтра, и после-послезавтра? - сказал Тис.
"I'm afraid so, sir."	- Боюсь, что так, хозяин.
"You should be afraid, boy."	- Бояться тебе надо, это верно.
Come here."	Пойди-ка сюда.
He marched the boy across the porch and drew a paper out of a desk.	- Он потащил парня в лавку и достал из конторки бумагу.
"Remember this?"	- Помнишь эту штуку?
"Sir?"	- Что это, хозяин?
"It's your workin' paper.	- Твой трудовой контракт.
You signed it, there's your X right there, ain't it?	Ты подписал его, вот твой крестик, видишь?
Answer me."	Отвечай.
"I didn't sign that, Mr. Teece."	- Я не подписывал, мистер Тис.
The boy trembled.	- Парень весь трясся.
"Anyone can make an X."	- Кто угодно может поставить крестик.
"Listen to this, Silly."	- Слушай, Силли.
Contract:	Контракт:
"I will work for Mr. Samuel Teece two years, starting July 15, 2001, and if intending to leave	"Я обязуюсь работать на мистера Сэмюэля Тиса два года, начиная с 15 июля 2001 года, а

will give four weeks' notice and continue working until my position is filled."	если захочу уволиться, то заявлю об этом за четыре недели и буду продолжать работать, пока не будет подыскана замена".
---	--

There." Teece slapped the paper, his eyes glittering.	Вот, - Тис стукнул ладонью по бумаге, его глаза блестели.
"You cause trouble, we'll take it to court."	- А будешь артачиться, пойдем в суд.
"I can't do that," wailed the boy, tears starting to roll down his face,	- Я не могу! - вскричал парень; по его щекам покатились слезы.
"If I don't go today, I don't go."	- Если я не уеду сегодня, я не уеду никогда.
"I know just how you feel, Silly; yes, sir, I sympathize with you, boy."	- Я отлично тебя понимаю, Силли, да-да, и сочувствую тебе.
But we'll treat you good and give you good food, boy.	Но ничего, мы будем хорошо обращаться с тобой, парень, хорошо кормить.
Now you just get inside and start working and forget all about that nonsense, eh, Silly?	А теперь ступай и берись за работу, и выкинь из головы всю эту блажь, понял?
Sure."	Вот так, Силли.
Teece grinned and patted the boy's shoulder.	- Тис мрачно ухмыльнулся и потрепал его по плечу.
The boy turned and looked at the old men sitting on the porch.	Парень повернулся к старикам, сидящим на веранде.
He could hardly see now for his tears.	Слезы застилали ему глаза.
"Maybe - maybe one of these gentlemen here..." The men looked up in the hot, uneasy shadows, looking first at the boy and then at Teece.	- Может... может, кто из этих джентльменов... Мужчины под навесом, истомленные зноем, подняли головы, посмотрели на Силли, потом на Тиса.
"You meanin' to say you think a white man should take your place, boy?" asked Teece coldly.	- Это как же понимать: ты хочешь, чтобы твое место занял белый? - холодно спросил Тис.
Grandpa Quartermain took his red hands off his knees.	Дед Квортэрмэйн поднял с колен красные руки.
He looked out at the horizon thoughtfully and said,	Он задумчиво поглядел в даль и сказал:
"Teece, what about me?"	- Слыши, Тис, а как насчет меня?
"What?"	- Что?
"I'll take Silly's job."	- Я берусь работать вместо Силли.
The porch was silent.	Остальные притихли.
Teece balanced himself in the air.	Тис покачивался на носках.
"Grandpa," he said warily.	- Дед... - произнес он предостерегающе.
"Let the boy go. I'll clean the brass."	- Отпусти парня, я почищу, что надо.
"Would you, would you, really?"	- Вы... в самом деле, взаправду?
Silly ran over to Grandpa, laughing, tears on his cheeks, unbelieving.	- Силли подбежал к деду. Он смеялся и плакал одновременно, не веря своим ушам.
"Sure."	- Конечно.
"Grandpa," said Teece, "keep your damn trap outa this."	- Дед, - сказал Тис, - не суй свой паршивый нос в это дело.

"Give the kid a break, Teece."	- Не держи мальца, Тис.
Teece walked over and seized the boy's arm.	Тис подошел к Силли и схватил его за руку.
"He's mine."	- Он мой.
I'm lockin' him in the back room until tonight."	Я запру его в задней комнате до ночи.

"Don't, Mr. Teece!"	- Не надо, мистер Тис!
The boy began to sob now.	Парень зарыдал.
His crying filled the air of the porch.	Горький плач громко отдавался под навесом.
His eyes were tight.	Темные веки Силли набухли.
Far down the street an old tin Ford was choking along, approaching, a last load of colored people in it.	На дороге вдали появился старенький, дребезжащий "форд", увозивший последних цветных.
"Here comes my family, Mr. Teece, oh please, please, oh God, please!"	- Это мой, мистер Тис. О, пожалуйста, прошу вас, ради бога!
"Teece," said one of the other men on the porch, getting up, "let him go."	- Тис, - сказал один из мужчин, вставая, - пусть уходит.
Another man rose also.	Второй поднялся.
"That goes for me too."	- Я тоже за это.
"And me," said another.	- И я, - вступил третий.
"What's the use?"	- К чему это?
The men all talked now.	- Теперь заговорили все.
"Cut it out, Teece."	- Кончай, Тис.
"Let him go."	- Отпусти его.
Teece felt for his gun in his pocket.	Тис нашупал в кармане пистолет.
He saw the men's faces.	Он увидел лица мужчин.
He took his hand away and left the gun in his pocket and said,	Он вынул руку из кармана и сказал:
"So that's how it is?"	- Вот, значит, как?
"That's how it is," someone said.	- Да, вот так, - отзвался кто-то.
Teece let the boy go.	Тис отпустил парня.
"All right."	- Ладно.
Get out."	Катись.
He jerked his hand back in the store.	- Он ткнул рукой в сторону лавки.
"But I hope you don't think you're gonna leave any trash behind to clutter my store."	- Надеюсь, ты не собираешься оставлять свое грязное барахло?
"No, sir!"	- Нет хозяин!
"You clean everything outa your shed in back; burn it."	- Убери все до последней тряпки из своего закутка и сожги!
Silly shook his head.	Силли покачал головой.

"I'll take it with."	- Я возьму с собой.
"They won't let you put it on that damn rocket."	- Так они и позволяют тебе тащить в ракету всяющую дрянь!
"I'll take it with," insisted the boy softly.	- Я возьму с собой, - мягко настаивал парнишка.
He rushed back through the hardware store.	Он побежал через лавку в пристройку.
There were sounds of sweeping and cleaning out, and a moment later he appeared, his hands full of tops and marbles and old dusty kites and junk collected through the years.	Слышно было, как он подметает и наводит чистоту. Миг, и Силли появился снова, неся волчки, шарики, старых воздушных змеев и другое барахло, скопленное за несколько лет.
Just then the old tin Ford drove up and Silly climbed in and the door slammed.	Как раз в этот миг подъехал "форд"; Силли сел в машину, хлопнула дверца.
Teece stood on the porch with a bitter smile.	Тис стоял на веранде, горько улыбаясь.
"What you goin' to do up there?"	- И что же ты собираешься делать там?
"Startin' new," said Silly.	- Открою свое дело, - ответил Силли.
"Gonna have my own hardware."	- Хочу завести скобянную лавку.

"God damn it, you been learnin' my trade so you could run off and use it!"	- Ах ты дрянь, так вот ты зачем ко мне нанимался, задумал набить руку, а потом улизнуть и использовать науку!
"No, sir, I never thought one day this'd happen, sir, but it did."	- Нет, хозяин, я никогда не думал, что так получится. А оно получилось.
I can't help it if I learned, Mr. Teece."	Разве я виноват, что научился, мистер Тис?
"I suppose you got names for your rockets?"	- Вы небось придумали имена вашим ракетам?
They looked at their one clock on the dashboard of the car.	Цветные смотрели на свои единственныe часы -на приборной доске "форда".
"Yes, sir."	- Да, хозяин.
"Like Elijah and the Chariot, The Big Wheel and The Little Wheel, Faith, Hope, and Charity, eh?"	- Небось "Илия" и "Колесница", "Большое колесо" и "Малое колесо", "Вера", "Надежда", "Милосердие"?
"We got names for the ships, Mr. Teece."	- Мы придумали имена для кораблей, мистер Тис.
"God the Son and the Holy Ghost, I wouldn't wonder?"	- "Бог-сын" и "Святой дух", да?
Say, boy, you got one named the First Baptist Church?"	Скажи, малый, а одну ракету назвали в честь баптистской церкви?
"We got to leave now, Mr. Teece."	- Нам пора ехать, мистер Тис.
Teece laughed.	Тис хохотал.
"You got one named Swing Low, and another named Sweet Chariot?"	- Неужели ни одну не назвали "Летай пониже" или "Благолепная колесница"?
The car started up.	Машина тронулась.
"Good-by, Mr. Teece."	- Прощайте, мистер Тис.
"You got one named Roll Dem Bones?"	- А есть у вас ракета "Рассыпьтесь, мои косточки"?

"Good-by, mister!"	- Прощайте, мистер!
"And another called Over Jordan!"	- А "Через Иордан"?
Ha!	Ха!
Well, tote that rocket, boy, lift that rocket, boy, go on, get blown up, see if I care!"	Ладно, парень, катись, отваливай на своей ракете, давай лети, пусть взрывается, я плакать не буду!
The car churned off into the dust.	Машина покатила прочь в облаке пыли.
The boy rose and cupped his hands to his mouth and shouted one last time at Teece:	Силли привстал, приставил ладони ко рту и крикнул напоследок Тису:
"Mr. Teece, Mr. Teece, what you goin' to do nights from now on?"	- Мистер Тис, мистер Тис, а что вы теперь будете делать по ночам?
What you goin' to do nights, Mr. Teece?"	Что будете делать ночью, хозяин?
Silence.	Тишина.
The car faded down the road.	Машина растаяла вдали.
It was gone.	Дорога опустела.
"What in hell did he mean?" mused Teece.	- Что он хотел сказать, черт возьми? - недоумевал Тис.
"What am I goin' to do nights?"	- Что я буду делать по ночам?..
He watched the dust settle, and it suddenly came to him.	Он смотрел, как оседает пыль, и вдруг до него дошло.
He remembered nights when men drove to his house, their knees sticking up sharp and their	Он вспомнил ночи, когда возле его дома останавливались автомашины, а в них -

shotguns sticking up sharper, like a carful of cranes under the night trees of summer, their eyes mean.	темные силуэты, торчат колени, еще выше торчат дула ружей, будто полный кузов журавлей под черной листвой спящих деревьев.
Honking the horn and him slamming his door, a gun in his hand, laughing to himself, his heart racing like a ten-year-old's, driving off down the summer-night road, a ring of hemp rope coiled on the car floor, fresh shell boxes making every man's coat look bunchy.	И злые глаза... Гудок, еще гудок, он хлопает дверцей, сжимая в руке ружье, посмеиваясь про себя, и сердце колотится, как у мальчишки, и бешеная гонка по ночной летней дороге, круг толстой веревки на полу машины, коробки новеньких патронов оттопыривают карманы пальто.
How many nights over the years, how many nights of the wind rushing in the car, flopping their hair over their mean eyes, roaring, as they picked a tree, a good strong tree, and rapped on a shanty door!	Сколько было таких ночей за все годы -встречный ветер, треплющий космы волос над недобрьими глазами, торжествующие вопли при виде хорошего дерева, надежного, крепкого дерева, и стук в дверь лачуги!
"So that's what the son of a bitch meant?"	- Так вот он про что, сукин сын!
Teece leaped out into the sunlight.	- Тис выскочил из тени на дорогу.
"Come back, you bastard!"	- Назад, ублюдок!
What am I goin' to do nights?	Что я буду делать ночами?!
Why, that lousy, insolent son of a..."	Ах ты гад, подлюга...
It was a good question.	Вопрос Силли попал в самую точку.

He sickened and was empty.	Тис почувствовал себя больным, опустошенным.
Yes.	"В самом деле.
What will we do nights? he thought.	Что мы будем делать по ночам? - думал он.
Now they're gone, what? He was absolutely empty and numb.	- Теперь, когда все уехали..." На душе было пусто, мысли оцепенели.
He pulled the pistol from his pocket, checked its load.	Он выхватил из кармана пистолет, пересчитал патроны.
"What you goin' to do, Sam?" someone asked.	- Ты что это задумал, Сэм? - спросил кто-то.
"Kill that son of a bitch."	- Убью эту сволочь.
Grandpa said, "Don't get yourself heated."	- Не распаляйся так, - сказал дед.
But Samuel Teece was gone around behind the store.	Но Сэмюэль Тис уже исчез за лавкой.
A moment later he drove out the drive in his open-top car.	Секундой позже он выехал в своей открытой машине.
"Anyone comin' with me?"	- Кто со мной?
"I'd like a drive," said Grandpa, and got up.	- Я прокачусь, пожалуй, - отозвался дед, вставая.
"Anyone else?"	- Еще кто?
Nobody replied.	Молчание.
Grandpa got in and slammed the door.	Дед сел в машину и захлопнул дверцу.
Samuel Teece gutted the car out in a great whorl of dust. They didn't speak as they rushed down the road under the bright sky.	Сэмюэль Тис, вздымая пыль, вырулил на дорогу, и они рванулись вперед под ослепительным небом.
The heat from the dry meadows was shimmering.	Оба молчали.
They stopped at a crossroad.	Над сухими нивами по сторонам струилось жаркое марево.

"Which way'd they go, Grandpa?"	Развилок. Стоп. - Куда они поехали, дед?
Grandpa squinted.	Дед Квортэрмэйн прищурился.
"Straight on ahead, I figure."	- Прямо, сдается мне.
They went on.	Они продолжали путь.
Under the summer trees their car made a lonely sound.	Одиночно ворчал мотор под летними деревьями.
The road was empty, and as they drove along they began to notice something.	Дорога была пуста, но вот они стали примечать что-то необычное.
Teece slowed the car and bent out, his yellow eyes fierce.	Наконец Тис сбавил ход и перегнулся через дверцу, свирепо сверкая желтыми глазами.
"God damn it, Grandpa, you see what them bastards did?"	- Черт подери, дед! Ты видишь, что придумали эти ублюдки?
"What?" asked Grandpa, and looked.	- Что? - спросил дед, присматриваясь.

Where they had been carefully set down and left, in neat bundles every few feet along the empty country road, were old roller skates, a bandanna full of knicknacks, some old shoes, a cartwheel, stacks of pants and coats and ancient hats, bits of oriental crystal that had once tinkled in the wind, tin cans of pink geraniums, dishes of waxed fruit, cartons of Confederate money, washtubs, scrubboards, wash lines, soap, somebody's tricycle, someone else's hedge shears, a toy wagon, a jack-in-the-box, a stained-glass window from the Negro Baptist Church, a whole set of brake rims, inner tubes, mattresses, couches, rocking chairs, jars of cold cream, hand mirrors.	Вдоль дороги непрерывной цепочкой, аккуратными кучками лежали старые роликовые коньки, пестрые узелки с безделушками, рваные башмаки, колеса от телеги, поноженные брюки и пальто, драные шляпы, побрякушки из хрусталия, когда-то нежно звеневшие на ветру, жестяные банки с розовой геранью, восковые фрукты, коробки с деньгами времен конфедерации, тазы, стиральные доски, веревки для белья, мыло, чай-то трехколесный велосипед, чьи-то садовые ножницы, кукольная коляска, чертик в коробочке, пестрое окно из негритянской баптистской церкви, набор тормозных прокладок, автомобильные камеры, матрасы, кушетки, качалки, баночки с кремом, зеркала.
None of it flung down, no, but deposited gently and with feeling, with decorum, upon the dusty edges of the road, as if a whole city had walked here with hands full, at which time a great bronze trumpet had sounded, the articles had been relinquished to the quiet dust, and one and all, the inhabitants of the earth had fled straight up into the blue heavens.	И все это не было брошено кое-как, наспех, а положено бережно, с чувством, со вкусом вдоль пыльных обочин, словно целый город шел здесь, нагруженный до отказа, и вдруг раздался великий трубный глас, люди сложили свои пожитки в пыль и вознеслись прямиком на голубые небеса.
"Wouldn't burn them, they said," cried Teece angrily.	- "Не хотим жечь", как же! - злобно крикнул Тис.
"No, wouldn't burn them like I said, but had to take them along and leave them where they could see them for the last time, on the road, all together and whole."	- Я им говорю сожгите, так нет, тащили всю дорогу и сложили здесь - напоследок еще раз посмотреть на свое барахло, вот оно, полюбуйтесь!
Them niggers think they're smart."	Эти черномазые невесть что о себе воображают.
He veered the car wildly, mile after mile, down the road, tumbling, smashing, breaking, scattering bundles of paper, jewel boxes, mirrors, chairs.	Он гнал машину дальше, километр за километром, наезжая на кучи, кроша шкатулки и зеркала, ломая стулья, рассыпая бумаги.
"There, by damn, and there!"	- Так! Черт дер... Еще! Так!

The front tire gave a whistling cry.	Передняя шина жалобно запищала.
The car spilled crazily off the road into a ditch, flinging Teece against the glass.	Машина вильнула и врезалась в канаву, Тис стукнулся лбом о ветровое стекло.
"Son of a bitch!"	- А, сукины дети!
He dusted himself off and stood out of the car, almost crying with rage.	- Сэмюэль Тис стряхнул с себя пыль и вышел из машины, чуть не плача от ярости.
He looked at the silent, empty road.	Он посмотрел на пустынную безмолвную дорогу.
"We'll never catch them now, never, never."	- Теперь мы уж их никогда не догоним, никогда.
As far as he could see there was nothing but bundles and stacks and more bundles neatly placed like little abandoned shrines in the late day, in the warm-blown wind.	Насколько хватал глаз, он видел только аккуратно сложенные узлы и кучи, и еще узлы, словно покинутые святыни, под жарким ветром, в свете угасающего дня.
Teece and Grandpa came walking tiredly back to the hardware store an hour later.	Час спустя Тис и дед, усталые, подошли к скобяной лавке.

The men were still sitting there, listening, and watching the sky.	Мужчины все еще сидели там, прислушиваясь и глядя на небо.
Just as Teece sat down and eased his tight shoes off someone cried,	В тот самый миг, когда Тис присел и стал снимать тесные ботинки, кто-то воскликнул:
"Look!"	- Смотрите!
"I'll be damned if I will," said Teece.	- К черту! - прорычал Тис.
But the others looked.	Но остальные смотрели, привстав.
And they saw the golden bobbins rising in the sky, far away.	И они увидели далеко-далеко уходящие ввысь золотые веретена.
Leaving flame behind, they vanished.	Оставляя за собой хвосты пламени, они исчезли.
In the cotton fields the wind blew idly among the snow dusters.	На хлопковых полях ветер лениво трепал белоснежные комочки.
In still farther meadows the watermelons lay, unfingerprinted, striped like tortoise cats lying in the sun.	На бахчах лежали нетронутые арбузы, полосатые, как тигровые кошки, греющиеся на солнце.
The men on the porch sat down, looked at each other, looked at the yellow rope piled neat on the store shelves, glanced at the gun shells glinting shiny brass in their cartons, saw the silver pistols and long black metal shotguns hung high and quiet in the shadows.	Мужчины на террасе сели, поглядели друг на друга, поглядели на желтые веревки, аккуратно сложенные на полках, на сверкающие гильзы патронов в коробках, на серебряные пистолеты и длинные вороненые стволы винтовок, мирно висящих в тени под потолком.
Somebody put a straw in his mouth, Someone else drew a figure in the dust.	Кто-то сунул в рот травинку. Кто-то начертил в пыли человечка.
Finally Samuel Teece held his empty shoe up in triumph, turned it over, stared at it, and said,	Сэмюэль Тис торжествующе поднял ботинок, перевернул его, заглянул внутрь и сказал:
"Did you notice?"	- А вы заметили?
Right up to the very last, by God, he said "Mister"!"	Он до самого конца говорил мне "хозяин", ей-богу!
2004-05: THE NAMING OF NAMES	2004-2005 Новые имена
They came to the strange blue lands and put their names upon the lands.	Они пришли и заняли удивительные голубые земли и всему дали свои имена.
Here was Hinkston Creek and Lustig Corners	Появились ручей Хинкстон-Крик и поляна

and Black River and Driscoll Forest and Peregrine Mountain and Wilder Town, all the names of people and the things that the people did.	Люстиг-Корнерс, река Блэк-Ривер и лес Дрисколл-Форест, гора Перегрин-Маунтин и город Уайлдертаун - все в честь людей и того, что совершили люди.
Here was the place where Martians killed the first Earth Men, and it was Red Town and had to do with blood.	Там, где марсиане убили первых землян, появился Редтаун - название, связанное с кровью.
And here where the second expedition was destroyed, and it was named Second Try, and each of the other places where the rocket men had set down their fiery caldrons to burn the land, the names were left like cinders, and of course there was a Spender Hill and a Nathaniel York Town...	А вот здесь погибла Вторая экспедиция - отсюда название: Вторая Попытка; и всюду, где космонавты при посадке опалили землю своими огненными снарядами, остались имена - словно кучи шлака; не обошлось, разумеется, без горы Спендер-Хилл и города с длинным названием Натаниел-Йорк...
The old Martian names were names of water and air and hills.	Старые марсианские названия были названия воды, воздуха, гор.
They were the names of snows that emptied south in stone canals to fill the empty seas.	Названия снегов, которые, тая на юге, стекали в каменные русла каналов, питающих высохшие моря.
And the names of sealed and buried sorcerers and towers and obeisks.	Имена чародеев, чей прах покоялся в склепах, названия башен и обелисков.
And the rockets struck at the names like hammers, breaking away the marble into shale, shattering the crockery milestones that named the old towns, in the rubble of which great pylons were plunged with new names: IRON TOWN, STEEL TOWN, ALUMINUM CITY, ELECTRIC VILLAGE, CORN TOWN, GRAIN VILLA, DETROIT II, all the mechanical names and the metal names from Earth.	И ракеты, подобно молотам, обрушились на эти имена, разбивая вдребезги мрамор, кроша фаянсовые тумбы с названиями старых городов, и над грудами обломков выросли огромные пилоны с новыми указателями: АЙРОНТАУН, СТИЛТАУН, АЛЮМИНИУМ-СИТИ, ЭЛЕКТРИК-ВИЛЛЕДЖ, КОРН-ТАУН, ГРЭЙН-ВИЛЛА, ДЕТРОЙТ II - знакомые механические, металлические названия с Земли.
And after the towns were built and named, the graveyards were built and named, too: Green Hill, Moss Town, Boot Hill, Bide a Wee; and the first dead went into their graves.	А когда построили и окрестили города, появились кладбища, они тоже получили имена: Зеленый Уголок, Белые Мхи, Тихий Пригород, Отдохни Малость - и первые покойники легли в свои могилы...
But after everything was pinned down and neat and in its place, when everything was safe and certain, when the towns were well enough fixed and the loneliness was at a minimum, then the sophisticates came in from Earth.	Когда же все было наколото на булавочки, чинно, аккуратно разложено по полочкам, когда все стало на свои места, города прочно утвердились и уединение стало почти невозможным - тогда-то с Земли стали прибывать искушенные и всезнающие.
They came on parties and vacations, on little shopping trips for trinkets and photographs and the "atmosphere"; they came to study and apply sociological laws; they came with stars and badges and rules and regulations, bringing some of the red tape that had rawled across Earth like an alien weed, and letting it grow on Mars wherever it could take root.	Они приезжали в гости и в отпуск, приезжали купить сувениры и сфотографироваться - "подышать марсианским воздухом"; они приезжали вести исследования и проводить в жизнь социологические законы; они привозили с собой свои звезды, кокарды, правила и уставы, не забыли прихватить и семена

	бюрократии, которая въедливым сорняком оплела Землю, и насадили их на Марсе всюду, где они только могли укорениться.
They began to plan people's lives and libraries; they began to instruct and push about the very people who had come to Mars to get away from being instructed and ruled and pushed about.	Они стали законодателями быта и нравов; принялись направлять, наставлять и подталкивать на путь истинный тех самых людей, кто перебрался на Марс, чтобы избавиться от наставлений и назиданий.
And it was inevitable that some of these people pushed back...	И нет ничего удивительного в том, что кое-кто из подталкиваемых стал отбиваться...

April 2005: USHER II	Апрель 2005 Эшер II
"During the whole of a dull, dark, and soundless day in the autumn of the year, when the clouds hung oppressively low in the heavens, I had been passing alone, on horseback, through a singularly dreary tract of country, and at length found myself, as the shades of evening drew on, within view of the melancholy House of Usher..."	"Весь этот день - тусклый, темный, беззвучный осенний день - я ехал верхом в полном одиночестве по необычайно пустынной местности, над которой низко нависали свинцовые тучи, и наконец, когда вечерние тени легли на землю, очутился перед унылой усадьбой Эшера..."
Mr. William Stendahl paused in his quotation.	Мистер Уильям Стендаль перестал читать.
There, upon a low black hill, stood the House, its cornerstone bearing the inscription 2005 A.D. Mr.	Вот она перед ним, на невысоком черном пригорке - Усадьба, и на угловом камне начертано: 2005 год.
Bigelow, the architect, said,	Мистер Бигелоу, архитектор, сказал:
"It's completed.	- Дом готов.
Here's the key, Mr. Stendahl."	Примите ключ, мистер Стендаль.
The two men stood together silently in the quiet autumn afternoon.	Они помолчали, стоя рядом, в тишине осеннего дня.
Blueprints rustled on the raven grass at their feet.	На черной как вороново крыло траве у их ног шуршали чертежи.
"The House of Usher," said Mr. Stendahl with pleasure.	- Дом Эшеров, - удовлетворенно произнес мистер Стендаль.
"Planned, built, bought, paid for.	- Спроектирован, выстроен, куплен, оплачен.
Wouldn't Mr. Poe be delighted?"	Думаю, мистер По был бы в восторге!
Mr. Bigelow squinted.	Мистер Бигелоу прищурился.
"Is it everything you wanted, sir?"	- Все отвечает вашим пожеланиям, сэр?
"Yes!"	- Да!
"Is the color right?	- Колорит такой, какой нужен?
Is it desolate and terrible?"	Картина тоскливая и ужасная?
"Very desolate, very terrible!"	- Чрезвычайно ужасная, чрезвычайно тоскливая!
"The walls are - bleak?"	- Стены - угрюмые?
"Amazingly so!"	- Поразительно!
"The tarn, is it "black and lurid" enough?"	- Пруд достаточно "черный и мрачный"?
"Most incredibly black and lurid."	- Невообразимо черный и мрачный.
"And the sedge - we've dyed it, you know - is it the proper gray and ebon?"	- А осока - она окрашена, как вам известно, - в меру чахлая и седая?
"Hideous!"	- До отвращения!
Mr. Bigelow consulted his architectural plans.	Мистер Бигелоу сверился с архитектурным проектом.

From these he quoted in part:	Он процитировал задание:
"Does the whole structure cause an 'iciness, a sickening of the heart, a dreariness of thought'?"	- Весь ансамбль внушает "леденящую, ноющую, сосущую боль сердца, безотрадную пустоту в мыслях"?
The House, the lake, the land, Mr. Stendahl?"	Дом, пруд, усадьба?..
"Mr. Bigelow, it's worth every penny!"	- Вы поработали на славу, мистер Бигелоу!
My God, it's beautiful!"	Клянусь, это изумительно!
"Thank you.	- Благодарю.
I had to work in total ignorance.	Я ведь совершенно не понимал, что от меня требуется.
Thank the Lord you had your own private rockets or we'd never have been allowed to bring most of the equipment through.	Слава богу, что у вас есть свои ракеты, иначе нам никогда не позволили бы перебросить сюда необходимое оборудование.
You notice, it's always twilight here, this land, always October, barren, sterile, dead.	Обратите внимание, здесь постоянные сумерки, в этом уголке всегда октябрь, всегда пустынно, безжизненно, мертво.
It took a bit of doing.	Это стоило нам немалых трудов.
We killed everything.	Десять тысяч тонн ДДТ.
Ten thousand tons of DDT.	Мы все убили.
Not a snake, frog, or Martian fly left!	Ни змеи, ни лягушки, ни одной марсианской мухи не осталось!
Twilight always, Mr. Stendahl; I'm proud of that.	Вечные сумерки, мистер Стендаль, это моя гордость.
There are machines, hidden, which blot out the sun.	Скрытые машины глушат солнечный свет.
It's always properly "dreary"."	Здесь всегда "безотрадно".
Stendahl drank it in, the dreariness, the oppression, the fetid vapors, the whole "atmosphere," so delicately contrived and fitted.	Стендалль упивался безотрадностью, свинцовой тяжестью, удущливыми испарениями, всей "атмосферой", задуманной и созданной с таким искусством.
And that House!	А сам Дом!
That crumbling horror, that evil lake, the fungi, the extensive decay!	Угрюмая обветшалость, зловещий пруд, плесень, призраки всеобщего тления!
Plastic or otherwise, who could guess?	Синтетические материалы или еще что-нибудь? Поди угадай.
He looked at the autumn sky.	Он взглянул на осенне небо.
Somewhere above, beyond, far off, was the sun.	Где-то вверху, вдали, далеко-далеко - солнце.
Somewhere it was the month of April on the planet Mars, a yellow month with a blue sky.	Где-то на планете - марсианский апрель, золотой апрель, голубое небо.
Somewhere above, the rockets burned down to civilize a beautifully dead planet.	Где-то вверху прожигают себе путь ракеты, призванные цивилизовать прекрасную, безжизненную планету.

The sound of their screaming passage was muffled by this dim, soundproofed world, this ancient autumn world.	Визг и вой их стремительного полета глохнул в этом тусклом звуконепроницаемом мире, в этом мире дремучей осени.
"Now that my job's done," said Mr. Bigelow uneasily, "I feel free to ask what you're going to do with all this."	- Теперь, когда задание выполнено, - смущенно заговорил мистер Бигелоу, - могу я спросить, что вы собираетесь делать со всем этим?

"With Usher?"	- С усадьбой Эшер?
Haven't you guessed?"	Вы не догадались?
"No."	- Нет.
"Does the name Usher mean nothing to you?"	- Название "Эшер" вам ничего не говорит?
"Nothing."	- Ничего.
"Well, what about this name: Edgar Allan Poe?"	- Ну а такое имя: Эдгар Алан По?
Mr. Bigelow shook his head.	Мистер Бигелоу отрицательно покачал головой.
"Of course."	- Разумеется.
Stendahl snorted delicately, a combination of dismay and contempt.	- Стендаль сдержанно фыркнул, выражая печаль и презрение.
"How could I expect you to know blessed Mr. Poe?"	- Откуда вам знать блаженной памяти мистера По?
He died a long while ago, before Lincoln.	Он умер очень давно, раньше Линкольна.
All of his books were burned in the Great Fire.	Все его книги были сожжены на Великом Костре.
That's thirty years ago - 1975."	Тридцать лет назад, в 1975.
"Ah," said Mr. Bigelow wisely.	- А, - понимающе кивнул мистер Бигелоу.
"One of those!"	- Один из этих!
"Yes, one of those, Bigelow.	- Вот именно, Бигелоу, один из этих.
He and Lovecraft and Hawthorne and Ambrose Bierce and all the tales of terror and fantasy and horror and, for that matter, tales of the future were burned.	Его и Лавкрафта, Хоторна и Амброза Бирса, все повести об ужасах и страхах, все фантазии, да что там, все повести о будущем сожгли.
Heartlessly.	Безжалостно.
They passed a law.	Закон провели.
Oh, it started very small.	Началось с малого, с песчинки, еще в пятидесятых и шестидесятых годах.
In 1950 and '60 it was a grain of sand.	Сперва ограничили выпуск книжек с карикатурами, потом детективных романов, фильмов, разумеется.

They began by controlling books of cartoons and then detective books and, of course, films, one way or another, one group or another, political bias, religious prejudice, union pressures; there was always a minority afraid of something, and a great majority afraid of the dark, afraid of the future, afraid of the past, afraid of the present, afraid of themselves and shadows of themselves."	Кидались то в одну крайность, то в другую, брали верх различные группы, разные клики, политические предубеждения, религиозные предрассудки. Всегда было меньшинство, которое чего-то боялось, и подавляющее большинство, которое боялось непонятного, будущего, прошлого, настоящего, боялось самого себя и собственной тени.
"I see."	- Понятно.
"Afraid of the word "politics" (which eventually became a synonym for Communism among the more reactionary elements, so I hear, and it was worth your life to use the word!), and with a screw tightened here, a bolt fastened there, a push, a pull, a yank, art and literature were soon like a great twine of taffy strung about, being twisted in braids and tied in knots and thrown in all directions, until there was no more resiliency	- Устрашающее словом "политика" (которое в конце концов в наиболее реакционных кругах стало синонимом "коммунизма", да-да, и за одно только употребление этого слова можно было поплатиться жизнью!), понукаемые со всех сторон- здесь подтянут гайку, там закрутят болт, оттуда ткнут, отсюда пырнут, - искусство и литература вскоре стали похожи на огромную тянуучку,

and no more savor to it.	которую выкручивали, жали, мяли, завязывали в узел, швыряли туда-сюда до тех пор, пока она не утратила всякую упругость и всякий вкус.
Then the film cameras chopped short and the theaters turned dark. and the print presses trickled down from a great Niagara of reading matter to a mere innocuous dripping of "pure" material.	А потом осеклись кинокамеры, погрузились в мрак театры, и могучая Ниагара печатной продукции превратилась в выхолощенную струйку "чистого" материала.
Oh, the word "escape" was radical, too, I tell you!"	Поверьте мне, понятие "уход от действительности" тоже попало в разряд крамольных!
"Was it?"	- Неужели?
"It was!"	- Да-да!
Every man, they said, must face reality.	Всякий человек, говорили они, обязан смотреть в лицо действительности.
Must face the Here and Now!	Видеть только сиюминутное!
Everything that was not so must go.	Все, что не попадало в эту категорию, - прочь.
All the beautiful literary lies and flights of fancy must be shot in mid-air.	Прекрасные литературные вымыслы, полет фантазии - бей влет.
So they lined them up against a library wall one Sunday morning thirty years ago, in 1975; they lined them up, St. Nicholas and the Headless Horseman and Snow White and Rumpelstiltskin and Mother Goose -oh, what a wailing! - and shot them down, and burned the paper castles and the fairy frogs and old kings and the people who lived happily ever after (for of course it was a fact that nobody lived happily ever after!), and Once Upon A Time became No More!	И вот воскресным утром, тридцать лет назад, в 1975 году их поставили к библиотечной стенке: Санта-Клауса и Всадника без головы, Белоснежку, и Домового, и Матушку-Гусыню - все в голос рыдали! - и расстреляли их, потом сожгли бумажные замки и царевен-лягушек, старых королей и всех, кто "с тех пор зажил счастливо" (в самом деле, о ком можно сказать, что он с тех пор зажил счастливо!), и Некогда превратилось в Никогда!

And they spread the ashes of the Phantom Rickshaw with the rubble of the Land of Oz; they filleted the bones of Glinda the Good and Ozma and shattered Polychrome in a spectroscope and served Jack Pumpkinhead with meringue at the Biologists' Ball!	И они развеяли по ветру прах Заколдованного Рикши вместе с черепками Страны Оз, изрубили Глинду Добрую и Озму, разложили Многоцветку в спектроскопе, а Джека Тыквенную Голову подали к столу на Балу Биологов!
The Beanstalk died in a bramble of red tape!	Гороховый Стручок зачах в бюрократических зарослях!
Sleeping Beauty awoke at the kiss of a scientist and expired at the fatal puncture of his syringe.	Спящая Красавица была разбужена поцелуем научного работника и испустила дух, когда он вонзил в нее медицинский шприц.
And they made Alice drink something from a bottle which reduced her to a size where she could no longer cry	Алису они заставили выпить из бутылки нечто такое, от чего она стала такой крохотной, что уже не могла больше кричать:
"Curiouser and curiouser," and they gave the Looking Glass one hammer blow to smash it and every Red King and Oyster away!"	"Чем дальше, тем любопытственнее!" Волшебное Зеркало они одним ударом молота разбили вдребезги, и пропали все Красные Короли и Устрицы!
He clenched his fists.	Он сжал кулаки.

Lord, how immediate it was!	Господи, как все это близко, точно случилось вот сейчас!
His face was red and he was gasping for breath.	Лицо его побагровело, он задыхался.
As for Mr. Bigelow, he was astounded at this long explosion.	Столь бурное извержение ошеломило мистера Бигелоу.
He blinked and at last said,	Он моргнул раз-другой и наконец сказал:
"Sorry.	- Извините.
Don't know what you're talking about.	Не понимаю, о чем вы.
Just names to me.	Эти имена ничего мне не говорят.
From what I hear, the Burning was a good thing."	Судя по тому, что вы сейчас говорили, костер был только на пользу.
"Get out!" screamed Stendahl.	- Вон отсюда! - вскричал Стендаль.
"You've done your job, now let me alone, you idiot!"	- Ваша работа завершена, теперь убирайтесь, болван!
Mr. Bigelow summoned his carpenters and went away.	Мистер Бигелоу кликнул своих плотников и ушел.
Mr. Stendahl stood alone before his House.	Мистер Стендаль остался один перед Домом.
"Listen here," he said to the unseen rockets.	- Слушайте, вы! - обратился он к незримым ракетам.
"I came to Mars to get away from you Clean-Minded people, but you're flocking in thicker every day, like flies to offal.	- Я перебрался на Марс, спасаясь от вас, Чистые Души, а вас, что ни день, все больше и больше здесь, вы слетаетесь, словно мухи на падаль.
So I'm going to show you.	Так я вам тут кое-что покажу.
I'm going to teach you a fine lesson for what you did to Mr. Poe on Earth.	Я проучу вас за то, что вы сделали на Земле с мистером По.

As of this day, beware.	Отныне берегитесь!
The House of Usher is open for business!"	Дом Эшера начинает свою деятельность!
He pushed a fist at the sky.	Он погрозил небу кулаком.
The rocket landed.	Ракета села.
A man stepped out jauntily.	Из нее важно вышел человек.
He glanced at the House, and his gray eyes were displeased and vexed.	Он посмотрел на Дом, и серые глаза его выразили неудовольствие и досаду.
He strode across the moat to confront the small man there.	Он перешагнул ров, за которым его ждал щуплый мужчина.
"Your name Stendahl?"	- Ваша фамилия Стендаль?
"Yes."	- Да
"I'm Garrett, Investigator of Moral Climates."	- Гарретт, инспектор из управления Нравственного Климата.
"So you finally got to Mars, you Moral Climate people?"	- Ага, вы таки добрались до Марса, блюстители Нравственного Климата?
I wondered when you'd appear."	Я уже прикидывал, когда же вы тут появитесь...
"We arrived last week.	- Мы прибыли на прошлой неделе.
We'll soon have things as neat and tidy as Earth."	Скоро здесь будет полный порядок, как на Земле.
The man waved an identification card irritably toward the House.	- Он раздраженно помахал своим удостоверением в сторону Дома.
"Suppose you tell me about that place, Stendahl?"	- Расскажите-ка мне, что это такое, Стендаль?

"It's a haunted castle, if you like."	- Это замок с привидениями, если вам угодно.
"I don't like. Stendahl, I don't like.	- Не угодно, Стендаль, никак не угодно.
The sound of that word "haunted."	"С привидениями" - не годится.
"Simple enough.	- Очень просто.
In this year of our Lord 2005 I have built a mechanical sanctuary.	В нынешнем, две тысячи пятом году господа бога нашего я построил механическое святилище.
In it copper bats fly on electronic beams, brass rats scuttle in plastic cellars, robot skeletons dance; robot vampires, harlequins, wolves, and white phantoms, compounded of chemical and ingenuity, live here."	В нем медные летучие мыши летают вдоль электронных лучей, латунные крысы снуют в пластмассовых подвалах, пляшут автоматические скелеты, здесь обитают автоматические вампиры, шуты, волки и белые призраки, порождение химии и изобретательности.
"That's what I was afraid of," said Garrett, smiling quietly.	- Именно этого я опасался, - сказал Гаррет с улыбкой.
"I'm afraid we're going to have to tear your place down."	- Боюсь, придется снести ваш домик.
"I knew you'd come out as soon as you discovered what went on."	- Я знал, что вы явитесь, едва проведаете.

"I'd have come sooner, but we at Moral Climates wanted to be sure of your intentions before we moved in.	- Я бы раньше прилетел, но мы хотели удостовериться в ваших намерениях, прежде чем вмешиваться.
We can have the Dismantlers and Burning Crew here by supper.	Демонтажники и Огневая Команда могут прибыть к вечеру.
By midnight your place will be razed to the cellar.	К полуночи все будет разрушено до основания, мистер Стендаль.
Mr. Stendahl, I consider you somewhat of a fool, sir.	По моему разумению, сэр. Вы, я бы сказал, сглутили.
Spending hard-earned money on a folly.	Выбрасывать на ветер деньги, заработанные упорным трудом.
Why, it must have cost you three million dollars - "	Да вам это миллиона три стало...
"Four million!	- Четыре миллиона!
But, Mr. Garrett, I inherited twenty-five million when very young.	Но учтите, мистер Гаррет, я был еще совсем молод, когда получил наследство, - двадцать пять миллионов.
I can afford to throw it about.	Могу позволить себе быть мотом.
Seems a dreadful shame, though, to have the House finished only an hour and have you race out with your Dismantlers.	А вообще-то это досадно: только закончил строительство, как вы уже здесь со своими Демонтажниками.
Couldn't you possibly let me play with my Toy for just, well, twenty-four hours?"	Может, позовите мне потешиться моей Игрушкой, ну, хотя бы двадцать четыре часа?
"You know the law. Strict to the letter. No books, no houses, nothing to be produced which in any way suggests ghosts, vampires, fairies, or any creature of the imagination."	- Вам известен Закон Как положено: никаких книг, никаких домов, ничего, что было бы сопряжено с привидениями, вампирами, феями или иными творениями фантазии.
"You'll be burning Babbitts next!"	- Вы скоро начнете жечь мистеров Бэббитов!
"You've caused us a lot of trouble, Mr. Stendahl.	- Вы уже причинили нам достаточно хлопот,

	мистер Стендаль.
It's in the record.	Сохранились протоколы.
Twenty years ago.	Двадцать лет назад.
On Earth.	На Земле.
You and your library."	Вы и ваша библиотека.
"Yes, me and my library.	- О да, я и моя библиотека.
And a few others like me.	И еще несколько таких же, как я.
Oh, Poe's been forgotten for many years now, and Oz and the other creatures.	Конечно, По был уже давно забыт тогда, забыты Оз и другие создания.
But I had my little cache.	Но я устроил небольшой тайник.
We had our libraries, a few private citizens, until you sent your men around with torches and incinerators and tore my fifty thousand books up and burned them.	У нас были свои библиотеки - у меня и еще у нескольких частных лиц, - пока вы не прислали своих людей с факелами и мусоросжигателями. Изорвали в клочья мои пятьдесят тысяч книг и сожгли их.

Just as you put a stake through the heart of Halloween and told your film producers that if they made anything at all they would have to make and remake Earnest Hemingway.	Вы так же расправились и со всеми чудотворцами; и вы еще приказали вашим кинопродюсерам, если они вообще хотят что-нибудь делать, пусть снимают и переснимают Эрнеста Хемингуэя.
My God, how many times have I seen For Whom the Bell Tolls done!	Боже мой, сколько раз я видел "По ком звонит колокол"!
Thirty different versions.	Тридцать различных постановок.
All realistic.	Все реалистичные.
Oh, realism!	О реализм!
Oh, here, oh, now, oh hell!"	Ох, уж этот реализм! Чтоб его!..
"It doesn't pay to be bitter!"	- Рекомендовал бы воздержаться от сарказма!
"Mr. Garrett, you must turn in a full report, mustn't you?"	- Мистер Гаррет, вы ведь обязаны представить полный отчет?
"Yes."	- Да.
"Then, for curiosity's sake, you'd better come in and look around.	- В таком случае, любопытства ради, вошли бы, посмотрели.
It'll take only a minute."	Всего одну минуту.
"All right.	- Хорошо.
Lead the way.	Показывайте.
And no tricks.	И никаких фокусов.
I've a gun with me."	У меня есть пистолет.
The door to the House of Usher creaked wide.	Дверь Дома Эшеров со скрипом распахнулась.
A moist wind issued forth.	Повеяло сыростью.
There was an immense sighing and moaning, like a subterranean bellows breathing in the lost catacombs.	Послышались могучие вздохи и стоны, точно в заброшенных катакомбах дышали незримые мехи.
A rat pranced across the floor stones.	По каменному полу метнулась крыса.
Garrett, crying out, gave it a kick.	Гаррет гикнул и наподдал ее ногой.
It fell over, the rat did, and from its nylon fur streamed an incredible horde of metal fleas.	Крыса перекувырнулась, и из ее нейлонового меха высипали полчища металлических блох.
"Amazing!"	- Поразительно!
Garrett bent to see.	- Гаррет нагнулся, чтобы лучше видеть.

An old witch sat in a niche, quivering her wax hands over some orange-and-blue tarot cards.	В нише, тряся восковыми руками над оранжево-голубыми картами, сидела старая ведьма.
She jerked her head and hissed through her toothless mouth at Garrett, tapping her greasy cards.	Она вздернула голову и зашипела беззубым ртом на Гаррета, постукивая пальцем по засаленным картам.
"Death!" she cried.	- Смерть! - крикнула она.

"Now that's the sort of thing I mean," said Garrett.	- Вот именно такие вещи я и подразумевал... - сказал Гаррет.
"Deplorable!"	- Весьма предосудительно!
"I'll let you burn her personally."	- Я разрешу вам лично сжечь ее.
"Will you, really?"	- В самом деле?
Garrett was pleased.	- Гаррет просиял.
Then he frowned.	Но тут же нахмурился.
"I must say you're taking this all so well."	- Вы так легко об этом говорите.
"It was enough just to be able to create this place.	- Для меня достаточно было устроить все это.
To be able to say I did it.	Чтобы я мог сказать, что добился своего.
To say I nurtured a medieval atmosphere in a modern, incredulous world."	В современном скептическом мире воссоздал средневековую атмосферу.
"I've a somewhat reluctant admiration for your genius myself, sir."	- Я и сам, сэр, так сказать, невольно восхищен вашим гением.
Garrett watched a mist drift by, whispering and whispering, shaped like a beautiful and nebulous woman.	Гаррет смотрел - мимо него проплывало в воздухе, шелестя и шепча, легкое облачко, которое приняло облик прекрасной прозрачной женщины.
Down a moist corridor a machine whirled.	В дальнем конце сырого коридора гудела какая-то машина.
Like the stuff from a cotton-candy centrifuge, mists sprang up and floated, murmuring, in the silent halls.	Как сахарная вата из центрифуги, оттуда ползла и расплывалась по безмолвным залам бормочущая мгла.
An ape appeared out of nowhere.	Невесть откуда возникла обезьяна.
"Hold on!" cried Garrett.	- Брысь! - крикнул Гаррет.
"Don't be afraid," Stendahl tapped the animal's black chest.	- Не бойтесь. - Стендаль похлопал животное по черной груди.
"A robot.	- Это робот.
Copper skeleton and all, like the witch.	Медный скелет и так далее, как и ведьма.
See?"	Вот!
He stroked the fur, and under it metal tubing came to light.	Он взъерошил мех обезьяны, блеснул металлический корпус.
"Yes."	- Вижу.
Garrett put out a timid hand to pet the thing.	- Гаррет протянул робкую руку, потрепал робота.
"But why, Mr. Stendahl, why all this?"	- Но к чему это, мистер Стендаль, в чем смысл всего этого?
What obsessed you?"	Что вас довело?..
"Bureaucracy, Mr. Garrett.	- Бюрократия, мистер Гаррет.
But I haven't time to explain.	Но мне некогда объяснять.
The government will discover soon enough."	Властиам и без того скоро все будет ясно.

He nodded to the ape.	- Он кивнул обезьяне.
"All right.	- Пора.
Now."	Давай.
The ape killed Mr. Garrett.	Обезьяна убила мистера Гаррета.
"Are we almost ready, Pikes?"	- Почти готово, Пайкс?
Pikes looked up from the table.	Пайкс оторвал взгляд от стола.
"Yes, sir."	- Да, сэр.
"You've done a splendid job."	- Отличная работа.
"Well, I'm paid for it, Mr. Stendahl," said Pikes softly as he lifted the plastic eyelid of the robot and inserted the glass eyeball to fasten the rubberoid muscles neatly.	- Даром хлеб не едим, мистер Стендаль, - тихо ответил Пайкс; приподняв упругое веко робота, он вставил стеклянное глазное яблоко и ловко прикрепил к нему каучуковые мышцы.
"There."	- Так...
"The spitting image of Mr. Garrett."	- Вылитый мистер Гаррет.
"What do we do with him, sir?"	- А с ним что делать, сэр?
Pikes nodded at the slab where the real Mr. Garrett lay dead.	- Пайкс кивком головы указал на каменную плиту, где лежал настоящий мертвый Гаррет.
"Better burn him, Pikes.	- Лучше всего сжечь. Пайкс.
We wouldn't want two Mr. Gasretts, would we?"	На что нам два мистера Гаррета, верно?
Pikes wheeled Mr. Garrett to the brick incinerator.	Пайкс подтащил Гаррета к кирпичному мусоросжигателю.
"Goodby."	- Всего хорошего.
He pushed Mr. Garrett in and slammed the door.	Он втолкнул мистера Гаррета внутрь и захлопнул дверку.
Stendahl confronted the robot Garrett.	Стендаль обратился к роботу Гаррету.
"You have your orders, Garrett?"	- Вам ясно ваше задание, Гаррет?
"Yes, sir."	- Да, сэр.
The robot sat up.	- Робот приподнялся и сел.
"I'm to return to Moral Climates.	- Я должен вернуться в управление Нравственного Климатса.
I'll file a complementary report.	Представить дополнительный доклад.
Delay action for at least forty-eight hours.	Оттянуть операцию самое малое на сорок восемь часов.
Say I'm investigating more fully."	Сказать, что мне нужно провести более обстоятельное расследование.
"Right, Garrett.	- Правильно, Гаррет.
Good-by."	Желаю успеха.
The robot hurried out to Garrett's rocket, got in, and flew away.	Робот поспешно прошел к ракете Гаррета, поднялся в нее и улетел.

Stendahl turned.	Стендаль повернулся.
"Now, Pikes, we send the remainder of the invitations for tonight.	- Ну, Пайкс, теперь разошлем оставшиеся приглашения на сегодняшний вечер.
I think we'll have a jolly time, don't you?"	Полагаю, будет весело. Как вы думаете?
"Considering we waited twenty years, quite jolly!"	- Учитывая, что мы ждали двадцать лет, - даже очень весело!
They winked at each other.	Они подмигнули друг другу.
Seven o'clock.	Ровно семь.
Stendahl studied his watch.	Стендаль взглянул на часы.
Almost time.	Теперь уж недолго.

He twirled the sherry glass in his hand. He sat quietly.	Он сидел в кресле и вертел в руке рюмку с хересом.
Above him, among the oaken beams, the bats, their delicate copper bodies hidden under rubber flesh, blinked at him and shrieked.	Над ним, меж дубовых балок попискивали, сверкая глазками, летучие мыши, тонкие медные скелетики, обтянутые резиновой плотью.
He raised his glass to them.	Он поднял рюмку, приветствуя их.
"To our success."	- За наш успех.
Then he leaned back, closed his eyes, and considered the entire affair.	Откинулся назад, сомкнул веки и мысленно проверил все сначала.
How he would savor this in his old age. This paying back of the antiseptic government for its literary terrors and conflagrations.	Уж отведет он душу на старости лет... Отомстит этому антисептическому правительству за расправу с литературой, за костры.
Oh, how the anger and hatred had grown in him through the years. Oh, how the plan had taken a slow shape in his numbed mind, until that day three years ago when he had met Pikes.	Годами копился гнев, копилась ненависть... И в оцепенелой душе исподволь, медленно зрел замысел. Так было до того дня три года назад, когда он встретил Пайкса.
Ah yes, Pikes.	Именно, Пайкса.
Pikes with the bitterness in him as deep as a black, charred well of green acid.	Пайкса, ожесточенная душа которого была как обугленный черный колодец, наполненный едкой кислотой.
Who was Pikes?	Кто такой Пайкс?
Only the greatest of them all!	Величайший из них всех, только и всего!
Pikes, the man of ten thousand faces, a fury, a smoke, a blue fog, a white rain, a bat, a gargoyle, a monster, that was Pikes!	Пайкс - человек с тысячами личин, фурия, дым, голубой туман, седой дождь, летучая мышь, горгона, чудовище, вот кто Пайкс!
Better than Lon Chaney, the father? Stendahl ruminated.	"Лучше, чем Лон Чени, патриарх?" - спросил себя Стендаль.
Night after night he had watched Chaney in the old, old films. Yes, better than Chaney.	Чени, которого он смотрел в древних фильмах, много вечеров подряд смотрел... Да, лучше чем Чени.
Better than that other ancient mummer? What was his name? Karloff?	Лучше того, другого старинного актера - как его, Карлофф, кажется?

Far better!	Гораздо лучше!
Lugosi?	А Люгоси?
The comparison was odious!	Никакого сравнения!
No, there was only one Pikes, and he was a man stripped of his fantasies now, no place on Earth to go, no one to show off to.	Пайкс - единственный, неподражаемый. И что же, его ограбили, отняли право на выдумку, и некуда податься, не перед кем лицедействовать.
Forbidden even to perform for himself before a mirror!	Запретили играть даже перед зеркалом для самого себя!
Poor impossible, defeated Pikes!	Бедняга Пайкс - невероятный, обезоруженный Пайкс!
How must it have felt, Pikes, the night they seized your films, like entrails yanked from the camera, out of your guts, dutching them in coils and wads to stuff them up a stove to burn away!	Что ты чувствовал в тот вечер, когда они конфисковали твои фильмы, вырывали, вытягивали, подобно внутренностям, кольца пленки из кинокамеры, из твоего чрева, хватали, комкали, бросали в печь, сжигали!

Did it feel as bad as having some fifty thousand books annihilated with no recompense?	Было ли это так же больно, как потерять, ничего не получив взамен, пятьдесят тысяч книг?
Yes.	Да.
Yes.	Да.
Stendahl felt his hands grow cold with the senseless anger.	Стендалль почувствовал, как руки его холодеют от каменной ярости.
So what more natural than they would one day talk over endless coffeepots into innumerable midnights, and out of all the talk and the bitter brewings would come - the House of Usher.	И вот однажды - что может быть естественнее - они встретились и заговорили, и разговоры их растянулись на бесконечные ночи, как не было счета и чашкам кофе, и из потока слов и горького настоя родился - Дом Эшера.
A great church bell rang.	Гулкий звон церковного колокола.
The guests were arriving.	Начался съезд гостей.
Smiling he went to greet them.	Улыбаясь, он пошел встретить их.
Full grown without memory, the robots waited.	Роботы ждали - взрослые без воспоминаний детства.
In green silks the color of forest pools, in silks the color of frog and fern, they waited.	Ждали роботы в зеленых шелках цвета лесных озер, в шелках цвета лягушки и папоротника.
In yellow hair the color of the sun and sand, the robots waited.	Ждали роботы с желтыми волосами цвета песка и солнца.
Oiled, with tube bones cut from bronze and sunk in gelatin, the robots lay.	Роботы лежали, смазанные, с трубчатыми костями из бронзы в желатине.
In coffins for the not dead and not alive, in planked boxes, the metronomes waited to be set in motion.	В гробах для не живых и не мертвых, в дощатых ящиках маятники ждали, когда их толкнут.
There was a smell of lubrication and lathed brass.	Стоял запах смазки и латунной стружки.
There was a silence of the tomb yard.	Стояла гробовая тишина.
Sexed but sexless, the robots.	Роботы - обоего пола, но бесполые.

Named but unnamed, and borrowing from humans everything but humanity, the robots stared at the nailed lids of their labeled F.O.B. boxes, in a death that was not even a death, for there had never been a life. And now there was a vast screaming of yanked nails.	С лицами, не безликие, заимствовавшие у человека все, кроме человечности, роботы смотрели в упор на прошитые гвоздями крышки ящиков с надписью "Франкоборт", пребывая в небытии, которого смертью не назовешь, потому что ему не предшествовала жизнь... Но вот громко взвизгнули гвозди.
Now there was a lifting of lids.	Одна за другой поднимаются крышки.
Now there were shadows on the boxes and the pressure of a hand squirting oil from a can.	По ящикам мечутся тени, стиснутая рукой масленка брызжет машинным маслом.
Now one clock was set in motion, a faint ticking.	Тихонько затикал один механизм, пущенный в ход.
Now another and another, until this was an immense clock shop, purring.	Еще один, еще, и вот уже застремотало все кругом, как в огромном часовом магазине.
The marble eyes rolled wide their rubber lids.	Каменные глаза раздвинули резиновые веки.
The nostrils winked.	Затрепетали ноздри.
The robots, clothed in hair of ape and white of rabbit, arose: Tweedledum following	Встали на ноги роботы, покрытые обезьяней шерстью и мехом белого кролика. Близнецы

Tweedledee, Mock-Turtle, Dormouse, drowned bodies from the sea compounded of salt and whiteweed, swaying; hanging blue-throated men with turned-up, clam-flesh eyes, and creatures of ice and burning tinsel, loam-dwarfs and pepper-elves, Tik-tok, Ruggedo, St. Nicholas with a self-made snow flurry blowing on before him, Bluebeard with whiskers like acetylene flame, and sulphur clouds from which green fire snouts protruded, and, in scaly and gigantic serpentine, a dragon with a furnace in its belly reeled out the door with a scream, a tick, a bellow, a silence, a rush, a wind.	Твидлдам и Твидлди, Телячья Голова, Соня, бледные утопленники - соль и зыбкие водоросли вместо плоти, посиневшие висельники с закатившимися глазами цвета устриц, создания из льда и сверкающей мишурьи, глиняные карлики и коричневые эльфы. Тик-так, Страшила, Санта-Клаус в облаке искусственной метели. Синяя Борода - бакенбарды словно пламя ацетиленовой горелки. Поплыли клубы серного дыма с языками зеленого огня, и будто извяненный из глыбы чешуйчатого змеевика, дракон с пылающей жаровней в брюхе протиснулся через дверь: вой, стук, рев, тишина, рывок, поворот.
Ten thousand lids fell back.	Тысячи крышек снова захлопнулись.
The clock shop moved out into Usher.	Часовой магазин двинулся на Дом Эшера.
The night was enchanted.	Ночь колдовства началась.
A warm breeze came over the land.	На усадьбу повеяло теплом.
The guest rockets, burning the sky and turning the weather from autumn to spring arrived.	Прожигая небо, превращая осень в весну, прибывали ракеты гостей.
The men stepped out in evening clothes and the women stepped out after them, their hair coiffed up in elaborate detail.	Из ракет выходили мужчины в вечерних костюмах, за ними следовали женщины с замысловатейшими прическами.
"So that's Usher!"	- Вот он какой, Эшер!
"But where's the door?"	- А где же дверь?
At this moment Stendahl appeared.	И тут появился Стендаль.
The women laughed and chattered.	Женщины смеялись и болтали.
Mr. Stendahl raised a hand to quiet them.	Мистер Стендаль поднял руку, прося тишины.

Turning, he looked up to a high castle window and called:	Потом повернулся, обратил взгляд к окну высоко в стене замка и крикнул:
"Rapunzel, Rapunzel, let down your hair."	Рапунцель. Рапунцель, проснись, Спусти свои косынки вниз.
And from above, a beautiful maiden leaned out upon the night wind and let down her golden hair.	Прекрасная девушка выглянула в окно навстречу ночному ветерку и спустила вниз золотые косы.
And the hair twined and blew and became a ladder upon which the guests might ascend, laughing, into the House.	И косы, сплетаясь, разеваясь, стали лестницей, по которой смеющиеся гости могли подняться в Дом.
What eminent sociologists!	Самые видные социологи!
What clever psychologists!	Самые проницательные психологи!
What tremendously important politicians, bacteriologists, and neurologists!	Самые что ни на есть выдающиеся политики бактериологи, психоневрологи!
There they stood, within the dank walls.	Вот они все тут, между серых стен.
"Welcome, all of you!"	- Добро пожаловать!
Mr. Tryon, Mr. Owen, Mr. Dunne, Mr. Lang, Mr. Steffens, Mr. Fletcher, and a double-dozen more.	Мистер Трайон, мистер Оуэн, мистер Данн, мистер Лэнг, мистер Стеффенс, мистер Флетчер и еще две дюжины знаменитостей.
"Come in, come in!"	- Входите, входите!

Miss Gibbs, Miss Pope, Miss Churchil, Miss Blunt, Miss Drummond, and a score of other women, glittering.	Мисс Гиббс, мисс Поуп, мисс Черчилль, мисс Блат, мисс Драммонд и еще два десятка блестящих женщин.
Eminent, eminent people, one and all, members of the Society for the Prevention of Fantasy, advocates of the banishment of Halloween and Guy Fawkes, killers of bats, burners of books, bearers of torches; good clean citizens, every one, who had waited until the rough men had come up and buried the Martians and cleansed the cities and built the towns and repaired the highways and made everything safe.	Все без исключения видные виднейшие лица, члены Общества Борьбы с фантазиями, поборники запрета старых праздников - "всех святых" и Гая Фокса, убийцы летучих мышей, истребители книг, факельщики, все без исключения добропорядочные незапятнанные граждане, которые предоставили людям попроще, погрубее первыми прилететь на Марс, похоронить марсиан, очистить от заразы поселения, построить города, отремонтировать дороги и вообще устраниТЬ всякие непорядки.
And then, with everything well on its way to Safety, the Spoil-Funs, the people with mercurochrome for blood and iodine-colored eyes, came now to set up their Moral Climates and dole out goodness to everyone.	А уж потом, когда прочно утвердилась Безопасность, эти Душители Радости, эти субъекты с формалином вместо крови и с глазами цвета йодной настойки явились насаждать свой Нравственный Климат и милостиво наделять всех добродетелями.
And they were his friends!	И все они - его друзья!
Yes, carefully, carefully, he had met and befriended each of them on Earth in the last year!	Да-да, в прошлом году на Земле он неназойливо, осторожно с каждым из них познакомился, каждому выказал свое расположение.
"Welcome to the vasty halls of Death!" he cried.	- Добро пожаловать в безбрежные покои Смерти!- крикнул он.
"Hello, Stendahl, what is all this?"	- Послушайте, Стендаль, что все это значит?

"You'll see.	- Увидите.
Everyone off with their clothes.	Всем раздеться!
You'll find booths to one side there.	Вон там есть кабинки.
Change into costumes you find there.	Наденьте костюмы, которые там приготовлены.
Men on this side, women on that."	Мужчины - в эту сторону, женщины - в ту.
The people stood uneasily about.	Гости стояли в некотором замешательстве.
"I don't know if we should stay," said Miss Pope.	- Не знаю, прилично ли нам оставаться, - сказала мисс Поуп.
"I don't like the looks of this.	- Не нравится мне здесь.
It verges on - blasphemy."	Это... это похоже на кощунство.
"Nonsense, a costume ball!"	- Чепуха, костюмированный бал!
"Seems quite illegal."	- Боюсь, это все противозаконно.
Mr. Steffens sniffed about.	- Мистер Стеффенс настороженно шмыгал носом.
"Come off it." Stendahl laughed.	- Полно! - рассмеялся Стендаль.
"Enjoy yourselves.	- Повеселитесь хоть раз.
Tomorrow it'll be a ruin.	Завтра тут будут одни развалины.
Get in the booths!"	По кабинам!
The House blazed with life and color; harlequins rang by with belled caps and white mice danced	Дом сверкал жизнью и красками, шуты звенели бубенчиками, белые мыши

miniature quadrilles to the music of dwarfs who tickled tiny fiddles with tiny bows, and flags rippled from scorched beams while bats flew in clouds about gargoyle mouths which spouted down wine, cool, wild, and foaming.	танцевали миниатюрную кадриль под музыку карликов, которые щекотали крохотные скрипки крошечными смычками, флаги трепетали под закоптелыми балками, и стаи летучих мышей кружили у разверстых пасть горгулий, извергавших холодное, хмельное, пенное вино.
A creek wandered through the seven rooms of the masked ball.	Через все семь залов костюмированного бала бежал ручеек.
Guests sipped and found it to be sherry.	Гости приложились к нему и обнаружили, что это херес!
Guests poured from the booths, transformed from one age into another, their faces covered with dominoes, the very act of putting on a mask revoking all their licenses to pick a quarrel with fantasy and horror.	Гости высыпали из кабин, сбросив годы с плеч, скрывшись под маскарадными домино, и уже то, что они надели маски, лишало их права осуждать фантазии и ужасы.
The women swept about in red gowns, laughing.	Кружились смеющиеся женщины в красных одеждах.
The men danced them attendance.	Мужчины увивались за ними.
And on the walls were shadows with no people to throw them, and here or there were mirrors in which no image showed.	По стенам скользили тени, отброшенные неведомо кем, тут и там висели зеркала, в которых ничто не отражалось.
"All of us vampires!" laughed Mr. Fletcher.	- Да мы все упыри! - рассмеялся мистер Флетчер.
"Dead!"	- Мертвцы!

There were seven rooms, each a different color, one blue, one purple, one green, one orange, another white, the sixth violet, and the seventh shrouded in black velvet.	Семь залов, каждый иного цвета: один голубой, один пурпурный, один зеленый, один оранжевый, еще один белый, шестой фиолетовый, седьмой затянут черным бархатом.
And in the black room was an ebony clock which struck the hour loud.	В черном зале эбеновые куранты гулко отбивали часы.
And through these rooms the guests ran, drunk at last, among the robot fantasies, amid the Dormice and Mad Hatters, the Trolls and Giants, the Black Cats and White Queens, and under their dancing feet the floor gave off the massive pumping beat of a hidden and telltale heart.	Из зала в зал, между фантастическими роботами, между Сонями и Сумасшедшими Шляпниками, Троллями и Великанами, Черными Котами и Белыми Королевами носились опьяневшие гости, и под их пляшущими ногами пол пульсировал тяжело и глухо, точно сокрытое под ним сердце не могло сдержать своего волнения.
"Mr. Stendahl!"	- Мистер Стендаль!
A whisper.	Шепотом.
"Mr. Stendahl!"	- Мистер Стендаль!
A monster with the face of Death stood at his elbow.	Рядом с ним стояло чудовище в маске Смерти.
It was Pikes.	Это был Пайкс.
"I must see you alone."	- Нам нужно поговорить наедине.
"What is it?"	- В чем дело?
"Here."	- Вот.
Pikes held out a skeleton hand.	- Пайкс протянул ему костлявую руку.

In it were a few half-melted, charred wheels, nuts, cogs, bolts.	В ней была горсть оплавленных, покерневших колесиков, гайки, винты, болты.
Stendahl looked at them for a long moment.	Стендаль долго смотрел на них.
Then he drew Pikes into a corridor.	Затем увлек Пайкса в коридор.
"Garrett?" he whispered.	- Гаррет? - спросил он шепотом.
Pikes nodded.	Пайкс кивнул.
"He sent a robot in his place.	- Он прислал робота вместо себя.
Cleaning out the incinerator a moment ago, I found these."	Я нашел это только что, когда чистил мусоросжигатель.
They both stared at the fateful cogs for a time.	Оба глядели на зловещие винты.
"This means the police will be here any minute," said Pikes.	- Это значит, что в любой момент может нагрянуть полиция, - сказал Пайкс.
"Our plan will be ruined."	- Наши планы рухнут.
"I don't know."	- Это еще неизвестно.
Stendahl glanced in at the whirling yellow and blue and orange people.	Стендаль взглянул на кружящихся желтых, синих, оранжевых людей.
The music swept through the misting halls.	Музыка волнами неслась сквозь туманные просторы залов.

"I should have guessed Garrett wouldn't be fool enough to come in person.	- Я должен был догадаться, что Гаррет не настолько глуп, чтобы явиться лично.
But wait!"	Но погодите-ка!
"What's the matter?"	- Что случилось?
"Nothing."	- Ничего.
There's nothing the matter.	Ничего серьезного.
Garrett sent a robot to us.	Гаррет прислал к нам робота.
Well, we sent one back.	Но ведь мы ответили тем же.
Unless he checks closely, he won't notice the switch."	Если он не будет очень уж приглядываться, то просто не заметит подмены.
"Of course!"	- Конечно!
"Next time he'll come himself.	- Следующий раз он явится сам.
Now that he thinks it's safe.	Теперь он уверен, что ему ничто не грозит.
Why, he might be at the door any minute, in person!	Ждите его с минуты на минуту, собственной персоной!
More wine, Pikes!"	Еще вина, Пайкс?
The great bell rang.	Зазвонил большой колокол.
"There he is now, I'll bet you.	- Бьюсь об заклад, это он.
Go let Mr. Garrett in."	Идите, впустите мистера Гаррета.
Rapunzel let down her golden hair.	Рапунцель спустила вниз свои золотые волосы.
"Mr. Stendahl?"	- Мистер Стендаль?
"Mr. Garrett. The real Mr. Garrett?"	- Мистер Гаррет, подлинный Гаррет?
"The same."	- Он самый.
Garrett eyed the dank walls and the whirling people.	- Гаррет окинул пристальным взглядом сырье стены и кружящихся людей.
"I thought I'd better come see for myself.	- Решил, лучше самому посмотреть.
You can't depend on robots.	На роботов нельзя положиться.
Other people's robots, especially.	Тем более, на чужих роботов.
I also took the precaution of summoning the Dismantlers.	Заодно я предусмотрительно вызвал Демонтажников.

They'll be here in one hour to knock the props out from under this horrible place."	Через час они прибудут, чтобы обрушить стены этого мерзостного логова.
Stendahl bowed.	Стендаль поклонился.
"Thanks for telling me."	- Спасибо за предупреждение.
He waved his hand.	- Он сделал жест рукой.
"In the meantime, you might as well enjoy this.	- А пока приглашаю вас развлечься.
A little wine?"	Немного вина?

"No, thank you.	- Нет-нет, благодарю.
What's going on?	Что тут происходит?
How low can a man sink?"	Где предел падения человека?
"See for yourself, Mr. Garrett."	- Убедитесь сами, мистер Гаррет.
"Murder," said Garrett.	- Разврат, - сказал Гаррет.
"Murder most foul," said Stendahl.	- Самый гнусный, - подтвердил Стендаль.
A woman screamed. Miss Pope ran up, her face the color of a cheese.	Где-то завизжала женщина Подбежала мисс Поуп, бледная, как сыр.
"The most horrid thing just happened!"	- Что сейчас случилось, какой ужас!
I saw Miss Blunt strangled by an ape and stuffed up a chimney!"	На моих глазах обезьяна задушила мисс Блант и затолкала ее в дымоход!
They looked and saw the long yellow hair trailing down from the flue.	Они заглянули в трубу и увидели свисающие вниз длинные желтые волосы.
Garrett cried out.	Гаррет вскрикнул.
"Horrid!" sobbed Miss Pope, and then ceased crying.	- Ужасно! - причитала мисс Поуп.
She blinked and turned. "Miss Blunt!"	Вдруг она осеклась. Захлопала глазами и повернулась: - Мисс Блант!
"Yes," said Miss Blunt, standing there.	- Да. - Мисс Блант стояла рядом с ней.
"But I just saw you crammed up the flue!"	- Но я только что видела вас в каминной трубе!
"No," laughed Miss Blunt. "A robot of myself.	- Нет, - рассмеялась мисс Блант - Это был робот, моя копия.
A clever facsimile!"	Искусная репродукция!
"But, but..."	- Но, но...
"Don't cry darling.	- Утрите слезы, миличка.
I'm quite all right.	Я жива-здорова.
Let me look at myself.	Разрешите мне взглянуть на себя.
Well, so there I am! Up the chimney. Like you said.	Так вот где я! Да, в дымоходе, как вы и сказали.
Isn't that funny?"	Потешно, не правда ли?
Miss Blunt walked away, laughing.	Мисс Блант удалилась, смеясь.
"Have a drink, Garrett?"	- Хотите выпить, Гаррет?
"I believe I will.	- Пожалуй, выпью.
That unnerved me.	Немного расстроился.
My God, what a place.	Боже мой, что за место.
This does deserve tearing down.	Оно вполне заслуживает разрушения.
For a moment there..." Garrett drank.	На мгновение мне... - Гаррет выпил вина.
Another scream.	Новый крик.

Mr. Steffens, borne upon the shoulders of four white rabbits, was carried down a flight of stairs which magically appeared in the floor.	Четыре белых кролика несли на спине мистера Стеффенса вниз по лестнице, которая вдруг чудом открылась в полу.
--	---

Into a pit went Mr. Steffens, where, bound and tied, he was left to face the advancing razor steel of a great pendulum which now whirled down, down, closer and closer to his outraged body.	Мистера Стеффенса утащили в яму и оставили там, связанного по рукам и ногам, глядеть, как сверху все ниже, ниже, ближе и ближе к его простертому телу опускалось, качаясь, ост्रое как бритва, лезвие огромного маятника.
"Is that me down there?" said Mr. Steffens, appearing at Garrett's elbow.	- Это я там внизу? - спросил мистер Стеффенс, появившись рядом с Гарретом.
He bent over the pit.	Он наклонился над колодцем.
"How strange, how odd, to see yourself die."	- Очень, очень странно наблюдать собственную гибель.
The pendulum made a final stroke.	Маятник качнулся в последний раз.
"How realistic," said Mr. Steffens, turning away.	- До чего реалистично, - сказал мистер Стеффенс, отворачиваясь.
"Another drink, Mr. Garrett?"	- Еще вина, мистер Гаррет?
"Yes, please."	- Да, пожалуйста.
"It won't be long."	- Теперь уже недолго.
The Dismantlers will be here."	Скоро прибудут Демонтажники.
"Thank God!"	- Слава богу!
And for a third time, a scream.	И опять, в третий раз - крик.
"What now?" said Garrett apprehensively.	- Ну что еще? - нервно спросил Гаррет.
"It's my turn," said Miss Drummond.	- Теперь моя очередь, - сказала мисс Драммонд.
"Look."	- Глядите.
And a second Miss Druxnmond, shrieking, was nailed into a coffin and thrust into the raw earth under the floor.	Вторую мисс Драммонд, сколько она ни кричала, заколотили в гроб и бросили в сырую землю под полом.
"Why, I remember that," gasped the Investigator of Moral Climates.	- Постойте, я же помню это! - ахнул инспектор Нравственного Климата.
"From the old forbidden books.	- Это же из старых, запрещенных книг...
The Premature Burial.	"Преждевременное погребение".
And the others. The Pit, the Pendulum, and the ape, the chimney, the Murders in the Rue Morgue.	Да и остальное: колодец, маятник, обезьяна, дымоход... "Убийство на улице Морг".
In a book I burned, yes!"	Я сам сжег эту книгу, ну конечно же!
"Another drink, Garrett.	- Еще вина, Гаррет.
Here, hold your glass steady."	Так, держите рюмку крепче.
"My lord, you have an imagination, haven't you?"	- Господи, какое у вас воображение!
They stood and watched five others die, one in the mouth of a dragon, the others thrown off into the black tarn, sinking and vanishing.	На их глазах погибли еще пятеро: один в пасти дракона, другие были сброшены в черный пруд, пошли ко дну и сгинули.

"Would you like to see what we have planned for you?" asked Stendahl.	- Хотите взглянуть, что мы приготовили для вас? - спросил Стендаль.
"Certainly," said Garrett.	- Разумеется, - ответил Гаррет.
"What's the difference?"	- Какая разница?
We'll blow the whole damn thing up, anyway.	Все равно мы взорвем эту скверну.
You're nasty."	Вы отвратительны.
"Come along then.	- Тогда пошли.
This way."	Сюда.

And he led Garrett down into the floor, through numerous passages and down again upon spiral stairs into the earth, into the catacombs.	И он повел Гаррета вниз, в подполье, по многочисленным переходам, опять вниз по винтовой лестнице под землю, в катакомбы.
"What do you want to show me down here?" said Garrett.	- Что вы хотите мне здесь показать? - спросил Гаррет.
"Yourself killed."	- Вас, убитого.
"A duplicate?"	- Моего двойника?
"Yes."	- Да.
And also something else."	И еще кое-что.
"What?"	- Что же?
"The Amontillado," said Stendahl, going ahead with a blazing lantern which he held high.	- Амонтильядо, - сказал Стендаль, шагая впереди с поднятым в руке фонарем.
Skeletons froze half out of coffin lids.	Кругом, наполовину высунувшись из гробов, торчали недвижные скелеты.
Garrett held his hand to his nose, his face disgusted.	Гаррет прикрыл нос ладонью, лицо его выражало отвращение.
"The what?"	- Что-что?
"Haven't you ever heard of the Amontillado?"	- Вы никогда не слыхали про амонтильядо?
"No!"	- Нет!
"Don't you recognize this?"	- И не узнаете вот это?
Stendahl pointed to a cell.	- Стендаль указал на нишу.
"Should I?"	- Откуда мне знать?
"Or this?"	- Это тоже?
Stendahl produced a trowel from under his cape smiling.	- Стендаль, улыбаясь, извлек из складок своего балахона мастерок каменщика.
"What's that thing?"	- Что это такое?
"Come," said Stendahl.	- Пошли, - сказал Стендаль.
They stepped into the cell.	Они ступили в нишу.
In the dark, Stendahl affixed the chains to the half-drunk man.	Во тьме Стендаль заковал полупьяного инспектора в кандалы.

"For God's sake, what are you doing?" shouted Garrett, rattling about.	- Боже мой, что вы делаете? - вскричал Гаррет, гремя цепями.
"I'm being ironic."	- Я, так сказать, кую железо, пока горячо.
Don't interrupt a man in the midst of being ironic, it's not polite.	Не перебивайте человека, который кует железо, пока оно горячо, это неучтиво.
There!"	Вот так!
"You've locked me in chains!"	- Вы заковали меня в цепи!..
"So I have."	- Совершенно верно.
"What are you going to do?"	- Что вы собираетесь сделать?
"Leave you here."	- Оставить вас здесь.
"You're joking."	- Вы шутите.
"A very good joke."	- Весьма удачная шутка.
"Where's my duplicate?"	- Где мой двойник?
Don't we see him killed?"	Разве мы не увидим, как его убьют?
"There's no duplicate."	- Никакого двойника нет.
"But the others!"	- Но как же остальные?!
"The others are dead."	- Остальные мертвые.
The ones you saw killed were the real people.	Вы видели, как убивали живых людей.
The duplicates, the robots, stood by and watched."	А двойники, роботы, стояли рядом и смотрели.

Garrett said nothing.	Гаррет молчал.
"Now you're supposed to say,	- Теперь вы обязаны воскликнуть:
"For the love of God, Montresor!"" said Stendahl.	"Ради всего святого, Монтрезор!" - сказал Стендаль.
"And I will reply,	- А я отвечу:
"Yes, for the love of God."	"Да, ради всего святого".
Won't you say it?	Ну, что же вы?
Come on.	Давайте.
Say it."	Говорите.
"You fool."	- Болван!
"Must I coax you?	- Что, я вас упрашивать должен?
Say it.	Говорите.
Say	Говорите:
"For the love of God, Montresor!""	"Ради всего святого, Монтрезор!"
"I won't, you idiot.	- Не скажу, идиот.
Get me out of here."	Выпустите меня отсюда.
He was sober now.	- Он уже проторзвел.

"Here.	- Вот.
Put this on."	Наденьте.
Stendahl tossed in something that belled and rang.	- Стендаль сунул ему что-то, позванивающее бубенчиками.
"What is it?"	- Что это?
"A cap and bells.	- Колпак с бубенчиками.
Put it on and I might let you out."	Наденьте его, и я, быть может, выпущу вас.
"Stendahl!"	- Стендаль!
"Put it on, I said!"	- Надевайте, говорят вам!
Garrett obeyed.	Гаррет послушался.
The bells tinkled.	Бубенчики тренькали.
"Don't you have a feeling that this has all happened before?" inquired Stendahl, setting to work with trowel and mortar and brick now.	- У вас нет такого чувства, что все это уже когда-то происходило? - справился Стендаль, берясь за лопатку, раствор, кирпичи.
"What're you doing?"	- Что вы делаете?
"Walling you in.	- Замуровываю вас.
Here's one row.	Один ряд выложен.
Here's another."	А вот и второй.
"You're insane!"	- Вы сошли с ума!
"I won't argue that point."	- Не стану спорить.
"You'll be prosecuted for this!"	- Вас привлекут к ответственности за это!
He tapped a brick and placed it on the wet mortar, humming.	Стендаль, напевая, постучал по кирпичу и положил его на влажный раствор.
Now there was a thrashing and pounding and a crying out from within the darkening place.	Из тонущей во мраке ниши неслось стук, лязг, крики.
The bricks rose higher.	Стена росла.
"More thrashing, please," said Stendahl.	- Лязгайте как следует, прошу вас, - сказал Стендаль.
"Let's make it a good show."	- Чтобы было сыграно на славу!
"Let me out, let me out!"	- Выпустите, выпустите меня!
There was one last brick to shove into place.	Осталось уложить один, последний кирпич.
The screaming was continuous.	Вопли не прекращались.
"Garrett?" called Stendahl softly.	- Гаррет? - тихо позвал Стендаль.

Garrett silenced himself.	Гаррет смолк.
"Garrett," said Stendahl, "do you know why I've done this to you?"	- Гаррет, - продолжал Стендаль, - знаете почему я так поступил с вами?
Because you burned Mr. Poe's books without really reading them.	Потому что вы сожгли книги мистера По, даже не прочитав их как следует.

You took other people's advice that they needed burning.	Положились на слова других людей, что надо их сжечь.
Otherwise you'd have realized what I was going to do to you when we came down here a moment ago.	Иначе вы сразу, как только мы пришли сюда догадались бы, что я задумал.
Ignorance is fatal, Mr. Garrett."	Неведение пагубно, мистер Гаррет.
Garrett was silent.	Гаррет молчал.
"I want this to be perfect," said Stendahl, holding his lantern up so its light penetrated in upon the slumped figure.	- Все должно быть в точности, - сказал Стендаль, поднимая фонарь так, чтобы луч света проник в нишу и упал на поникшую фигуру.
"Jingle your bells softly."	- Позвоните тихонько бубенчиками.
The bells rustled.	Бубенчики звякнули.
"Now, if you'll please say,	- А теперь, если вы изволите сказать
"For the love of God, Monstresor," I might let you free."	"Ради всего святого, Монтрезор!", я, возможно, освобожу вас.
The man's face came up in the light.	В луче света появилось лицо инспектора.
There was a hesitation. Then grotesquely the man said,	Минута колебания, и вот прозвучали нелепые слова.
"For the love of God, Montresor."	- Ради всего святого, Монтрезор.
"Ah," said Stendahl, eyes closed.	Стендаль удовлетворенно вздохнул, закрыв глаза.
He shoved the last brick into place and mortared it tight.	Вложил последний кирпич и плотно заделал его
"Requiescat in pace, dear friend."	- Requiescat in pace, дорогой друг.
He hastened from the catacomb.	Он быстро покинул катакомбы.
In the seven rooms the sound of a midnight clock brought everything to a halt.	В полночь, с первым ударом часов, в семи залах дома все смолкло.
The Red Death appeared.	Появилась Красная Смерть.
Stendahl turned for a moment at the door to watch.	Стендаль на миг задержался в дверях, еще раз все оглядел.
And then he ran out of the great House, across the moat, to where a helicopter waited.	Выбежал из Дома и поспешил через ров туда, где ждал вертолет.
"Ready, Pikes?"	- Готово, Пайкс?
"Ready." "There it goes!"	- Готово.
They looked at the great House, smiling.	Улыбаясь, они смотрели на величавое здание.
It began to crack down the middle, as with an earthquake, and as Stendahl watched the magnificent sight he heard Pikes reading behind him in a low, cadenced voice:	Дом начал раскалываться посередине, точно от землетрясения, и, любуясь изумительной картиной, Стендаль услышал, как позади него Пайкс тихо и напевно декламирует:
""... my brain reeled as I saw the mighty walls rushing asunder - there was a long tumultuous shouting sound like the voice of a thousand waters - and the deep and dank tarn at my feet	- "...на моих глазах мощные стены распались и рухнули. Раздался протяжный гул, точно от тысячи водопадов, и глубокий черный пруд безмолвно и угрюмо сомкнулся над

closed sullenly and silently over the fragments of the House of Usher. ""	развалинами Дома Эшеров".
The helicopter rose over the steaming lake and flew into the west.	Вертолет взлетел над бурлящим озером, взяв курс на запад.
August 2005: THE OLD ONES	Август 2005 Старые люди
And what more natural than that, at last, the old people come to Mars, following in the trail left by the loud frontiersmen, the aromatic sophisticates, and the professional travelers and romantic lecturers in search of new grist.	И наконец - как и следовало ожидать - на Марс стали прибывать старые люди; они отправились по следу, проложенному громогласными пионерами, утонченными скептиками, профессиональными скитальцами романтическими проповедниками, искашившими свежей поживы.
And so the dry and crackling people, the people who spent their time listening to their hearts and feeling their pulses and spooning syrups into their wry mouths, these people who once had taken chair cars to California in November and third-class steamers to Italy in April, the dried-apricot people, the mummy people, came at last to Mars...	Люди немощные и дряхлые, люди, которые только и делали, что слушали собственное сердце, щупали собственный пульс, беспрестанно глотали микстуру перекошенными ртами, люди, которые прежде в ноябре отправлялись в общем вагоне в Калифорнию, а в апреле на третьеклассном пароходе в Италию, эти живые монстры, эти сморчки тоже наконец появились на Марсе...
September 2005: THE MARTIAN	Сентябрь 2005 Марсианин
The blue mountains lifted into the rain and the rain fell down into the long canals and old LaFarge and his wife came out of their house to watch.	Устремленные вверх голубые пики терялись в завесе дождя, дождь поливал длинные каналы, и старик Лафарж вышел с женой из дома посмотреть.
"First rain this season," LaFarge pointed out.	- Первый дождь сезона, - заметил Лафарж.
"It's good," said his wife.	- Чудесно... - вздохнула жена.
"Very welcome."	- Благодать!
They shut the door.	Они затворили дверь.
Inside, they warmed their hands at a fire.	Вернувшись в комнаты, стали греть руки над углами в камине.
They shivered.	Они зябко дрожали.
In the distance, through the window, they saw rain gleaming on the sides of the rocket which had brought them from Earth.	Сквозь окно они видели вдали влажный блеск дождя на корпусе ракеты, которая доставила их сюда с Земли.
"There's only one thing," said LaFarge, looking at his hands.	- Вот одно только... - произнес Лафарж, глядя на свои руки.
"What's that?" asked his wife.	- Ты о чем? - спросила жена.
"I wish we could have brought Tom with us."	- Если бы мы могли взять с собой Тома...
"Oh, now, Lafe!"	- Лаф, ты опять!
"I won't start again; I'm sorry."	- Нет, нет, прости меня, я не буду.
"We came here to enjoy our old age in peace, not to think of Tom."	- Мы прилетели сюда, чтобы тихо, без тревог прожить свою старость, а не думать о Томе.
He's been dead so long now, we should try to forget him and everything on Earth."	Сколько лет прошло, как он умер, надо постараться забыть его и все, что было на Земле.

"You're right," he said, and turned his hands again to the heat.	- Верно, верно, - сказал он и снова потянулся к теплу.
He gazed into the fire.	Его глаза смотрели на огонь.
"I won't speak of it any more.	- Я больше не заговорю об этом.
It's just I miss driving out to Green Lawn Park every Sunday to put flowers on his marker.	Просто, ну... очень уж недостает мне наших поездок в Грин-Лон-Парк по воскресеньям, когда мы клади цветы на его могилу.
It used to be our only excursion."	Ведь мы больше никуда не выезжали...
The blue rain fell gently upon the house.	Голубой дождь ласковыми струями поливал дом.
At nine o'clock they went to bed and lay quietly, hand in hand, he fifty-five, she sixty, in the raining darkness.	В девять часов они легли спать; молча, рука в руке, лежали они, ему - пятьдесят пять, ей -шестьдесят, во мраке, наполненном шумом дождя.
"Anna?" he called softly.	- Энн, - тихо позвал он.
"Yes?" she replied.	- Да? - откликнулась она.
"Did you hear something?"	- Ты ничего не слышала?
They both listened to the rain and the wind.	Они вместе прислушались к шуму ветра и дождя.
"Nothing," she said.	- Ничего, - сказала она.
"Someone whistling," he said.	- Кто-то свистел, - объяснил он.
"No, I didn't hear it."	- Нет, я не слышала.
"I'm going to get up to see anyhow."	- Пойду посмотрю на всякий случай.
He put on his robe and walked through the house to the front door.	Он надел халат и прошел через весь дом к наружной двери.
Hesitating, he pulled the door wide, and rain fell cold upon his face.	Помедлив в нерешительности, толчком отворил ее, и холодные капли дождя ударили по его лицу.
The wind blew.	Дул ветер.
In the dooryard stood a small figure.	У крыльца стояла маленькая фигура.
Lightning cracked the sky, and a wash of white color illumined the face looking in at old LaFarge there in the doorway.	Молния распорола небо, и мазок белого света выхватил из мрака лицо. Оно глядело на стоящего в дверях Лафаржа.
"Who's there?" called LaFarge, trembling.	- Кто там? - крикнул старик, дрожа.
No answer.	Молчание.
"Who is it?	- Кто это?
What do you want!"	Что вам надо?
Still not a word.	По-прежнему ни слова.
He felt very weak and tired and numb.	Он почувствовал страшную усталость, слабость, изнеможение.
"Who are you?" he cried.	- Кто ты такой? - крикнул Лафарж снова.
His wife entered behind him and took his arm.	Жена подошла к нему сзади и взяла его за руку.
"Why are you shouting?"	- Чего ты так кричишь?

"A small boy's standing in the yard and won't answer me," said the old man, trembling.	- Какой-то мальчик стоит у крыльца и не хочет мне отвечать, - сказал старик, дрожа.
"He looks like Tom!"	- Он похож на Тома!
"Come to bed, you're dreaming."	- Пойдем спать, тебе почудилось.
"But he's there; see for yourself."	- Он и сейчас стоит, взгляни сама.
He pulled the door wider to let her see.	Лафарж отворил дверь шире, чтобы жене

	было видно.
The cold wind blew and the thin rain fell upon the soil and the figure stood looking at them with distant eyes.	Холодный ветер, редкий дождь - и фигурка, глядящая на них задумчивыми глазами.
The old woman held to the doorway.	Старая женщина прислонилась к притолоке.
"Go away!" she said, waving one hand.	- Уходи! - сказала она, отмахиваясь рукой.
"Go away!"	- Уходи!
"Doesn't it look like Tom?" asked the old man.	- Скажешь, не похож на Тома? - спросил старик.
The figure did not move.	Фигурка не двигалась.
"I'm afraid," said the old woman.	- Мне страшно, - произнесла женщина.
"Lock the door and come to bed.	- Запри дверь и пойдем спать.
I won't have anything to do with it."	Не хочу, не хочу!..
She vanished, moaning to herself, into the bedroom.	И она ушла в спальню, причитая себе под нос.
The old man stood with the wind raining coldness on his hands.	Старик стоял на ветру, и руки его стыли от студеной влаги.
"Tom," he called softly. "Tom, if that's you, if by some chance it is you, Tom, I'll leave the door unlatched.	- Том, - тихо сказал он - Том, на тот случай, если это ты, если это каким-то чудом ты, - я не стану запирать дверь.
And if you're cold and want to come in to warm yourself, just come in later and lie by the hearth; there's some fur rugs there."	Если ты озяб и захочешь войти погреться, входи и ложись подле камина, там есть меховой коврик.
He shut but did not lock the door.	И он прикрыл дверь, не заперев ее.
His wife felt him return to bed, and shuddered.	Жена услышала, как он ложится, и зябко поежилась.
"It's a terrible night.	- Ужасная ночь.
I feel so old," she said, sobbing.	Я чувствую себя такой старой. - Она всхлипнула.
"Hush, hush," he gentled her, and held her in his arms.	- Ладно, ладно, - ласково успокаивал он ее, обнимая.
"Go to sleep."	- Спи.
After a long while she slept.	Наконец она уснула.
And then, very quietly, as he listened, he heard the front door open, the rain and wind come in, the door shut.	И тут его настороженный слух тотчас уловил: наружная дверь медленно-медленно отворилась, впуская дождь и ветер, потом затворилась.

He heard soft footsteps on the hearth and a gentle breathing.	Лафарж услышал легкие шаги возле камина и слабое дыхание.
"Tom," he said to himself,	"Том", - сказал он сам себе.
Lightning struck in the sky and broke the blackness apart.	Молния полыхнула в небе и расколола мрак на части.
In the morning the sun was very hot.	Утром светило жаркое-жаркое солнце.
Mr. LaFarge opened the door into the living room and glanced all about, quickly.	Лафарж распахнул дверь в гостиную и обвел ее быстрым взглядом.
The hearthrugs were empty.	На коврике никого не было.
LaFarge sighed.	Лафарж вздохнул.
"I'm getting old," he said.	- Стар становлюсь, - сказал он.
He went out to walk to the canal to fetch a bucket of clear water to wash in.	И он пошел к двери, чтобы спуститься к каналу за ведром прозрачной воды для

	умывания.
At the front door he almost knocked young Tom down carrying in a bucket already filled to the brim.	На пороге он чуть не сбил с ног юного Тома, который шел уже с полным до краев ведром.
"Good morning, Father!"	- Доброе утро, отец!
"Morning Tom."	- Доброе утро, Том.
The old man fell aside.	Старик посторонился.
The young boy, barefooted, hurried across the room, set the bucket down, and turned, smiling.	Подросток пробежал босиком через комнату, поставил ведро и обернулся, улыбаясь.
"It's a fine day!"	- Чудесный день сегодня!
"Yes, it is," said the old man incredulously.	- Да, хороший, - настороженно отозвался старик.
The boy acted as if nothing was unusual.	Мальчик держался как ни в чем не бывало.
He began to wash his face with the water.	Он стал умываться принесенной водой.
The old man moved forward.	Старик шагнул вперед.
"Tom, how did you get here?"	- Том, как ты сюда попал?
You're alive?"	Ты жив?
"Shouldn't I be?"	- А почему мне не быть живым?
The boy glanced up.	- Мальчик поднял глаза на отца.
"But, Tom, Green Lawn Park, every Sunday, the flowers and..." LaFarge had to sit down.	- Но, Том... Грин-Лон-Парк, каждое воскресенье... цветы... и... - Лафарж вынужден был сесть.
The boy came and stood before him and took his hand.	Сын подошел к нему, остановился и взял его руку.
The old man felt of the fingers, warm and firm.	Старик ощупил пальцы - крепкие, теплые.
"You're really here, it's not a dream?"	- Ты в самом деле здесь, это не сон?
"You do want me to be here, don't you?"	- Разве вы не хотите, чтобы я был здесь?
The boy seemed worried.	- Мальчик встревожился.
"Yes, yes, Tom!"	- Что ты, Том, конечно, хотим!

"Then why ask questions?	- Тогда зачем спрашивать?
Accept me!"	Пришел, и все тут.
"But your mother; the shock..."	- Но твоя мать, такая неожиданность...
"Don't worry about her.	- Не беспокойся, все будет хорошо.
During the night I sang to both of you, and you'll accept me more because of it, especially her.	Ночью я пел вам обоим, это поможет вам принять меня, особенно ей.
I know what the shock is.	И знаю, как действует неожиданность.
Wait till she comes, you'll see."	Погоди, она войдет, и убедишься сам.
He laughed, shaking his head of coppery, curled hair.	И он рассмеялся, тряхнув шапкой кудрявых медно-рыжих волос.
His eyes were very blue and clear.	У него были очень голубые и ясные глаза.
"Good morning, Lafe, Tom."	- Доброе утро, Лаф и Том.
Mother came from the bedroom, putting her hair up into a bun.	- Мать вышла из дверей спальни, собирая волосы в пучок.
"Isn't it a fine day?"	- Правда, чудесный день?
Tom turned to laugh in his father's face.	Том повернулся к отцу, улыбаясь:
"You see?"	- Что я говорил?
They ate a very good lunch, all three of them, in the shade behind the house.	Вместе, втроем, они замечательно позавтракали в тени за домом.
Mrs. LaFarge had found an old bottle of sunflower wine she had put away, and they all	Миссис Лафарж достала припрятанную впрок старую бутылку подсолнухового вина,

had a drink of that.	и все немножко выпили.
Mr. LaFarge had never seen his wife's face so bright.	Никогда еще Лафарж не видел свою жену такой веселой.
If there was any doubt in her mind about Tom, she didn't voice it.	Если у нее и было какое-то сомнение насчет Тома, то вслух она его не высказывала.
It was completely natural thing to her.	Для нее все было в порядке вещей.
And it was also becoming natural to LaFarge himself.	И чем дальше, тем больше сам Лафарж проникался этим чувством.
While Mother cleared the dishes LaFarge leaned toward his son and said confidentially,	Пока мать мыла посуду, он наклонился к сыну и тихонько спросил:
"How old are you now, Son?"	- Сколько же тебе лет теперь, сынок?
"Don't you know, Father?"	- Разве ты не знаешь, папа?
Fourteen, of course."	Четырнадцать, конечно.
"Who are you, really?"	- А кто ты такой на самом деле?
You can't be Tom, but you are someone.	Ты не можешь быть Томом, но кем-то ты должен быть!
Who?"	Кто ты?
"Don't."	- Не надо.

Startled, the boy put his hands to his face.	- Парнишка испуганно прикрыл лицо руками.
"You can tell me," said the old man. "I'll understand.	- Мне ты можешь сказать, - настаивал старик, - я пойму.
You're a Martian, aren't you?	Ты марсианин, наверно?
I've heard tales of the Martians; nothing definite.	Я тут слыхал разные басни про марсиан, правда, толком никто ничего не знает.
Stories about how rare Martians are and when they come among us they come as Earth Men.	Вроде бы их совсем мало осталось, а когда они появляются среди нас, то в облике землян.
There's something about you - you're Tom and yet you're not."	Вот и ты, если приглядеться: будто бы и Том, и не Том...
"Why can't you accept me and stop talking?" cried the boy. His hands completely shielded his face.	- Зачем, зачем это?! Чем я вам не хорош? - закричал мальчик, спрятав лицо в ладонях.
"Don't doubt, please don't doubt me!"	- Пожалуйста ну пожалуйста, не надо сомневаться во мне!
He turned and ran from the table.	Он вскочил на ноги и ринулся прочь от стола.
"Tom, come back!"	- Том, вернись!
But the boy ran off along the canal toward the distant town.	Но мальчик продолжал бежать вдоль канала к городу.
"Where's Tom going?" asked Anna, returning for more dishes.	- Куда это он? - спросила Энн; она пришла за остальными тарелками.
She looked at her husband's face.	Она посмотрела в лицо мужу.
"Did you say something to bother him?"	- Ты что-нибудь сказал, напугал его?
"Anna," he said, taking her hand. "Anna, do you remember anything about Green Lawn Park, a market, and Tom having pneumonia?"	- Энн, - заговорил он, беря ее за руку, - Энн, ты помнишь Грин-Лон-Парк, помнишь ярмарку и как Том заболел воспалением легких?
"What are you talking about?"	- Что ты такое говоришь?
She laughed.	- Она рассмеялась.
"Never mind," he said quietly.	- Так, ничего, - тихо ответил он.

In the distance the dust drifted down after Tom had run along the canal rim.	Вдали, у канала, медленно оседала пыль, поднятая ногами бегущего Тома.
At five in the afternoon, with the sunset, Tom returned.	В пять часов вечера, на закате, Том возвратился.
He looked doubtfully at his father.	Он настороженно поглядел на отца.
"Are you going to ask me anything?" he wanted to know.	- Ты опять начнешь меня расспрашивать?
"No questions," said LaFarge.	- Никаких вопросов, - сказал Лафарж.
The boy smiled his white smile.	Блеснула белозубая улыбка.
"Swell."	- Вот это здорово.
"Where've you been?"	- Где ты был?
"Near the town.	- Возле города.

I almost didn't come back.	Чуть не остался там.
I was almost" - the boy sought for a word "trapped."	Меня чуть... - Он замялся, подбирав нужное слово. - Я чуть не попал в западню.
"How do you mean, "trapped"?"	- Что ты хочешь этим сказать - "в западню"?
"I passed a small tin house by the canal and I was almost made so I couldn't come back here ever again to see you.	- Там, возле канала есть маленький железный дом, и когда я шел мимо него, то меня чуть было не заставили... после этого я не смог был вернуться сюда, к вам.
I don't know how to explain it to you, there's no way, I can't tell you, even I don't know; it's strange, I don't want to talk about it."	Не знаю, как вам объяснить, нет таких слов, я не умею рассказать, я и сам не понимаю, это так странно, мне не хочется об этом говорить.
"We won't then.	- И не надо.
Better wash up, boy.	Иди-ка лучше умойся.
Supertime."	Ужинать пора.
The boy ran.	Мальчик побежал умываться.
Perhaps ten minutes later a boat floated down the serene surface of the canal, a tall lank man with black hair poling it along with leisurely drives of his arms.	А минут через десять на безмятежной глади канала показалась лодка, подгоняемая плавными толчками длинного шеста, который держал в руках долговязый худой человек с черными волосами.
"Evening, Brother LaFarge," he said, pausing at his task.	- Добрый вечер, брат Лафарж, - сказал он, придерживая лодку.
"Evening Saul, what's the word?"	- Добрый вечер, Саул, что слышно?
"All kinds of words tonight.	- Всякое.
You know that fellow named Nomland who lives down the canal in the tin hut?"	Ты ведь знаешь Номленда - того, что живет в жестяном сарайчике на канале?
LaFarge stiffened.	Лафарж оцепенел.
"Yes?"	- Знаю, ну и что?
"You know what sort of rascal he was?"	- А какой он негодяй был, тоже знаешь?
"Rumor had it he left Earth because he killed a man."	- Говорили, будто он потому Землю покинул, что человека убил.
Saul leaned on his wet pole, gazing at LaFarge.	Саул оперся о влажный шест, внимательно глядя на Лафаржа.
"Remember the name of the man he killed?"	- А помнишь фамилию человека, которого он убил?
"Gillings, wasn't it?"	- Гиллингс, кажется?
"Right. Gillings.	- Точно, Гиллингс.

Well, about two hours ago Mr. Nomland came running to town crying about how he had seen Gillings, alive, here on Mars, today, this afternoon!	Ну так вот, часа этак два тому назад этот Номленд прибежал в город с криком, что видел Г иллингса -живьем, здесь, на Марсе, сегодня, только что!
He tried to get the jail to lock him up safe.	Просился в тюрьму, чтобы его спрятали туда от Гиллингса.

The jail wouldn't.	Но в тюрьму его не пустили.
So Nomland went home, and twenty minutes ago, as I get the story, blew his brains out with a gun.	Тогда Номленд пошел домой и двадцать минут назад - люди мне рассказали - пустил себе пулю в лоб.
I just came from there."	Я как раз оттуда.
"Well, well," said LaFarge.	- Ну и ну, - сказал Лафарж.
"The darnedest things happen," said Saul.	- Вот какие дела-то бывают! - подхватил Саул.
"Well, good night, LaFarge."	- Ладно, Лафарж, пока, спокойной ночи.
"Good night."	- Спокойной ночи.
The boat drifted on down the serene canal waters.	Лодка заскользила дальше по тихой глади канала.
"Supper's hot," called the old woman.	- Ужин на столе, - крикнула миссис Лафарж.
Mr. LaFarge sat down to his supper and, knife in hand, looked over at Tom.	Мистер Лафарж сел на свое место и, взяв нож, поглядел через стол на Тома.
"Tom," he said, "what did you do this afternoon?"	- Том, - сказал он, - ты что делал сегодня вечером?
"Nothing," said Tom, his mouth full.	- Ничего, - ответил Том с полным ртом.
"Why?"	- А что?
"Just wanted to know."	- Да нет, я так просто.
The old man tucked his napkin in.	- Старик засунул уголок салфетки за ворот сорочки.
At seven that night the old woman wanted to go to town.	В семь часов вечера миссис Лафарж собралась в город.
"Haven't been there in months," she said.	- Уж который месяц не была там, - сказала она.
But Tom desisted.	Том отказался идти.
"I'm afraid of the town," he said.	- Я боюсь города, - объявил он.
"The people.	- Боюсь людей.
I don't want to go there."	Мне не хочется.
"Such talk for a grown boy," said Anna.	- Большой парень - и такие разговоры! -настаивала Энн.
"I won't listen to it.	- Слушать не хочу.
You'll come along.	Пойдешь с нами.
I say so."	Я так решила.
"Anna, if the boy doesn't want to..." started the old man.	- Но, Энн, если мальчику не хочется... - вступил старик.
But there was no arguing.	Однако миссис Лафарж была неумолима.
She hustled them into the canalboat and they floated up the canal under the evening stars, Tom lying on his back, his eyes closed; asleep or not, there was no telling.	Она чуть не силой втащила их в лодку, и все вместе отправились в путь по каналу под вечерними звездами. Том лежал на спине, закрыв глаза, и никто не сказал бы, спит он или нет.
The old man looked at him steadily, wondering.	Старик пристально глядел на него,

	размышляя.
Who is this, he thought, in need of love as much as we?	"Кто же это, - думал он, - что за создание, жаждущее любви не меньше нас?"
Who is he and what is he that, out of loneliness, he comes into the alien camp and assumes the voice and face of memory and stands among us, accepted and happy at last?	Кто он и что он - пришел, спасаясь от одиночества, в круг чуждых ему существ, приняв голос и облик людей, которые жили только в нашей памяти, чтобы остаться среди нас и обрести наконец свое счастье в нашем признании?
From what mountain, what cave, what small last race of people remaining on this world when the rockets came from Earth?	С какой он горы, из какой пещеры, отприск какого народа, еще населявшего этот мир, когда прилетели ракеты с Земли?"
The old man shook his head.	Лафарж покачал головой.
There was no way to know.	Этого не узнать.
This, to all purposes, was Tom.	А так, с какой стороны ни посмотри - он Том, и все тут.
The old man looked at the town ahead and did not like it, but then he returned to thoughts of Tom and Anna again and he thought to himself: Perhaps this is wrong to keep Tom but a little while, when nothing can come of it but trouble and sorrow, but how are we to give up the very thing we've wanted, no matter if it stays only a day and is gone, making the emptiness emptier, the dark nights darker, the rainy nights wetter? You might as well force the food from our mouths as take this one from us.	Старик перевел взгляд на приближающийся город и почувствовал неприязнь к нему. Но затем он опять стал думать о Томе и Энн и сказал себе: "Может быть, и неправильно это - оставить у себя Тома, хоть ненадолго, если все равно не выйдет ничего, кроме беды и горя... Но как отказаться от того, о чем мы так мечтали, пусть это всего на один день, и он потом исчезнет, и пустота станет еще невыносимей, темные ночи - еще темней, дождливые ночи - еще сырей... Лишать нас этого -все равно что попытаться вырвать у нас кусок изо рта..."
And he looked at the boy slumbering so peacefully at the bottom of the boat.	И он поглядел на парнишку, который так безмятежно дремал на дне лодки.
The boy whimpered with some dream.	Тот всхлипнул; верно, что-то приснилось.
"The people," he murmured in his sleep.	- Люди, - бормотал Том во сне.
"Changing and changing. The trap."	- Меняюсь и меняюсь... Капкан...
"There, there, boy." LaFarge stroked the boy's soft curls and Tom ceased.	- Полно, полно, парень. - Лафарж погладил его мягкие кудри, и Том успокоился.
LaFarge helped wife and son from the boat.	Лафарж помог жене и сыну выйти из лодки на берег.
"Here we are!"	- Ну, вот и приехали!
Anna smiled at all the lights, listening to the music from the drinking houses, the pianos, the phonographs, watching people, arm in arm, striding by in the crowded streets.	- Энн улыбнулась ярким огням, слушая музыку из таверн, звуки пианино и патефонов, любуясь парочками, которые гуляли под руку по оживленным улицам.
"I wish I was home," said Tom.	- Лучше бы я остался дома, - сказал Том.
"You never talked that way before," said the mother.	- Прежде ты так не говорил, - возразила мать.
"You always liked Saturday nights in town."	- Тебе всегда нравилось в субботу вечером поехать в город.
"Stay close to me," whispered Tom.	- Держитесь ко мне поближе, - прошептал Том.

"I don't want to get trapped."	- Я не хочу, чтоб меня поймали.
Anna overheard.	Энн услышала эти слова.
"Stop talking that way; come along!"	- Что ты там болтаешь, пошли!
LaFarge noticed that the boy held his hand. LaFarge squeezed it.	Лафарж заметил, что пальцы мальчика льнут к его ладони, и крепко стиснул их.
"I'll stick with you, Tommy-boy."	- Я с тобой, Томми.
He looked at the throngs coming and going and it worried him also.	- Он поглядел на снующую мимо толпу, и ему тоже стало не по себе.
"We won't stay long."	- Мы не будем задерживаться долго.
"Nonsense, we'll spend the evening," said Anna.	- Вздор, - вмешалась Энн.
They crossed a street, and three drunken men careened into them.	- Мы на весь вечер приехали. Переходя улицу, они наткнулись на тройку пьяных.
There was much confusion, a separation, a wheeling about, and then LaFarge stood stunned.	Их затолкали, закрутили, оторвали друг от друга; оглядевшись, Лафарж окаменел.
Tom was gone.	Тома не было.
"Where is he?" asked Anna irritably.	- Где он? - сердито спросила Энн.
"Him always running off alone any chance he gets.	- Что за манера - чуть что, куда-то удирать от родителей!
Tom!" she called.	Том!!
Mr. LaFarge hurried through the crowd, but Tom was gone.	Мистер Лафарж бегал кругом, расталкивая прохожих, но Тома нигде не было.
"He'll come back; he'll be at the boat when we leave," said Anna certainly, steering her husband back toward the motion-picture theater.	- Вернется, вот увидишь, будет ждать возле лодки, когда мы поедем домой, - уверенно произнесла Энн, увлекая мужа по направлению к кинотеатру.
There was a sudden commotion in the crowd, and a man and woman rushed by LaFarge.	Вдруг в толпе произошло какое-то замешательство, и мимо Лафаржа пробежали двое - мужчина и женщина.
He recognized them. Joe Spaulding and his wife.	Он узнал их: Джо Сполдинг с женой.
They were gone before he could speak to them.	Они исчезли прежде, чем Лафарж успел заговорить с ними.
Looking back anxiously, he purchased the tickets for the theater and allowed his wife to draw him into the unwelcome darkness.	Встревоженно озираясь, он купил билеты и безропотно потащился за женой в постылую темноту кинозала.
Tom was not at the landing at eleven o'clock.	В одиннадцать часов Тома у причала не было.
Mrs. LaFarge turned very pale. "Now, Mother," said LaFarge, "don't worry."	- Ничего, мать, - сказал Лафарж, - ты только не волнуйся.
I'll find him.	Я найду его.
Wait here."	Подожди здесь.
"Hurry back."	- Поскорее возвращайтесь.
Her voice faded into the ripple of the water.	Ее голос утонул в плеске воды.

He walked through the night streets, hands in pockets.	Он шел по ночным улицам, сунув руки в карманы.
All about, lights were going out one by one.	Один за другим гасли огни.
A few people were still leaning out their windows, for the night was warm, even though the sky still held storm clouds from time to time	Кое-где из окон еще высвечивались люди - ночь была теплая, хотя в небе все еще плыли среди звезд обрывки грозовых туч.

among the stars.	
As he walked he recalled the boy's constant references to being trapped, his fear of crowds and cities.	Лафарж вспомнил, как мальчик постоянно твердил что-то насчет западни, как он боялся толпы, городов.
There was no sense in it, thought the old man tiredly.	"Что за нелепость, - устало подумал старик. - Наверно, парень ушел навсегда.
Perhaps the boy was gone forever, perhaps he had never been. LaFarge turned in at a particular alley, watching the numbers.	А может, его и вовсе не было..." Лафарж свернул в переулок, скользя взглядом по номерам домов.
"Hello there, LaFarge."	- Это ты, Лафарж?
A man sat in his doorway, smoking a pipe.	На крыльце, куря трубку, сидел мужчина.
"Hello, Mike."	- Привет, Майк.
"You and your woman quarrel?	- Что, повздорил с хозяйкой?
You out walking it off?"	Вышел проветриться, нервы успокоить?
"No. Just walking."	- Да нет, просто гуляю.
"You look like you lost something.	- У тебя такой вид, словно ты что-то ищешь.
Speaking of lost things," said Mike, "somebody got found this evening.	Да, к слову о находках. Ведь сегодня вечером кое-кто нашелся.
You know Joe Spaulding?	Джо Спеллинга знаешь?
You remember his daughter Lavinia?"	Помнишь его дочь, Лавинию?
"Yes." LaFarge was cold.	- Помню, - Лафарж похолодел.
It all seemed a repeated dream, He knew which words would come next.	Это было как сон, который снится во второй раз. Он в точности знал, что будет сказано дальше.
"Lavinia came home tonight," said Mike, smoking.	- Лавиния вернулась домой сегодня вечером, - сказал Майк, выпуская дым.
"You recall, she was lost on the dead sea bottoms about a month ago?	- Помнишь, она с месяц назад заблудилась на дне мертвого моря?
They found what they thought was her body, badly deteriorated, and ever since the Spaulding family's been no good.	Потом нашли тело, вроде бы ее, да очень уж изуродовано было... С тех пор Спеллинги были словно не в себе.
Joe went around saying she wasn't dead, that wasn't really her body.	Джо ходил и все твердил, что она жива, не ее это тело.
Guess he was right Tonight Lavinia showed up."	И вот выходит, он был прав. Сегодня Лавиния объявилась.
"Where?" LaFarge felt his breath come swiftly, his heart pounding.	- Где? - Лафаржу стало трудно дышать, сердце отчаянно заколотилось.
"On Main Street.	- На Главной улице.

The Spauldings were buying tickets for a show.	Спеллинги как раз покупали билеты в кино.
And there, all of a sudden, in the crowd, was Lavinia.	Вдруг видят в толпе Лавинию.
Must have been quite a scene.	Вот сцена была, воображаю!
She didn't know them first off.	Сперва-то она их не узнала.
They followed her half down a street and spoke to her.	Они квартала три шли за ней, все говорили, говорили.
Then she remembered."	Наконец она вспомнила.
"Did you see her?"	- И ты ее видел?
"No, but I heard her singing.	- Нет, но я слышал ее голос.
Remember how she used to sing	Помнишь, она любила петь
"The Bonnie Banks of Loch Lomond"?	"Чудный берег Ломондского озера"?

I heard her trilling out for her father a while ago over there in their house.	Ну так вот, я только что слышал, как она эту песню отцу пела, вон их дом.
It was good to hear; her such a beautiful girl.	Так она пела - заслушаешься! Славная девочка.
A shame, I thought, her dead; and now with her back again it's fine.	Я как узнал, что она погибла, - вот ведь беда, подумал, вот несчастье. А теперь вернулась, и так на душе ??орошо.
Here now, you look weak yourself.	Э, да тебе вроде нездоровится.
Better come in for a spot of whisky..."	Зайди-ка, глотни виски!
"Thanks, no, Mike."	Спасибо, Майк, не хочу.
The old man moved away.	- Старик побрел прочь.
He heard Mike say good night and did not answer, but fixed his eyes upon the two-story building where rambling clusters of crimson Martian flowers lay upon the high crystal roof.	Он слышал, как Майк пожелал ему доброй ночи, но не ответил, а устремил взгляд на двухэтажный дом, высокую хрустальную крышу которого устилали пышные кисти алых марсианских цветов.
Around back, above the garden, was a twisted iron balcony, and the windows above were lighted.	Над садом навис балкон с витой железной решеткой, в окнах второго этажа горел свет.
It was very late, and still he thought to himself: What will happen to Anna if I don't bring Tom home with me?	Было очень поздно, но он все-таки подумал: "Что будет с Энн, если я не приведу Тома?
This second shock, this second death, what will it do to her?	Новый удар - снова смерть, - как она это перенесет?
Will she remember the first death, too, and this dream, and the sudden vanishing?	Вспомнит первую смерть?.. И весь этот сон наяву? И это внезапное исчезновение?
Oh God, I've got to find Tom, or what will come of Anna?	Господи, я должен найти Тома, ради Энн!
Poor Anna, waiting there at the landing.	Бедняжка Энн, она ждет его на пристани..."
He paused and lifted his head.	Он поднял голову.

Somewhere above, voices bade other soft voices good night, doors turned and shut, lights dimmed, and a gentle singing continued.	Где-то наверху голоса желали доброй ночи другим ласковым голосам, хлопали двери, гас свет, и все время слышалась негромкая песня.
A moment later a girl no more than eighteen, very lovely, came out upon the balcony.	Мгновение спустя на балкон вышла прехорошенькая девушка лет восемнадцати.
LaFarge called up through the wind that was blowing.	Лафарж окликнул ее, преодолевая голосом сильный ветер.
The girl turned and looked down.	Девушка обернулась, глянула вниз.
"Who's there?" she cried.	- Кто там? - крикнула она.
"It's me," said the old man, and, realizing this reply to be silly and strange, fell silent, his lips working.	- Это я, - сказал старик и, сообразив, как странно, нелепо ответил ей, осекся, только губы продолжали беззвучно шевелиться.
Should he call out, "Tom, my son, this is your father"?	Крикнуть: "Том, сынок, это твой отец"?
How to speak to her?	Как заговорить с ней?
She would think him quite insane and summon her parents.	Она ведь примет его за сумасшедшего и позовет родителей.
The girl bent forward in the blowing light.	Девушка перегнулась через перила в холодном, неверном свете.

"I know you," she replied softly.	- Я вас знаю, - мягко ответила она.
"Please go; there's nothing you can do."	- Пожалуйста, уходите, вы тут ничего не можете поделать.
"You've got to come back!"	- Ты должен вернуться!
It escaped LaFarge before he could prevent it.	- Слова сами вырвались у Лафаржа, прежде чем он смог их удержать.
The moonlit figure above drew into shadow, so there was no identity, only a voice.	Освещенная луной фигурка наверху отступила в тень и пропала, только голос остался.
"I'm not your son any more," it said.	- Теперь я больше не твой сын, - сказал голос.
"We should never have come to town."	- Зачем только мы поехали в город...
"Anna's waiting at the landing!"	- Энн ждет на пристани!
"I'm sorry," said the quiet voice.	- Простите меня, - ответил тихий голос.
"But what can I do?"	- Но что я могу поделать?
I'm happy here, I'm loved, even as you loved me.	Я счастлива здесь, меня любят - как любили вы.
I am what I am, and I take what can be taken; too late now, they've caught me."	Я то, что я есть, беру то, что дается. Поздно: они взяли меня в плен.
"But Anna, the shock to her. Think of that."	- Но подумай об Энн, какой это будет удар для нее...
"The thoughts are too strong in this house; it's like being imprisoned."	- Мысли в этом доме чересчур сильны, я словно в заточении.
I can't change myself back."	Я не могу перемениться сама.
"You are Tom, you were Tom, weren't you?"	- Но ведь ты же Том, это ты была Томом, верно?

You aren't joking with an old man; you're not really Lavinia Spaulding?"	Или ты издеваешься над стариком - может быть, на самом деле ты Лавиния Спэйдинг?
"I'm not anyone, I'm just myself; wherever I am, I am something, and now I'm something you can't help."	- Я ни то, ни другое, я только я. Но везде, куда я попадаю, я еще и нечто другое, и сейчас вы не в силах изменить этого нечто.
"You're not safe in the town."	- Тебе опасно оставаться в городе.
It's better out on the canal where no one can hurt you," pleaded the old man.	У нас на канале лучше, там никто тебя не обидит, - умолял старик.
"That's true." The voice hesitated.	- Верно... - Голос звучал нерешительно.
"But I must consider these people now."	- Но теперь я обязана считаться с этими людьми.
How would they feel if, in the morning, I was gone again, this time for good?	Что будет с ними, если утром окажется, что я снова исчезла - уже навсегда?
Anyway, the mother knows what I am; she guessed, even as you did.	Правда, мама-то знает, кто я, - догадалась, как и вы.
I think they all guessed but didn't question.	Мне кажется, они все догадались, только не хотят спрашивать.
You don't question Providence.	Провидению не задают вопросов.
If you can't have the reality, a dream is just as good.	Если действительность недоступна, чем плоха тогда мечта?
Perhaps I'm not their dead one back, but I'm something almost better to them; an ideal shaped by their minds.	Пусть я не та, которую они потеряли, для них я даже нечто лучшее - идеал, созданный их мечтой.
I have a choice of hurting them or your wife."	Передо мной теперь стоит выбор: либо

	причинить боль им, либо вашей жене.
"They're a family of five. They can stand your loss better!"	- У них большая семья, их пятеро. Им легче перенести утрату!
"Please," said the voice. "I'm tired."	- Прошу вас, - голос дрогнул, - я устала.
The old man's voice hardened.	Голос старика стал тверже
"You've got to come.	- Ты должен пойти со мной.
I can't let Anna be hurt again.	Я не могу снова подвергать Энн такому испытанию.
You're our son.	Ты наш сын.
You're my son, and you belong to us."	Ты мой сын, ты принадлежишь нам.
"No, please!"	- Не надо, пожалуйста!
The shadow trembled.	- Тень на балконе трепетала.
"You don't belong to this house or these people!"	- Тебя ничто не связывает с этим домом и его обитателями!
"No, don't do this to me!"	- О, что вы делаете со мной!
"Tom, Tom, Son, listen to me.	- Том, Том, сынок, послушай меня.

Come back, slip down the vines, boy.	Вернись к нам скорей, ну, спустись по этим лианам.
Come along, Anna's waiting; we'll give you a good home, everything you want."	Пошли, Энн ждет, у тебя будет настоящий дом, все, чего ты захочешь.
He stared and stared upward, willing it to be.	Лафарж не отрывал пристального взгляда от балкона, желая, желая, чтобы свершилось...
The shadows drifted, the vines rustled.	Тени колыхались, шелестели лианы.
At last the quiet voice said,	Наконец тихий голос произнес:
"All right, Father."	- Хорошо, отец.
"Tom!"	- Том!
In the moonlight the quick figure of a boy slid down through the vines. LaFarge put up his arms to catch him.	В свете луны вниз по лианам скользнула юркая мальчишеская фигурка. Лафарж поднял руки -принять ее.
The room lights above flashed on.	В окнах вверху вспыхнуло электричество.
A voice issued from one of the grilled windows.	Чей-то голос вырвался из-за узорной решетки.
"Who's down there?"	- Кто там?
"Hurry, boy!"	- Живей, парень!
More lights, more voices.	Еще свет, еще голоса.
"Stop, I have a gun!"	- Стой, я буду стрелять!
Vinny, are you all right?"	Винни, ты цела?
A running of feet.	Топот спешащих ног...
Together the old man and the boy ran across the garden.	Старик и мальчик пустились бежать через сад.
A shot sounded.	Раздался выстрел.
The bullet struck the wall as they slammed the gate.	Пуля ударила в стену возле самой калитки.
"Tom, you that way; I'll go here and lead them off!"	- Том, ты - в ту сторону! Я побегу сюда, запутаю их.
Run to the canal; I'll meet you there in ten minutes, boy!"	Беги к каналу, через десять минут встретимся там! Давай!
They parted.	Они побежали в разные стороны.
The moon hid behind a cloud.	Луна скрылась за тучей.
The old man ran in darkness.	Старик бежал в полной темноте.

"Anna, I'm here!"	- Энн, я здесь!
The old woman helped him, trembling, into the boat.	Она, дрожа, помогла ему спуститься в лодку.
"Where's Tom?"	- Где Том?
"He'll be here in a minute," panted LaFarge.	- Сейчас прибежит.
They turned to watch the alleys and the sleeping town.	Они смотрели на тесные улочки и спящий город.

Late strollers were still out: a policeman, a night watchman, a rocket pilot, several lonely men coming home from some nocturnal rendezvous, four men and women issuing from a bar, laughing. Music played dimly somewhere.	Еще появлялись запоздалые прохожие: полицейский, ночной сторож, пилот ракеты, одинокие мужчины, идущие домой после ночного свидания, четверо мужчин и женщин, которые, смеясь, вышли из бара... Где-то приглушенно звучала музыка.
"Why doesn't he come?" asked the old woman.	- Почему его нет? - спросила мать.
"He'll come, he'll come."	- Сейчас, сейчас.
But LaFarge was not certain.	Но Лафарж уже не был уверен.
Suppose the boy had been caught again, somehow, someway, in his travel down to the landing, running through the midnight streets between the dark houses.	Что, если парнишку опять перехватили - где-то, каким-то образом - пока он спешил к пристани, бежал полуночными улицами между темных домов?
It was a long run, even for a young boy. But he should have reached here first.	Конечно, бежать было далеко, даже для мальчика, но все-таки Том должен был поспеть раньше его...
And now, far away, along the moonlit avenue, a figure ran.	Вдруг вдали, на залитой лунным светом улице, показалась бегущая фигурка.
LaFarge cried out and then silenced himself, for also far away was another sound of voices and running feet.	Лафарж вскрикнул, но тотчас заставил себя замолчать: оттуда же, издали, доносились другие голоса, топот других ног.
Lights blazed on in window after window.	В окнах, словно по цепочке, вспыхнули огни.
Across the open plaza leading to the landing, the one figure ran.	Одинокая фигурка вырвалась на широкую площадь перед причалом.
It was not Tom; it was only a running shape with a face like silver shining in the light of the globes dustered about the plaza.	Это был не Том, а просто бегущее существо с серебристым лицом, которое блестело, переливалось, освещенное многочисленными шарами фонарей.
And as it rushed nearer, nearer, it became more familiar, until when it reached the landing it was Tom!	Но чем ближе подбегало оно, тем все более знакомым становилось, и когда фигурка достигла причала, это был уже Том!
Anna flung up her hands. LaFarge hurried to cast off.	Энн всплеснула руками, Лафарж поспешно отчалил.
But already it was too late.	Но было уже поздно.
For out of the avenue and across the silent plaza now came one man, another, a woman, two other men, Mr. Spaulding, all running.	Потому что из улицы на безмолвную площадь выбежал мужчина... еще один... женщина, еще двое мужчин, мистер Спеллинг.
They stopped, bewildered.	Они остановились в замешательстве.
They stared about, wanting to go back because this could be only a nightmare, it was quite insane.	Они озирались по сторонам, и им хотелось вернуться домой: ведь это... это был явный кошмар, безумие какое-то, ну конечно!
But they came on again, hesitantly, stopping,	И, однако же, они продолжали погоню,

starting.	поминутно нерешительности	останавливаясь и вновь припускаясь бежать.	в
It was too late.		Да, было уже поздно.	

The night, the event, was over. LaFarge twisted the mooring rope in his fingers.	Пришел конец этому необычайному вечеру, необычайному событию. Лафарж крутил в руках чалку.		
He was very cold and lonely.	Ему было очень холодно и одиноко.		
The people raised and put down their feet in the moonlight, drifting with great speed, wide-eyed, until the crowd, all ten of them, halted at the landing.	В лунном свете было видно, как бежали, спешили люди, выпучив глаза, торопливо вскидывая ноги, и вот уже все они, вся десятка, стоят у причала.		
They peered wildly down into the boat.	Они яростно уставились на лодку.		
They cried out.	Они кричали.		
"Don't move, LaFarge!"	- Ни с места, Лафарж!		
Spaulding had a gun.	- Спеллинг держал в руке пистолет.		
And now it was evident what had happened. Tom flashing through the moonlit streets, alone, passing people.	Теперь было ясно, что произошло... Том один, обгоняя прохожих, мчится по освещенным луной улицам.		
A policeman seeing the figure dart past.	Полицейский замечает промелькнувшую фигуру.		
The policeman pivoting, staring at the face, calling a name, giving pursuit	Круго обернувшись, всматривается в лицо, кричит какое-то имя, бросается вдогонку.		
"You, stop!"	"Эй, стой!"		
Seeing a criminal face.	Он увидел известного преступника.		
All along the way, the same thing, men here, women there, night watchmen, rocket pilots.	И так всю дорогу, кто бы ни встретился. Мужчина ли, женщина, ночной сторож или пилот ракеты - для каждого бегущая фигура была кем угодно.		
The swift figure meaning everything to them, all identities, all persons, all names. How many different names had been uttered in the last five minutes?	В ней воплощались для них любой знакомый, любой образ, любое имя... Сколько разных имен было произнесено за последние пять минут!..		
How many different faces shaped over Tom's face, all wrong?	Сколько лиц угадано в лице Тома - и все ложно!		
All down the way the pursued and the pursuing, the dream and the dreamers, the quarry and the hounds.	Вдоль всего пути - преследуемый и преследователи, мечта и мечтатели, дичь и - псы.		
All down the way the sudden revealment, the flash of familiar eyes, the cry of an old, old name, the remembrances of other times, the crowd multiplying.	Вдоль всего пути: нежданное открытие, блеск знакомых глаз, выкрик полузабытого имени, воспоминания о давних временах - и растет, растет толпа, бегущая по его следам.		
Everyone leaping forward as, like an image reflected from ten thousand mirrors, ten thousand eyes, the running dream came and went, a different face to those ahead, those behind, those yet to be met, those unseen.	Каждый срывался с места и спешил вдогонку, едва проносилось мимо - словно лик, отраженный десятком тысяч зеркал, десятком тысяч глаз, -бегущее видение, лицо, одно для тех, кто впереди, иное для тех, кто позади, и другое, новое, для тех, кто еще попадется ему на пути, кто еще не видел.		
And here they all are now, at the boat, wanting	И вот они все здесь, у лодки, и каждый хочет		

the dream for their own, just as we want him to be Tom, not Lavinia or William or Roger or any other, thought LaFarge.	один завладеть мечтой, - как мы хотим, чтобы это был только Том, ни Лавиния, ни Роджер, ни кто-либо еще, подумал Лафарж.
But it's all done now.	Но теперь этому не бывать.

The thing has gone too far.	Слишком далеко все зашло.
"Come up, all of you!" Spaulding ordered them.	- Выходите из лодки, ну! - скомандовал Сполдинг.
Tom stepped up from the boat.	Том поднялся на пристань.
Spaulding seized his wrist.	Сполдинг схватил его за руку.
"You're coming home with me.	- Ты пойдешь к нам домой.
I know."	Я все знаю.
"Wait," said the policeman. "He's my prisoner.	- Стой, - вмешался полицейский, - он арестован!
Name's Dexter; wanted for murder."	Его фамилия Декстер, разыскивается за убийство.
"No!" a woman sobbed.	- Нет, нет! - всхлипнула женщина.
"It's my husband!"	- Это мой муж!
I guess I know my husband!"	Что уж, я своего мужа не знаю?!
Other voices objected.	Другие голоса твердили свое.
The crowd moved in.	Толпа напирала.
Mrs. LaFarge shielded Tom.	Миссис Лафарж заслонила собой Тома.
"This is my son; you have no right to accuse him of anything.	- Это мой сын, у вас нет никакого права обвинять его в чем-либо!
We're going home right now!"	Нам надо ехать домой!
As for Tom, he was trembling and shaking violently.	А Тома безостановочно била дрожь.
He looked very sick.	Он выглядел тяжелобольным.
The crowd thickened about him, putting out their wild hands, seizing and demanding.	Толпа все напирала, протягивая нетерпеливые руки, ловя его, хватая.
Tom screamed.	Том закричал.
Before their eyes he changed.	Он менялся на глазах у всех.
He was Tom and James and a man named Switchman, another named Butterfield; he was the town mayor and the young girl Judith and the husband William and the wife Clarisse.	Это был Том, и Джеймс, и человек по фамилии Свичмен, и другой, по фамилии Баттерфилд; это был мэр города, и девушка по имени Юдифь, и муж Уильям, и жена Кларисса.
He was melting wax shaping to their minds.	Он был словно мягкий воск, послушный их воображению.
They shouted, they pressed forward, pleading.	Они орали, наступали, взывали к нему.
He screamed, threw out his hands, his face dissolving to each demand.	Он тоже кричал, простирая к ним руки, и каждый призыв заставлял его лицо преображаться.
"Tom!" cried LaFarge.	- Том! - звал Лафарж.
"Alice!" another.	- Алиса! - звучал новый зов.
"William!"	- Уильям!
They snatched his wrists, whirled him about, until with one last shriek of horror he fell.	Они хватали его за руки, тянули к себе, пока он не упал, испустив последний крик ужаса.

He lay on the stones, melted wax cooling, his face all faces, one eye blue, the other golden,	Он лежал на камнях - застывал расплавленный воск, и его лицо было как все
---	---

hair that was brown, red, yellow, black, one eyebrow thick, one thin, one hand large, one small.	лица, один глаз голубой, другой золотистый, волосы каштановые, рыжие, русые, черные, одна бровь косматая, другая тонкая, одна рука большая, другая маленькая.
They stood over him and put their fingers to their mouths.	Они стояли над ним, прижав палец к губам.
They bent down.	Они наклонились.
"He's dead," someone said at last.	- Он умер, - сказал кто-то наконец.
It began to rain.	Пошел дождь.
The rain fell upon the people, and they looked up at the sky.	Капли падали на людей, и люди посмотрели на небо.
Slowly, and then more quickly, they turned and walked away and then started running, scattering from the scene. In a minute the place was desolate.	Они отвернулись и сперва медленно, потом все быстрее пошли прочь, а потом бросились бежать в разные стороны.
Only Mr. and Mrs. LaFarge remained, looking down, hand in hand, terrified.	Только мистер и миссис Лафарж, объятые ужасом, стояли на месте, держась за руки, и глядели на него.
The rain fell upon the upturned, unrecognizable face.	Дождь поливал обращенное вверх лицо, в котором не осталось ни одной знакомой черты.
Anna said nothing but began to cry.	Энн молча начала плакать.
"Come along home, Anna, there's nothing we can do," said the old man.	- Поехали домой, Энн, тут уж ничего не поделаешь, - сказал старик.
They climbed down into the boat and went back along the canal in the darkness.	Они спустились в лодку и заскользили в мраке по каналу.
They entered their house and lit a small fire and warmed their hands, They went to bed and lay together, cold and thin, listening to the rain returned to the roof above them.	Они вошли в свой дом, и развели огонь в камине, и согрели над ним руки. Они пошли спать и лежали вместе, пророгшие, изможденные, слушая, как снова стучит по крыше дождь.
"Listen," said LaFarge at midnight.	- Тсс, - вдруг произнес Лафарж среди ночи.
"Did you hear something?"	- Ты ничего не слышала?
"Nothing, nothing."	- Нет, ничего...
"I'll go look anyway."	- Я все-таки погляжу.
He fumbled across the dark room and waited by the outer door for a long time before he opened it.	Он пересек на ощупь темную комнату и долго стоял возле наружной двери, прежде чем отворить.
He pulled the door wide and looked out.	Наконец распахнул ее настежь и выглянулся наружу.
Rain poured from the black sky upon the empty dooryard, into the canal and among the blue mountains.	Дождь с черного неба поливал пустой двор, поливал канал, поливал склоны синих гор.
He waited five minutes and then softly, his hands wet, he shut and bolted the door.	Он подождал минут пять, потом мокрыми руками медленно затворил дверь и задвинул засов.

November 2005: THE LUGGAGE STORE	Ноябрь 2005 "Дорожные товары"
It was a very remote thing, when the luggage-store proprietor heard the news on the night radio, received all the way from Earth on a	Уж очень далекой она показалась, эта новость, которую владелец магазина дорожных товаров услышал вечером по

light-sound beam.	радио, когда модулированный световой луч принес последние известия с Земли.
The proprietor felt how remote it was.	Просто непостижимо.
There was going to be a war on Earth.	На Земле назревала война.
He went out to peer into the sky.	Он вышел и посмотрел на небо.
Yes, there it was.	Вот она.
Earth, in the evening heavens, following the sun into the hills.	Земля, на вечернем небосводе, догоняет закатившееся за горы солнце.
The words on the radio and that green star were one and the same.	Эта зеленая звезда есть то, о чем говорило радио.
"I don't believe it," said the proprietor.	- Не могу поверить, - сказал лавочник.
"It's because you're not there," said Father Peregrine, who had stopped by to pass the time of evening.	- Это потому, что вы не там, - заметил отец Перегрин, он подошел поздороваться.
"What do you mean, Father?"	- Как это понять, святой отец?
"It's like when I was a boy," said Father Peregrine.	- Вот так же было, когда я был мальчишкой, - сказал отец Перегрин.
"We heard about wars in China.	- Мы слышали о войнах в Китае.
But we never believed them.	Но нам не верилось.
It was too far away.	Это было слишком далеко.
And there were too many people dying.	И слишком много людей там погибало.
It was impossible.	Невозможно себе представить.
Even when we saw the motion pictures we didn't believe it.	Даже когда мы смотрели фильмы оттуда, нам не верилось.
Well, that's how it is now.	Так и теперь.
Earth is China.	Земля - тот же Китай.
It's so far away it's unbelievable.	Слишком далеко, вот и не верится.
It's not here.	Это не здесь, не у нас.
You can't touch it. You can't even see it.	Не то что пощупать, даже разглядеть нельзя.
All you see is a green light.	Зеленый огонек - вот все, что мы видим.
Two billion people living on that light?	И на этом зеленом огоньке живет два миллиарда людей?
Unbelievable!	Невероятно!
War?	Война?
We don't hear the explosions."	Но мы не слышим взрывов.
"We will," said the proprietor.	- Услышим, - сказал лавочник.

"I keep thinking about all those people that were going to come to Mars this week.	- Я вот все думаю о тех людях, которые должны прилететь сюда на этой неделе.
What was it?	Как там передавали про них?
A hundred thousand or so coming up in the next month or so.	В течение ближайшего месяца на Марс прибудет около ста тысяч человек - так, кажется.
What about them if the war starts?"	Что с ними будет, если начнется война?
"I imagine they'll turn back. They'll be needed on Earth."	- Повернут назад, наверно.
"Well," said the proprietor,	- Н-да, - сказал лавочник.
"I'd better get my luggage dusted off.	- Ладно, пойду-ка я сотру пыль с чемоданов.
I got a feeling there'll be a rush sale here any time."	Того и гляди покупатели нагрянут.
"Do you think everyone now on Mars will go	- Думаете, если это та Большая война,

back to Earth if this is the Big War we've all been expecting for years?"	которой мы ждали много лет, все захотят вернуться на Землю?
"It's a funny thing, Father, but yes, I think we'll all go back.	- Вот именно, святой отец: как это ни странно, я думаю, мы все захотим вернуться.
I know, we came up here to get away from things -politics, the atom bomb, war, pressure groups, prejudice, laws - I know.	Конечно, мы прилетели сюда, спасаясь от политики, от атомной бомбы, войны, влиятельных клик, предрассудков, законов. Все это мне известно.
But it's still home there.	Но родина-то все-таки там.
You wait and see.	Вот увидите.
When the first bomb drops on America the people up here'll start thinking.	Как только на Америку упадет первая бомба, здешний народ призадумается.
They haven't been here long enough. A couple years is all.	Слишком мало они тут прожили - каких-нибудь два года.
If they'd been here forty years, it'd be different, but they got relatives down there, and their home towns.	Если бы лет сорок, тогда другое дело, а сейчас ведь у них на Земле родня, города, в которых они выросли.
Me, I can't believe in Earth any more; I can't imagine it much.	Я-то, можно сказать, в Землю даже не верю, для меня она как бы и не существует.
But I'm old. I don't count.	Но я старик, от меня все равно никакого проку.
I might stay on here."	Я могу и тут остаться.
"I doubt it."	- Вряд ли.
"Yes, I guess you're right."	- Пожалуй, что вы правы.
They stood on the porch watching the stars.	Они стояли на террасе, глядя на звезды.
Finally Father Peregrine pulled some money from his pocket and handed it to the proprietor.	Потом отец Перегрин достал из кармана деньги и подал их хозяину магазина.
"Come to think of it, you'd better give me a new valise.	- Кстати, подберите-ка мне чемодан.
My old one's in pretty bad condition..." November 2005: THE OFF SEASON	А то мой старый очень уж истрепался... Ноябрь 2005 Мертвый сезон

Sam Parkhill motioned with the broom, sweeping away the blue Martian sand.	Сэм Паркхилл лиxo махал метлой, выметая голубой марсианский песок.
"Here we are," he said.	- Вот и все! - сказал он.
"Yes, sir, look at that!"	- Прошу, сэр, полюбуйтесь!
He pointed.	- Он показал рукой.
"Look at that sign. SAM'S HOT DOGS!"	- Взгляните на вывеску "ГОРЯЧИЕ СОСИСКИ СЭМА"!
Ain't that beautiful, Elma?"	Красота - правда, Эльма?
"Sure, Sam," said his wife.	- Правда, Сэм, - подтвердила его супруга.
"Boy, what a change for me.	- Во, куда я махнул!
If the boys from the Fourth Expedition could see me now.	Увидели бы меня теперь ребята из Четвертой экспедиции.
Am I glad to be in business myself while all the rest of them guys're off soldiering around still.	Слава богу, свое дело завел, а они все еще солдатскую лямку тянут.
We'll make thousands, Elma, thousands."	Мы будем тысячи загребать, Эльма, тысячи!
His wife looked at him for a long time, not speaking.	Жена смотрела на него и молчала.
"Whatever happened to Captain Wilder?" she asked finally.	- Куда девался капитан Уайлдер? - спросила она наконец.

"That captain that killed that guy who thought he was going to kill off every other Earth Man, what was his name?"	- Твой начальник, который убил этого типа, ну, что задумал всех землян перебить - как его фамилия?...
"Spender, that nut."	- Этого психа-то? Спендер.
He was too damn particular.	Чистоплюй проклятый.
Oh, Captain Wilder? He's off on a rocket to Jupiter, I hear.	Да, насчет капитана Уайлдера... На Юпитер полетел, говорят.
They kicked him upstairs.	С повышением, так сказать.
I think he was a little batty about Mars too.	Сдается мне, Марс и ему тоже в голову ударили.
Touchy, you know.	Раздражительный больно стал, не дай бог.
He'll be back down from Jupiter and Pluto in about twenty years if he's lucky.	Лет через двадцать вернется с Юпитера и Плутона, если повезет.
That's what he gets for shooting off his mouth.	Будет знать, как трепать языком.
And while he's freezing to death, look at me, look at this place!"	Вот так-то - он там от мороза сыхает, а я тут, смотри, что наворочал! Местечко-то какое!
This was a crossroads where two dead highways came and went in darkness.	Два заброшенных шоссе встречались здесь и вновь расходились, исчезая во мраке.
Here Sam Parkhill had flung up this riveted aluminum structure, garish with white light, trembling with jukebox melody.	У самого перекрестка Сэм Паркхилл воздвиг из вздувшегося заклепками алюминия сооружение, залитое ослепительным белым светом и дрожащее от рева автомата-радиолы.
He stooped to fix a border of broken glass he had placed on the footpath.	Он нагнулся, чтобы поправить окаймляющий дорожку бордюр из битого стекла.

He had broken the glass from some old Martian buildings in the hills.	Стекло он выломал в старинных марсианских зданиях в горах.
"Best hot dogs on two worlds!"	- Лучшие горячие сосиски на двух планетах!
First man on Mars with a hot-dog stand!	Первый торговец сосисками на Марсе!
The best onions and chili and mustard!	Лук, перец, горчица - все лучшего качества!
You can't say I'm not alert.	Что-что, а растяпой меня не назовешь!
Here's the main highways, over there is the dead city and the mineral deposits.	Вот вам две магистрали, вон мертвый город, а вон там рудники.
Those trucks from Earth Settlement 101 will have to pass here twenty-four hours a day!	Грузовики из 101 Сettlementa будут идти мимо нас двадцать четыре часа в сутки.
Do I know my locations, or don't I?"	Скажешь, плохое я место выбрал?
His wife looked at her fingernails.	Жена разглядывала свои ногти.
"You think those ten thousand new-type work rockets will come through to Mars?" she said at last.	- Ты думаешь, эти десять тысяч новых ракет с рабочими прилетят на Марс? - сказала она наконец.
"In a month," he said loudly.	- Не пройдет и месяца, - уверенно ответил он.
"Why you look so funny?"	- Чего ты кривишься?
"I don't trust those Earth people," she said.	- Не очень-то я полагаюсь на эту публику, там, на Земле, - ответила она.
"I'll believe it when I see them ten thousand rockets arrive with the one hundred thousand Mexicans and Chinese on them."	- Вот когда сама увижу десять тысяч ракет и сто тысяч мексиканцев и китайцев, тогда и поверю.
"Customers." He lingered on the word.	- Покупателей, - он посмаковал это слово.
"One hundred thousand hungry people."	- Сто тысяч голодных клиентов!

"If," said his wife slowly, watching the sky, "there's no atomic war.	- Только бы не было атомной войны, - медленно произнесла жена, глядя на небо.
I don't trust no atom bombs.	- Эти атомные бомбы мне покою не дают.
There's so many of them on Earth now, you never can tell."	Их уже столько накопилось на Земле, всякое может случиться.
"Ah," said Sam, and went on sweeping.	Сэм только фыркнул в ответ и продолжал подметать.
From the corners of his eyes he caught a blue flicker.	Уголком глаза он уловил голубое мерцание.
Something floated in the air gently behind him.	Что-то бесшумно парило в воздухе за его спиной.
He heard his wife say,	Он услышал голос жены:
"Sam. A friend of yours to see you."	- Сэм, тут к тебе приятель явился.
Sam whirled to see the mask seemingly floating in the wind.	Сэм повернулся и увидел качающуюся на ветру маску.
"So you're back again!"	- Опять пришел!
And Sam held his broom like a weapon.	- Сэм взял метлу наперевес.
The mask nodded.	Маска кивнула.

It was cut from pale blue glass and was fitted above a thin neck; under which were blowing loose robes of thin yellow silk.	Она была сделана из голубоватого стекла и венчала тонкую шею, ниже которой развевалось одеяние из тончайшего желтого шелка.
From the silk two mesh silver bands appeared.	Из шелка торчали две серебряные руки, прозрачные, как сетка.
The mask mouth was a slot from which musical sounds issued now as the robes, the mask, the hands increased to a height, decreased.	На месте рта у маски была узкая прорезь, из нее вырывались мелодичные звуки, а руки, маска, одежда то всплывали вверх, то опускались.
"Mr. Parkhill, I've come back to speak to you again," the voice said from behind the mask.	- Мистер Паркхилл, я опять пришел поговорить с вами, - произнес голос из-под маски.
"I thought I told you I don't want you near here!" cried Sam.	- Тебе же сказано, чтобы духу твоего здесь не было! - гаркнул Сэм.
"Go on, I'll give you the Disease!"	- Убирайся, не то Болезнь напущу!
"I've already had the Disease," said the voice.	- У меня уже была Болезнь, - ответил голос.
"I was one of the few survivors.	- Я один из немногих, кто выжил.
I was sick a long time."	Я очень долго болел.
"Go on and hide in the hills, that's where you belong, that's where you've been.	- Убирайся в свои горы и сиди там, где тебе положено.
Why you come on down and bother me?	Чего ты сюда ходишь, пристаешь ко мне.
Now, all of a sudden.	Ни с того ни с сего.
Twice in one day."	Да еще по два раза на день.
"We mean you no harm."	- Мы не причиним вам зла.
"But I mean you harm!" said Sam, backing up.	- Зато я вам причиню! - сказал Сэм, пятясь.
"I don't like strangers.	- Я иностранцев не люблю.
I don't like Martians.	И марсиан не люблю.
I never seen one before.	До сих пор ни одного не видел.
It ain't natural.	Вообще чертовщина какая-то!
All these years you guys hide, and all of a sudden you pick on me.	Столько лет сидели где-то, прятались, и вдруг, на тебе, я им понадобился.

Leave me alone."	Оставьте меня в покое.
"We come for an important reason," said the blue mask.	- У нас к вам важное дело, - сказала голубая маска.
"If it's about this land, it's mine.	- Если это насчет участка, то он мой.
I built this hot-dog stand with my own hands."	Я построил сосисочную собственными руками.
"In a way it is about the land."	- В известном смысле да, по поводу участка.
"Look here," said Sam.	- Ну вот что, послушай-ка меня, - ответил Сэм.
"I'm from New York City.	- Я сам из Нью-Йорка.
Where I come from there's ten million others just like me.	Это огромный город; там еще десять миллионов таких, как я.

You Martians are a couple dozen left, got no cities, you wander around in the hills, no leaders, no laws, and now you come tell me about this land.	А вас, марсиан, всего дюжина-другая осталась. Городов у вас нет, бродите по горам, ни властей, ни законов, и ты еще начинаешь мне про участок толковать.
Well, the old got to give way to the new.	Заруби себе на носу: старое должно уступать место новому.
That's the law of give and take.	Лучше разойдемся полюбовно.
I got a gun here.	При мне пистолет, вот он.
After you left this morning I got it out and loaded it."	Нынче утром, как ты ушел, я сразу его достал и зарядил.
"We Martians are telepathic," said the cold blue mask.	- Мы, марсиане - телепаты, - сказала бесстрастная голубая маска.
"We are in contact with one of your towns across the dead sea.	- У нас есть связь с одним из ваших городов по ту сторону мертвого моря.
Have you listened on your radio?"	Вы сегодня слушали радио?
"My radio's busted."	- Мой приемник схис.
"Then you don't know.	- Значит, вам ничего неизвестно.
There's big news.	Очень важные новости.
It concerns Earth - "	Это касается Земли.
A silver hand gestured. A bronze tube appeared in it.	Серебряная рука сделала движение, и в ней появилась бронзовая трубка.
"Let me show you this."	- Позвольте показать вам вот это.
"A gun," cried Sam Parkhill.	- Пистолет! - вскричал Сэм Паркхилл.
An instant later he had yanked his own gun from his hip holster and fired into the mist, the robe, the blue mask.	Выхватив из кобуры свой пистолет, он открыл огонь по туманному силуэту, по одеждам, по голубой маске.
The mask sustained itself a moment.	Маска на миг застыла в воздухе.
Then, like a small circus tent pulling up its stakes and dropping soft fold on fold, the silks rustled, the mask descended, the silver claws tinkled on the stone path. The mask lay on a small huddle of silent white bones and material.	Потом шелк зашуршал и мягко, складка за складкой, опал, будто крохотный цирковой шатер, у которого выбили стойки, серебряные руки тренькули о мощенную дорожку, и маска накрыла безгласную маленькую кучку белых костей и ткани.
Sam stood gasping.	У Сэма перехватило дыхание.
His wife swayed over the huddled pile.	Его жена, пошатываясь, стояла над останками марсианина.
"That's no weapon," she said, bending down. She picked up the bronze tube.	- Это не оружие, - сказала она, согнувшись и поднимая бронзовую трубку.

"He was going to show you a message.	- Это, видно, письмо. Он его хотел показать тебе.
It's all written out in snake-script, all the blue snakes.	Оно написано какой-то змеиной азбукой, видишь - все одни голубые змеи.
I can't read it.	Не умею читать эти знаки.

Can you?"	А ты?
"No, that Martian picture writing, it wasn't anything.	- Нет. Что в них проку-то было, в этих марсианских пиктограммах?
Let it go!"	Брось ее!
Sam glanced hastily around.	- Он воровато оглянулся по сторонам.
"There may be others!	- Ну, как другие еще нагрянут!
We've got to get him out of sight.	Надо убрать его с глаз долой.
Get the shovel!"	Неси-ка лопату!
"What're you going to do?"	- Что ты собираешься делать?
"Bury him, of course!"	- Закопать его, что же еще?
"You shouldn't have shot him."	- Не надо было убивать его.
"It was a mistake.	- Ну, ошибся, подумаешь.
Quick!"	Пошевеливайся!
Silently she fetched him the shovel.	Она молча принесла ему лопату.
At eight o'clock he was back sweeping the front of the hotdog stand self-consciously.	К восьми часам Сэм Паркхилл вернулся и принял виновато мести площадку перед сосисочной.
His wife stood, arms folded, in the bright doorway.	Жена стояла в залитых светом дверях, сложив руки на груди.
"I'm sorry what happened," he said.	- Жаль, конечно, что так получилось, - сказал он.
He looked at her, then away.	Поглядел на жену, отвел глаза в сторону.
"You know it was purely the circumstances of Fate."	- Сама видела, это случайно вышло, стечение обстоятельств.
"Yes," said his wife.	- Да, - сказала жена.
"I hated like hell to see him take out that weapon."	- Меня такое зло взяло, когда он достал оружие.
"What weapon?"	- Какое оружие?
"Well, I thought it was one!"	- Ну, мне показалось, что оружие!
I'm sorry, I'm sorry!	Я сожалею, сожалею!
How many times do I say it!"	Сколько раз еще надо повторять!
"Ssh," said Elma, putting one finger to her lips.	- Тсс, - произнесла Эльма, поднося палец к губам.
"Ssh."	- Тсс.
"I don't care," he said.	- А мне наплевать, - сказал он.
"I got the whole Earth Settlements, Inc., back of me!"	- Я не один - вся компания "Сеттльменты землян, инкорпорейтед" вступится, если что!
He snorted.	- Он презрительно фыркнул.
"These Martians won't dare - "	- Да эти марсиане и не посмеют...
"Look," said Elma.	- Смотри, - перебила его Эльма.

He looked out onto the dead sea bottom.	Сэм поглядел в сторону сухого моря.
He dropped his broom. He picked it up and his mouth was open, a little free drop of saliva flew on the air, and he was suddenly shivering.	Он выронил из рук метлу, потом поднял ее; рот его был разинут, и крохотная капелька слюны сорвалась с губы и улетела по ветру.

	Его вдруг кинуло в дрожь.
"Elma, Elma, Elma!" he said.	- Эльма, Эльма, Эльма! - вырвалось у него.
"Here they come," said Elma.	- Вот они и пришли, - сказала Эльма.
Across the ancient sea floor a dozen tall, blue-sailed Martian sand ships floated, like blue ghosts, like blue smoke.	По дну древнего моря, словно голубые призраки, голубые дымки, скользили десять-двенадцать высоких марсианских песчаных кораблей под голубыми парусами.
"Sand ships!"	- Песчаные корабли!
But there aren't any more, Elma, no more sand ships."	Но ведь их уже нет, Эльма, их не осталось.
"Those seem to be sand ships," she said.	- И все-таки это, похоже, их корабли, - сказала она.
"But the authorities confiscated all of them!"	- Как же так? Власти же их конфисковали!
They broke them up, sold some at auction!	И все разломали, только несколько штук продали с аукциона!
I'm the only one in this whole damn territory's got one and knows how to run one."	Во всей нашей округе я один купил эту посудину и знаю, как ее водить!
"Not any more," she said, nodding at the sea.	- Не осталось... - повторила она, кивая в сторону моря.
"Come on, let's get out of here!"	- Живо, нам надо убраться отсюда!
"Why?" she asked slowly, fascinated with the Martian vessels.	- Почему? - протяжно спросила она, завороженно глядя на марсианские корабли.
"They'll kill me!"	- Они убьют меня!
Get in our truck, quick!"	В машину, скорей!
Elma didn't move.	Эльма не двигалась с места.
He had to drag her around back of the stand where the two machines stood, his truck, which he had used steadily until a month ago, and the old Martian sand ship which he had bid for at auction, smiling, and which, during the last three weeks, he had used to carry supplies back and forth over the glassy sea floor.	Ему пришлось силой увести ее за сосисочную. Здесь стояли две машины: грузовик, на котором он постоянно разъезжал до недавнего времени, и старый марсианский песчаный корабль, который он потеки ради выторговал на аукционе. Последние три недели он возил на нем всякие грузы из-за моря, по гладкому дну.
He looked at his truck now and remembered.	Только взглянув на грузовик, он вспомнил.
The engine was out on the ground; he had been puttering with it for two days.	Мотор лежал на земле - он уже два дня возился с его ремонтом.
"The truck don't seem to be in running condition," said Elma.	- Грузовик вроде не на ходу, - заметила Эльма.
"The sand ship.	- Песчаный корабль!
Get in!"	Садись скорей!

"And let you drive me in a sand ship?	- Чтобы ты вез меня на этом корабле?
Oh no."	О, нет.
"Get in!	- Садись!
I can do it!"	Я умею!
He shoved her in, jumped in behind her, and flapped the tiller, let the cobalt sail up to take the evening wind.	Он втолкнул ее, вскочил следом и дернул руль, подставляя кобальтовый парус вечернему бризу.
The stars were bright and the blue Martian ships were skimming across the whispering sands.	Под яркими звездами голубые марсианские корабли стремительно скользили по шуршащим пескам.

At first his own ship would not move, then he remembered the sand anchor and yanked it in.	Корабль Сэма не двигался с места, пока он не вспомнил про якорь и не рванул его.
"There!"	- Есть!
The wind hurled the sand ship keening over the dead sea bottom, over long-buried crystals, past upended pillars, past deserted docks of marble and brass, past dead white chess cities, past purple foothills, into distance. The figures of the Martian ships receded and then began to pace Sam's ship.	И сильный ветер помчал песчаный корабль по дну мертвого моря, над поглощенными песком глыбами хрустала, мимо поваленных колонн, мимо заброшенных пристаней из мрамора и меди, мимо белых шахматных фигурок мертвых городов, мимо пурпурных предгорий и дальше, дальше... Очертания марсианских кораблей становились все меньше, пока они не помчались за Сэмом.
"Guess I showed them, by God!" cried Sam.	- Лихо я им нос утер! - крикнул Сэм.
"I'll report to the Rocket Corporation. They'll give me protection!"	- А сейчас я заявлю в "Ракетную компанию", и мне дадут охрану.
I'm pretty quick."	Скажи, что у меня не варит котелок!
"They could have stopped you if they wanted," Elma said tiredly.	- Они могли задержать тебя, если бы захотели, -устало ответила Эльма.
"They just didn't bother."	- Просто им это не очень нужно.
He laughed.	Он засмеялся.
"Come off it.	- Брось!
Why should they let me get off?	С чего это им отпускать меня?
No, they weren't quick enough, is all."	Не догнали, вот и все!
"Weren't they?"	- Не догнали?
Elma nodded behind him.	- Эльма кивком головы указала за его спину.
He did not turn.	Сэм не обернулся.
He felt a cold wind blowing.	Его обдало холдом.
He was afraid to turn.	Он боялся оглянуться.

He felt something in the seat behind him, something as frail as your breath on a cold morning something as blue as hickory-wood smoke at twilight, something like old white lace, something like a snowfall, something like the icy rime of winter on the brittle sedge.	Он ощутил нечто там, на сиденье, за своей спиной, нечто эфемерное, как дыхание человека студеным утром, и голубое, словно плывущий в сумерках дым над горячими чурками гикори, нечто подобное старинным белым кружевам и летучему снегу, напоминающее иней на хрупком камыше.
There was a sound as of a thin plate of glass broken -laughter.	Посыпался звук, будто разбилось тонкое стекло: смех.
Then silence.	И снова молчание.
He turned.	Он обернулся.
The young woman sat at the tiller bench quietly.	На корме, близ руля, спокойно сидела молодая женщина.
Her wrists were thin as icicles, her eyes as clear as the moons and as large, steady and white.	Кисти рук тонкие, как сосульки, глаза яркие и большие, как луны, светлые, спокойные.
The wind blew at her and, like an image on cold water, she rippled, silk standing out from her frail body in tatters of blue rain.	Ветер овевал ее, и она колыхалась, совсем как отражение на воде, к складки шелка, как струи голубого дождя, порхали вокруг ее хрупкого тела.
"Go back," she said.	- Поверните назад, - сказала она.
"No."	- Нет.
Sam was quivering, the fine, delicate	- Сэма трясло мелкой трусцвой дрожью, он

fear-quivering of a hornet suspended in the air, undecided between fear and hate.	дрожал, словно шершень, висящий в воздухе, он колебался на грани между страхом и злобой.
"Get off my ship!"	- Прочь с моего корабля!
"This isn't your ship," said the vision.	- Это не ваш корабль, - ответило видение.
"It's old as our world.	- Он такой же древний, как наш мир.
It sailed the sand seas ten thousand years ago when the seas were whispered away and the docks were empty, and you came and took it, stole it.	Он ходил по пескам еще десять тысяч лет назад, когда моря улетучились и пристани опустели, а вы, пришельцы, похитили его, забрали себе.
Now turn it around, go back to the crossroad place.	Но поверните же и возвратитесь к перекрестку.
We have need to talk with you.	Нам нужно поговорить с вами.
Something important has happened."	Произошло нечто очень важное.
"Get off my ship!" said Sam.	- Прочь с моего корабля! - сказал Сэм.
He took a gun from his holster with a creak of leather.	Кожаная кобура скрипнула, когда он вытащил пистолет.
He pointed it carefully.	Он тщательно прицелился.
"Jump off before I count three or - "	- Прыгай, считаю до трех...
"Don't!" cried the girl.	- Не надо! - вскричала девушка.
"I won't hurt you.	- Я вам ничего дурного не сделаю.
Neither will the others.	И другие тоже.
We came in peace!"	Мы пришли с миром!

"One," said Sam.	- Раз, - молвил Сэм.
"Sam!" said Elma.	- Сэм, - сказала Эльма.
"Listen to me," said the girl.	- Выслушайте меня, - просила девушка.
"Two," said Sam firmly, cocking the gun trigger.	- Два, - жестко произнес Сэм, взводя курок.
"Sam!" cried Elma.	- Сэм! - крикнула Эльма.
"Three," said Sam.	- Три, - сказал Сэм.
"We only - " said the girl.	- Мы только... - начала девушка.
The gun went off.	Пистолет выстрелил.
In the sunlight, snow melts, crystals evaporate into a steam, into nothing.	В лучах солнца тает снег, кристаллики превращаются в пар, в ничто.
In the firelight, vapors dance and vanish.	В пламени очага пляшут и пропадают химеры.
In the core of a volcano, fragile things burst and disappear.	В кратере вулкана распадается, исчезает все хрупкое и непрочное.
The girl, in the gunfire, in the heat, in the concussion, folded like a soft scarf, melted like a crystal figurine.	От выстрела, от огня, от удара девушка спалась, как легкий газовый шарф, растаяла, будто ледяная статуэтка.
What was left of her, ice, snowflake, smoke, blew away in the wind.	А все, что от нее осталось - льдинки, снежинки, дым, - унесло ветром.
The tiller seat was empty.	Кормовое сиденье опустело.
Sam holstered his gun and did not look at his wife.	Сэм убрал пистолет в кобуру, избегая глядеть на жену.
"Sam," she said after a minute more of traveling, whispering over the moon-colored sea of sand, "stop the ship."	Целую минуту слышен был лишь шелестящий бег корабля по песчаному морю, залитому лунным сиянием. - Сэм, - сказала она наконец, -останови корабль.
He looked at her and his face was pale.	Он обратил к ней бледное лицо.

"No, you don't.	- Нет, не бывать этому.
Not after all this time, you're not pulling out on me."	После стольких лет ты меня не бросишь.
She looked at his hand on his gun.	Она посмотрела на его руку, лежащую на рукоятке пистолета.
"I believe you would," she said.	- Что ж, я верю, ты способен, - сказала она.
"You actually would."	- От тебя этого можно ждать.
He jerked his head from side to side, hand tight on the tiller bar.	Он замотал головой, сжимая пальцами руль.
"Elma, this is crazy.	- Эльма, не дури.
We'll be in town in a minute, we'll be okay!"	Сейчас мы приедем в город и будем в безопасности!
"Yes," said his wife, lying back cold in the ship.	- Да-да, - ответила его жена, безучастно откинувшись на спину.
"Elma, listen to me."	- Эльма, выслушай меня.

"There's nothing to hear, Sam."	- Тебе нечего сказать, Сэм.
"Elma!"	- Эльма!
They were passing a little white chess city, and in his frustration, in his rage, he sent six bullets crashing among the crystal towers.	Они проносились мимо белого шахматного городка, и, одержимый бессильной яростью, Сэм выпустил одну за другой шесть пуль по хрустальным башням.
The city dissolved in a shower of ancient glass and splintered quartz.	Под грохот выстрелов город рассыпался ливнем старинного стекла и обломков кварца.
It fell away like carved soap, shattered.	Разбился вдребезги, растворился, будто он был вырезан из мыла.
It was no more.	Города не стало.
He laughed and fired again, and one last tower, one last chess piece, took fire, ignited, and in blue flinders went up to the stars.	Сэм рассмеялся и выстрелил еще раз. Последняя башня, последняя шахматная фигурка загорелась, вспыхнула и взлетела голубыми черепками к звездам.
"I'll show them!"	- Я им покажу!
I'll show everybody!"	Я всем покажу!
"Go ahead, show us, Sam."	- Давай, давай, Сэм, показывай.
She lay in the shadows.	- Глухая тень скрывала ее лицо.
"Here comes another city!"	- А вот еще город!
Sam reloaded his gun.	- Сэм снова зарядил пистолет.
"Watch me fix it!"	- Погляди, как я с ним справлюсь!
The blue phantom ships loomed up behind them, drawing steadily apace.	А сзади стремительно надвигались, неумолимо вырастали контуры голубых кораблей-призраков.
He did not see them at first. He was only aware of a whistling and a high windy screaming, as of steel on sand, and it was the sound of the sharp razor prows of the sand ships preening the sea bottoms, their red pennants, blue pennants unfurled.	Сначала он даже не увидел их, только услышал свист и завывающую высокую ноту, будто сталь скрипела по песку: это бритвенно-острые носы песчаных кораблей резали поверхность морского дна.
In the blue light ships were blue dark images, masked men, men with silvery faces, men with blue stars for eyes, men with carved golden ears,	На голубых кораблях под красными и голубыми вымпелами стояли синие фигуры, люди в масках, люди с серебристыми

men with tinfoil cheeks and ruby-studded lips, men with arms folded, men following him, Martian men.	лицами, с голубыми звездами вместо глаз, с лепными ушами из золота, отливающими металлом щеками и рубиновыми губами. Они стояли, скрестив руки на груди. Это были марсиане, и они преследовали его.
One, two, three. Sam counted.	Раз, два, три... Сэм считал.
The Martian ships closed in.	Марсианские корабли подошли вплотную к нему.
"Elma, Elma, I can't hold them all off!"	- Эльма, Эльма, я не отобьюсь от всех!
Elma did not speak or rise from where she had slumped.	Эльма не ответила, даже не пошевелилась.
Sam fired his gun eight times.	Сэм выстрелил восемь раз.

One of the sand ships fell apart, the sail, the emerald body, the bronze hull points, the moon-white tiller, and all the separate images in it.	Один песчаный корабль развалился на части, распались паруса, изумрудный корпус, его бронзовая оковка, лунно-белый руль и остальные образы.
The masked men, all of them, dug into the sand and separated out into orange and then smoke-flame.	Люди в масках, все до одного, упали с корабля, зарылись в песок, и над каждым из них вспыхнуло пламя, сначала оранжевое, потом подернутое копотью.
But the other ships closed in.	Но остальные корабли продолжали приближаться.
"I'm outnumbered, Elma!" he cried.	- Их слишком много, Эльма! - вскричал он.
"They'll kill me!"	- Они меня убьют!
He threw out the anchor.	Он выбросил якорь.
It was no use.	Без толку.
The sail fluttered down, folding unto itself, sighing.	Парус порхнул вниз, ложась в складки, вздыхая.
The ship stopped. The wind stopped. Travel stopped.	Корабль, ветер, движение - все остановилось.
Mars stood still as the majestic vessels of the Martians drew around and hesitated over him.	Казалось, весь Марс замер, когда величественные суда марсиан, окружив Сэма, вздыбились над ним.
"Earth man," a voice called from a high seat somewhere.	- Землянин, - воззвал голос откуда-то с высоты.
A silverine mask moved. Ruby-rimmed lips glittered with the words.	Одна из серебристых масок шевелилась, рубиновые губы поблескивали в такт словам.
"I didn't do anything!"	- Я ничего не сделал!
Sam looked at all the faces, one hundred in all, that surrounded him.	- Сэм смотрел на окружавшие его лица - их было не меньше ста.
There weren't many Martians left on Mars - one hundred, one hundred and fifty, all told.	На Марсе осталось очень мало марсиан - всего не больше ста - ста пятидесяти.
And most of them were here now, on the dead seas, in their resurrected ships, by their dead chess cities, one of which had just fallen like some fragile vase hit by a pebble.	И почти все они были здесь, на дне мертвого моря, на своих воскрешенных кораблях, возле вымерших шахматных городов, один из которых только что рассыпался осколками, как хрупкая ваза, пораженная камнем.
The silverine masks glinted.	Сверкали серебряные маски.
"It was all a mistake," he pleaded, standing out	- Все это недоразумение, - взмолился он,

of his ship, his wife slumped behind him in the depths of the hold, like a dead woman.	привстав над бортом; жена его по-прежнему лежала замертво, свернувшись комочком, на дне корабля.
"I came to Mars like any honest enterprising businessman.	- Я прилетел на Марс как честный предпримчивый бизнесмен, таких здесь много.
I took some surplus material from a rocket that crashed and I built me the finest little stand you ever saw right there on that land by the crossroads - you know where it is.	Выстроил себе ларек из обломков разбившейся ракеты, ларек, сами видели, загляденье, на самом перекрестке, вы это местечко знаете.
You've got to admit it's a good job of building."	Сработано чисто, правда ведь?

Sam laughed, staring around.	- Сэм захихикал, переводя взгляд с одного лица на другое.
"And that Martian - I know he was a friend of yours -came.	- А тут, значит, появляется этот марсианин, я знаю- он ваш приятель.
His death was an accident, I assure you.	Я его нечаянно убил, уверяю вас, это несчастный случай.
All I wanted to do was have a hot-dog stand, the only one on Mars, the first and most important one.	Мне ничего не надо, я только хотел завести сосисочную, первую, единственную на Марсе, центральную, можно сказать.
You understand how it is?	Понимаете?
I was going to serve the best darned hot dogs there, with chili and onions and orange juice."	Подавать лучшие на всей планете горячие сосиски, черт возьми, с перцем и луком, и апельсиновый сок.
The silver masks did not move. They burned in the moonlight.	Серебряные маски неподвижно блестели в лунном свете.
Yellow eyes shone upon Sam.	Светились устремленные на Сэма желтые глаза.
He felt his stomach clench in, wither, become a rock.	Желудок его сжался в комок, в камень.
He threw his gun in the sand.	Он швырнул пистолет на песок.
"I give up."	- Сдаюсь.
"Pick up your gun," said the Martians in chorus.	- Поднимите свой пистолет, - хором сказали марсиане.
"What?"	- Что?
"Your gun."	- Ваш пистолет.
A jeweled hand waved from the prow of a blue ship.	- Над носом голубого корабля взлетела ажурная рука.
"Pick it up.	- Возьмите его.
Put it away."	Уберите.
Unbelieving he picked up the gun.	Он, все еще не веря, подобрал пистолет.
"Now," said the voice, "turn your ship and go back to your stand."	- А теперь, - продолжал голос, - разверните корабль и возвращайтесь к своему ларьку.
"Now?"	- Сейчас же?
"Now," said the voice.	- Сейчас же, - сказал голос.
"We will not harm you.	- Мы вам ничего дурного не сделаем.
You ran away before we were able to explain.	Вы обратились в бегство, прежде чем мы успели вам объяснить.
Come."	Следуйте за нами.
Now the great ships turned as lightly as moon	Огромные корабли развернулись легко, как

thistles.	лунные пушинки.
Their wing-sails flapped with a sound of soft applause on the air, The masks were coruscating, turning, firing the shadows.	Крылья-паруса тихо заплескались в воздухе, будто кто-то бил в ладони. Маски сверкали, поворачиваясь, холодным пламенем выжигали тени.
"Elma!"	- Эльма!
Sam tumbled into the ship.	- Сэм неуклюже взобрался на корабль.
"Get up, Elma.	- Поднимайся, Эльма.
We're going back."	Мы возвращаемся.
He was excited. He almost gibbered with relief.	- Он был так потрясен нежданным избавлением, что лепета его почти нельзя было понять.
"They aren't going to hurt me, kill me, Elma.	- Они мне ничего не сделают, не убьют меня, Эльма.
Get up, honey, get up."	Поднимайся, голубушка, вставай.
"What - what?"	- Что. Что?
Elma blinked around and slowly, as the ship was sent into the wind again, she helped herself, as in a dream, back up to a seat and slumped there like a sack of stones, saying no more.	- Эльма растерянно озиралась, и, пока их корабль разворачивался под ветер, она медленно, будто во сне, поднялась и тяжело, словно мешок с камнями, опустилась на сиденье, не сказав больше ни слова.
The sand slid under the ship.	Песок под кораблем убегал назад.
In half an hour they were back at the crossroads, the ships planted, all of them out of the ships.	Через полчаса они снова были у перекрестка, корабли ошвартовались и все сошли с кораблей.
The Leader stood before Sam and Elma, his mask beaten of polished bronze, the eyes only empty slits of endless blue-black, the mouth a slot out of which words drifted into the wind.	Перед Сэмом и Эльмой остановился Глава марсиан: маска вычеканена из полированной бронзы, глаза - бездонные черно-синие провалы, рот - прорезь, из которой плыли по ветру слова.
"Ready your stand," said the voice.	- Снаряжайте вашу лавку, - сказал голос.
A diamond-gloved hand waved.	В воздухе мелькнула рука в алмазной перчатке.
"Prepare the viands, prepare the foods, prepare the strange wines, for tonight is indeed a great night!"	- Готовьте яства, готовьте угощение, готовьте чужеземные вина, ибо нынешняя ночь - поистине великая ночь!
"You mean," said Sam, "you'll let me stay on here?"	- Стало быть, - заговорил Сэм, - вы разрешите мне остаться здесь?
"Yes."	- Да
"You're not mad at me?"	- Вы на меня не сердитесь?
The mask was rigid and carved and cold and sightless.	Маска была сурова и жестока, бесстрастна и слепа.
"Prepare your place of food," said the voice softly.	- Готовьте свое кормилице, - тихо сказал голос.
"And take this."	- И возьмите вот это.
"What is it?"	- Что это?

Sam blinked at the silver-foil scroll that was handed him, upon which, in hieroglyph, snake figures danced.	Сэм уставился на врученный ему свиток из тонкого серебряного листа, по поверхности которого извивались змейки иероглифов.
---	---

"It is the land grant to all of the territory from the silver mountains to the blue hills, from the dead salt sea there to the distant valleys of moonstone and emerald," said the Leader.	- Это дарственная на все земли от серебряных гор до голубых холмов, от мертвого моря до далеких долин, где лунный камень и изумруды, - сказал Глава.
"M-mine?" said Sam, incredulous.	- Все м-мое? - пробормотал Сэм, не веря своим ушам.
"Yours."	- Ваше.
"One hundred thousand miles of territory?"	- Сто тысяч квадратных миль?
"Yours."	- Ваши.
"Did you hear that, Elma?"	- Ты слышала, Эльма?
Elma was sitting on the ground, leaning against the aluminum hot-dog stand, eyes shut.	Эльма сидела на земле, прислонившись спиной к алюминиевой стене сосисочной; глаза ее были закрыты.
"But why, why - why are you giving me all this?" asked Sam, trying to look into the metal slots of the eyes.	- Но почему, с какой стати вы мне дарите все это?- спросил Сэм, пытаясь заглянуть в металлические прорези глаз.
"That is not all.	- Это не все.
Here."	Вот.
Six other scrolls were produced.	Еще шесть свитков.
The names were declared, the territories announced.	Вслух перечисляются названия, обозначения других земель.
"Why, that's half of Mars!"	- Но это же половина Марса!
I own half of Mars!"	Я хозяин половины Марса!
Sam rattled the scrolls in his fists. He shook them at Elma, insane with laughing.	- Сэм стиснул гремучие свитки, тряс ими перед Эльмой, захлебываясь безумным смехом.
"Elma, did you hear?"	- Эльма, ты слышала?
"I heard," said Elma, looking at the sky.	- Слышала, - ответила Эльма, глядя на небо.
She seemed to be watching for something.	Казалось, она что-то разыскивает.
She was becoming a little more alert now.	Апатия мало-помалу оставляла ее.
"Thank you, oh, thank you," said Sam to the bronze mask.	- Спасибо, большое спасибо, - сказал Сэм бронзовой маске.
"Tonight is the night," said the mask.	- Это произойдет сегодня ночью, - ответила маска.
"You must be ready."	- Приготовьтесь.
"I will be.	- Ладно.
What it is - a surprise?	А что это будет - неожиданность какая-нибудь?
Are the rockets coming through earlier than we thought, a month earlier from Earth?	Ракеты с Земли прилетят раньше объявленного, за месяц до срока?

All ten thousand rockets, bringing the settlers, the miners, the workers and their wives, all hundred thousand of them?	Все десять тысяч ракет с поселенцами, с рудокопами, с рабочими и их женами, сто тысяч человек, как говорили?
Won't that be swell, Elma?	Вот здорово было бы, правда, Эльма?
You see, I told you. I told you, that town there won't always have just one thousand people in it.	Видишь, я тебе говорил, говорил, что в этом поселке одной тысячей жителей дело не ограничится.
There'll be fifty thousand more coming, and the month after that a hundred thousand more, and by the end of the year five million Earth Men.	Сюда прилетят еще пятьдесят тысяч, через месяц -еще сто тысяч, а всего к концу года - пять миллионов с Земли!

And me with the only hot-dog stand staked out on the busiest highway to the mines!"	И на самой оживленной магистрали, на пути к рудникам - единственная сосисочная, моя сосисочная!
The mask floated on the wind.	Маска парила на ветру.
"We leave you.	- Мы покидаем вас.
Prepare.	Пригответесь.
The land is yours."	Весь этот край остается вам.
In the blowing moonlight, like metal petals of some ancient flower, like blue plumes, like cobalt butterflies immense and quiet, the old ships turned and moved over the shifting sands, the masks beaming and glittering, until the last shine, the last blue color, was lost among the hills.	В летучем лунном свете древние корабли -металлические лепестки ископаемого цветка, голубые султаны, огромные и бесшумные кобальтовые бабочки - повернули и заскользили по зыбким пескам, и маски все лучились и сияли, пока последний отсвет, последний голубой блик не затерялся среди холмов.
"Elma, why did they do it?	- Эльма, почему они так поступили?
Why didn't they kill me?	Почему не убили меня?
Don't they know anything?	Неужто они ничего не знают?
What's wrong with them?	Что с ними стряслось?
Elma, do you understand?"	Эльма, ты что-нибудь понимаешь?
He shook her shoulder.	- Он потряс ее за плечо.
"I own half of Mars!"	- Половина Марса - моя!
She watched the night sky, waiting.	Она глядела на небо и ожидала чего-то.
"Come on," he said.	- Пошли, - сказал он.
"We've got to get the place fixed.	- Надо все приготовить.
All the hot dogs boiling, the buns warm, the chili cooking, the onions peeled and diced, the relish laid out, the napkins in the dips, the place spotless!	Кипятить сосиски, подогревать булочки, перечный соус варить, чистить и резать лук, приправы расставить, салфетки разложить в кольцах, и чтобы чистота была - ни единого пятнышка!
Hey!"	Эге-гей!
He did a little wild dance, kicking his heels.	- Он отбил коленце какого-то необузданного танца, высоко вскидывая пятки.

"Oh boy, I'm happy; yes, sir, I'm happy," he sang off key.	- Я счастлив, парень, счастлив, сэр, - запел он, фальшивя.
"This is my lucky day!"	- Сегодня мой счастливый день!
He boiled the hot dogs, cut the buns, sliced the onions in a frenzy.	Он работал, как одержимый: бросил в кипяток сосиски, разрезал булки вдоль, накрошил лук.
"Just think, that Martian said a surprise.	- Ты слышала, что сказал тот марсианин -неожиданность, говорит!
That can only mean one thing, Elma.	Тут только одно может быть, Эльма.
Those hundred thousand people coming in ahead of schedule, tonight, of all nights!	Эти сто тысяч человек прилетают раньше срока, сегодня ночью прилетают!
We'll be flooded!	Представляешь, какой у нас будет наплыв!
We'll work long hours for days, what with tourists riding around seeing things, Elma.	До поздней ночи будем работать, каждый день, а там ведь еще туристы нахлынут, Эльма!
Think of the money!"	Деньги-то, деньги какие!
He went out and looked at the sky.	Он вышел наружу и посмотрел на небо.

He didn't see anything.	Ничего не увидел.
"In a minute, maybe," he said, snuffing the cool air gratefully, arms up, beating his chest.	- С минуты на минуту, - произнес он, радостно вдохнув прохладный воздух, потянулся, ударил себя в грудь.
"Ah!"	- А-ах!
Elma said nothing.	Эльма молчала.
She peeled potatoes for French fries quietly, her eyes always on the sky.	Она чистила картофель для жарки и не сводила глаз с неба.
"Sam," she said half an hour later.	Прошло полчаса. - Сэм, - сказала она.
"There it is.	- Вон она.
Look."	Гляди.
He looked and saw it.	Он поглядел и увидел.
Earth.	Земля.
It rose full and green, like a fine-cut stone, above the hills.	Яркая, зеленая, будто камень лучшей огранки, над холмами взошла Земля.
"Good old Earth," he whispered lovingly.	- Старушка Земля, - с нежностью прошептал он.
"Good old wonderful Earth.	- Дорогая старушка Земля.
Send me your hungry and your starved.	Шли сюда, ко мне, своих голодных и изнуренных.
Something something - how does that poem go?	Э-э... как там в стихе говорится?
Send me your hungry, old Earth.	Шли ко мне своих голодных. Земля-старушка.
Here's Sam Parkhill, his hot dogs all boiled, his chili cooking, everything neat as a pin.	Сэм Паркхилл тут как тут, горячие сосиски готовы, соус варится, все блестит.
Come on, you Earth, send me your rocket!"	Давай, Земля, присытай ракеты!

He went out to look at his place.	Он отошел в сторонку полюбоваться своим детищем.
There it sat, perfect as a fresh-laid egg on the dead sea bottom, the only nucleus of light and warmth in hundreds of miles of lonely wasteland.	Вот она, сосисочная, как свеженько яичко на дне мертвого моря, единственный на сотни миль бесплодной пустыни очаг света и тепла.
It was like a heart beating alone in a great dark body.	Точно сердце, одиноко бьющееся в исполинском черном теле.
He felt almost sorrowful with pride, gazing at it with wet eyes.	Он даже растрогался, и глаза увлажнились от гордости.
"It sure makes you humble," he said among the cooking odors of wieners, warm buns, rich butter.	- Тут поневоле смирением проникнешься, - произнес он, вдыхая запах кипящих сосисок, горячих булочек, сливочного масла.
"Step up," he invited the various stars in the sky.	- Подходите, - обратился он к звездам, - покупайте.
"Who'll be the first to buy?"	Кто первый?
"Sam," said Elma.	- Сэм, - сказала Эльма.
Earth changed in the black sky.	Земля в черном небе вдруг преобразилась.
It caught fire.	Она воспламенилась.
Part of it seemed to come apart in a million pieces, as if a gigantic jigsaw had exploded.	Часть ее диска вдруг распалась на миллионы частиц - будто рассыпалась огромная мозаика.
It burned with an unholy dripping glare for a minute, three times normal size, then dwindled.	С минуту Земля пылала жутким рваным пламенем, увеличившись в размерах раза в

	три, потом съежилась.
"What was that?"	- Что это было?
Sam looked at the green fire in the sky.	- Сэм глядел на зеленый огонь в небесах.
"Earth," said Elma, holding her hands together.	- Земля, - ответила Эльма, прижав руки к груди.
"That can't be Earth, that's not Earth!"	- Какая же это Земля, это не может быть Земля!
No, that ain't Earth!	Нет-нет, не Земля!
It can't be."	Не может быть.
"You mean it couldn't be Earth," said Elma, looking at him.	- Ты хочешь сказать: не могла быть? - сказала Эльма, смотря на него.
"That just isn't Earth. No, that's not Earth; is that what you mean?"	- Теперь это уже не Земля, да, это больше не Земля - ты это хотел сказать?
"Not Earth - oh no, it couldn't be," he wailed.	- Не Земля, нет-нет, это была не она, - выл он.
He stood there, his hands at his sides, his mouth open, his eyes wide and dull, not moving.	Он стоял неподвижно, руки повисли как плети, рот открыт, тупо вытаращены глаза.
"Sam." She called his name.	- Сэм, - позвала она.
For the first time in days her eyes were bright.	Впервые за много дней ее глаза оживились.
"Sam?"	- Сэм!
He looked up at the sky.	Он смотрел вверх, на небо.

"Well," she said.	- Что ж, - сказала она.
She glanced around for a minute or so in silence. Then briskly she flapped a wet towel over her arm.	С минуту молча переводила взгляд с одного предмета на другой, потом решительно перекинула через руку влажное полотенце.
"Switch on more lights, turn up the music, open the doors, There'll be another batch of customers along in about a million years.	- Включай свет, больше света, заводи радиолу, раскрывай двери настежь! Жди новую партию посетителей - примерно через миллион лет.
Gotta be ready, yes, sir."	Да-да, сэр, чтобы все было готово.
Sam did not move.	Сэм не двигался.
"What a swell spot for a hot-dog stand," she said.	- Ах, какое бесподобное место для сосисочной!
She reached over and picked a toothpick out of a jar and put it between her front teeth.	- Она достала из стакана зубочистку и воткнула себе между передними зубами.
"Let you in on a little secret, Sam," she whispered, leaning toward him. "This looks like it's going to be an off season."	- Скажу тебе по секрету, Сэм, - прошептала она, наклоняясь к нему: - Похоже, начинается мертвый сезон...
November 2005: THE WATCHERS	Ноябрь 2005 Наблюдатели
They all came out and looked at the sky that night.	В тот вечер все вышли из своих домов и уставились на небо.
They left their suppers or their washing up or their dressing for the show and they came out upon their now-not-quite-as-new porches and watched the green star of Earth there.	Бросили ужин, посуду, сборы в кино, вышли на свои, теперь уже не такие новешенькие веранды и стали смотреть в упор на зеленую звезду Земли.
It was a move without conscious effort; they all did it, to help them understand the news they had heard on the radio a moment before.	Это было совсем непроизвольно; они поступили так, пытаясь осмыслить новость, которую только что принесло радио.
There was Earth and there the coming war, and there hundreds of thousands of mothers or	Вон она - Земля, где назревает война, и там сотни тысяч матерей, бабушек, отцов,

grandmothers or fathers or brothers or aunts or uncles or cousins.	братьев, тетушек, дядюшек, двоюродных сестер.
They stood on the porches and tried to believe in the existence of Earth, much as they had once tried to believe in the existence of Mars; it was a problem reversed.	Они стояли на верандах и заставляли себя поверить в существование Земли; это было почти так же трудно, как некогда поверить в существование Марса: прямо противоположная задача.
To all intents and purposes, Earth now was dead; they had been away from it for three or four years.	В общем-то Земля была для них все равно что мертвой. Они расстались с ней три или четыре года назад.
Space was an anesthetic; seventy million miles of space numbed you, put memory to sleep, depopulated Earth, erased the past, and allowed these people here to go on with their work.	Расстояние обезболивало душу, семьдесят миллионов миль глушили чувства, усыпляли память, делали Землю безлюдной, стирали прошлое и позволяли этим людям трудиться здесь, ни о чем не думая.
But now, tonight, the dead were risen, Earth was rehhabited, memory awoke, a million names were spoken: What was so-and-so doing tonight on Earth?	Но сегодня вечером умершие восстали. Земля вновь стала обитаемой, память пробудилась и они называли множество имен.
What about this one and that one?	Что делает сейчас такой-то, такая-то? Как там имярек?

The people on the porches glanced sidewise at each other's faces.	Люди стояли на своих верандах и поглядывали друг на друга.
At nine o'clock Earth seemed to explode, catch fire, and burn.	В девять часов Земля как будто взорвалась и вспыхнула.
The people on the porches put up their hands as if to beat the fire out.	Люди на верандах вскинули вверх руки, точно хотели загасить пламя.
They waited.	Они ждали.
By midnight the fire was extinguished.	К полуночи пожар потух.
Earth was still there.	Земля осталась на своем месте.
There was a sigh, like an autumn wind, from the porches.	И по верандам осенним ветерком пронесся вздох.
"We haven't heard from Harry for a long time."	- Давненько мы ничего не слышали от Гарри.
"He's all right."	- А что ему делается.
"We should send a message to Mother."	- Надо бы послать весточку маме.
"She's all right."	- Она жива-здорова.
"Is she?"	- Ты уверен?
"Now, don't worry."	- Ладно, ты только не тревожься.
"Will she be all right, do you think?"	- Думаешь, с ней ничего не приключилось?
"Of course, of course; now come to bed."	- Конечно же, пошли-ка спать.
But nobody moved.	Но никто не уходил.
Late dinners were carried out onto the night lawns and set upon collapsible tables, and they picked at these slowly until two o'clock and the light-radio message flashed from Earth.	Наочные газоны вынесли остывший ужин, накрыли складные столы, и люди вяло ковыряли пищу вилками до двух часов ночи, когда с Земли долетело послание светового радио.
They could read the great Morse-code flashes which flickered like a distant firefly:	Словно далекие светлячки, мерцали мощные вспышки морзянки, и они читали:
AUSTRALIAN CONTINENT ATOMIZED IN PREMATURE	АВСТРАЛИЙСКИЙ МАТЕРИК ОБРАЩЕН В ПЫЛЬ НЕПРЕДВИДЕННЫМ ВЗРЫВОМ

	АТОМНОГО СКЛАДА.
EXPLOSION OF ATOMIC STOCKPILE. LOS ANGELES,	ЛОС АНДЖЕЛЕС, ЛОНДОН ПОДВЕРГНУТЫ БОМБАРДИРОВКЕ.
LONDON BOMBED. WAR. COME HOME. COME HOME. COME HOME.	ВОЙНА. ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ ДОМОЙ. ДОМОЙ. ДОМОЙ.
They stood up from their tables.	Они поднялись из-за столов.
COME HOME. COME HOME. COME HOME.	ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ ДОМОЙ. ДОМОЙ, ДОМОЙ.
"Have you heard from your brother Ted this year?"	- Ты в этом году получал что-нибудь от своего брата Теда?
"You know. With mail rates five bucks a letter to Earth, I don't write much."	- Будто не знаешь: послать письмо на Землю стоит пять монет. Не очень-то распишешься.
COME HOME.	ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ ДОМОЙ.

"I've been wondering about Jane; you remember Jane, my kid sister?"	- Меня что-то Джейн беспокоит - помнишь Джейн, мою младшую сестричку?
COME HOME.	ДОМОЙ.
At three in the chilly morning the luggage-store proprietor glanced up.	В три часа, когда занималось зябкое утро, владелец магазина "Дорожные товары" вскинул голову.
A lot of people were coming down the street.	По улице шла целая толпа людей.
"Stayed open late on purpose.	- А я умышленно не закрывал.
What'll it be, mister?"	Что возьмете, мистер?
By dawn the luggage was gone from his shelves.	К рассвету все полки магазина опустели.
December 2005: THE SILENT TOWNS	Декабрь 2005 Безмолвные города
There was a little white silent town on the edge of the dead Martian sea.	На краю мертвого марсианского моря раскинулся безмолвный белый городок.
The town was empty.	Он был пуст.
No one moved in it.	Ни малейшего движения на улицах.
Lonely lights burned in the stores all day.	Днем и ночью в универмагах одиноко горели огни.
The shop doors were wide, as if people had run off without using their keys.	Двери лавок открыты настежь, точно люди обратились в бегство, позабыв о ключах.
Magazines, brought from Earth on the silver rocket a month before, fluttered, untouched, burning brown, on wire racks fronting the silent drugstores.	На проволочных рейках у входов в немые закусочные нечитанные, порыжевшие от солнца, шелестели журналы, доставленные месяц назад серебристой ракетой с Земли.
The town was dead.	Городок был мертв.
Its beds were empty and cold.	Постели в нем пусты и холодны.
The only sound was the power hum of electric lines and dynamos, still alive, all by themselves.	Единственный звук - жужжение тока в электропроводах и динамо-машинах, которые все еще жили сами по себе.
Water ran in forgotten bathtubs, poured out into living rooms, onto porches, and down through little garden plots to feed neglected flowers.	Вода переполняла забытые ванны, текла в жилые комнаты, на веранды, в маленькие сады, питая заброшенные цветы.
In the dark theaters, gum under the many seats began to harden with tooth impressions still in it.	В темных зрительных залах затвердела прилепленная снизу к многочисленным сиденьям жевательная резинка, еще хранящая отпечатки зубов.
Across town was a rocket port.	За городом был космодром.
You could still smell the hard, scorched smell	Едкий паленый запах до сих пор стоял там,

where the last rocket blasted off when it went back to Earth.	откуда взлетела курсом на Землю последняя ракета.
If you dropped a dime in the telescope and pointed it at Earth, perhaps you could see the big war happening there.	Если опустить монетку в телескоп и навести его на Землю, можно, пожалуй, увидеть бушующую там большую войну.
Perhaps you could see New York explode.	Увидеть, скажем, как взрывается Нью-Йорк.

Maybe London could be seen, covered with a new kind of fog.	А то и рассмотреть Лондон, окутанный туманом нового рода.
Perhaps then it might be understood why this small Martian town is abandoned.	И, может быть, тогда станет понятным, почему покинут этот марсианский городок.
How quick was the evacuation?	Быстро ли проходила эвакуация?
Walk in any store, bang the NO SALE key.	Войдите в любой магазин, нажмите на клавиши кассы.
Cash drawers jump out, all bright and jingly with coins.	И ящичек выскочит, сверкая и бренча монетами.
That war on Earth must be very bad...	Да, должно быть, плохо дело на Земле...
Along the empty avenues of this town, now whistling softly, kicking a tin can ahead of him in deepest concentration, came a tall, thin man.	По пустынным улицам городка, негромко посвистывая, сосредоточенно гоня перед собой ногами пустую банку, шел высокий худой человек.
His eyes glowed with a dark, quiet look of loneliness. He moved his bony hands in his pockets, which were tinkling with new dimes.	Угрюмый, спокойный взгляд его глаз отражал всю степень его одиночества Он сунул костиные руки в карманы, где бренчали новенькие монеты.
Occasionally he tossed a dime to the ground. He laughed temperately, doing this, and walked on, sprinkling bright dimes everywhere.	Нечаянно уронил монетку на асфальт, усмехнулся и пошел дальше, кропя улицы блестящими монетами...
His name was Walter Gripp.	Его звали Уолтер Грипп.
He had a placer mine and a remote shack far up in the blue Martian hills and he walked to town once every two weeks to see if he could marry a quiet and intelligent woman.	У него был золотой прииск и уединенная лачуга далеко в голубых марсианских горах, и раз в две недели он отправлялся в город поискать себе в жены спокойную, разумную женщину.
Over the years he had always returned to his shack, alone and disappointed.	Так было не первый год, и всякий раз он возвращался в свою лачугу разочарованный и по-прежнему одинокий.
A week ago, arriving in town, he had found it this way!	А неделю назад, прия в город, застал вот такую картину!
That day he had been so surprised that he rushed to a delicatessen, flung wide a case, and ordered a triple-decker beef sandwich.	Он был настолько ошеломлен в тот день, что заскочил в первую попавшуюся закусочную и заказал себе тройной сэндвич с мясом.
"Coming up!" he cried, a towel on his arm.	- Будет сделано! - крикнул он.
He flourished meats and bread baked the day before, dusted a table, invited himself to sit, and ate until he had to go find a soda fountain, where he ordered a bicarbonate.	Он расставил на стойке закуски и испеченный накануне хлеб, смахнул пыль со стола, предложил самому себе сесть и ел, пока не ощутил потребность отыскать сатуратор и заказать содовой.
The druggist, being one Walter Gripp, was astoundingly polite and fizzed one right up for him!	Владелец, некто Уолтер Грипп, оказался на диво учтивым и мигом налил ему шипучий напиток!

He stuffed his jeans with money, all he could find.	Он набил карманы джинсов деньгами, какие только ему подворачивались.
He loaded a boy's wagon with ten-dollar bills and ran lickety-split through town.	Нагрузил тележку десятидолларовыми бумажками и побежал, обуреваемый вожделениями, по городу.
Reaching the suburbs, he suddenly realized how shamefully silly he was.	Уже на окраине он внезапно уразумел, до чего постыдно и глупо себя ведет.
He didn't need money.	На что ему деньги!
He rode the ten-dollar bills back to where he'd found them, counted a dollar from his own wallet to pay for the sandwiches, dropped it in the delicatessen till, and added a quarter tip.	Он отвез десятидолларовые бумажки туда, где взял их, вынул из собственного бумажника один доллар, опустил его в кассу закусочной за сэндвичи и добавил четвертак на чай.
That night he enjoyed a hot Turkish bath, a succulent filet carpeted with delicate mushrooms, imported dry sherry, and strawberries in wine.	Вечером он насладился жаркой турецкой баней, сочным филе и изысканным грибным соусом, импортным сухим хересом и клубникой в вине.
He fitted himself for a new blue flannel suit, and a rich gray Homburg which balanced oddly atop his gaunt head.	Подобрал себе новый синий фланелевый костюм и роскошную серую шляпу, которая потешно болталась на макушке его длинной головы.
He slid money into a juke box which played "That Old Gang of Mine."	Он сунул монетку в автомат-радиолу, которая заиграла "Нашу старую шайку".
He dropped nickels in twenty boxes all over town.	Насовал пятаков в двадцать автоматов по всему городу.
The lonely streets and the night were full of the sad music of "That Old Gang of Mine" as he walked, tall and thin and alone, his new shoes clumping softly, his cold hands in his pockets.	Печальные звуки "Нашей старой шайки" заполнили ночь и пустынные улицы, а он шел все дальше, высокий, худой, одинокий, мягко ступая новыми ботинками, грея в карманах озябшие руки.
But that was a week past.	С тех пор прошла неделя.
He slept in a good house on Mars Avenue, rose mornings at nine, bathed, and idled to town for ham and eggs.	Он спал в отличном доме на Марс-Авеню, утром вставал в девять, принимал ванну и лениво брел в город позавтракать яйцами с ветчиной.
No morning passed that he didn't freeze a ton of meats, vegetables, and lemon cream pies, enough to last ten years, until the rockets came back from Earth, if they ever came.	Что ни утро, он заряжал очередной холодильник тонной мяса, овощей, пирогов с лимонным кремом, запасая себе продукты лет на десять, пока не вернутся с Земли Ракеты. Если они вообще вернутся.
Now, tonight, he drifted up and down, seeing the wax women in every colorful shop window, pink and beautiful.	А сегодня вечером он слонялся взад-вперед, рассматривая восковых женщин в красочных витринах - розовых, красивых.
For the first time he knew how dead the town was.	И впервые ощущил, до чего же мертв город.
He drew a glass of beer and sobbed gently.	Выпил кружку пива и тихонько заскулил.
"Why," he said,	- Черт возьми, - сказал он.
"I'm all alone."	- Я же совсем один.
He entered the Elite Theater to show himself a film, to distract his mind from his isolation.	Он зашел в кинотеатр "Элит", хотел показать себе фильм, чтобы отвлечься от мыслей об одиночестве.

The theater was hollow, empty, like a tomb with phantoms crawling gray and black on the vast screen.	В зале было пусто и глухо, как в склепе, по огромному экрану ползли серые и черные призраки.
Shivering, he hurried from the haunted place.	Его бросило в дрожь, и он ринулся прочь из этого логова нечистой силы.
Having decided to return home, he was striking down the middle of a side street, almost running, when he heard the phone.	Решив вернуться домой, он быстро шел, почти бежал по мостовой тихого переулка, когда услышал телефонный звонок.
He listened.	Он прислушался.
"Phone ringing in someone's house."	"Где-то звонит телефон".
He proceeded briskly.	Он продолжал идти вперед.
"Someone should answer that phone," he mused.	"Сейчас кто-нибудь возьмет трубку", - лениво подумалось ему.
He sat on a curb to pick a rock from his shoe, idly.	Он сел на край тротуара и принял не спеша вытряхивать камешек из ботинка.
"Someone!" he screamed, leaping.	И вдруг крикнул, вскакивая на ноги: -Кто-нибудь!
"Me! Good lord, what's wrong with me!" he shrieked.	Силы небесные, да что это я!
He whirled.	Он лихорадочно озирался.
Which house?	В каком доме?
That one!	Вон в том!
He raced over the lawn, up the steps, into the house, down a dark hall.	Ринулся через газон, вверх по ступенькам, в дом, в темный холл.
He yanked up the receiver.	Сорвал с рычага трубку.
"Hello!" he cried.	- Алло! - крикнул он.
Buzzzzzzzzz.	Зззззззззззззз.
"Hello, hello!"	- Алло, алло!
They had hung up.	Уже повесили.
"Hello!" he shouted, and banged the phone.	- Алло! - заорал он и стукнул по аппарату.
"You stupid idiot!" he cried to himself.	- Идиот проклятый! - выругал он себя.
"Sitting on that curb, you fool!"	- Рассиживал себе на тротуаре, дубина!
Oh, you damned and awful fool!"	Чертов болван, тупица!
He squeezed the phone. "Come on, ring again!"	- Он стиснул руками телефонный аппарат - Ну, позвони еще раз.
Come on!"	Ну же!
He had never thought there might be others left on Mars.	До сих пор ему и в голову не приходило, что на Марсе мог остаться кто-то еще, кроме него.
In the entire week he had seen no one.	За всю прошедшую неделю он не видел ни одного человека.

He had figured that all other towns were as empty as this one.	Он решил, что все остальные города так же безлюдны, как этот.
Now, staring at this terrible little black phone, he trembled.	Теперь он, дрожа от волнения, глядел на несносный черный ящичек.
Interlocking dial systems connected every town on Mars.	Автоматическая телефонная сеть соединяет между собой все города Марса.
From which of thirty cities had the call come?	Их тридцать - из которого звонили?
He didn't know.	Он не знал.

He waited.	Он ждал.
He wandered to the strange kitchen, thawed some iced huckleberries, ate them disconsolately.	Прошел на чужую кухню, оттаял замороженную клубнику, уныло съел ее.
"There wasn't anyone on the other end of that call," he murmured.	- Да там никого и не было, - пробурчал он.
"Maybe a pole blew down somewhere and the phone rang by itself."	- Наверно, ветер где-то повалил телефонный столб и нечаянно получился контакт.
But hadn't he heard a click, which meant someone had hung up far away?	Но ведь он слышал щелчок, точно кто-то на том конце повесил трубку?
He stood in the hall the rest of the night.	Всю ночь Уолтер Грипп провел в холле.
"Not because of the phone," he told himself.	- И вовсе не из-за телефона, - уверял он себя.
"I just haven't anything else to do."	- Просто мне больше нечего делать.
He listened to his watch tick.	Он прислушался к тиканью своих часов.
"She won't phone back," he said.	- Она не позвонит больше, - сказал он.
"She won't ever call a number that didn't answer.	- Ни за что не станет снова набирать номер, который не ответил.
She's probably dialing other houses in town right now!	Наверно, в эту самую минуту обзванивает другие дома в городе!
And here I sit - Wait a minute!" He laughed.	А я сижу здесь... Постой! - он усмехнулся.
"Why do I keep saying "she"?"	- Почему я говорю "она"?
He blinked.	Он растерянно заморгал.
"It could as easily be a "he," couldn't it?"	- С таким же успехом это мог быть и "он", верно?
His heart slowed.	Сердце угомонилось.
He felt very cold and hollow.	Холодно и пусто, очень пусто.
He wanted very much for it to be a "she."	Ему так хотелось, чтобы это была "она".
He walked out of the house and stood in the center of the early, dim morning street.	Он вышел из дома и остановился посреди улицы, лежавшей в тусклом свете раннего утра.
He listened.	Прислушался.
Not a sound.	Ни звука.
No birds.	Ни одной птицы.
No cars.	Ни одной автомашины.

Only his heart beating.	Только сердца стук.
Beat and pause and beat again.	Толчок - перерыв - толчок.
His face ached with strain.	Мышцы лица свело от напряжения.
The wind blew gently, oh so gently, flapping his coat.	А ветер, такой нежный, такой ласковый, тихонько трепал полы его пиджака.
"Sh," he whispered.	- Тсс, - прошептал он.
"Listen."	- Слушай!
He swayed in a slow cirde, turning his head from one silent house to another.	Он медленно поворачивался, переводя взгляд с одного безмолвного дома на другой.
She'll phone more and more numbers, he thought.	Она будет набирать номер за номером, думал он.
It must be a woman.	Это должна быть женщина.
Why?	Почему?
Only a woman would call and call.	Только женщина станет перебирать все номера.
A man wouldn't.	Мужчина не станет.

A man's independent.	Мужчина самостоятельнее.
Did I phone anyone?	Разве я звонил кому-нибудь?
No!	Нет!
Never thought of it.	Даже в голову не приходило.
It must be a woman.	Это должна быть женщина.
It has to be, by God!	Непременно должна, видит бог!
Listen.	Слушай.
Far away, under the stars, a phone rang.	Вдалеке, где-то под звездами, зазвонил телефон.
He ran.	Он побежал.
He stopped to listen.	Остановился послушать.
The ringing, soft.	Тихий звон.
He ran a few more steps.	Еще несколько шагов.
Louder.	Громче.
He raced down an alley.	Он свернул и помчался вдоль аллеи.
Louder still!	Еще громче!
He passed six houses, six more.	Миновал шесть домов, еще шесть!
Much louder!	Совсем громко!
He chose a house and its door was locked.	Вот этот? Дверь была заперта.
The phone rang inside.	Внутри звонил телефон.
"Damn you!"	- А, черт!
He jerked the doorknob.	- Он дергал дверную ручку.
The phone screamed.	Телефон надрывался.

He heaved a porch chair through a parlor window, leaped in after it.	Он схватил на веранде кресло, обрушил его на окно гостиной и прыгнул в пролом.
Before he even touched the phone, it was silent.	Прежде чем он успел взяться за трубку, телефон смолк.
He stalked through the house then and broke mirrors, tore down drapes, and kicked in the kitchen stove.	Он пошел из комнаты в комнату, бил зеркала, срывал портьеры, сшиб ногой кухонную плиту.
Finally, exhausted, he picked up the thin directory which listed every phone on Mars.	Вконец обессилев, он подобрал с пола тонкую телефонную книгу, в которой значились все абоненты на Марсе.
Fifty thousand names.	Пятьдесят тысяч фамилий.
He started with number one.	Начал с первой фамилии.
Amelia Ames. He dialed her number in New Chicago, one hundred miles over the dead sea.	Амелия Амз Нью-Чикаго, за сто миль, по ту сторону мертвого моря. Он набрал ее номер.
No answer.	Нет ответа.
Number two lived in New New York, five thousand miles across the blue mountains.	Второй абонент жил в Нью-Йорке, за голубыми горами, пять тысяч миль.
No answer.	Нет ответа.
He called three, four, five, six, seven, eight, his fingers jerking, unable to grip the receiver.	Третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой, восьмой: дрожащие пальцы с трудом удерживали трубку.
A woman's voice answered,	Женский голос ответил:
"Hello?"	- Алло?
Walter cried back at her,	Уолтер закричал в ответ:
"Hello, oh lord, hello!"	- Алло, господи, алло!
"This is a recording," recited the woman's voice.	- Это запись, - декламировал женский голос.
"Miss Helen Arasumian is not home."	- Мисс Элен Аразумян нет дома.

Will you leave a message on the wire spool so she may call you when she returns?	Скажите, что вам нужно будет записано на проволоку, чтобы она могла позвонить вам, когда вернется.
Hello?	Алло?
This is a recording.	Это запись.
Miss Arasumian is not home.	Мисс Аразумян нет дома.
Will you leave a message - "	Скажите, что вам нужно...
He hung up.	Он повесил трубку.
He sat with his mouth twitching.	Его губы дергались.
On second thought he redialed that number.	Подумав, он набрал номер снова.
"When Miss Helen Arasumian comes home," he said, "tell her to go to hell."	- Когда мисс Элен Аразумян вернется домой, - сказал он, - передайте ей, чтобы катилась к чертю.

He phoned Mars Junction, New Boston, Arcadia, and Roosevelt City exchanges, theorizing that they would be logical places for persons to dial from; after that he contacted local city halls and other public institutions in each town.	Он позвонил на центральный коммутатор Марса, на телефонные станции Нью-Бостона, Аркадии и Рузвельт Сити, рассудив, что там скорее всего можно застать людей, пытающихся куда-нибудь дозвониться, потом вызвал ратуши и другие официальные учреждения в каждом городе.
He phoned the best hotels.	Обзвонил лучшие отели.
Leave it to a woman to put herself up in luxury.	Какая женщина устоит против искушения пожить в роскоши!
Suddenly he stopped, clapped his hands sharply together, and laughed.	Вдруг он громко хлопнул в ладоши и рассмеялся.
Of course!	Ну, конечно же!
He checked the directory and dialed a long-distance call through to the biggest beauty parlor in New Texas City.	Сверился с телефонной книгой и набрал через междугородную номер крупнейшего косметического салона в Нью-Тексас-Сити.
If ever there was a place where a woman would putter around, patting mud packs on her face and sitting under a drier, it would be a velvet-soft, diamond-gem beauty parlor!	Где же еще искать женщину, если не в обитом бархатом, роскошном косметическом салоне, где она может метаться от зеркала к зеркалу, лепить на лицо всякие мази, сидеть под электросушилкой!
The phone rang.	Долгий гудок.
Someone at the other end lifted the receiver.	Кто-то на том конце провода взял трубку.
A woman's voice said,	Женский голос сказал:
"Hello?"	- Алло!
"If this is a recording," announced Walter Gripp, "I'll come over and blow the place up."	- Если это запись, - отчеканил Уолтер Грипп, - я приеду и взорву к чертям ваше заведение.
"This isn't a record," said the woman's voice.	- Это не запись, - ответил женский голос - Алло!
"Hello!"	
Oh, hello, there is someone alive!	Алло, неужели тут есть живой человек!
Where are you?"	Где вы?
She gave a delighted scream.	Она радостно взвизгнула.
Walter almost collapsed.	Уолтер чуть не упал со стула.
"You!"	- Алло!..
He stood up jerkily, eyes wild.	- Он вскочил на ноги, сверкая глазами.
"Good lord, what luck, what's your name?"	- Боже мой, какое счастье, как вас звать?
"Genevieve Selsor!"	- Женевьеве Селзор!

She wept into the receiver.	- Она плакала в трубку.
"Oh, I'm so glad to hear from you, whoever you are!"	- О, господи, я так рада, что слышу ваш голос, кто бы вы ни были!
"Walter Gripp!"	- Я Уолтер Грипп!
"Walter, hello, Walter!"	- Уолтер, здравствуйте, Уолтер!
"Hello, Genevieve!"	- Здравствуйте, Женевьеве!

"Walter.	- Уолтер.
It's such a nice name.	Какое чудесное имя.
Walter, Walter!"	Уолтер, Уолтер!
"Thank you."	- Спасибо.
"Walter, where are you?"	- Но где же вы, Уолтер?
Her voice was so kind and sweet and fine. He held the phone tight to his ear so she could whisper sweetly into it.	Какой милый, ласковый, нежный голос... Он прижал трубку поплотнее к уху, чтобы она могла шептать ласковые слова.
He felt his feet drift off the floor. His cheeks burned.	У него подкашивались ноги Горели щеки.
"I'm in Marlin Village," he said. "I - "	Я в Мерлин-Вилледж, - сказал он - Я...
Buzz.	Зззз.
"Hello?" he said.	- Алло? - оторопел он.
Buzz.	Зззз.
He jiggled the hook.	Он постучал по рычагу.
Nothing.	Ничего.
Somewhere a wind had blown down a pole.	Где-то ветер свалил столб.
As quickly as she had come, Genevieve Selsor was gone.	Женевьеве Селзор пропала так же внезапно, как появилась.
He dialed, but the line was dead.	Он набрал номер, но аппарат был нем.
"I know where she is, anyway."	- Ничего, теперь я знаю, где она.
He ran out of the house.	Он выбежал из дома.
The sun was rising as he backed a bettle-car from the stranger's garage, filled its backseat with food from the house, and set out at eighty miles an hour down the highway, heading for New Texas City.	В лучах восходящего солнца он задним ходом вывел из чужого гаража спортивную машину, загрузил заднее сиденье взятыми в доме продуктами и со скоростью восьмидесяти миль в час помчался по шоссе в Нью-Тексас-Сити.
A thousand miles, he thought.	Тысяча миль, подумал он.
Genevieve Selsor, sit tight, you'll hear from me!	Терпи, Женевьеве Селзор, я не заставлю тебя долго ждать!
He honked his horn on every turn out of town.	Выезжая из города, он лихо сигналил на каждом углу.
At sunset, after an impossible day of driving, he pulled to the roadside, kicked off his tight shoes, laid himself out in the seat, and slid the gray Homburg over his weary eyes.	На закате, после дня немыслимой гонки, он свернулся к обочине, сбросил тесные ботинки, вытянулся на сиденье и надвинул свою роскошную шляпу на утомленные глаза.
His breathing became slow and regular.	Его дыхание стало медленным, ровным.
The wind blew and the stars shone gently upon him in the new dusk.	В сумраке над ним летел ветер, ласково сияли звезды.
The Martian mountains lay all around, millions of years old.	Кругом высился древние-древние марсианские горы.

Starlight glittered on the spires of a little	Свет звезд мерцал на шпилих марсианского
---	--

Martian town, no bigger than a game of chess, in the blue hills.	городка, который шахматными фигурами прилепился к голубым склонам.
He lay in the half-place between awakeness and dreams.	Он лежал, витая где-то между сном и явью.
He whispered. Genevieve.	Он шептал: Женевьеву.
Oh, Genevieve, sweet Genevieve, he sang softly, the years may come, the years may go.	Потом тихо запел. "О Женевьеву, дорогая, -пускай бежит за годом год."
But Genevieve, sweet Genevieve.... There was a warmth in him.	Но, дорогая Женевьеву..." На душе было тепло.
He heard her quiet sweet cool voice singing.	В ушах звучал ее тихий, нежный, ровный голос:
Hello, oh, hello, Walter!	"Алло, о, алло, Уолтер!"
This is no record.	Это не запись.
Where are you, Walter, where are you?	Где ты, Уолтер, где ты?"
He sighed, putting up a hand to touch her in the moonlight.	Он вздохнул, протянул руку навстречу лунному свету - прикоснуться к ней.
Long dark hair shaking in the wind; beautiful, it was.	Ветер развевал длинные черные волосы, чудные волосы.
And her lips like red peppermints.	А губы - как красные мятные лепешки.
And her cheeks like fresh-cut wet roses.	И щеки, как только что срезанные влажные розы.
And her body like a clear vaporous mist, while her soft cool sweet voice crooned to him once more the words to the old sad song, Oh, Genevieve, sweet Genevieve, the years may come, the years may go...	И тело будто легкий светлый туман, а мягкий, ровный, нежный голос напевает ему слова старинной печальной песенки: "О Женевьеву, дорогая - пускай бежит за годом год..."
He slept.	Он уснул.
He reached New Texas City at midnight.	Он добрался до Нью-Тексас-Сити в полночь.
He halted before the Deluxe Beauty Salon, yelling.	Остановил машину перед косметическим салоном "Делюкс" и лихо гикнул.
He expected her to rush out, all perfume, all laughter.	Вот сейчас она выбежит в облаке духов, вся лучась смехом.
Nothing happened.	Ничего подобного не произошло.
"She's asleep."	- Уснула.
He walked to the door.	- Он пошел к двери.
"Here I am!" he called.	- Я уже тут! - крикнул он.
"Hello, Genevieve!"	- Алло, Женевьеву!
The town lay in double moonlit silence.	Безмолвный город был озарен двоящимся светом лун.
Somewhere a wind flapped a canvas awning.	Где-то ветер хлопал брезентовым навесом.
He swung the glass door wide and stepped in.	Он распахнул стеклянную дверь и вошел.
"Hey!"	- Эгей!

He laughed uneasily.	- Он смущенно рассмеялся.
"Don't hide!"	- Не прячься!
I know you're here!"	Я знаю, что ты здесь!
He searched every booth.	Он обыскал все кабинки.
He found a tiny handkerchief on the floor.	Нашел на полу крохотный платок.
It smelled so good he almost lost his balance.	Запах был такой дивный, что его зашатало.
"Genevieve," he said.	- Женевьеву, - произнес он.
He drove the car through the empty streets but	Он погнал машину по пустым улицам, но

saw nothing.	никого не увидел.
"If this is a practical joke..."	- Если ты вздумала подшутить...
He slowed the car.	Он сбавил ход.
"Wait a minute. We were cut off.	- Постой-ка, нас же разъединили.
Maybe she drove to Marlin Village while I was driving here!	Может, она поехала в Мерлин-Вилледж, пока я ехал сюда??!
She probably took the old Sea Road. We missed each other during the day.	Свернула, наверно, на древнюю Морскую дорогу, и мы разминулись днем.
How'd she know I'd come get her?	Откуда ей было знать, что я приеду сюда?
I didn't say I would.	Я же ей не сказал.
And she was so afraid when the phone died that she rushed to Marlin Village to find me!	Когда телефон замолчал, она так перепугалась, что бросилась в Мерлин-Вилледж искать меня!
And here I am, by God, what a fool I am!"	А я здесь торчу, силы небесные, какой же я идиот!
Giving the horn a blow, he shot out of town.	Он нажал клаксон и пулей вылетел из города.
He drove all night.	Он гнал всю ночь.
He thought, What if she isn't in Marlin Village waiting, when I arrive?	И думал: "Что если я не застану ее в Мерлин-Вилледж?"
He wouldn't think of that.	Вон из головы эту мысль.
She must be there.	Она должна быть там.
And he would run up and hold her and perhaps even kiss her, once, on the lips.	Он побежит к ней и обнимет ее, может быть, даже поцелует - один раз - в губы.
Genevieve, sweet Genevieve, he whistled, stepping it up to one hundred miles an hour.	"Женевьеве, дорогая", - насвистывал он, выжимая педалью сто миль в час.
Marlin Village was quiet at dawn.	В Мерлин-Вилледж было по-утреннему тихо.
Yellow lights were still burning in several stores, and a juke box that had played steadily for one hundred hours finally, with a crackle of electricity, ceased, making the silence complete.	В магазинах еще горели желтые огни; автомат, который играл сто часов без перерыва, наконец щелкнул электрическим контактом и смолк; безмолвие стало полным.
The sun warmed the streets and warmed the cold and vacant sky.	Солнце начало согревать улицы и холодное безучастное небо.

Walter turned down Main Street, the car lights still on, honking the horn a double toot, six times at one corner, six times at another.	Уолтер свернулся на Майн-стрит, не выключая фар, усиленно гудя клаксоном, по шесть раз на каждом углу.
He peered at the store names.	Глаза впивались в вывески магазинов.
His face was white and tired, and his hands slid on the sweaty steering wheel.	Лицо было бледное, усталое, руки скользили по мокрой от пота барабанке.
"Genevieve!" he called in the empty street.	- Женевьеве! - взывал он к пустынной улице.
The door to a beauty salon opened.	Отворилась дверь косметического салона.
"Genevieve!"	- Женевьеве!
He stopped the car.	- Он остановил машину и побежал через улицу.
Genevieve Selsor stood in the open door of the salon as he ran across the street.	Женевьеве Селзор стояла в дверях салона.
A box of cream chocolates lay open in her arms.	В руках у нее была раскрытая коробка шоколадных конфет.
Her fingers, cuddling it, were plump and pallid.	Коробку стискивали пухлые, белые пальцы.
Her face, as he stepped into the light, was round and thick, and her eyes were like two immense	Лицо - он увидел его, войдя в полосу света, - было круглое и толстое, глаза - два огромных

eggs stuck into a white mess of bread dough.	яйца, воткнутых в бесформенный ком теста.
Her legs were as big around as the stumps of trees, and she moved with an ungainly shuffle.	Ноги - толстые, как колоды, походка тяжелая, шаркающая.
Her hair was an indiscriminate shade of brown that had been made and remade, it appeared, as a nest for birds.	Волосы - неопределенного бурого оттенка, тщательно уложенные в виде птичьего гнезда.
She had no lips at all and compensated this by stenciling on a large red, greasy mouth that now popped open in delight, now shut in sudden alarm.	Губ не было вовсе, их заменил нарисованный через трафарет жирный красный рот, который то восхищенно раскрывался, то испуганно захлопывался.
She had plucked her brows to thin antenna lines.	Брови она выщипала, оставив две тонкие ниточки.
Walter stopped.	Уолтер замер.
His smile dissolved.	Улыбка сошла с его лица.
He stood looking at her.	Он стоял и глядел.
She dropped her candy box to the sidewalk.	Она уронила конфеты на тротуар.
"Are you - Genevieve Selsor?"	- Вы Женевьеве Селзор?
His ears rang.	- У него звенело в ушах.
"Are you Walter Griff?" she asked.	- Вы Уолтер Грифф? - спросила она.
"Gripp."	- Грипп.
"Gripp," she corrected herself.	- Грипп, - поправилась она.
"How do you do," he said with a restrained voice.	- Здравствуйте, - выдавил он из себя.
"How do you do."	- Здравствуйте.
She shook his hand.	- Она пожала его руку.

Her fingers were sticky with chocolate.	Ее пальцы были липкими от шоколада.
"Well," said Walter Gripp.	- Ну, - сказал Уолтер Грипп.
"What?" asked Genevieve Selsor.	- Что? - спросила Женевьеве Селзор.
"I just said, "Well,"" said Walter.	- Я только сказал "ну", - объяснил Уолтер.
"Oh."	- А-а.
It was nine o'clock at night.	Девять часов вечера.
They had spent the day picnicking, and for supper he had prepared a filet mignon which she didn't like because it was too rare, so he broiled it some more and it was too much broiled or fried or something.	Днем они ездили за город, а на ужин он приготовил филе-миньон, но Женевьеве нашла, что оно недожарено, тогда Уолтер решил дожарить его и то ли пережарил, то ли пережег, то ли еще что.
He laughed and said,	Он рассмеялся и сказал:
"We'll see a movie!"	- Пошли в кино!
She said okay and put her chocolaty fingers on his elbow.	Она сказала "ладно" и взяла его под руку липкими, шоколадными пальцами.
But all she wanted to see was a fifty-year-old film of Clark Gable.	Но ее запросы ограничились фильмом пятидесятилетней давности с Кларком Гейблом.
"Doesn't he just kill you?" She giggled.	- Вот ведь умора, да? - хихикала она.
"Doesn't he kill you, now?"	- Ох, умора!
The film ended.	Фильм кончился.
"Run it off again," she commanded.	- Крути еще раз, - велела она.
"Again?" he asked.	- Снова? - спросил он.
"Again," she said.	- Снова, - ответила она.
And when he returned she snuggled up and put	Когда он вернулся, она прижалась к нему и

her paws all over him.	облапила его.
"You're not quite what I expected, but you're nice," she admitted.	- Ты не совсем то, что я ожидала, но все же ничего, - призналась она.
"Thanks," he said, swallowing.	- Спасибо, - сказал он, чуть не подавившись.
"Oh, that Gable," she said, and pinched his leg.	Ах, этот Гейбл. - Она ущипнула его за ногу.
"Ouch," he said.	- Ой, - сказал он.
After the film they went shopping down the silent streets.	После кино они пошли по безмолвным улицам "за покупками".
She broke a window and put on the brightest dress she could find.	Она разбила витрину и напялила самое яркое платье, какое только смогла найти.
Dumping a perfume bottle on her hair, she resembled a drowned sheep dog.	Потом опрокинула на голову флакон духов и стала похожа на мокрую овчарку.
"How old are you?" he inquired.	- Сколько тебе лет? - поинтересовался он.
"Guess."	- Угадай.
Dripping, she led him down the street.	- Она вела его по улице, капая на асфальт духами.

"Oh, thirty," he said.	- Около тридцати? - сказал он.
"Well," she announced stiffly,	- Вот еще, - сухо ответила она.
"I'm only twenty-seven, so there!"	- Мне всего двадцать семь, чтоб ты знал!
"Here's another candy store!" she said.	Ой, вот еще кондитерская!
"Honest, I've led the life of Reilly since everything exploded.	Честное слово, с тех пор как началась эта заваруха, я живу, как миллионерша.
I never liked my folks, they were fools.	Никогда не любила свою родню, так, болваны какие-то.
They left for Earth two months ago.	Улетели на Землю два месяца назад.
I was supposed to follow on the last rocket, but I stayed on; you know why?"	Я тоже должна была улететь с последней ракетой, но осталась. Знаешь, почему?
"Why?"	- Почему?
"Because everyone picked on me.	- Потому что все меня дразнили.
So I stayed where I could throw perfume on myself all day and drink ten thousand malts and eat candy without people saying,	Вот я и осталась здесь - лей на себя духи, сколько хочешь, пей пиво, сколько влезет, ешь конфеты, и некому тебе твердить:
"Oh, that's full of calories!"	"Слишком много калорий!"
So here I am!"	Потому я тут!
"Here you are."	- Ты тут.
Walter shut his eyes.	- Уолтер зажмурился.
"It's getting late," she said, looking at him.	- Уже поздно, - сказала она, поглядывая на него.
"Yes."	- Да.
"I'm tired," she said.	- Я устала, - сказала она.
"Funny."	- Странно.
I'm wide awake."	У меня ни в одном глазу.
"Oh," she said.	- О, - сказала она.
"I feel like staying up all night," he said.	- Могу всю ночь не ложиться, - продолжал он.
"Say, there's a good record at Mike's.	- Знаешь, в баре Майка есть хорошая пластинка.
Come on, I'll play it for you."	Пошли, я тебе ее заведу.
"I'm tired."	- Я устала.
She glanced up at him with sly, bright eyes.	- Она стрельнула в него хитрыми

	блестящими глазами.
"I'm very alert," he said.	- А я - как огурчик, - ответил он.
"Strange."	- Просто удивительно.
"Come back to the beauty shop," she said.	- Пойдем в косметический салон, - сказала она.
"I want to show you something."	- Я тебе кое-что покажу.
She took him in through the glass door and walked him over to a large white box.	Она втащила его в стеклянную дверь и подвела к огромной белой коробке.

"When I drove from Texas City," she said, "I brought this with me."	- Когда я уезжала из Тексас-Сити, - объяснила она, - захватила с собой вот это.
She untied the pink ribbon.	- Она развязала розовую ленточку.
"I thought: Well, here I am, the only lady on Mars, and here is the only man, and, well..." She lifted the lid and folded back crisp layers of whispery pink tissue paper.	- Подумала: ведь я единственная дама на Марсе, а он единственный мужчина, так что... Она подняла крышку и откинула хрусткие слои шелестящей розовой гофрированной бумаги.
She gave it a pat.	Она погладила содержимое коробки.
"There."	- Вот.
Walter Gripp stared.	Уолтер Грипп вытаращил глаза.
"What is it?" he asked, beginning to tremble.	- Что это? - спросил он, преодолевая дрожь.
"Don't you know, silly?"	- Будто не знаешь, дурачок?
It's all lace and all white and all fine and everything."	Гляди-ка, сплошь кружева, и все такое белое, шикарное...
"No, I don't know what it is."	- Ей-богу, не знаю, что это.
"It's a wedding dress, silly!"	- Свадебное платье, глупенький!
"Is it?"	- Свадебное?
His voice cracked.	- Он охрип.
He shut his eyes.	Он закрыл глаза.
Her voice was still soft and cool and sweet, as it had been on the phone.	Ее голос звучал все так же мягко, спокойно, нежно, как тогда в телефоне.
But when he opened his eyes and looked at her...	Но если открыть глаза и посмотреть на нее...
He backed up.	Он попятился.
"How nice," he said.	- Очень красиво, - сказал он.
"Isn't it?"	- Правда?
"Genevieve."	- Женевьевा.
He glanced at the door.	- Он покосился на дверь.
"Yes?"	- Да?
"Genevieve, I've something to tell you."	- Женевьевана, мне нужно тебе кое-что сказать.
"Yes?"	- Да?
She drifted toward him, the perfume smell thick about her round white face.	Она подалась к нему, ее круглое белое лицо приторно благоухало духами.
"The thing I have to say to you is..." he said.	- Хочу сказать тебе... - продолжал он.
"Yes?"	- Ну?
"Good-by!"	- До свидания!
And he was out the door and into his car before she could scream.	Прежде чем она успела вскрикнуть, он уже выскочил из салона и вскочил в машину.

She ran and stood on the curb as he swung the car about.	Она выбежала и застыла на краю тротуара, глядя, как он разворачивает машину.
"Walter Griff, come back here!" she wailed,	- Уолтер Грифф, вернись! - прорыдала она,

flinging up her arms.	вскинув руки.
"Gripp," he corrected her.	- Грипп, - поправил он.
"Gripp!" she shouted.	- Грипп! - крикнула она.
The car whirled away down the silent street, regardless of her stompings and shriekings.	Машина умчалась по безмолвной улице, невзирая на ее топот и вопли.
The exhaust from it fluttered the white dress she crumpled in her plump hands, and the stars shone bright, and the car vanished out onto the desert and away into blackness.	Струя выхлопа колыхнула белое платье, которое она мела в своих пухлых руках, а в небе сияли яркие звезды, и машина канула в пустыню, утонула во мраке.
He drove all night and all day for three nights and days.	Он гнал день и ночь, трое суток подряд.
Once he thought he saw a car following, and he broke into a shivering sweat and took another highway, cutting off across the lonely Martian world, past little dead cities, and he drove and drove for a week and a day, until he had put ten thousand miles between himself and Marlin Village.	Один раз ему показалось, что сзади едет машина, его бросило в дрожь, прошиб пот, и он свернул на другое шоссе, рассекающее пустынные марсианские просторы, бегущее мимо безлюдных городков. Он гнал и гнал - целую неделю, и еще один день, пока не оказался за десять тысяч миль от Мерлин-Вилледж.
Then he pulled into a small town named Holtville Springs, where there were some tiny stores he could light up at night and restaurants to sit in, ordering meals.	Тогда он заехал в поселок под названием Холтвиль-Спрингс, с маленькими лавками, где он мог вечером зажигать свет в витринах, и с ресторанами, где мог посидеть, заказывая блюда.
And he's lived there ever since, with two deep freezes packed with food to last him one hundred years, and enough cigars to last ten thousand days, and a good bed with a soft mattress.	С тех пор он так и живет там; у него две морозильные камеры, набитые продуктами лет на сто, запас сигарет на десять тысяч дней и отличная кровать с мягким матрасом.
And when once in a while over the long years the phone rings - he doesn't answer.	Текут долгие годы, и если в кои-то веки у него зазвонит телефон - он не отвечает.
April 2026: THE LONG YEARS	Апрель 2026 Долгие годы
Whenever the wind came through the sky, he and his small family would sit in the stone hut and warm their hands over a wood fire.	Так уж повелось: когда с неба налетал ветер, он и его небольшая семья отсиживались в своей каменной лачуге и грели руки над пылающими дровами.
The wind would stir the canal waters and almost blow the stars out of the sky, but Mr. Hathaway would sit contented and talk to his wife, and his wife would reply, and he would speak to his two daughters and his son about the old days on Earth, and they would all answer neatly.	Ветер вспахивал гладь каналов, чуть не срывал звезды с неба, а мистер Хетэуэй сидел, наслаждаясь уютом, и говорил что-то жене, и жена отвечала ему, и он рассказывал о былых временах на Земле двум дочерям и сыну, и они вставляли слово к месту.
It was the twentieth year after the Great War.	Шел двадцатый год после Большой Войны.
Mars was a tomb, planet.	Марс представлял собой огромный могильник.
Whether or not Earth was the same was a matter for much silent debate for Hathaway and his family on the long Martian nights.	А Земля? Что с ней? В долгие марсианские ночи Хетэуэй и его семья часто размышляли об этом.

This night one of the violent Martian dust storms had come over the low Martian graveyards, blowing through ancient towns and	В эту ночь неистовая марсианская пылевая буря пронеслась над приземистыми могилами марсианских кладбищ, завывая на
---	--

tearing away the plastic walls of the newer, American-built city that was melting down into the sand, desolated.	улицах древних городов и снося совсем еще новые пластиковые стены уходящего в песок, заброшенного американского города.
The storm abated. Hathaway went out into the cleared weather to see Earth burning green on the windy sky.	Но вот буря утихла, прояснилось, и Хетэуэй вышел посмотреть на Землю - зеленый огонек в ветреных небесах.
He put his hand up as one might reach to adjust a dimly burning globe in the ceiling of a dark room.	Он поднял руку вверх, точно хотел получше ввернуть тускло горящую лампочку под потолком сумрачной комнаты.
He looked across the long-dead sea bottoms.	Поглядел вдаль, над дном мертвого моря.
Not another living thing on this entire planet, he thought.	"На всей планете ни души, - подумал он.
Just myself.	- Один я.
And them.	И они".
He looked back within the stone hut.	Он оглянулся на дверь каменной лачуги.
What was happening on Earth now?	Что сейчас происходит на Земле?
He had seen no visible sign of change in Earth's aspect through his thirty-inch telescope.	Сколько он ни смотрел в свой тридцатидюймовый телескоп, до сих пор никаких изменений не приметил.
Well, he thought, I'm good for another twenty years if I'm careful.	"Что ж, если я буду беречь себя, - подумал он, - еще лет двадцать проживу".
Someone might come.	Глядишь, кто-нибудь явится.
Either across the dead seas or out of space in a rocket on a little thread of red flame.	Либо из-за мертвых морей, либо из космоса на ракете, привязанной к ниточке красного пламени.
He called into the hut, "I'm going to take a walk."	- Я пойду погуляю, - крикнул он в дверь.
"All right," his wife said.	- Хорошо, - отозвалась жена.
He moved quietly down through a series of ruins.	Он не спеша пошел вниз между рядами развалин.
"Made in New York," he read from a piece of metal as he passed.	- "Сделано в Нью-Йорке", - прочитал он на куске металла.
"And all these things from Earth will be gone long before the old Martian towns."	- Древние марсианские города намного переживут все эти предметы с Земли...
He looked toward the fifty-centuries-old village that lay among the blue mountains.	И посмотрел туда, где между голубых гор вот уже пятьдесят веков стояло марсианско селение.
He came to a solitary Martian graveyard, a series of small hexagonal stones on a hill swept by the lonely wind.	Он пришел на уединенное марсианское кладбище: небольшие каменные шестигранники выстроились в ряд на бугре, овеваемом пустынными ветрами.
He stood looking down at four graves with crude wooden crosses on them, and names.	Склонив голову, он смотрел на четыре могилы, четыре грубых деревянных креста, и на каждое имя.

Tears did not come to his eyes.	Слез не было в его глазах.
They had dried long ago.	Слезы давно высохли.
"Do you forgive me for what I've done?" he asked of the crosses.	- Ты простишь меня за то, что я сделал? - спросил он один из крестов.
"I was very much alone.	- Я был очень, очень одинок.
You do understand, don't you?"	Ведь ты понимаешь?

He returned to the stone hut and once more, just before going in, shaded his eyes, searching the black sky.	Он возвратился к каменной лачуге и перед тем, как войти, снова внимательно оглядел небо из-под ладони.
"You keep waiting and waiting and looking," he said, "and one night, perhaps - "	- Все ждешь и ждешь, и смотришь, - пробормотал он, - и, может быть, однажды ночью...
There was a tiny red flame on the sky.	В небе горел красный огонек.
He stepped away from the light of the hut.	Он шагнул в сторону, чтобы не мешал свет из двери.
" - and you look again," he whispered.	- Смотришь еще раз... - прошептал он.
The tiny red flame was still there.	Красный огонек горел в том же месте.
"It wasn't there last night," he whispered.	- Вчера вечером его не было, - прошептал он.
He stumbled and fell, picked himself up, ran behind the hut, swiveled the telescope, and pointed it at the sky.	Споткнулся, упал, поднялся на ноги, побежал за лачугу, развернул телескоп и навел его на небо.
A minute later, after a long wild staring, he appeared in the low door of the hut.	Через минуту - после долгого исступленного взгляда на небо - он появился в низкой двери своего дома.
The wife and the two daughters and the son turned their heads to him.	Жена, обе дочери и сын повернулись к нему.
Finally he was able to speak	Он не сразу смог заговорить.
"I have good news," he said.	- У меня добрые новости, - сказал он.
"I have looked at the sky.	- Я смотрел на небо.
A rocket is coming to take us all home.	Сюда летит ракета, она заберет нас всех домой.
It will be here in the early morning."	Рано утром будет здесь.
He put his hands down and put his head into his hands and began to cry gently.	Он положил руки на стол, опустил голову на ладони и тихо заплакал.
He burned what was left of New New York that morning at three.	В три часа утра он сжег все, что осталось от Нью-Нью-Йорка.
He took a torch and moved into the plastic city and with the flame touched the walls here or there.	Взял факел, пошел в этот город из пластика и стал трогать пламенем стены повсюду, где проходил.
The city bloomed up in great tosses of heat and light.	Город расцвел могучими вихрями света и жара.
It was a square mile of illumination, big enough to be seen out in space.	Он превратился в костер размером в квадратную милю - такой можно заметить из космоса.
It would beckon the rocket down to Mr. Hathaway and his family.	Этот маяк приведет ракету к мистеру Хетэуэю и его семье.

His heart beating rapidly with pain, he returned to the hut.	Он вернулся в дом; сердце билось болезненно и часто.
"See?"	- Видите?
He held up a dusty bottle into the light.	- Он держал в поднятой руке запыленную бутылку.
"Wine I saved, just for tonight.	- Я приберег вино специально для этой ночи.
I knew that some day someone would find us!	Я знал, что придет срок и кто-нибудь найдет нас!
We'll have a drink to celebrate!"	Выпьем же и порадуемся!
He poured five glasses full.	Он наполнил пять бокалов.

"It's been a long time," he said, gravely looking into his drink.	- Да, немало времени прошло... - заговорил он опять, сосредоточенно глядя в свой бокал.
"Remember the day the war broke?	- Помните день, когда разразилась война?
Twenty years and seven months ago.	Двадцать лет и семь месяцев назад.
And all the rockets were called home from Mars.	Все ракеты вызвали с Марса домой.
And you and I and the children were out in the mountains, doing archaeological work, research on the ancient surgical methods of the Martians.	А ты, я и дети - мы были в это время в горах, занимались археологией, изучали древнюю хирургию марсиан.
We ran our horses, almost killing them, remember?	Помнишь, как мы чуть до смерти не загнали наших коней?
But we got here to the city a week late.	И все равно опоздали на целую неделю.
Everyone was gone.	Город был уже покинут.
America had been destroyed; every rocket had left without waiting for stragglers, remember, remember?	Америка была разрушена, и все до одной ракеты ушли, не дожидаясь отставших, - помнишь, помнишь?
And it turned out we were the only ones left?	А потом оказалось, что отстали-то только мы, помнишь?
Lord, Lord, how the years pass.	Боже мой, сколько лет минуло.
I couldn't have stood it without you here, all of you.	Без вас я бы не выдержал.
I'd have killed myself without you.	Без вас я бы покончил с собой.
But with you, it was worth waiting.	С вами ожидание было не таким тяжким.
Here's to us, then."	Выпьем же за нас.
He lifted his glass.	- Он поднял бокал.
"And to our long wait together."	- И за наше долгое совместное ожидание.
He drank.	Он выпил вино.
The wife and the two daughters and the son raised their glasses to their lips.	Жена, обе дочери и сын поднесли к губам свои бокалы.
The wine ran down over the chins of all four of them.	И у всех четверых вино побежало струйками по подбородкам.

By morning the city was blowing in great black soft flakes across the sea bottom.	К рассвету все, что осталось от города, ветер разметал по морскому дну большими мягкими черными хлопьями.
The fire was exhausted, but it had served its purpose; the red spot on the sky grew larger.	Пожар унялся, но цель была достигнута: красное пятнышко на небе стало расти.
From the stone hut came the rich brown smell of baked gingerbread.	Из каменной лачуги струился вкусный запах поджаристого имбирного пряника.
His wife stood over the table, setting down the hot pans of new bread as Hathaway entered.	Когда Хетэуэй вошел, его жена ставила на стол горячие противни со свежим хлебом.
The two daughters were gently sweeping the bare stone floor with stiff brooms, and the son was polishing the silverware.	Дочери прилежно мели голый каменный пол жесткими вениками, а сын чистил столовое серебро.
"We'll have a huge breakfast for them," laughed Hathaway.	- Мы приготовим им роскошный завтрак. -Хетэуэй радостно рассмеялся.
"Put on your best clothes!"	- Надевайте свои лучшие наряды!
He hurried across his land to the vast metal storage shed.	Он торопливо прошел через свой участок к огромному металлическому сараю.
Inside was the cold-storage unit and power plant he had repaired and restored with his efficient, small, nervous fingers over the years, just as he	Здесь стояли холодильная установка и небольшая электростанция, которые он за эти годы починил и наладил своими искусными,

had repaired clocks, telephones, and spool recorders in his spare time.	тонкими, нервными пальцами так же умело, как чинил часы, телефоны, магнитофоны в часы своего досуга.
The shed was full of things he had built, some senseless mechanisms the functions of which were a mystery even to himself now as he looked upon them.	В сарае скопилось множество созданных им вещей, в том числе и совершенно непонятных механизмов, назначение которых он теперь сам не мог разгадать.
From the deep freeze he fetched rimed cartons of beans and strawberries, twenty years old.	Он извлек из морозильника седые от инея коробки с бобами и клубникой двадцатилетней давности.
Lazarus come forth, he thought, and pulled out a cool chicken.	"Вылезай, несчастный", - и достал холодного цыпленка.
The air was full of cooking odors when the rocket landed.	Когда ракета села, воздух был напоен всяческими кулинарными ароматами.
Like a boy, Hathaway raced down the hill.	Словно мальчишка, Хетэуэй побежал вниз по склону.
He stopped once because of a sudden sick pain in his chest.	Внезапная острая боль в груди заставила его остановиться.
He sat on a rock to regain his breath, then ran all the rest of the way.	Он посидел на камне, отдохнул и побежал дальше, уже без передышки.
He stood in the hot atmosphere generated by the fiery rocket.	Он остановился в жарком мареве, источником раскаленной ракетой.
A port opened.	Открылся люк.
A man looked down.	Оттуда выглянул человек.
Hathaway shielded his eyes and at last said,	Хетэуэй долго смотрел из-под ладони, наконец сказал:

"Captain Wilder!"	- Капитан Уайлдер!
"Who is it?" asked Captain Wilder, and jumped down and stood there looking at the old man.	- Кто это? - спросил капитан Уайлдер. Он спрыгнул вниз и замер, глядя на старика.
He put his hand out.	Потом протянул руку.
"Good lord, it's Hathaway!"	- Господи, да это же Хетэуэй!
"That's right."	- Совершенно верно, это я.
They looked into each other's faces. "Hathaway, from my old crew, from the Fourth Expedition."	- Хетэуэй из моего первого экипажа, из Четвертой экспедиции. Они внимательно оглядели друг друга.
"It's been a long time, Captain."	- Давненько мы расстались, капитан.
"Too long."	- Очень давно.
It's good to see you."	Я рад вас видеть.
"I'm old," said Hathaway simply.	- Я постарел, - сказал Хетэуэй без обиняков.
"I'm not young myself any more."	- Я и сам уже не молод.
I've been out to Jupiter and Saturn and Neptune for twenty years."	Двадцать лет мотался: Юпитер, Сатурн, Нептун.
"I heard they had kicked you upstairs so you wouldn't interfere with colonial policy here on Mars."	- Как же, слыхал я, вас повысили, так сказать, чтобы вы не мешали колонизации Марса.
The old man looked around.	- Старик огляделся.
"You've been gone so long you don't know what's happened - "	- Вы столько путешествовали, наверно, не знаете даже, что произошло...
Wilder said, "I can guess."	- Догадываюсь, - ответил Уайлдер.
We've circled Mars twice.	- Мы дважды обошли вокруг Марса.

Found only one other man, name of Walter Gripp, about ten thousand miles from here, We offered to take him with us, but he said no.	Кроме вас, нашли еще только одного человека по имени Уолтер Грипп, в десяти тысячах милях отсюда. Хотели захватить его с собой, но он отказался.
The last we saw of him he was sitting in the middle of the highway in a rocking chair, smoking a pipe, waving to us.	Когда мы улетали, он сидел на качалке посреди шоссе, курил трубку и махал нам вслед.
Mars is pretty well dead, not even a Martian alive.	Марс вымер, начисто вымер, даже марсиан не осталось.
What about Earth?"	А как Земля?
"You know as much as I do.	- Я знаю не больше вас.
Once in a while I get the Earth radio, very faintly.	Изредка удается поймать земное радио, еле-еле слышно.
But it's always in some other language.	Но всякий раз на каком-нибудь чужом языке.
I'm sorry to say I only know Latin.	А я из иностранных языков знаю, увы, один латинский.
A few words come through.	Отдельные слова удается разобрать.

I take it most of Earth's a shambles, but the war goes on.	Судя по всему, на большей части Земли все перебиты, а война все идет.
Are you going back, sir?"	Вы летите туда, командир?
"Yes.	- Да
We're curious, of course.	Сами понимаете, хочется своими глазами убедиться.
We had no radio contact so far out in space.	У нас ведь не было радиосвязи, слишком большое расстояние.
We'll want to see Earth, no matter what."	Что бы там ни было, мы летим на Землю.
"You'll take us with you?"	- Вы возьмете нас с собой?
The captain started.	Капитан на миг опешил.
"Of course, your wife, I remember her.	- Ах, да, разумеется, у вас тут жена, помню, помню.
Twenty-five years ago, wasn't it?	Мы виделись, кажется, двадцать пять лет назад, верно?
When they opened First Town and you quit the service and brought her up here.	Когда построили Первый Город, вы оставили службу и забрали ее с Земли.
And there were children - "	У вас были и дети...
"My son and two daughters."	- Сын, две дочери...
"Yes, I remember.	Да-да, припоминаю.
They're here?"	Они здесь?
"Up at our hut.	- В нашей лачуге, вон там на горке.
There's a fine breakfast waiting all of you up the hill.	Мы приготовили вам всем отличный завтрак.
Will you come?"	Придете?
"We would be honored, Mr. Hathaway."	- Сочтем за честь, мистер Хетэуэй.
Captain Wilder called to the rocket,	- Капитан Уайлдер повернулся к ракете.
"Abandon ship!"	- Оставить корабль!
They walked up the hill, Hathaway and Captain Wilder, the twenty crew members following taking deep breaths of the thin, cool morning air.	Они шли вверх по откосу - Хетэуэй и капитан Уайлдер, за ними еще двадцать человек, экипаж корабля, глубоко вдыхая прохладный разреженный утренний воздух.
The sun rose and it was a good day.	Показалось солнце, день выдался ясный.

"Do you remember Spender, Captain?"	- Помните Спендера, капитан?
"I've never forgotten him."	- Никогда не забывал...
"About once a year I walk up past his tomb."	- Раз в год мне случается проходить мимо его могилы.
It looks like he got his way at last.	А ведь в конечном счете вышло вроде, как он хотел.

He didn't want us to come here, and I suppose he's happy now that we've all gone away."	Он был против того, чтобы мы здесь селились. Теперь, наверно, счастлив, что все отсюда убрались.
"What about - what was his name?	- А этот... как его?
- Parkhill, Sam Parkhill?"	Паркхилл, Сэм Паркхилл, что с ним стало?
"He opened a hot-dog stand."	- Открыл сосисочную.
"It sounds just like him."	- Похоже на него.
"And went back to Earth the next week for the war."	- А через неделю - война, и он вернулся на Землю.
Hathaway put his hand to his chest and sat down abruptly upon a boulder,	- Хетэуэй вдруг сел на камень, схватившись за сердце.
"I'm sorry.	- Простите.
The excitement.	Переволновался.
Seeing you again after all these years.	После стольких лет - и вдруг встреча с вами.
Have to rest."	Отдохну немного.
He felt his heart pound.	Он чувствовал, как колотится сердце.
He counted the beats.	Проверил пульс.
It was very bad.	Скверно...
"We've a doctor," said Wilder.	- У нас есть врач, - сказал Уайлдер.
"Excuse me, Hathaway, I know you are one, but we'd better check you with our own - " The doctor was summoned.	- Не обижайтесь, Хетэуэй, я знаю, вы сами врачи, но все-таки посоветуемся с нашими... Позвали доктора.
"I'll be all right," insisted Hathaway.	- Сейчас пройдет, - твердил Хетэуэй.
"The waiting, the excitement."	- Это все ожидание, волнение.
He could hardly breathe.	Он задыхался.
His lips were blue.	Губы посинели.
"You know," he said as the doctor placed a stethoscope to him, "it's as if I kept alive all these years just for this day, and now you're here to take me back to Earth, I'm satisfied and I can just lie down and quit."	- Понимаете, - сказал он, когда врач приставил к его груди стетоскоп, - ведь я все эти годы жил как будто ради сегодняшнего дня. А теперь, когда вы здесь, прилетели забрать меня на Землю, мне вроде ничего больше не надо, и я могу лечь и отдать концы.
"Here."	- Вот.
The doctor handed him a yellow pellet.	Доктор подал ему желтую таблетку.
"We'd better let you rest."	- Вам бы лучше тут отдохнуть подольше.
"Nonsense.	- Ерунда.
Just let me sit a moment.	Еще чуточку посижу, и все.
It's good to see all of you.	До чего я рад видеть вас всех.
Good to hear new voices again."	Рад слышать новые голоса.
"Is the pellet working?"	- Таблетка действует?

"Fine.	- Отлично.
Here we go!"	Пошли!

They walked on up the hill.	Они поднялись на горку.
"Alice, come see who's here!"	- Алиса, погляди, кого я привел!
Hathaway frowned and bent into the hut.	- Хетэуэй нахмурился и просунул голову в дверь.
"Alice, did you hear?"	- Алиса, ты слышишь?
His wife appeared.	Появилась его жена.
A moment later the two daughters, tall and gracious, came out, followed by an even taller son.	Следом вышли обе дочери, высокие, стройные, за ними еще более рослый сын.
"Alice, you remember Captain Wilder?"	- Алиса, помнишь капитана Уайлдера?
She hesitated and looked at Hathaway as if for instructions and then smiled.	Она замялась, посмотрела на Хетэуэя, точно ожидая указаний, потом улыбнулась.
"Of course, Captain Wilder!"	- Ну, конечно, капитан Уайлдер!
"I remember, we had dinner together the night before I took off for Jupiter, Mrs. Hathaway."	- Помнится, миссис Хетэуэй, мы вместе с вами обедали накануне моего вылета на Юпитер.
She shook his hand vigorously.	Она горячо пожала его руку.
"My daughters, Marguerite and Susan.	- Мои дочери, Маргарет и Сьюзен.
My son, John.	Мой сын Джон.
You remember the captain, surely?"	Дети, вы, конечно, помните капитана?
Hands were shaken amid laughter and much talk.	Рукопожатия, смех, оживленная речь.
Captain Wilder sniffed the air.	Капитан Уайлдер потянул носом.
"Is that gingerbread?"	- Неужели имбирные пряники?
"Will you have some?"	- Хотите?
Everyone moved.	Все пришли в движение.
Folding tables were hurried out while hot foods were rushed forth and plates and fine damask napkins and good silverware were laid.	Мигом были установлены складные столы, извлечены из печей горячие блюда, появились тарелки, столовое серебро, камчатные салфетки.
Captain Wilder stood looking first at Mrs. Hathaway and then at her son and her two tall, quiet-moving daughters.	Капитан Уайлдер долго глядел на миссис Хетэуэй, потом перевел взгляд на ее сына и бесшумно двигающихся высоких дочерей.
He looked into their faces as they darted past and he followed every move of their youthful hands and every expression of their wrinkleless faces.	Рассматривал мелькающие лица, ловил каждое движение молодых рук, каждое выражение гладких, без единой морщинки лиц.
He sat upon a chair the son brought.	Он сел на стул, который принес сын миссис Хетэуэй.
"How old are you, John?"	- Сколько вам лет, Джон?
The son replied, "Twenty-three."	- Двадцать три, - ответил тот.
Wilder shifted his silverware clumsily.	Уайлдер растерянно вертел в руках вилку и нож.
His face was suddenly pale.	Он вдруг побледнел.

The man next to him whispered,	Сидевший рядом космонавт шепнул ему:
"Captain Wilder, that can't be right."	- Капитан Уайлдер, тут что-то не так.
The son moved away to bring more chairs.	Сын пошел за стульями.
"What's that, Williamson?"	- Что вы хотите сказать, Уильямсон?
"I'm forty-three myself, Captain.	- Мне сорок три года, капитан.
I was in school the same time as young John	Двадцать лет назад я учился вместе с

Hathaway there, twenty years ago.	молодым Хетэуэем.
He says he's only twenty-three now; he only looks twenty-three.	Он говорит, что ему теперь всего двадцать три, но это одна видимость.
But that's wrong.	Это все неправильно.
He should be forty-two, at least.	Ему должно быть сорок два, самое малое.
What's it mean, sir?"	Что все это значит, сэр?
"I don't know."	- Не знаю.
"You look kind of sick, sir."	- На вас лица нет, сэр.
"I don't feel well.	- Мне нездоровится.
The daughters, too, I saw them twenty years or so ago; they haven't changed, not a wrinkle.	И дочери тоже - я их видел лет двадцать назад, а они не изменились, ни одной морщинки.
Will you do me a favor? I want you to run an errand, Williamson.	Можно попросить вас об одолжении, Уильямсон? Я хочу дать вам одно поручение.
I'll tell you where to go and what to check.	Объясню, куда пойти и что проверить.
Late in the breakfast, slip away.	К концу завтрака незаметно скройтесь.
It should take you only ten minutes.	Вам всего десять минут понадобится.
The place isn't far from here.	Это недалеко отсюда.
I saw it from the rocket as we landed."	Я видел с ракеты, когда мы садились.
"Here!"	- Прошу!
What are you talking about so seriously?"	О чем это вы так серьезно разговариваете?
Mrs. Hathaway ladled quick spoons of soup into their bowls.	- Миссис Хетэуэй проворно налила супу в их миски.
"Smile now; we're all together, the trip's over, and it's like home!"	- Улыбнитесь же! Мы все вместе опять, путешествие завершено, вы почти дома!
"Yes."	- Да-да, конечно.
Captain Wilder laughed.	- Капитан Уайлдер засмеялся.
"You certainly look very well and young Mrs. Hathaway!"	Вы так чудесно, молодо выглядите, миссис Хетэуэй!
"Isn't that like a man!"	- Ах, эти мужчины!
He watched her drift away, drift with her pink face warm, smooth as an apple, unwrinkled and colorful.	Он смотрел, как она плавной походкой двинулась дальше, внимательно смотрел на ее разрумянившееся лицо, гладкое и свежее, точно наливное яблоко.

She chimed her laugh at every joke, she tossed salads neatly, never once pausing for breath.	Она звонко смеялась шуткам, усердно подкладывала салат на тарелки, не давая себе передышки.
And the bony son and curved daughters were brilliantly witty, like their father, telling of the long years and their secret life, while their father nodded proudly to each.	Долговязый сын и стройные дочери состязались с отцом в блестящем остроумии, рассказывая про долгие годы своей уединенной жизни, и гордый отец кивал, слушая речь детей.
Williamson slipped off down the hill.	Уильямсон сбежал вниз по склону.
"Where's he going?" asked Hathaway.	- Куда это он? - спросил Хетэуэй.
"Checking the rocket," said Wilder.	- Проверить ракету, - ответил Уайлдер.
"But, as I was saying, Hathaway, there's nothing on Jupiter, nothing at all for men.	- Так вот, Хетэуэй, на Юпитере ничего нет, человеку там делать нечего.
That includes Saturn and Pluto."	На Сатурне и Плутоне - тоже...
Wilder talked mechanically, not hearing his words, thinking only of Williamson running	Уайлдер говорил машинально, не слушая собственного голоса; он думал только об

down the hill and climbing back to tell what he had found.	одном: сейчас Уильямсон бежит вниз, скоро он вернется, поднимется на горку и принесет ответ...
"Thanks."	- Спасибо.
Marguerite Hathaway was filling his water glass. Impulsively he touched her arm.	Маргарет Хетэуэй налила ему воды в стакан. Движимый внезапным побуждением, капитан коснулся ее плеча.
She did not even mind.	Она отнеслась к этому совершенно спокойно.
Her flesh was warm and soft.	У нее было теплое, нежное тело.
Hathaway, across the table, paused several times, touched his chest with his fingers, painfully, then went on listening to the murmuring talk and sudden loud chattering, glancing now and again with concern at Wilder, who did not seem to like chewing his gingerbread.	Сидевший против капитана Хетэуэй то и дело замолкал и с искаженным болью лицом касался пальцами груди, затем вновь продолжал слушать негромкий разговор и случайные звонкие возгласы, поминутно бросая озабоченные взгляды на Уайлдера, который жевал свой пряник без видимого удовольствия.
Williamson returned.	Вернулся Уильямсон.
He sat picking at his food until the captain whispered aside to him,	Он молча ковырял вилкой еду, пока капитан не шепнул через плечо:
"Well?"	- Ну?
"I found it, sir."	- Я нашел это место, сэр.
"And?"	- Ну, ну?
Williamson's cheeks were white.	Уильямсон был бледен, как полотно.
He kept his eyes on the laughing people.	Он не сводил глаз с веселой компании.
The daughters were smiling gravely and the son was telling a joke.	Дочери сдержанно улыбались, сын рассказывал какой-то анекдот.
Williamson said, "I went into the graveyard."	Уильямсон сказал: - Я прошел на кладбище.
"The four crosses were there?"	- Видели четыре креста?

"The four crosses were there, sir.	- Видел четыре креста, сэр.
The names were still on them.	И имена сохранились.
I wrote them down to be sure."	Я записал их, чтобы не ошибиться.
He read from a white paper: "Alice, Marguerite, Susan, and John Hathaway.	- Он стал читать по белой бумажке: - Алиса, Маргарет, Сьюзен и Джон Хетэуэй.
Died of unknown virus.	Умерли от неизвестного вируса.
July 2007."	Июль 2007 года.
"Thank you, Williamson."	- Спасибо, Уильямсон.
Wilder closed his eyes.	- Уайлдер закрыл глаза.
"Nineteen years ago, sir," Williamson's hand trembled.	- Девятнадцать лет назад, сэр. - Рука Уильямсона дрожала.
"Yes."	- Да.
"Then who are these!"	- Но кто же эти?
"I don't know."	- Не знаю.
"What are you going to do?"	- Что вы собираетесь предпринять?
"I don't know that either."	- Тоже не знаю.
"Will we tell the other men?"	- Расскажем остальным?
"Later."	- Попозже.
Go on with your food as if nothing happened."	Продолжайте есть, как ни в чем не бывало.
"I'm not very hungry now, sir."	- Мне что-то больше не хочется, сэр.
The meal ended with wine brought from the	Завтрак завершало вино, принесенное с

rocket.	ракеты.
Hathaway arose.	Хетэүй встал.
"A toast to all of you; it's good to be with friends again.	- За ваше здоровье. Я так рад снова быть вместе с друзьями.
And to my wife and children, without whom I couldn't have survived alone.	И еще за мою жену и детей - без них, в одиночестве, я бы не выжил здесь.
It is only through their kindness in caring for me that I've lived on, waiting for your arrival."	Только благодаря их добрым заботам я находил в себе силы жить и ждать вашего прилета.
He moved his wineglass toward his family, who looked back self-consciously, lowering their eyes at last as everyone drank.	Он повернулся, держа бокал, в сторону своих домочадцев; они ответили ему смущенными взглядами, а когда все стали пить, и совсем опустили глаза.
Hathaway drank down his wine..He did not cry out as he fell forward onto the table and slipped to the ground.	Хетэүй выпил до дна. Не успев даже крикнуть, он упал ничком на стол и сполз на землю.
Several men eased him to rest.	Несколько человек подбежали и положили его поудобнее.
The doctor bent to him and listened.	Врач наклонился, послушал сердце.
Wilder touched the doctor's shoulder.	Уайлдер тронул врача за плечо.

The doctor looked up and shook his head.	Тот поднял на него взгляд и покачал головой.
Wilder knelt and took the old man's hand.	Уайлдер опустился на колени и взял руку старика.
"Wilder?" Hathaway's voice was barely audible.	- Уайлдер? - голос у Хетэуэя был едва слышен.
"I spoiled the breakfast."	- Я испортил вам завтрак.
"Nonsense."	- Чепуха.
"Say good-by to Alice and the children for me."	- Попрощайтесь за меня с Алисой и детьми.
"Just a moment, I'll call them."	- Сейчас я их позвову.
"No, no, don't!" gasped Hathaway.	- Нет-нет, не надо! - задыхаясь, прошептал Хетэуэй.
"They wouldn't understand."	- Они не поймут.
I wouldn't want them to understand!	И я не хочу, чтобы они понимали!
Don't!"	Не надо!
Wilder did not move.	Уайлдер повиновался.
Hathaway was dead.	Хетэуэй умер.
Wilder waited for a long time.	Уайлдер долго не отходил от него.
Then he arose and walked away from the stunned group around Hathaway.	Наконец поднялся и пошел прочь от потрясенных людей, окруживших Хетэуэя.
He went to Alice Hathaway, looked into her face, and said,	Он подошел к Алисе Хетэуэй, глянул ей в лицо и сказал:
"Do you know what has just happened?"	- Вы знаете, что случилось?
"Something about my husband?"	- Что-нибудь с моим мужем?
"He's just passed away; his heart," said Wilder, watching her.	- Он только что скончался: сердце. - Уайлдер следил за выражением ее лица.
"I'm sorry," she said.	- Очень жаль, - сказала она.
"How do you feel?" he asked.	- Вам не больно? - спросил он.
"He didn't want us to feel badly."	- Он не хотел, чтобы мы огорчались.
He told us it would happen one day and he didn't want us to cry.	Он предупредил нас, что это когда-нибудь произойдет, и велел нам не плакать.

He didn't teach us how, you know. He didn't want us to know.	Знаете, он даже не научил нас плакать, не хотел, чтобы мы умели.
He said it was the worst thing that could happen to a man to know how to be lonely and know how to be sad and then to cry.	Говорил, что хуже всего для человека познать одиночество, познать тоску и плакать.
So we're not to know what crying is, or being sad."	Поэтому мы не должны знать, что такое слезы и печаль.
Wilder glanced at her hands, the soft warm hands and the fine manicured nails and the tapered wrists.	Уайлдер поглядел на ее руки, мягкие, теплые руки, на красивые наманикюренные ногти, тонкие запястья.
He saw her slender, smooth white neck and her intelligent eyes.	Посмотрел на ее длинную, нежную белую шею и умные глаза.

Finally he said,	Наконец сказал:
"Mr. Hathaway did a fine job on you and your children."	- Мистер Хетэуэй великолепно сделал вас и детей.
"He would have liked to hear you say that.	- Ваши слова обрадовали бы его.
He was so proud of us.	Он очень гордился нами.
After a while he even forgot that he had made us.	А потом даже забыл, что сам нас сделал.
At the end he loved and took us as his real wife and children.	Полюбил нас, принимал за настоящих жену и детей.
And, in a way, we are."	В известном смысле так оно и есть
"You gave him a good deal of comfort."	- С вами ему было легче.
"Yes, for years on end we sat and talked.	- Да, из года в год мы все сидели и разговаривали.
He so much loved to talk.	Он любил разговаривать.
He liked the stone hut and the open fire.	Любил нашу каменную лачугу и камин.
We could have lived in a regular house in the town, but he liked it up here, where he could be primitive if he liked, or modern if he liked.	Можно было поселиться в настоящем доме в городе, но ему больше нравилось здесь, где он мог по своему выбору жить то примитивно, то на современный лад.
He told me all about his laboratory and the things he did in it.	Он рассказывал мне про свою лабораторию и про всякие вещи, что он там делал.
He wired the entire dead American town below with sound speakers.	Весь этот заброшенный американский город внизу он оплел громкоговорителями.
When he pressed a button the town lit up and made noises as if ten thousand people lived in it.	Нажмет кнопку - всюду загораются огни и город начинает шуметь, точно в нем десять тысяч людей.
There were airplane noises and car noises and the sounds of people talking.	Слышится гул самолетов, автомашин, людской говор.
He would sit and light a cigar and talk to us, and the sounds of the town would come up to us, and once in awhile the phone would ring and a recorded voice would ask Mr. Hathaway scientific and surgical questions and he would answer them.	Он, бывало, сидит, курит сигару и разговаривает с нами, а снизу доносится шум города. Иногда звонит телефон, и записанный на пленку голос спрашивает у мистера Хетэуэя совета по разным научным и хирургическим вопросам, и он отвечает.
With the phone ringing and us here and the sounds of the town and his cigar, Mr. Hathaway was quite happy.	Телефонные звонки, и мы тут, и городской шум, и сигара - и мистер Хетэуэй был вполне счастлив.
There's only one thing he couldn't make us do,"	Только одного он не сумел сделать - чтобы

she said. "And that was to grow old.	мы старились.
He got older every day, but we stayed the same.	Сам старился с каждым днем, а мы оставались все такими же.
I guess he didn't mind.	Но мне кажется, это его не очень-то беспокоило.
I guess he wanted us this way."	Полагаю даже, он сам того хотел.
"We'll bury him down in the yard where the other four crosses are.	- Мы похороним его внизу, на кладбище, где стоят четыре креста.

I think he would like that."	Думаю, это отвечает его желанию.
She put her hand on his wrist, lightly.	Она легко коснулась рукой его запястья.
"I'm sure he would."	- Я уверена в этом.
Orders were given.	Капитан распорядился.
The family followed the little procession down the hill.	Маленькая процесия тронулась к подножию холма; семья следовала за ней.
Two men carried Hathaway on a covered stretcher.	Двое несли Хетэуэя на накрытых носилках.
They passed the stone hut and the storage shed where Hathaway, many years before, had begun his work.	Они прошли мимо каменной лачуги, потом мимо сарая, где Хетэуэй много лет назад начал свою работу.
Wilder paused within the workshop door.	Уайлдер помешкал возле двери этой мастерской.
How would it be, he wondered, to live on a planet with a wife and three children and have them die, leaving you alone with the wind and silence?	Каково это, спрашивал он себя, жить на планете с женой и тремя детьми - и вдруг они умирают, оставляя тебя наедине с ветром и безмолвием?
What would a person do?	Как поступит в таком положении человек?
Bury them with crosses in the graveyard and then come back up to the workshop and, with all the power of mind and memory and accuracy of finger and genius, put together, bit by bit, all those things that were wife, son, daughter.	Он похоронит умерших на кладбище, поставит кресты, потом придет в мастерскую и, призвав на помощь силу ума и памяти, сноровку рук и изобретательность, соберет, частица за частицей, то, что стало затем его женой, сыном, дочерьми.
With an entire American city below from which to draw needed supplies, a brilliant man might do anything.	Когда под горой есть американский город, где можно найти все необходимое, незаурядный человек, пожалуй, может создать все что угодно.
The sound of their footsteps was muffled in the sand.	Звук их шагов потонул в песке.
At the graveyard, as they turned in, two men were already spading out the earth.	На кладбище, когда они пришли, два человека уже копали могилу.
They returned to the rocket in the late afternoon.	Они вернулись к ракете под вечер.
Williamson nodded at the stone hut.	Уильямсон кивком указал на каменную лачугу.
"What are we going to do about them?"	- Что будем делать с ними?
"I don't know," said the captain.	- Не знаю, - сказал капитан.
"Are you going to turn them off?"	- Может, вы их выключите?
"Off?"	- Выключить?
The captain looked faintly surprised.	- Капитан несколько удивился.
"It never entered my mind."	- Мне это не приходило в голову.
"You're not taking them back with us?"	- Но вы же не повезете их с собой?

"No, it would be useless."	- Нет, это ни к чему.
"You mean you're going to leave them here, like that, as they are!"	- Неужели вы хотите оставить их здесь, вот таких, какие они есть?
The captain handed Williamson a gun.	Капитан протянул Уильямсону пистолет.
"If you can do anything about this, you're a better man than I."	- Если вы можете что-нибудь сделать, вы сильнее меня.
Five minutes later Williamson returned from the hut, sweating.	Пять минут спустя Уильямсон вернулся от лачуги, весь в испарине.
"Here, take your gun."	- Вот, возьмите свой пистолет.
I understand what you mean now.	Теперь я вас понимаю.
I went in the hut with the gun.	Я вошел к ним с пистолетом в руке.
One of the daughters smiled at me.	Одна из дочерей улыбнулась мне.
So did the others, The wife offered me a cup of tea.	И остальные. Жена предложила мне чашку чаю.
Lord, it'd be murder!"	Боже мой, это было бы просто убийство!
Wilder nodded.	Уайлдер кивнул.
"There'll never be anything as fine as them again.	- Такого совершенства человек больше никогда не создаст.
They're built to last; ten, fifty, two hundred years.	Они созданы для долголетия - десять, пятьдесят, двести лет.
Yes, they've as much right to - to life as you or I or any of us."	Так-то... У них ничуть не меньше прав на... на жизнь, чем у вас, меня, любого из нас.
He knocked out his pipe.	- Он выбил пепел из трубки.
"Well, get aboard.	- Ладно, поднимайтесь на борт.
We're taking off.	Полетим дальше.
This city's done for, we'll not be using it."	Этот город все равно погиб, нам он не годится.
It was late in the day.	День угасал.
A cold wind was rising.	Подул холодный ветер.
The men were aboard.	Весь экипаж уже был на борту.
The captain hesitated.	Капитан медлил.
Williamson said,	Уильямсон спросил:
"Don't tell me you're going back to say good-by - to them?"	- Уж не собираетесь ли вы сходить э-э... попрощаться с ними?
The captain looked at Williamson coldly.	Капитан холодно посмотрел на Уильямсона.
"None of your business."	- Не ваше дело.
Wilder strode up toward the hut through the darkening wind.	Уайлдер зашагал в гору навстречу сумрачному ветру.
The men in the rocket saw his shadow lingering in the stone-hut doorway.	Космонавты увидели, как его силуэт замер в дверях лачуги.
They saw a woman's shadow.	Они увидели силуэт женщины.
They saw the captain shake her hand.	Они увидели, как их командир пожал ей руку.
Moments later he came running back to the rocket.	Спустя минуту он бегом вернулся к ракете.

On nights when the wind comes over the dead sea bottoms and through the hexagonal graveyard, over four old crosses and one new one, there is a light burning in the low stone hut,	По ночам, когда ветер свистит над ложем мертвого моря, над шестигранниками на кладбище, над четырьмя старыми крестами и одним новым, по ночам в низкой каменной
--	---

and in that hut, as the wind roars by and the dust whirls and the cold stars burn, are four figures, a woman, two daughters, a son, tending a low fire for no reason and talking and laughing.	лачуге горит свет; ревет ветер, вихрится пыль, сверкают холодные звезды, а в той лачуге четыре фигуры -женщина, две дочери и сын - не дают погаснуть огню в камине, сами не зная зачем, и разговаривают, и смеются.
Night after night for every year and every year, for no reason at all, the woman comes out and looks at the sky, her hands up, for a long moment, looking at the green burning of Earth, not knowing why she looks, and then she goes back and throws a stick on the fire, and the wind comes up and the dead sea goes on being dead.	Из года в год, из года в год, каждую ночь, сама не зная зачем, женщина выходит из лачуги и, вскинув руки, долго смотрит на небо, на зеленое пламя Земли, не понимая, зачем она это делает; потом возвращается в дом и подкидывает щепку в огонь, а ветер крепчает, и мертвое море продолжает оставаться мертвым.
August 2026: THERE WILL COME SOFT RAINS	Август 2026 Будет ласковый дождь
In the living room the voice-clock sang, Tick-tock, seven o'clock, time to get up, time to get up, seven o'clock! as if it were afraid that nobody would.	В гостиной говорящие часы настойчиво пели: тик-так, семь часов, семь утра, вставать пора! -словно боясь, что их никто не послушает.
The morning house lay empty.	Объятый утренней тишиной дом был пуст.
The clock ticked on, repeating and repeating its sounds into the emptiness. Seven-nine, breakfast time, seven-nine!	Часы продолжали тикать и твердили, твердили свое в пустоту: девять минут восьмого, к завтраку все готово, девять минут восьмого!
In the kitchen the breakfast stove gave a hissing sigh and ejected from its warm interior eight pieces of perfectly browned toast, eight eggs sunnyside up, sixteen slices of bacon, two coffees, and two cool glasses of milk.	На кухне печь сипло вздохнула и исторгла из своего жаркого чрева восемь безупречно поджаренных тостов, четыре глазуны, шестнадцать ломтиков бекона, две чашки кофе и два стакана холодного молока.
"Today is August 4, 2026," said a second voice from the kitchen ceiling, "in the city of Allendale, California."	- Сегодня в городе Эллендейле, штат Калифорния, четвертое августа две тысячи двадцать шестого года, - произнес другой голос, с потолка кухни.
It repeated the date three times for memory's sake.	Он повторил число трижды, чтобы получше запомнили.
"Today is Mr. Featherstone's birthday.	- Сегодня день рождения мистера Фезерстоуна.
Today is the anniversary of Tilita's marriage.	Годовщина свадьбы Тилиты.
Insurance is payable, as are the water, gas, and light bills."	Подошел срок страхового взноса, пора платить за воду, газ, свет.
Somewhere in the walls, relays clicked, memory tapes glided under electric eyes.	Где то в стенах щелкали реле, перед электрическими глазами скользили ленты памятки.
Eight-one, tick-tock, eight-one o'clock, off to school, off to work, run, run, eight-one!	Восемь одна, тик-так, восемь одна, в школу пора, на работу пора, живо, живо, восемь одна!
But no doors slammed, no carpets took the soft tread of rubber heels.	Но не хлопали двери, и не слышалось мягкой поступи резиновых каблуков по коврам.
It was raining outside.	На улице шел дождь.
The weather box on the front door sang quietly:	Метеокоробка на наружной двери тихо пела:

"Rain, rain, go away; rubbers, raincoats for today..." And the rain tapped on the empty house, echoing.	"Дождик, дождик целый день, плащ, галоши ты надень..." Дождь гулко барабанил по крыше пустого дома.
Outside, the garage chimed and lifted its door to reveal the waiting car. After a long wait the door swung down again.	Во дворе зазвонил гараж, поднимая дверь, за которой стояла готовая к выезду автомашина... Минута, другая - дверь опустилась на место.
At eight-thirty the eggs were shriveled and the toast was like stone.	В восемь тридцать яичница сморщилась, а тосты стали каменными.
An aluminum wedge scraped them into the sink, where hot water whirled them down a metal throat which digested and flushed them away to the distant sea.	Алюминиевая лопаточка сбросила их в раковину, оттуда струя горячей воды увлекла их в металлическую горловину, которая все растворяла и отправляла через канализацию в далекое море.
The dirty dishes were dropped into a hot washer and emerged twinkling dry.	Грязные тарелки нырнули в горячую мойку и вынырнули из нее, сверкая сухим блеском.
Nine-fifteen, sang the clock, time to clean.	Девять пятнадцать, - пропели часы, - пора уборкой заняться.
Out of warrens in the wall, tiny robot mice darted.	Из нор в стене выссыпали крохотные роботы-мыши.
The rooms were acrawl with the small cleaning animals, all rubber and metal. They thudded against chairs, whirling their mustached runners, kneading the rug nap, sucking gently at hidden dust.	Во всех помещениях кищели маленькие суетливые уборщики из металла и резины. Они стукались о кресла, вертели своими щетинистыми роликами, ерошили ковровый ворс, тихо высасывая скрытые пылинки.
Then, like mysterious invaders, they popped into their burrows. Their pink electric eyes faded.	Затем исчезли, словно неведомые пришельцы, юркнули в свои убежища. Их розовые электрические глазки потухли.
The house was clean.	Дом был чист.
Ten o'clock.	Десять часов.
The sun came out from behind the rain.	Выглянуло солнце, тесня завесу дождя.
The house stood alone in a city of rubble and ashes.	Дом стоял одиноко среди развалин и пепла.
This was the one house left standing.	Во всем городе он один уцелел.
At night the ruined city gave off a radioactive glow which could be seen for miles.	Ночами разрушенный город излучал радиоактивное сияние, видное на много миль вокруг.
Ten-fifteen.	Десять пятнадцать.
The garden sprinklers whirled up in golden fountains, filling the soft morning air with scatterings of brightness. The water pelted windowpanes, running down the charred west side where the house had been burned evenly free of its white paint.	Распылители в саду извергли золотистые фонтаны, наполнив ласковый утренний воздух волнами сверкающих водяных бусинок. Вода струилась по оконным стеклам, стекала по обугленной западной стене, на которой белая краска начисто выгорела.
The entire west face of the house was black, save for five places.	Вся западная стена была черной, кроме пяти небольших клочков.
Here the silhouette in paint of a man mowing a lawn.	Вот краска обозначила фигуру мужчины, катящего травяную косилку.

Here, as in a photograph, a woman bent to pick A вот, точно на фотографии, женщина

flowers.	нагнулась за цветком.
Still farther over, their images burned on wood in one titanic instant, a small boy, hands flung into the air; higher up, the image of a thrown ball, and opposite him a girl, hands raised to catch a ball which never came down.	Дальше - еще силуэты, выжженные на дереве в одно титаническое мгновение... Мальчишка вскинул вверх руки, над ним застыл контур подброшенного мяча, напротив мальчишки - девочка, ее руки подняты, ловят мяч, который так и не опустился.
The five spots of paint - the man, the woman, the children, the ball - remained.	Только пять пятен краски - мужчина, женщина, дети, мяч.
The rest was a thin charcoaled layer.	Все остальное - тонкий слой древесного угля.
The gentle sprinkler rain filled the garden with falling light.	Тихий дождь из распылителя наполнил сад падающими искрами света...
Until this day, how well the house had kept its peace.	Как надежно оберегал дом свой покой вплоть до этого дня!
How carefully it had inquired, "Who goes there?	Как бдительно он спрашивал: "Кто там?"
What's the password?" and, getting no answer from lonely foxes and whining cats, it had shut up its windows and drawn shades in an old-maidenly preoccupation with self-protection which bordered on a mechanical paranoia.	Пароль?" И, не получая нужного ответа от одиноких лис и жалобно мяукающих котов, затворял окна и опускал шторы с одержимостью старой девы. Самосохранение, граничащее с психозом, - если у механизмов может быть паранойя.
It quivered at each sound, the house did.	Этот дом вздрогивал от каждого звука.
If a sparrow brushed a window, the shade snapped up. The bird, startled, flew off!	Стоило воробью задеть окно крылом, как тотчас громко щелкала штора и перепуганная птица летела прочь.
No, not even a bird must touch the house!	Никто - даже воробей - не смел прикасаться к дому!
The house was an altar with ten thousand attendants, big, small, servicing, attending, in choirs.	Дом был алтарем с десятью тысячами священнослужителей и прислужников, больших и маленьких, они служили и прислуживали, и хором пели славу.
But the gods had gone away, and the ritual of the religion continued senselessly, uselessly.	Но боги исчезли, и ритуал продолжался без смысла и без толку.
Twelve noon.	Двенадцать.
A dog whined, shivering, on the front porch.	У парадного крыльца заскулил продрогнувший пес.
The front door recognized the dog voice and opened.	Дверь сразу узнала собачий голос и отворилась.
The dog, once huge and fleshy, but now gone to bone and covered with sores, moved in and through the house, tracking mud.	Пес, некогда здоровенный, сытый, а теперь кожа да кости, весь в парше, вбежал в дом, печатая грязные следы.
Behind it whirred angry mice, angry at having to pick up mud, angry at inconvenience.	За ним суетились сердитые мыши - сердитые, что их потревожили, что надо снова убирать!

For not a leaf fragment blew under the door but what the wall panels flipped open and the copper scrap rats flashed swiftly out.	Ведь стоило малейшей пылинке проникнуть внутрь сквозь щель под дверью, как стенные панели мигом приподнимались, и оттуда высекали металлические уборщики.
The offending dust, hair, or paper, seized in miniature steel jaws, was raced back to the	Дерзновенный клочок бумаги, пылинка или волосок исчезали в стенах, пойманные

burrows.	крохотными стальными челюстями.
There, down tubes which fed into the cellar, it was dropped into the sighing vent of an incinerator which sat like evil Baal in a dark corner.	Оттуда по трубам мусор спускался в подвал, в гудящее чрево мусоросжигателя, который злобным Баалом притаился в темном углу.
The dog ran upstairs, hysterically yelping to each door, at last realizing, as the house realized, that only silence was here.	Пес побежал наверх, истерически лая перед каждой дверью, пока не понял - как это уже давно понял дом, - что никого нет, есть только мертвая тишина.
It sniffed the air and scratched the kitchen door.	Он принюхался и поскреб кухонную дверь, потом лег возле нее, продолжая нюхать.
Behind the door, the stove was making pancakes which filled the house with a rich baked odor and the scent of maple syrup.	Там, за дверью, плита пекла блины, от которых по всему дому шел сытный дух и заманчивый запах кленовой патоки.
The dog frothed at the mouth, lying at the door, sniffing, its eyes turned to fire.	Собачья пасть наполнилась пеной, в глазах вспыхнуло пламя.
It ran wildly in circles, biting at its tail, spun in a frenzy, and died.	Пес вскочил, заметался, кусая себя за хвост, бешено завертелся и сдох.
It lay in the parlor for an hour.	Почти час пролежал он в гостиной.
Two o'clock, sang a voice.	Два часа, - пропел голос.
Delicately sensing decay at last, the regiments of mice hummed out as softly as blown gray leaves in an electrical wind.	Учуяv наконец едва приметный запах разложения, из нор с жужжанием выпорхнули полчища мышей, легко и стремительно, словно сухие листья, гонимые электрическим веером.
Two-fifteen.	Два пятнадцать.
The dog was gone.	Пес исчез.
In the cellar, the incinerator glowed suddenly and a whirl of sparks leaped up the chimney.	Мусорная печь в подвале внезапно засветилась пламенем, и через дымоход вихрем промчался сноп искр.
Two thirty-five.	Два тридцать пять.
Bridge tables sprouted from patio walls.	Из стен внутреннего дворика выскочили карточные столы.
Playing cards fluttered onto pads in a shower of pips.	Игровые карты, мелькая очками, разлетелись по местам.
Martinis manifested on an oaken bench with egg-salad sandwiches.	На дубовом прилавке появились коктейли и сэндвичи с яйцом.
Music played.	Заиграла музыка.
But the tables were silent and the cards untouched.	Но столы хранили молчание, и никто не брал карт.

At four o'clock the tables folded like great butterflies back through the paneled walls.	В четыре часа столы сложились, словно огромные бабочки, и вновь ушли в стены.
Four-thirty.	Половина пятого.
The nursery walls glowed.	Стены детской комнаты засветились.
Animals took shape: yellow giraffes, blue lions, pink antelopes, lilac panthers cavorting in crystal substance.	На них возникли животные: желтые жирафы, голубые львы, розовые антилопы, лиловые пантеры прыгали в хрустальной толще.
The walls were glass. They looked out upon color and fantasy.	Стены были стеклянные, восприимчивые к краскам и игре воображения.
Hidden films clocked through well-oiled	Скрытые киноленты заскользили по зубцам с

sprockets, and the walls lived.	бобины на бобину, и стены ожили.
The nursery floor was woven to resemble a crisp, cereal meadow. Over this ran aluminum roaches and iron crickets, and in the hot still air butterflies of delicate red tissue wavered among the sharp aroma of animal spoors!	Пол детской колыхался, напоминая волнуемое ветром поле, и по нему бегали алюминиевые тараканы и железные сверчки, а в жарком неподвижном воздухе, в остром запахе звериных следов, порхали бабочки из тончайшей розовой ткани!
There was the sound like a great matted yellow hive of bees within a dark bellows, the lazy bumble of a purring lion.	Слышался звук, как от огромного, копошащегося в черной пустоте кузнечных мехов роя пчел: ленивое урчание сытого льва.
And there was the patter of okapi feet and the murmur of a fresh jungle rain, like other hoofs, falling upon the summer-starched grass.	Слышался цокот копыт окапи и шум освежающего лесного дождя, шуршащего по хрупким стеблям жухлой травы.
Now the walls dissolved into distances of parched weed, mile on mile, and warm endless sky.	Вот стены растаяли, растворились в необозримых просторах опаленных солнцем лугов и бездонного жаркого неба.
The animals drew away into thorn brakes and water holes.	Животные рассеялись по колючим зарослям и водоемам.
It was the children's hour.	Время детской передачи.
Five o'clock.	Пять часов.
The bath filled with clear hot water.	Ванна наполнилась прозрачной горячей водой.
Six, seven, eight o'clock.	Шесть, семь, восемь часов.
The dinner dishes manipulated like magic tricks, and in the study a click. In the metal stand opposite the hearth where a fire now blazed up warmly, a cigar popped out, half an inch of soft gray ash on it, smoking, waiting.	Блюда с обедом проделали удивительные фокусы, потом что-то щелкнуло в кабинете, и на металлическом штативе возле камина, в котором разгорелось уютное пламя, вдруг возникла курящаяся сигара с шапочкой мягкого серого пепла.
Nine o'clock.	Девять часов.
The beds warmed their hidden circuits, for nights were cool here.	Невидимые провода согрели простыни - здесь было холодно по ночам.
Nine-five.	Девять ноль пять.
A voice spoke from the study ceiling:	В кабинете с потолка донесся голос:

"Mrs. McClellan, which poem would you like this evening?"	- Миссис Маклеллан, какое стихотворение хотели бы вы услышать сегодня?
The house was silent.	Дом молчал.
The voice said at last,	Наконец голос сказал:
"Since you express no preference, I shall select a poem at random."	- Поскольку вы не выразили никакого желания, я выберу что-нибудь наудачу.
Quiet music rose to back the voice.	Зазвучал тихий музыкальный аккомпанемент.
"Sara Teasdale.	- Сара Тисдейл.
As I recall, your favorite..."	Ваше любимое, если не ошибаюсь...
"There will come soft rains and the smell of the ground,	Будет ласковый дождь, будет запах земли.
And swallows circling with their shimmering sound;	Щебет юрких стрижей от зари до зари,
And frogs in the pools singing at night,	И ночные рулады лягушек в прудах.

And wild plum trees in tremulous white;	И цветение слив в белопенных садах;
Robins will wear their feathery fire,	Огнегрудый комочек слетит на забор,
Whistling their whims on a low fence-wire;	И малиновки трель выткет звонкий узор.
And not one will know of the war, not one	И никто, и никто не вспомянет войну.
Will care at last when it is done.	Пережито-забыто, ворошить ни к чему.
Not one would mind, neither bird nor tree,	И ни птица, ни ива слезы не прольет,
If mankind perished utterly;	Если сгинет с Земли человеческий род.
And Spring herself, when she woke at dawn	И весна... и Весна встретит новый рассвет,
Would scarcely know that we were gone."	Не заметив, что нас уже нет.
The fire burned on the stone hearth and the cigar fell away into a mound of quiet ash on its tray.	В камине трепетало, угасая, пламя, сигара осыпалась кучкой немого пепла.
The empty chairs faced each other between the silent walls, and the music played.	Между безмолвных стен стояли одно против другого пустые кресла, играла музыка.
At ten o'clock the house began to die.	В десять часов наступила агония.
The wind blew.	Подул ветер.
A falling tree bough crashed through the kitchen window.	Сломанный сук, падая с дерева, высадил кухонное окно.
Cleaning solvent, bottled, shattered over the stove.	Бутылка пятновыводителя разбилась вдребезги о плиту.
The room was ablaze in an instant!	Миг - и вся кухня охвачена огнем!
"Fire!" screamed a voice.	- Пожар! - послышался крик.
The house lights flashed, water pumps shot water from the ceilings.	Лампы замигали, с потолков, нагнетаемые насосами, хлынули струи воды.
But the solvent spread on the linoleum, licking eating under the kitchen door, while the voices took it up in chorus:	Но горючая жидкость растекалась по линолеуму, она просочилась, нырнула под дверь и уже целый хор подхватил:

"Fire, fire, fire!"	- Пожар! Пожар! Пожар!
The house tried to save itself.	Дом старался выстоять.
Doors sprang tightly shut, but the windows were broken by the heat and the wind blew and sucked upon the fire.	Двери плотно затворились, но оконные стекла полопались от жара, и ветер раздувал огонь.
The house gave ground as the fire in ten billion angry sparks moved with flaming ease from room to room and then up the stairs.	Под натиском огня, десятков миллиардов сердитых искр, которые с яростной бесцеремонностью летели из комнаты в комнату и неслись вверх по лестнице, дом начал отступать.
While scurrying water rats squeaked from the walls, pistoled their water, and ran for more.	Еще из стен, семеня, выбегали суетливые водяные крысы, выпаливали струи воды и возвращались за новым запасом.
And the wall sprays let down showers of mechanical rain.	И стенные распылители извергали каскады механического дождя.
But too late.	Поздно.
Somewhere, sighing, a pump shrugged to a stop.	Где-то с тяжелым вздохом, передернув плечами, замер насос.
The quenching rain ceased.	Прекратился дождь-огнеборец.
The reserve water supply which had filled baths and washed dishes for many quiet days was gone.	Иссякла вода в запасном баке, который много-много дней питал ванны и посудомойки.
The fire crackled up the stairs.	Огонь потрескивал, пожирая ступеньку за ступенькой.

It fed upon Picassos and Matisses in the upper halls, like delicacies, baking off the oily flesh, tenderly crisping the canvases into black shavings.	В верхних комнатах он, словно гурман, смаковал картины Пикассо и Матисса, слизывая маслянистую корочку и бережно скручивая холсты черной стружкой.
Now the fire lay in beds, stood in windows, changed the colors of drapes!	Он добрался до кроватей, вот уже скачет по подоконникам, перекрашивает портьеры!
And then, reinforcements.	Но тут появилось подкрепление.
From attic trapdoors, blind robot faces peered down with faucet mouths gushing green chemical.	Из чердачных люков вниз уставились незрячие лица роботов, изрыгая ртами-форсунками зеленые химикалии.
The fire backed off, as even an elephant must at the sight of a dead snake.	Огонь попятился: даже слон пятится при виде мертвый змеи.
Now there were twenty snakes whipping over the floor, killing the fire with a clear cold venom of green froth.	А тут по полу хлестало двадцать змей, умерщвляя огонь холодным чистым ядом зеленой пены.
But the fire was clever. It had sent flames outside the house, up through the attic to the pumps there.	Но огонь был хитер, он послал языки пламени по наружной стене вверх, на чердак, где стояли насосы.
An explosion!	Взрыв!
The attic brain which directed the pumps was shattered into bronze shrapnel on the beams.	Электронный мозг, управляемый насосами, бронзовой шрапнелью вонзился в балки.

The fire rushed back into every closet and felt of the clothes hung there.	Потом огонь метнулся назад и обошел все чуланы, щупая висящую там одежду.
The house shuddered, oak bone on bone, its bared skeleton cringing from the heat, its wire, its nerves revealed as if a surgeon had torn the skin off to let the red veins and capillaries quiver in the scalded air.	Дом содрогнулся, стуча дубовыми костями, его оголенный скелет корчился от жара, сеть проводов - его нервы - обнажилась, словно некий хирург содрал с него кожу, чтобы красные вены и капилляры трепетали в раскаленном воздухе.
Help, help!	Караул, караул!
Fire!	Пожар!
Run, run!	Бегите, спасайтесь!
Heat snapped mirrors like the brittle winter ice.	Огонь крошил зеркала, как хрупкий зимний лед.
And the voices wailed Fire, fire, run, run, like a tragic nursery rhyme, a dozen voices, high, low, like children dying in a forest, alone, alone.	А голоса причитали: "Пожар, пожар, бегите, спасайтесь!" Словно печальная детская песенка, которую в двенадцать голосов, кто громче, кто тише, пели умирающие дети, брошенные в глухом лесу.
And the voices fading as the wires popped their sheathings like hot chestnuts.	Но голоса умолкали один за другим по мере того, как лопалась, подобно жареным каштанам, изоляция на проводах.
One, two, three, four, five voices died.	Два, три, четыре, пять голосов заглохли.
In the nursery the jungle burned.	В детской комнате пламя объяло джунгли.
Blue lions roared, purple giraffes bounded off.	Рычали голубые львы, скакали пурпурные жирафы.
The panthers ran in circles, changing color, and ten million animals, running before the fire, vanished off toward a distant steaming river...	Пантеры метались по кругу, поминутно меняя окраску; десять миллионов животных, спасаясь от огня, бежали к кипящей реке вдали...

Ten more voices died.	Еще десять голосов умерли.
In the last instant under the fire avalanche, other choruses, oblivious, could be heard announcing the time, playing music, cutting the lawn by remote-control mower, or setting an umbrella frantically out and in the slamming and opening front door, a thousand things happening, like a clock shop when each clock strikes the hour insanely before or after the other, a scene of maniac confusion, yet unity; singing, screaming, a few last cleaning mice darting bravely out to carry the horrid ashes away!	В последний миг сквозь гул огневой лавины можно было различить хор других, сбитых с толку голосов, еще объявлялось время, играла музыка, метались по газону телекомандные косилки, обезумевший зонт прыгал взад-вперед через порог наружной двери, которая непрерывно то затворялась, то отворялась, - одновременно происходила тысяча вещей, как в часовой мастерской, когда множество часов вразнобой лихорадочно отбивают время: то был безумный хаос, спаянный в некое единство; песни, крики, и последние мыши-мусорщики храбро высакивали из нор - расчистить, убрать этот ужасный, отвратительный пепел!
And one voice, with sublime disregard for the situation, read poetry aloud in the fiery study, until all the film spools burned, until all the wires withered and the circuits cracked.	А один голос с полнейшим пренебрежением к происходящему декламировал стихи в пылающем кабинете, пока не сгорели все пленки, не расплавились провода, не рассыпались все схемы.
The fire burst the house and let it slam flat down, puffing out skirts of spark and smoke.	И наконец, пламя взорвало дом, и он рухнул пластом, разметав каскады дыма и искр.
In the kitchen, an instant before the rain of fire and timber, the stove could be seen making breakfasts at a psychopathic rate, ten dozen eggs, six loaves of toast, twenty dozen bacon strips, which, eaten by fire, started the stove working again, hysterically hissing!	На кухне, за мгновение до того, как посыпались головни и горящие балки, плита с сумасшедшей скоростью готовила завтраки: десять десятков яиц, шесть батонов тостов, двести ломтей бекона - и все, все пожирал огонь, понуждая задыхающуюся печь истерически стряпать еще и еще!
The crash.	Грохот.
The attic smashing into kitchen and parlor. The parlor into cellar, cellar into sub-cellars.	Чердак провалился в кухню и в гостиную, гостиная - в цокольный этаж, цокольный этаж - в подвал.
Deep freeze, armchair, film tapes, circuits, beds, and all like skeletons thrown in a cluttered mound deep under.	Холодильники, кресла, ролики с фильмами, кровати, электрические приборы - все рухнуло вниз обугленными скелетами.
Smoke and silence.	Дым и тишина.
A great quantity of smoke.	Огромные клубы дыма.
Dawn showed faintly in the east.	На востоке медленно занимался рассвет.
Among the ruins, one wall stood alone.	Только одна стена осталась стоять среди развалин.
Within the wall, a last voice said, over and over again and again, even as the sun rose to shine upon the heaped rubble and steam:	Из этой стены говорил последний одинокий голос, солнце уже осветило дымящиеся обломки, а он все твердил:
"Today is August 5, 2026, today is August 5, 2026, today is..."	- Сегодня 5 августа 2026 года, сегодня 5 августа 2026 года, сегодня...
October 2026: THE MILLION-YEAR PICNIC	Октябрь 2026 Каникулы на Марсе
Somehow the idea was brought up by Mom that perhaps the whole family would enjoy a fishing trip.	Эту мысль почему-то высказала мама - а не отправиться ли всей семьей на рыбалку?

But they weren't Mom's words; Timothy knew that.	На самом деле слова были не мамины, Тимоти отлично это знал.
They were Dad's words, and Mom used them for him somehow.	Слова были папины, но почему-то их за него сказала мама.
Dad shuffled his feet in a clutter of Martian pebbles and agreed.	Папа, переминаясь с ноги на ногу на шуршащей марсианской гальке, согласился.
So immediately there was a tumult and a shouting, and very quickly the camp was tucked into capsules and containers, Mom slipped into traveling jumpers and blouse, Dad stuffed his pipe full with trembling hands, his eyes on the Martian sky, and the three boys piled yelling into the motorboat, none of them really keeping an eye on Mom and Dad, except Timothy.	Тотчас поднялся шум и гам, в мгновение ока лагерь был свернут, все уложено в капсулы и контейнеры, мама надела дорожный комбинезон и куртку, отец, не отрывая глаз от марсианского неба, набил трубку дрожащими руками, и трое мальчиков с радостными воплями кинулись к моторной лодке - из всех троих один Тимоти все время посматривал на папу и маму.
Dad pushed a stud.	Отец нажал кнопку.
The water boat sent a humming sound up into the sky.	К небу взмыл гудящий звук.
The water shook back and the boat nosed ahead, and the family cried, "Hurrah!"	Вода за кормой ринулась назад, а лодка помчалась вперед, под дружные крики "ура!".

Timothy sat in the back of the boat with Dad, his small fingers atop Dad's hairy ones, watching the canal twist, leaving the crumbled place behind where they had landed in their small family rocket all the way from Earth.	Тимоти сидел на корме вместе с отцом, положив свои тонкие пальцы на его волосатую руку. Вот за изгибом канала скрылась изрытая площадка, где они сели на своей маленькой семейной ракете после долгого полета с Земли.
He remembered the night before they left Earth, the hustling and hurrying the rocket that Dad had found somewhere, somehow, and the talk of a vacation on Mars.	Ему вспомнилась ночь накануне вылета, спешка и суматоха, ракета, которую отец каким-то образом где-то раздобыл, разговоры о том, что они летят на Марс отдыхать.
A long way to go for a vacation, but Timothy said nothing because of his younger brothers.	Далековато, конечно, для каникулярной поездки, но Тимоти промолчал, потому что тут были младшие братишки.
They came to Mars and now, first thing, or so they said, they were going fishing.	Они благополучно добрались до Марса и вот с места в карьер отправились - во всяком случае, так было сказано - на рыбалку.
Dad had a funny look in his eyes as the boat went up-canal.	Лодка неслась по каналу... Странные глаза у папы сегодня.
A look that Timothy couldn't figure.	Тимоти никак не мог понять, в чем дело.
It was made of strong light and maybe a sort of relief.	Они ярко светились, и в них было облегчение, что ли.
It made the deep wrinkles laugh instead of worry or cry.	И от этого глубокие морщины смеялись, а не хмурились и не скорбели.
So there went the cooling rocket, around a bend, gone.	Новый поворот канала - и вот уже скрылась из глаз остывшая ракета.
"How far are we going?"	- А мы далеко едем?
Robert splashed his hand. It looked like a small crab jumping in the violet water.	Роберт шлепал рукой по воде - будто маленький краб прыгал по фиолетовой глади.
Dad exhaled.	Отец вздохнул:
"A million years."	- За миллион лет.

"Gee," said Robert.	- Ух ты! - удивился Роберт.
"Look, kids."	- Поглядите, дети.
Mother pointed one soft long arm.	- Мама подняла длинную гибкую руку.
"There's a dead city."	- Мертвый город.
They looked with fervent anticipation, and the dead city lay dead for them alone, drowsing in a hot silence of summer made on Mars by a Martian weatherman.	Завороженные, они уставились на вымерший город, а он безжизненно простирая на берегу для них одних и дремал в жарком безмолвии лета, дарованном Марсу искусством марсианских метеорологов.
And Dad looked as if he was pleased that it was dead.	У папы было такое лицо, словно он радовался тому, что город мертв.

<p>It was a futile spread of pink rocks sleeping on a rise of sand, a few tumbled pillars, one lonely shrine, and then the sweep of sand again. Nothing else for miles. A white desert around the canal and a blue desert over it.</p>	Город: хаотическое нагромождение розовых глыб, уснувших на песчаном косогоре, несколько поваленных колонн, заброшенное святилище, а дальше - опять песок, песок, миля за миля... Белая пустыня вокруг канала, голубая пустыня над ним.
Just then a bird flew up.	Внезапно с берега взлетела птица.
Like a stone thrown across a blue pond, hitting, falling deep, and vanishing.	Точно брошенный кем-то камень пронесся над голубым прудом, врезался в толщу воды и исчез.
Dad got a frightened look when he saw it.	Папа даже изменился в лице от испуга.
"I thought it was a rocket."	- Мне почудилось, что это ракета.
Timothy looked at the deep ocean sky, trying to see Earth and the war and the ruined cities and the men killing each other since the day he was born.	Тимоти смотрел в пучину неба, пытаясь увидеть Землю, и войну, и разрушенные города, и людей, которые убивали друг друга, сколько он себя помнил.
But he saw nothing.	Но ничего не увидел.
The war was as removed and far off as two flies battling to the death in the arch of a great high and silent cathedral.	Война была такой же далекой и абстрактной, как две мухи, сражающиеся насмерть под сводами огромного безмолвного собора.
And just as senseless.	И такой же нелепой.
William Thomas wiped his forehead and felt the touch of his son's hand on his arm, like a young tarantula, thrilled.	Уильям Томас отер пот со лба и взволнованно ощущал на своей руке прикосновение пальцев сына, легких, как паучьи лапки.
He beamed at his son.	Он улыбнулся сыну:
"How goes it, Timmy?"	- Ну, как оно, Тимми?
"Fine, Dad."	- Отлично, папа.
Timothy hadn't quite figured out what was ticking inside the vast adult mechanism beside him.	Тимоти никак не мог до конца разобраться, что происходит в этом огромном взрослом механизме рядом с ним.
The man with the immense hawk nose, sunburnt, peeling - and the hot blue eyes like agate marbles you play with after school in summer back on Earth, and the long thick columnar legs in the loose riding breeches.	В этом человеке с большим, шелушащимся от загара орлиным носом, с ярко-голубыми глазами вроде каменных шариков, которыми он играл летом дома, на Земле, с длинными, могучими, как колонны, ногами в широких бриджах.
"What are you looking at so hard, Dad?"	- Что ты так выисматриваешь, пап?
"I was looking for Earthian logic, common	- Я искал земную логику, здравый смысл,

sense, good government, peace, and responsibility."	разумное правление, мир и ответственность.
"All that up there?"	- И как - увидел?
"No."	- Нет.
I didn't find it.	Не нашел.
It's not there any more.	Их больше нет на Земле.
Maybe it'll never be there again.	И, пожалуй, не будет никогда.

Maybe we fooled ourselves that it was ever there."	Возможно, мы только сами себя обманывали, а их вообще и не было.
"Huh?"	- Это как же?
"See the fish," said Dad, pointing.	- Смотри, смотри, вон рыба, - показал отец.
There rose a soprano clamor from all three boys as they rocked the boat in arching their tender necks to see.	Трое мальчиков звонко вскрикнули, и лодка накренилась, так дружно они изогнули свои тонкие шейки, торопясь увидеть.
They oohed and ahed.	Ух ты, вот это да!
A silver ring fish floated by them, undulating, and closing like an iris, instantly, around food particles, to assimilate them.	Мимо проплыла серебристая рыба-кольцо, извиваясь и мгновенно сжимаясь, точно зрачок, едва только внутрь попадали съедобные крупинки.
Dad looked at it. His voice was deep and quiet.	- В точности как война, - глухо произнес отец.
"Just like war.	
War swims along, sees food, contracts.	- Война плывет, видит пищу, сжимается.
A moment later - Earth is gone."	Миг - и Земли нет.
"William," said Mom.	- Уильям, - сказала мама.
"Sorry," said Dad.	- Извини.
They sat still and felt the canal water rush cool, swift, and glassy.	Они примолкли, а мимо стремительно неслась студеная стеклянная вода канала.
The only sound was the motor hum, the glide of water, the sun expanding the air.	Ни звука кругом, только гул мотора, шелест воды, струи распаренного солнцем воздуха.
"When do we see the Martians?" cried Michael.	- А когда мы увидим марсиан? - воскликнул Майкл.
"Quite soon, perhaps," said Father.	- Скоро, - заверил его отец.
"Maybe tonight."	- Может быть, вечером.
"Oh, but the Martians are a dead race now," said Mom.	- Но ведь марсиане все вымерли, - сказала мама.
"No, they're not.	- Нет, не вымерли, - не сразу ответил папа.
I'll show you some Martians, all right," Dad said presently.	- Я покажу вам марсиан, точно.
Timothy scowled at that but said nothing.	Тимоти нахмурился, но ничего не сказал.
Everything was odd now.	Все было как-то не так.
Vacations and fishing and looks between people.	И каникулы, и рыбалка, и эти взгляды, которыми обменивались взрослые.
The other boys were already engaged making shelves of their small hands and peering under them toward the seven-foot stone banks of the canal, watching for Martians.	А его братья уже уставились из-под ладошек на двухметровую каменную стенку канала, высматривая марсиан.
"What do they look like?" demanded Michael.	- Какие они? - допытывался Майкл.
"You'll know them when you see them."	- Узнаешь, когда увидишь.

Dad sort of laughed, and Timothy saw a pulse	- Отец вроде усмехнулся, и Тимоти
--	-----------------------------------

beating time in his cheek.	приметил, как у него подергивается щека.
Mother was slender and soft, with a woven plait of spungold hair over her head in a tiara, and eyes the color of the deep cool canal water where it ran in shadow, almost purple, with flecks of amber caught in it.	Мама была хрупкая и нежная, золотая коса лежала тиарой на голове, а глаза были такого же цвета, как глубокая студеная вода канала в тени, почти пурпурные, с янтарными крапинками.
You could see her thoughts swimming around in her eyes, like fish - some bright, some dark, some fast, quick, some slow and easy, and sometimes, like when she looked up where Earth was, being nothing but color and nothing else. She sat in the boat's prow, one hand resting on the side lip, the other on the lap of her dark blue breeches, and a line of sunburnt soft neck showing where her blouse opened like a white flower.	Можно было видеть, как плавают мысли в ее глазах - словно рыбы, одни светлые, другие темные, одни быстрые, стремительные, другие медленные, неторопливые, а иногда - скажем, если она глядела на небо, туда, где Земля, - в глазах ничего не было, один только цвет... Мама сидела на носу лодки, одну руку она положила на борт, вторую на заглаженную складку своих брюк, и полоска мягкой загорелой шеи обрывалась там, где, подобно белому цветку, открывался воротник.
She kept looking ahead to see what was there, and, not being able to see it clearly enough, she looked backward toward her husband, and through his eyes, reflected then, she saw what was ahead; and since he added part of himself to this reflection, a determined firmness, her face relaxed and she accepted it and she turned back, knowing suddenly what to look for.	Она все время глядела вперед, что-то высматривая, но не могла разглядеть и обернулась к мужу; в его глазах она увидела отражение того, что впереди, а он к этому отражению добавил что-то от самого себя, свою твердую решимость, и напряжение спало с ее лица, она снова повернулась вперед, теперь уже спокойно, зная, чего ей искать.
Timothy looked too.	Тимоти тоже смотрел.
But all he saw was a straight pencil line of canal going violet through a wide shallow valley penned by low, eroded hills, and on until it fell over the sky's edge.	Но он видел лишь прямую черту фиолетового канала посреди широкой ровной долины, обрамленной низкими размытыми холмами.
And this canal went on and on, through cities that would have rattled like beetles in a dry skull if you shook them.	Черта уходила за край неба, и канал тянулся все дальше, дальше, сквозь города, которые -встряхни их - загремели бы, словно жуки в высохшем черепе.
A hundred or two hundred cities dreaming hot summer-day dreams and cool summer-night dreams...	Сто, двести городов, видящих летние сны -жаркие днем и прохладные ночью...
They had come millions of miles for this outing - to fish.	Они пролетели миллионы миль ради этого пикника, ради рыбалки.
But there had been a gun on the rocket.	А в ракете было оружие.
This was a vacation.	Называется, поехали на каникулы!
But why all the food, more than enough to last them years and years, left hidden back there near the rocket?	А для чего все эти продукты - хватит с лихвой не на один год, - которые они спрятали по соседству с ракетой?
Vacation.	Каникулы!
Just behind the veil of the vacation was not a soft face of laughter, but something hard and bony and perhaps terrifying.	Но за этими каникулами скрывалась не радостная улыбка, а что-то жестокое, твердое, даже страшное.

Timothy could not lift the veil, and the two Тимоти никак не мог раскусить этот орешек,

other boys were busy being ten and eight years old, respectively.	а братьям не до того, - что может занимать мальчишеск в десять и восемь лет?
"No Martians yet.	- Ну, где же марсиане?
Nuts."	Дураки какие-то!
Robert put his V-shaped chin on his hands and glared at the canal.	- Роберт положил клинышек подбородка на ладони и уставился в канал.
Dad had brought an atomic radio along, strapped to his wrist. It functioned on an old-fashioned principle: you held it against the bones near your ear and it vibrated singing or talking to you.	У папы на запястье было атомное радио, сделанное по старинке: прижми его к голове, возле уха, и радио начнет вибрировать, напевая или говоря что-нибудь.
Dad listened to it now. His face looked like one of those fallen Martian cities, caved in, sucked dry, almost dead.	Как раз сейчас папа слушал, и лицо его было похоже на один из этих погибших марсианских городов - угрюмое, изможденное, безжизненное.
Then he gave it to Mom to listen.	Потом он дал послушать маме.
Her lips dropped open.	Ее губы раскрылись.
"What - " Timothy started to question, but never finished what he wished to say.	- Что... - начал Тимоти свой вопрос, но не договорил.
For at that moment there were two titanic, marrow-jolting explosions that grew upon themselves, followed by a half dozen minor concussions.	Потому что в этот миг их встряхнули и ошеломили два громоздящихся друг на друга исполинских взрыва, за которыми последовало несколько толчков послабее.
Jerking his head up, Dad notched the boat speed higher immediately.	Отец вскинул голову и тотчас прибавил ходу.
The boat leaped and jounced and spanked.	Лодка рванулась и понеслась, прыгая и громко шлепая по воде.
This shook Robert out of his funk and elicited yelps of frightened but esctatic joy from Michael, who clung to Mom's legs and watched the water pour by his nose in a wet torrent.	Роберт мигом оправился от страха, а Майкл испуганно и восторженно взвизгнул и прижался к маминым ногам, глядя, как мимо самого его носа летят быстрые струи.
Dad swerved the boat, cut speed, and ducked the craft into a little branch canal and under an ancient, crumbling stone wharf that smelled of crab flesh.	Сбавив скорость, отец круто развернулся лодку, и они скользнули в узкий отводной канал, к древнему полуразрушенному каменному причалу, от которого пахло крабами.
The boat rammed the wharf hard enough to throw them all forward, but no one was hurt, and Dad was already twisted to see if the ripples on the canal were enough to map their route into hiding.	Лодка ткнулась носом в причал так сильно, что всех швырнуло вперед, но никто не ушибся, а отец уже смотрел, обернувшись, не осталось ли на воде борозды, которая может выдать, где они укрылись.
Water lines went across, lapped the stones, and rippled back to meet each other, settling, to be dappled by the sun. It all went away.	По глади канала разбегались длинные волны; облизав камень, они отступали, перехватывая набегающие сзади, все смешалось в игре солнечных бликов, потом рябь исчезла.
Dad listened.	Папа прислушался.
So did everybody.	Они все прислушались.

Dad's breathing echoed like fists beating against the cold wet wharf stones.	Дыхание отца гулко отдавалось под навесом, будто удары кулака о холодные, влажные камни причала.
In the shadow, Mom's cat eyes just watched	Мамины кошачьи глаза глядели в полутьме

Father for some clue to what next.	на папу, допытываясь, что теперь будет.
Dad relaxed and blew out a breath, laughing at himself.	Отец глубоко, с облегчением, вздохнул и рассмеялся сам над собой.
"The rocket, of course.	- Это же наша ракета!
I'm getting jumpy.	Что-то я становлюсь пугливым.
The rocket."	Конечно, ракета.
Michael said, "What happened, Dad, what happened?"	- А что это было, пап, - спросил Майкл, - что это было?
"Oh, we just blew up our rocket, is all," said Timothy, trying to sound matter-of-fact.	- Просто мы взорвали нашу ракету, вот и все. - Тимоти старался говорить буднично.
"I've heard rockets blown up before.	- Что ли не слыхал, как ракеты взрывают?
Ours just blew."	Вот и нашу тоже...
"Why did we blow up our rocket?" asked Michael.	- А зачем мы нашу ракету взорвали? - не унимался Майкл.
"Huh, Dad?"	- Зачем, пап?
"It's part of the game, silly!" said Timothy.	- Так полагается по игре, дурачок! - ответил Тимоти.
"A game!"	- По игре?!
Michael and Robert loved the word.	- Майкл и Роберт очень любили это слово.
"Dad fixed it so it would blow up and no one'd know where we landed or went!"	- Папа сделал так, чтобы она взорвалась, и никто не узнал, где мы сели и куда подевались!
In case they ever came looking, see?"	Если кто захочет нас искать, понятно?
"Oh boy, a secret!"	- Ух ты, тайна!
"Scared by my own rocket," admitted Dad to Mom.	- Собственной ракеты испугался, - признался отец маме.
"I am nervous.	- Нервы!
It's silly to think there'll ever be any more rockets.	Смешно даже подумать, будто здесь могут появиться другие ракеты.
Except one, perhaps, if Edwards and his wife get through with their ship."	Разве что еще одна прилетит: если Эдвардс с женой сумеют добраться.
He put his tiny radio to his ear again.	Он снова поднес к уху маленький приемник.
After two mintes he dropped his hand as you would drop a rag.	Через две минуты рука его упала, словно тряпичная.
"It's over at last," he said to Mom.	- Все, конец, - сказал он маме.
"The radio just went off the atomic beam.	- Только что прекратила работу станция на атомном луче.

Every other world station's gone.	Другие станции Земли давно молчат.
They dwindled down to a couple in the last few years.	В последние годы их всего-то было две-три.
Now the air's completely silent.	Теперь в эфире мертвая тишина.
It'll probably remain silent."	Видно, надолго.
"For how long?" asked Robert.	- На сколько? - спросил Роберт.
"Maybe - your great-grandchildren will hear it again," said Dad.	- Может быть... может быть, ваши правнуки снова услышат радио, - ответил отец.
He just sat there, and the children were caught in the center of his awe and defeat and resignation and acceptance.	Он сидел понурившись, и детям передалось то, что он чувствовал: смиренение, отчаяние, покорность.
Finally he put the boat out into the canal again, and they continued in the direction in which they	Потом он опять вывел лодку на главный канал, и они продолжали путь.

had originally started.	
It was getting late.	Вечерело.
Already the sun was down the sky, and a series of dead cities lay ahead of them.	Солнце уже склонилось к горизонту; впереди простирались чередой мертвые города.
Dad talked very quietly and gently to his sons.	Отец говорил с сыновьями ласковым, ровным голосом.
Many times in the past he had been brisk, distant, removed from them, but now he patted them on the head with just a word and they felt it.	Прежде он часто бывал сух, замкнут, неприступен, теперь же - они это чувствовали -папа будто гладил их по голове своими словами.
"Mike, pick a city."	- Майкл, выбирай город.
"What, Dad?"	- Что, папа?
"Pick a city, Son."	- Выбирай город, сынок.
Any one of these cities we pass."	Любой город, какой тут нам подвернется.
"All right," said Michael.	- Ладно, - сказал Майкл.
"How do I pick?"	- А как выбирать?
"Pick the one you like the most."	- Какой тебе больше нравится.
You, too, Robert and Tim.	И ты, Роберт, и Тим тоже.
Pick the city you like best."	Выбирайте себе город по вкусу.
"I want a city with Martians in it," said Michael.	- Я хочу такой город, чтобы в нем были марсиане,- сказал Майкл.
"You'll have that," said Dad.	- Будут марсиане, - ответил отец.
"I promise."	- Обещаю.
His lips were for the children, but his eyes were for Mom.	- Его губы обращались к сыновьям, но глаза смотрели на маму.
They passed six cities in twenty minutes.	За двадцать минут они миновали шесть городов.
Dad didn't say anything more about the explosions; he seemed much more interested in having fun with his sons, keeping them happy, than anything else.	Отец больше не поминал про взрывы, теперь для него как будто важнее всего на свете было веселить сыновей, чтобы им стало радостно.

Michael liked the first city they passed, but this was vetoed because everyone doubted quick first judgments.	Майклу понравился первый же город, но его отвергли, решив, что поспешные решения - не самые лучшие.
The second city nobody liked.	Второй город никому не приглянулся.
It was an Earth Man's settlement, built of wood and already rotting into sawdust.	Его построили земляне, и деревянные стены домов уже превратились в труху.
Timothy liked the third city because it was large.	Третий город пришелся по душе Тимоти тем, что он был большой.
The fourth and fifth were too small and the sixth brought acclaim from everyone, including Mother, who joined in the Gees, Goshes, and Look-at-thats!	Четвертый и пятый всем показались слишком маленькими, зато шестой у всех, даже у мамы, вызвал восторженные крики. "Ух ты!", "Блеск!", "Вот это да!".
There were fifty or sixty huge structures still standing, streets were dusty but paved, and you could see one or two old centrifugal fountains still pulsing wetly in the plazas.	Тут сохранилось в целости около полусотни огромных зданий, улицы были хоть и пыльные, но мощные.
That was the only life - water leaping in the late sunlight.	Два-три старинных центробежных фонтана еще пульсировали влагой на площадях, и прерывистые струи, освещенные лучами

	заходящего солнца, были единственным проявлением жизни во всем городе.
"This is the city," said everybody.	- Здесь, - дружно сказали все.
Steering the boat to a wharf, Dad jumped out.	Отец подвел лодку к пристани и выскочил на берег.
"Here we are.	- Что ж, приехали.
This is ours.	Все это - наше.
This is where we live from now on!"	Теперь будем жить здесь!
"From now on?"	- Будем жить?
Michael was incredulous.	- Майкл опешил.
He stood up, looking, and then turned to blink back at where the rocket used to be.	Он поднялся на ноги, глядя на город, потом повернулся лицом в ту сторону, где они оставили ракету.
"What about the rocket?	- А как же ракета?
What about Minnesota?"	Как Миннесота?
"Here," said Dad.	- Вот, - сказал папа.
He touched the small radio to Michael's blond head.	Он прижал маленький радиоприемник к русой головенке Майкла.
"Listen."	- Слушай.
Michael listened.	Майкл прислушался.
"Nothing," he said.	- Ничего, - сказал он.
"That's right.	- Верно.
Nothing.	Ничего.

Nothing at all any more.	Ничего не осталось.
No more Minneapolis, no more rockets, no more Earth."	Никакого Миннеаполиса, никаких ракет, никакой Земли.
Michael considered the lethal revelation and began to sob little dry sobs.	Майкл поразмыслил немного над этим страшным откровением и тихонько захныкал.
"Wait a moment," said Dad the next instant.	- Погоди, Майкл, - поспешил сказать папа.
"I'm giving you a lot more in exchange, Mike!"	- Я дам тебе взамен гораздо больше!
"What?"	- Что?
Michael held off the tears, curious, but quite ready to continue in case Dad's further revelation was as disconcerting as the original.	- Любопытство задержало слезы, но Майкл был готов сейчас же дать им волю, если дальнейшие откровения отца окажутся такими же печальными, как первое.
"I'm giving you this city, Mike.	- Я дарю тебе этот город, Майкл.
It's yours."	Он твой.
"Mine?"	- Мой?
"For you and Robert and Timothy, all three of you, to own for yourselves."	- Твой, Роберта и Тимоти, ваш собственный город, на троих.
Timothy bounded from the boat	Тимоти выпрыгнул из лодки.
"Look, guys, all for us!"	- Глядите, ребята, все наше!
All of that!"	Все-все!
He was playing the game with Dad, playing it large and playing it well.	Он играл наравне с отцом, играл великолепно, всю душу вкладывал.
Later, after it was all over and things had settled, he could go off by himself and cry for ten minutes.	После, когда все уляжется и устроится, он, возможно, уйдет куда-нибудь минут на десять и поплачет наедине.
But now it was still a game, still a family outing, and the other kids must be kept playing.	Но сейчас идет игра "семья на каникулах", и братишки должны играть.

Mike jumped out with Robert.	Майкл и Роберт выскочили на берег.
They helped Mom.	Они помогли выйти на пристань маме.
"Be careful of your sister," said Dad, and nobody knew what he meant until later.	- Берегите сестренку, - сказал папа, лишь много позднее они поняли, что он подразумевал.
They hurried into the great pink-stoned city, whispering among themselves, because dead cities have a way of making you want to whisper, to watch the sun go down.	И они быстро-быстро пошли в большой розовокаменный город, разговаривая шепотом - в мертвых городах почему то хочется говорить шепотом, хочется смотреть на закат.
"In about five days," said Dad quietly, "I'll go back down to where our rocket was and collect the food hidden in the ruins there and bring it here; and I'll hunt for Bert Edwards and his wife and daughters there."	- Дней через пять, - тихо сказал отец, - я вернусь туда, где была наша ракета, и заберу продукты, которые мы спрятали в развалинах. Заодно поищу Берта Эдвардса с женой и дочерьми.
"Daughters?" asked Timothy.	- Дочерьми? - повторил Тимоти.
"How many?"	- Сколько их?

"Four."	- Четыре.
"I can see that'll cause trouble later."	- Как бы потом из-за этого неприятностей не было.
Mom nodded slowly.	- Мама медленно покачала головой.
"Girls."	- Девчонки.
Michael made a face like an ancient Martian stone image.	- Майкл скроил рожу, напоминающую каменные физиономии марсианских истуканов.
"Girls."	- Девчонки.
"Are they coming in a rocket too?"	- Они тоже на ракете прилетят?
"Yes."	- Да
If they make it.	Если им удастся.
Family rockets are made for travel to the Moon, not Mars.	Семейные ракеты рассчитаны для полета на Луну, не на Марс.
We were lucky we got through."	Нам просто повезло, что мы добрались
"Where did you get the rocket?" whispered Timothy, for the other boys were running ahead.	- А откуда ты взял ракету? - шепотом спросил Тимоти, двое других мальчуганов уже убежали вперед.
"I saved it.	- Я ее прятал.
I saved it for twenty years, Tim.	Двадцать лет прятал, Тим.
I had it hidden away, hoping I'd never have to use it.	Убрал и надеялся, что никогда не понадобится.
I suppose I should have given it to the government for the war, but I kept thinking about Mars..."	Наверное, надо было сдать ее государству, когда началась война, но я все время думал о Марсе...
"And a picnic!"	- И о пикнике!..
"Right."	- Вот-вот!
This is between you and me.	Но это только между нами.
When I saw everything was finishing on Earth, after I'd waited until the last moment, I packed us up.	Когда я увидел, что Земле приходит конец - я ждал до последней минуты! - то стал собираться в путь.
Bert Edwards had a ship hidden, too, but we decided it would be safer to take off separately,	Берт Эдвардс тоже припрятал корабль, но мы решили, что вернее всего стартовать порознь

in case anyone tried to shoot us down."	на случай, если кто-нибудь попытается нас сбить.
"Why'd you blow up the rocket, Dad?"	- А зачем ты ее взорвал, папа?
"So we can't go back, ever."	- Чтобы мы не могли вернуться, никогда.
And so if any of those evil men ever come to Mars they won't know we're here."	И чтобы эти недобрые люди, если они когда-нибудь окажутся на Марсе, не узнали, что мы тут.
"Is that why you look up all the time?"	- Ты поэтому все время на небо глядишь?
"Yes, it's silly."	- Конечно, глупо.
They won't follow us, ever.	Никто не будет нас преследовать.
They haven't anything to follow with.	Не на чем.

I'm being too careful, is all."	Я чересчур осторожен, в этом все дело.
Michael came running back.	Прибежал обратно Майкл.
"Is this really our city, Dad?"	- Пап, это вправду наш город?
"The whole darn planet belongs to us, kids.	- Вся планета с ее окрестностями принадлежит нам, ребята.
The whole darn planet."	Целиком и полностью.
They stood there, King of the Hill, Top of the Heap, Ruler of All They Surveyed, Unimpeachable Monarchs and Presidents, trying to understand what it meant to own a world and how big a world really was.	Они стояли - Король Холмов и Пригорков, Первейший из Главных, Правитель Всего Обозримого Пространства, Непогрешимые Монархи и Президенты, - пытаясь осмыслить, что это значит, владеть целым миром, и как это много - целый мир!
Night came quickly in the thin atmosphere, and Dad left them in the square by the pulsing fountain, went down to the boat, and came walking back carrying a stack of paper in his big hands.	В разреженной марсианской атмосфере быстро темнело. Оставив семью на площади возле пульсирующего фонтана, отец сходил к лодке и вернулся, неся в больших руках целую охапку бумаги.
He laid the papers in a clutter in an old courtyard and set them afire.	На заброшенном дворе он сложил книги в кучу и поджег.
To keep warm, they crouched around the blaze and laughed, and Timothy saw the little letters leap like frightened animals when the flames touched and engulfed them.	Они присели на корточки возле костра погреться и смеялись, а Тимоти смотрел, как буковки прыгали, точно испуганные зверьки, когда огонь хватал их и пожирал.
The papers crinkled like an old man's skin, and the cremation surrounded innumerable words:	Бумага морщилась, словно стариковская кожа, пламя окружало и теснило легионы слов.
"GOVERNMENT BONDS; Business Graph, 1999; Religious Prejudice: An Essay; The Science of Logistics; Problems of the Pan-American Unity; Stock Report for July 3, 1998; The War Digest..."	"Государственные облигации; Коммерческая статистика 1999 года; Религиозные предрассудки, эссе; Наука о военном снабжении; Проблемы панамериканского единства; Биржевой вестник за 3 июля 1998 года; Военный сборник..."
Dad had insisted on bringing these papers for this purpose.	Отец нарочно захватил все эти книги именно для этой цели.
He sat there and fed them into the fire, one by one, with satisfaction, and told his children what it all meant.	И вот, присев у костра, он с наслаждением бросал их в огонь, одну за другой, и объяснял своим детям в чем дело.
"It's time I told you a few things.	Пора вам кое-что растолковать.
I don't suppose it was fair, keeping so much	Наверно, я был не прав, когда ограждал вас

from you.	от всего.
I don't know if you'll understand, but I have to talk, even if only part of it gets over to you."	Не знаю, много ли вы поймете, но я все равно должен высказаться, даже если до вас дойдет только малая часть.
He dropped a leaf in the fire.	Он уронил в огонь лист бумаги.
"I'm burning a way of life, just like that way of life is being burned clean of Earth right now.	- Я сжигаю образ жизни - тот самый образ жизни, который сейчас выжигают с лица Земли.

Forgive me if I talk like a politician.	Простите меня, если я говорю как политик, но ведь я бывший губернатор штата.
I am, after all, a former state governor, and I was honest and they hated me for it.	Я был честным человеком, и меня за это ненавидели.
Life on Earth never settled down to doing anything very good.	Жизнь на Земле никак не могла устояться, чтобы хоть что-то сделать как следует, основательно.
Science ran too far ahead of us too quickly, and the people got lost in a mechanical wilderness, like children making over pretty things, gadgets, helicopters, rockets; emphasizing the wrong items, emphasizing machines instead of how to run the machines.	Наука слишком стремительно и слишком далеко вырвалась вперед, и люди заблудились в машинных дебрях, они, словно дети, чрезмерно увлеклись занятными вещицами, хитроумными механизмами, вертолетами, ракетами. Не тем занимались; без конца придумывали все новые и новые машины - вместо того, чтобы учиться управлять ими.
Wars got bigger and bigger and finally killed Earth.	Войны становились все более разрушительными и в конце концов погубили Землю.
That's what the silent radio means.	Вот что означает молчание радио.
That's what we ran away from."	Вот от чего мы бежали.
"We were lucky.	Нам посчастливилось.
There aren't any more rockets left.	Больше ракет не осталось.
It's time you knew this isn't a fishing trip at all.	Пора вам узнать, что мы прилетели вовсе не рыбу ловить.
I put off telling you. Earth is gone.	Я все откладывал, не говорил... Земля погибла.
Interplanetary travel won't be back for centuries, maybe never.	Пройдет века, прежде чем возобновятся межпланетные сообщения, - если они вообще возобновятся.
But that way of life proved itself wrong and strangled itself with its own hands.	Тот образ жизни доказал свою непригодность и сам себя задушил.
You're young.	Вы только начинаете жить.
I'll tell you this again every day until it sinks in."	Я буду вам повторять все это каждый день, пока вы не усвоите...
He paused to feed more papers to the fire.	Он остановился, чтобы подбросить в костер еще бумаги.
"Now we're alone.	- Теперь мы одни.
We and a handful of others who'll land in a few days.	Мы и еще горстка людей, которые прилетят сюда через день-два.
Enough to start over.	Достаточно, чтобы начать сначала.
Enough to turn away from all that back on Earth	Достаточно, чтобы поставить крест на всем,

and strike out on a new line - "	что было на Земле, и идти по новому пути...
The fire leaped up to emphasize his talking.	Пламя вспыхнуло ярче, как бы подчеркивая его слова.
And then all the papers were gone except one.	Уже все бумаги сгорели, кроме одной.
All the laws and beliefs of Earth were burnt into small hot ashes which soon would be carried off in a wind.	Все законы и верования Земли превратились в крупицы горячего пепла, который скоро развеет ветром.
Timothy looked at the last thing that Dad tossed in the fire.	Тимоти посмотрел на последний лист, что папа бросил в костер.
It was a map of the World, and it wrinkled and distorted itself hotly and went - flimpf - and was gone like a warm, black butterfly.	Карта мира... Она корчилась, корежилась от жара, порх - и улетела горячей черной ночной бабочкой.
Timothy turned away.	Тимоти отвернулся.
"Now I'm going to show you the Martians," said Dad.	- А теперь я покажу вам марсиан, - сказал отец.
"Come on, all of you.	- Пойдем, вставайте.
Here, Alice."	Ты тоже, Алиса.
He took her hand.	Он взял ее за руку.
Michael was crying loudly, and Dad picked him up and carried him, and they walked down through the ruins toward the canal.	Майкл расплакался, папа поднял его и понес. Мимо развалин они пошли вниз к каналу.
The canal.	Канал.
Where tomorrow or the next day their future wives would come up in a boat, small laughing girls now, with their father and mother.	Сюда завтра или послезавтра приедут на лодке их будущие жены, пока - смешливые девчонки, со своими папой и мамой.
The night came down around them, and there were stars.	Ночь окружила их, высипали звезды.
But Timothy couldn't find Earth.	Но Земли Тимоти не мог найти.
It had already set.	Уже зашла.
That was something to think about.	Как тут не призадуматься...
A night bird called among the ruins as they walked.	Среди развалин кричала ночная птица.
Dad said,	Снова заговорил отец:
"Your mother and I will try to teach you.	- Мать и я попытаемся быть вашими учителями.
Perhaps we'll fail. I hope not. We've had a good lot to see and learn from.	Надеюсь, что мы сумеем... Нам довелось немало пережить и узнать.
We planned this trip years ago, before you were born.	Это путешествие мы задумали много лет назад, когда вас еще не было.
Even if there hadn't been a war we would have come to Mars, I think, to live and form our own standard of living.	Не будь войны, мы, наверно, все равно улетели бы на Марс, чтобы жить здесь, по-своему, создать свой образ жизни.
It would have been another century before Mars would have been really poisoned by the Earth civilization.	Земной цивилизации понадобилось бы лет сто, чтобы еще и Марс отравить.
Now, of course - "	Теперь-то, конечно...
They reached the canal.	Они дошли до канала.
It was long and straight and cool and wet and reflective in the night.	Он был длинный, прямой, холодный, в его влажном зеркале отражалась ночь.

"I've always wanted to see a Martian," said Michael.	- Мне всегда так хотелось увидеть марсианина, -сказал Майкл.
"Where are they, Dad? You promised."	- Где же они, папа? Ты ведь обещал.
"There they are," said Dad, and he shifted Michael on his shoulder and pointed straight down.	- Вот они, смотри, - ответил отец. Он посадил Майкла на плечо и указал прямо вниз.
The Martians were there.	Марсиане!..
Timothy began to shiver.	Тимоти охватила дрожь.
The Martians were there - in the canal - reflected in the water.	Марсиане. В канале.
Timothy and Michael and Robert and Mom and Dad.	Отраженные его гладью Тимоти, Майкл, Роберт, и мама, и папа.
The Martians stared back up at them for a long, long silent time from the rippling water... END	Долго, долго из журчащей воды на них безмолвно смотрели марсиане...

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)